

ОЖОГ РОДНОГО ОЧАГА

**Новый взгляд
на старые
истины**

Свое и чужое

Собеседник

**Издательство
ПРОГРЕСС**

**ОЖОГ
РОДНОГО
ОЧАГА**

**Новый взгляд
на старые
истины**

**Свое и чужое
Собеседник**

НОВЫЙ ВЗГЛЯД на старые ИСТИНЫ

Свое и чужое

Собеседник

**Л. Аннинский
Н. Бердяев
К. Гамсахурдиа
М. Гефтер
Г. Гусейнов
Д. Драгунский
М. Жеребятьев
А. Илларионов
Ф. Климчук
И. Крупник
И. Левин
Н. Лесков
Г. Павловский
Е. Рашковский
В. Сергеев
священник Марк Смирнов
Вл. Соловьев
В. Топоров
В. Цымбурский
В. Чаликова
Н. Шабуров
М. Шелягович
Ю. Шрейдер
Ш. Шукуров
Дм. Шушарин
Н. Юхнёва**

ОЖОГ РОДНОГО ОЧАГА

**Составление,
общая редакция и вступительная статья
Г. Гусейнова и Д. Драгунского**

**Издательство
ПРОГРЕСС**

ББК 66.5
0—45

Редакторы: Х. Кобо, Д. М. Шангайт

Ожог родного очага /Сост., общ. ред. и вступ. ст.
0—45 Г. Гусейнова и Д. Драгунского. — М.: Прогресс, 1990. — 328 с.
ISBN 5-01-002294-X

Сборник включает статьи современных этнографов, историков, философов и публицистов, а также ранее не публиковавшиеся или забытые тексты мыслителей и писателей прошлого, таких как Вл. Соловьев, Н. Бердяев, Н. Лесков, посвященные национальному вопросу, который стал камнем преткновения на пути политических и экономических реформ в нашей стране.

При всем разнообразии высказываемых точек зрения авторов объединяет общегуманитарный подход, выражающийся в признании приоритета прав личности над правами государства и нации.

Книга адресована читателям, которым небезразлична судьба нашей страны как многонационального государства.

0 0803010300—457 КБ—09—45—89
006 (01) —90

ББК 66.5

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящий сборник, посвященный национальным проблемам в СССР, публикуется в рамках широкой программы демократизации общественной мысли, освобождения ее от оков устаревших политических стереотипов. Новое политическое мышление подразумевает решение назревших социальных проблем на основе наиболее полной информированности общества об этих проблемах. Столь же важным представляется учет различных точек зрения, взглядов и оценок, существующих в обществе по поводу той или иной — в данном случае национальной — проблемы.

Сборник во многом носит полемический характер. Авторы статей вступают в полемику и друг с другом, и с укоренившимися в нашем общественном сознании привычными представлениями о состоянии национальных проблем и способах их разрешения. Разумеется, ни отдельные статьи, ни сборник в целом не могут претендовать на всестороннее и полное освещение предмета. Задача данного сборника в принципе иная — ознакомить заинтересованного читателя с проблемами, которые до недавнего времени принадлежали к так называемым “закрытым” темам или освещались весьма односторонне, дать разнообразную информацию к размышлению, а также продемонстрировать широкий спектр разнообразных мнений о специфике этнических контактов и конфликтов в СССР.

Издательство “Прогресс” полагает, что печатное обсуждение различных точек зрения на национальные проблемы необходимо потому, что эти воззрения, в том числе и наиболее нестандартные и противоречивые, родились в недрах нашей общественной мысли и представляют собой интеллектуальное достояние общества — как минимум в качестве предмета для заинтересованного критического анализа.

Эта книга — приглашение к дискуссии, и можно надеяться, что она не оставит равнодушными тех, кому не безразлична судьба нашей перестройки, которая включает в себя перестройку национальных отношений.

Вместе с тем издательство считает своим долгом отметить одну специфическую особенность этой книги, вызванную тем, что она была готова к печати в марте 1989 г., но вышла с весьма существенным запозданием.

Нам легче всего было бы сослаться на технические причины. Но мы хотим открыто и откровенно признать, что вовсе не в них суть дела.

Задержка эта во многом вызвана тем, что, движимые повышенным чувством ответственности, искренним стремлением, если выразаться на принятом среди врачей языке, “не навредить”, касаясь столь деликатной и взрывоопасной темы, мы подсознательно затягивали сдачу книги в печать. Наверное, мы были не правы, подвергая себя такой добровольной самоцензуре, но надеемся, что читатели в данном конкретном случае поймут нас правильно. Именно по этой причине отдельные факты в книге, связанные со “злостью дня” на момент ее создания – злобы, часто, к несчастью, в буквальном смысле слова вызывающей кровь и страдания, – с сегодняшней точки зрения могут восприниматься как несколько устаревшие. И все же мы намеренно не стали дополнять и дорабатывать книгу с этой точки зрения, исходя из того, что главное в ней, на наш взгляд, это гуманитарный аспект рассмотрения этой сложнейшей проблемы, заложенный в ней положительный гуманистический заряд, подход с точки зрения приоритетов отдельной личности. К тому же, как нам представляется, многие наблюдения авторов приобрели значение исполнившихся прогнозов – с этой точки зрения книга, возможно, также представляет особый интерес.

В любом случае, если некоторый налет “устарелости” конкретных событийных фактов – которые, повторяем, не являются главным элементом в этой книге – и вызовет нарекания у наших читателей, претензии их должны быть обращены не к авторам и составителям, которым издательство “Прогресс” глубоко и искренне благодарно за их труд, понимание и терпение, а к издательским редакторам, полностью берущим на себя ответственность за это. И все же хочется верить, что помещенные в сборнике работы – по нашему убеждению, порою блистательные – наших известных историков, философов, культурологов, этнографов, народоведов и религиоведов, перекликающиеся с помещенными тут же трудами Вл. Соловьева, Н. Бердяева, Н. Лескова, представляют безусловный теоретический и практический интерес, тем более что всем им присуще одно и то же благородное стремление – объединять, а не разъединять людей, равно используя для этого как высокоинтеллектуальную аргументацию, так и идущую из глубины сердца проповедь Добра и Равенства.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРЫЕ ИСТИНЫ

Национальный вопрос в СССР десятилетиями считался решенным, межнациональные конфликты объявлялись незначительными пережиточными явлениями, а советский народ — уже готовой новой исторической общностью. И хотя большинство экспертов знало цену пропагандистским штампам (обточенным не без их участия), все же разразившийся в 1986 — 1988 гг. кризис межнациональных отношений застал врасплох всех.

Первый, казавшийся спасительным, уровень объяснения событий: конфликтность межнациональных отношений то обостряется, то затухает во многих точках земли — от Северной Ирландии до Шри Ланки. Искусство политиков в демократическом обществе позволяет локализовать и минимизировать конфликты. Советский Союз, становясь все более открытой страной, повернулся лицом к общемировым процессам.

Но конфликтность продолжала нарастать. Страна, вздохом облегчения встретившая решение о выводе советских войск из Афганистана, не может оставаться открытой перед лицом автоматчиков в касках и танков на улицах столиц "братских" республик. За этим — видимым планом — глубокий информационный вакуум. О происходящем и происходившем в собственной стране общество осведомлено хуже, чем о событиях на Ближнем Востоке.

Информационный вакуум и пропагандистский гипноз запрограммировали неподготовленность как всего общества, так и его элиты к серьезному, стратегически ответственному обсуждению "национального вопроса" как самой острой социальной проблемы нашего ближайшего будущего. Эта исходная констатация позволяет понять, почему довольно многочисленный корпус специалистов не может выйти из оцепенения; слишком быстро произошла смена причин — от страха перед репрессивно-пропагандистской машиной к страху перед неконтролируемым насилием толпы.

Вот почему перед создателями этой книги — издателями, составителями, авторами — встала задача: заново взглянуть на старые истины, памятуя о том, что в общественном сознании они существуют в разных ипостасях: управленцы понимают их по-своему, ученые — по-своему, массовое сознание безотчетно руководствуется своими вариантами старых истин.

Любые позитивные, т. е. лишенные конфликтного содержания, тезисы по национальному вопросу можно свести к трем общезначимым максимумам:

1. Национальное самосознание есть одна из важнейших составляю-

щих самосознания личности.

2. Высшая ступень национального развития есть образование суверенного национального государства (или союзного образования в рамках федерации), которое только и сможет обеспечить сохранение и развитие культуры и языка граждан (соответствующей национальности) и обеспечить им достойное место в мировой семье народов или в рамках федерации.

3. Наиболее достойным модусом существования в указанной мировой семье народов или внутри федерации является дружба и взаимное уважение между народами.

На первый взгляд эти три старые истины очень привлекательны, тем более что они начертаны на знаменах национальной политики практически всех стран (за исключением проводящих политику геноцида и апартеида). Однако многие наши беды, связанные с национальным вопросом, восходят как раз к прямолинейному толкованию этих истин-догм, а то и к использованию их в качестве прямого руководства к действию в национально-государственном строительстве.

Как получается, что с какого-то момента общественное движение, вовлекающее целые народы, начинает двигаться в направлении, противоположном тому, какое было задано безусловно позитивной, для всех приемлемой программой?

Задавая этот вопрос самим себе, мы должны сосредоточиться на нескольких главных опорных точках.

Это, во-первых, фундаментальные социально-психологические аксиомы национального самосознания, или этничности, составляющие, по большей части бессознательно, основу, на которой произрастают или держатся указанные выше позитивные максимы. Эти аксиомы касаются самоотжествления личности, поисков выхода из социальной фрустрации, наличия в обществе различных противостоящих друг другу уровней национального самосознания (см. ниже "Личность и тождество", "Опыт поражения", "Определение", "Этничность интегральная и дифференциальная", "Доманифестная и манифестная этническая напряженность", "Четыре уровня национального самосознания").

Вторая опорная точка — это наша, советская специфика. В чем она? Почему "одна шестая часть земли" вдруг обернулась для многих и "теснотой", и "обидой"?

Мы так привыкли к сугубо позитивному значению самого слова — "советский", так привыкли к тому, что всякая — даже сверхдоброжелательная — критика не может не быть "антисоветской", что в обществе, еще не успевшем осознать и воссоздать себя как гражданское — через систему демократических институтов, обусловленности обязанностей государства правами человека, независимости печати и т. д., — все еще очень силен недуг отказа от самопознания. В свое время, когда этот недуг считался высшей формой социального здоровья, он помогал репрессивной машине (без всенародной поддержки — бессильной!) уничтожать науку, проникающую в тайну человека и общества (генетика, кибернетика и общественные науки), и развивать исследования, направленные на уничтожение человека (ядерная физика). Мы будем говорить "без гнева и пристрастия" о советской специфике, которую мы все хорошо знаем, но — в силу застарелого словесного фетишизма — все же не вполне понимаем (см. ниже "Советская специфика", "Мнимая

государственность”, “Словесный фетишизм”).

Третья опорная точка – это необходимость осмыслить недавние кровавые события, среди которых особенно выделяется сумгаитская резня, эпизод, ставший ключевым для окончательного осознания личной ответственности каждого из нас за то, что происходит в нашей стране.

1. Личность и тождество

Очень немногие и при этом очень рафинированные интеллектуалы могут похвастаться полной личностной независимостью, автономией персонально переживаемых ценностей и уникальностью собственного духовного опыта. Но на самом деле эти личности тоже не лишены отождествления себя с другими. Иное дело, этот их круг себе подобных (“референтная группа”) чрезвычайно узок. В остальных случаях референтная группа, т. е. люди, с которыми себя отождествляет личность, а оценки которым принимает на себя, стремится соответствовать их ожиданиям и даже подражает им, значительно более широка, чем круг общения рафинированных интеллектуалов. Можно полагать, что референтных групп у одной личности бывает несколько – от весьма обширных и аморфных до компактных и строго организованных. Но главное, как нам представляется, – это то, что личность связана с референтной группой интимно и тесно.

Референтная группа – это не только примерочная, где человек постоянно проверяет, вертясь перед социальными зеркалами, свое соответствие требованиям окружения. Референтная группа – это еще и в полном смысле “группа поддержки” – от сохранения хорошего социального самочувствия до прямой физической защиты. Сама по себе, чтобы считаться таковой, референтная группа должна обладать некоторыми конституирующими ее особенностями, среди которых – общие социальные ценности в их конкретности, а также определенный статус, позволяющий группе выступать как целое, защищая своих членов. Это, на первый взгляд академическое, рассуждение пригодится нам в дальнейшем.

Грандиозные, не имеющие аналогов в истории мероприятия по установлению социальной однородности (увы, таким холодным термином мы, вслед за С. Кордонским, назвали здесь жернова сталинских репрессий) практически уничтожили все общности и объединения, которые могли играть (и играли) роль референтных групп – от крестьянского двора до союза поэтов, от кооператива маслобойщиков до университетской профессуры. Роль референтной группы для каждой личности взяло на себя государство в целом.

Правда, оставалась еще семья, но она в послесталинский период стагнации потерпела сокрушительную катастрофу (вряд ли есть нужда указывать здесь процент разводов или число сирот при живых родителях) и в массе своей не может выполнять ценностноориентирующую и защитную функции со времен Павлика Морозова и “сына, не отвечающего за отца”.

Разница масштабов слишком велика для отдельной личности: с одной стороны – государство, пусть справедливое и заботливое в какой-то конкретной человеческой ситуации, а с другой стороны – семья, пусть тоже весьма благополучная. С одной стороны, зона само-

отождествления необъятно широка, с другой — стеснительно узка. Дома тесно, а на миру — пусто: в промежутке между домом и миром прислониться не к чему. Что уж говорить о людях, к которым и государство повернулось спиной, и в семье разлад? Что же касается труда, основного поприща и меры самореализации личности, то в последнее время добросовестный активный труд, как точно заметил Н. Шмелев, в глазах большинства стал если не позором, то чем-то близким к юродству (см. "Знамя", 1989, № 1).

Личности не с кем отождествиться, превратить свое одинокое "я" во внушительное "мы". "Мы", которые научим, поддержим, поможем...

Растет неудовлетворенность, обида, безнадежность. Это состояние — социальная фрустрация. Национальность воспринимается здесь как аварийная группа поддержки.

Социальная фрустрация связана, однако, не только с потерей референтных групп.

2. Опыт поражения

В конце 60-х годов американский психофизиолог М. Селигмен провел следующий эксперимент. Заключение в клетку собака получала удары электрическим током. Вначале собака пыталась вырваться из клетки; позже, осознав, если можно так говорить о собаке, тщету своих попыток освободиться, она безропотно переносила удары током. Наконец, клетку открывали... Собака, продолжая получать болезненные удары, уже не пыталась бежать, хотя освобождение было, что называется, за порогом. В животном выработался "рефлекс беспомощности". В более широком смысле есть основания говорить об опыте поражения, оставляющем обезображивающие рубцы на социальном облике личности. Прежде всего, это социальная апатия.

"Ничего не надо делать, просить, добиваться, искать, потому что все равно не доплатят, не дадут, не положено, вообще нету" — вот краткое кредо личности, страдающей социальной апатией. Соберем все свое общественное мужество и признаемся, что наш народ приобрел опыт поражения в превосходящих всякое реальное разумение масштабах.

Опыт поражения накапливается в быту и на более высоком уровне социальной рефлексии, ибо примерно раз в 10 — 15 лет всему народу объявлялось, что в целом мы шли верным путем, но не той тропинкой и чуть не заплутали, потому что наш тогдашний провожатый был не на высоте положения, лозунги его были бессмысленными, статистика — лживой, а политика — недальновидной. И даже в людях, наименее склонных к политическим философствованиям, подобное положение дел уже на бессознательном уровне, да еще вкупе с бесконечными "нельзя" в быту, вызывало стойкую социальную апатию. Добавим к этому всевластие ведомств, глобальные природопогубительные проекты, сжирающие изрядную долю государственного бюджета, критическое состояние здравоохранения, народного просвещения...

Трудно, горько, но нужно сказать и о том, что наш народ не сумел полностью вкушать плодов самой великой победы — победы в Великой Отечественной войне. Аресты, спецпроверки и каторга для вернувшихся из плена; "наказанные народы", чьи сыновья сражались на фронтах;

и в довершение новая волна сталинских репрессий. “А побежденные – конфеты едят”, – как сказал Виктор Астафьев. Сознание этого тоже как-то не прибавляет социальной бодрости, тоже, как ни парадоксально, есть момент субъективно воспринимаемого поражения на фоне Великой Победы.

Возможно, бессознательным преодолением этого парадокса является социальный мазохизм, проявляющийся, правда, главным образом на словесном уровне и чаще всего – у представителей старшего поколения. Основной максимой социального мазохизма является следующее утверждение: “Разбаловались мы что-то совсем, забыли, как хлеб был по карточкам!” Но эти слова лишь маскируют агрессивные поиски выхода из социальной фрустрации.

Одним из таких выходов и является этничность как состояние сознания.

3. Определение

Этничность функционально есть установка на поиск такой референтной группы, отождествление с которой не составило бы труда и помогло бы избавиться от опыта поражения.

Таким образом, этничность есть поиск выхода из социальной фрустрации в обоих вышеуказанных аспектах – в аспекте “социальной неприкаемости”, вызванной отсутствием морально и юридически полноценных общностей, и в аспекте “социальной беспомощности”, вызванной неблагоприятием экономики, отсутствием ряда прав и свобод, а также естественно вытекающей из этого интерперсональной агрессивностью.

Дать содержательное определение этничности как состоянию духа труднее. На первый взгляд, она заключается в безусловном преобладании национального аспекта при выборе референтной группы, в поисках путей избегания социального поражения. Но это только на первый взгляд.

В понятие “национальный” люди вкладывают столь разный смысл, от чисто антропометрического до чисто ценностного, что поневоле можно подумать – а не является ли само это понятие скорее отношением, логическим оператором, чем конкретной реальностью?

Но тем не менее этносы с их языками и культурами суть объективная реальность, и это заставляет нас удержаться от чисто структуралистских трактовок. Впрочем, в отдельных случаях в судьбе этноса может превалировать функциональный аспект, что приводит к весьма драматическим последствиям.

4. Этничность интегральная и дифференциальная

Представим себе крупное моноэтническое государство, в котором успешно развивается наука, литература, искусство (что, собственно, представить довольно трудно, ибо развитие национальной культуры стимулируется инокультурными воздействиями). Представим себе, что жители этой страны гордятся своим языком, культурой, храмами старины, воздвигают монументы гениям науки и искусства и в положенные

дни возлагают венки к их подножию, произнося при этом речи о том, каких высот достиг их народ и какое счастье быть сыном этого народа. После чего расходятся по своим домам, полям и заводам, приумножать материальную и духовную культуру своей замечательной нации.

Подобный вид этничности можно назвать интегральным, поскольку национальное самосознание и национальная гордость не противопоставляются здесь культурным, политическим и иным достижениям всякого другого этноса. Разумеется, такая стопроцентно интегральная этничность возможна лишь в условном мире, подобном изображенному только что.

Реальный мир полиэтничен, и поэтому этничность в своей функции выхода из социальной фрустрации носит более или менее выраженный дифференциальный характер. Таким образом, если чисто интегральная этничность во всех бедах и несчастьях своего народа ищет утешения и вдохновения в славных деяниях своего прошлого, в ценностях собственной культуры, то выражено дифференциальная этничность в ситуациях социальной фрустрации ищет виноватого, каковым оказывается чаще всего этнос, проживающий на данной или соседней территории (или легко выделяемая "виноватая" часть собственного этноса, объявляемая "переродившейся").

Дифференциальная этничность в чистом виде вырождается в идеологию расизма или национализма, в практику апартеида или геноцида. Выше мы указывали, что абсолютно интегральной, т. е. существующей в вакууме, этничности в реальности не существует, диалог этносов идет без остановок, и идеальным тоном такого диалога является интегрально ориентированная этничность, или идеология готовности к благожелательному контакту.

5. Доманифестная и манифестная этническая напряженность

В настоящее время идеальный Космополис, в котором представитель одного этноса способен переживать чувство национальной гордости за успехи этноса-соседа, Космополис, в котором народы вместе решают нависшие над планетой экологические проблемы, Космополис, в котором, перефразируя Маркса и Энгельса, свободное развитие каждого народа станет залогом свободного развития всех народов, — пока такой Космополис существует лишь в мечтах (в том числе и в мечтах авторов книги).

Меж тем на земле почти повсюду существует этническая напряженность. Что касается манифестной, т. е. открытой, проявившейся этнической напряженности, то она, будучи почти всегда связана с насилием, видна невооруженным глазом и вызывает соответствующие действия властей пререждающих, а также известного рода выступления представителей творческой интеллигенции, трудовых коллективов, духовенства, мировой общественности, журналистов и публицистов радио и телевидения.

Но существует не менее опасная — доманифестная, скрытая, тлеющая межэтническая напряженность. Без нее — в большей или меньшей степени выраженности — не обходится ни одно полиэтничное сообщество. Уменьшение доли коренных жителей какого-либо региона за счет

мощного миграционного потока; вторжение "большой индустрии" в районы традиционного ведения хозяйства; несправедливые, с точки зрения различных этносов, административные границы; факт проживания части этноса за границей СССР (как это имеет место в Азербайджане или на Западной Украине); ошибки регионального планирования; просчеты в культурной и языковой политике; бытовой и неофициальный национализм; пропорции представленности различных этносов в науке, культуре, административных органах; засекречивание информации, касающейся недавней истории; наконец, наследие сталинизма в виде различного государственно-правового статуса различных народов — все это отнюдь не полный перечень обстоятельств, вызывающих скрытую межэтническую напряженность. В конце концов сама жизнь в инонациональном окружении (а в СССР в таком окружении живут не менее 55 млн. человек) — это жизнь в состоянии скрытой межэтнической напряженности.

Деструктивное воздействие скрытой межэтнической напряженности огромно. Она исподволь разобщает людей, надевает на сограждан оскорбительные маски Угнетателя, Угнетенного, Обделенного, Нахлебника, Мигранта, Лимитчика и т. п. — соответственно этносам-ролям, распределенным в пьесе с тлеющим межэтническим конфликтом: "У армянского радио спрашивают... Приехал чукча в Москву... А в России всегда..."

Эта же скрытая напряженность раскалывает изнутри сами этносы, делит их на Прислужников и Непокорных, на Предателей Народа и его Верных Сыновей...

Мы не напрасно назвали этот род межэтнической напряженности не совсем удобопроизносимым словом "доманифестная" — она не просто скрытая, она может вспыхнуть и вспыхивает в самый неожиданный момент. Борьба с ней трудней, чем с явной вспышкой насилия — здесь недостаточно комендантского часа и почтенных старцев на экране телевизора. Кроме того, есть основания полагать, что крутые меры не ликвидируют межэтнический конфликт, а снова загоняют его на доманифестный уровень, грозящий разгореться новым пожаром.

6. Советская специфика

В историческом смысле она состоит во взаимодействии имперского прошлого России с советской политической практикой 20 — 80-х годов. Империя погибла, но не распалась на части (если не считать появления небольших независимых национальных государств в Прибалтике — Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии): была предпринята попытка построить новое государство на принципах федерации равноправных народов. Русская государственность должна была уступить государственности классового или наднационального типа. От этой первой попытки по сей день остаются некоторые узлы, плохо встроенные в систему. Но если стратегия Ленина состояла, по-видимому, в том, чтобы на развалинах империи построить федерацию народов, чье национальное развитие должно было вырваться из оков государственности, то стратегия Сталина и его окружения, работающего в режиме неуклонного снижения интеллектуального потенциала, состояла в том, чтобы в истори-

чески короткий срок создать государство, в котором русскому народу предстояло сыграть печальную роль великого ассимилятора инородцев, — монструозное имперское образование с идеологией национального государства-карлика.

Расплатой за сохранение этой новой политической целостности в прежних исторических границах стали гражданская война и невиданный террор, охвативший всю вторую четверть XX в. С точки зрения развития межнациональных отношений в СССР, и Великая Отечественная война, и раскулачивание, и депортация т. н. малых народов, и изощренное уничтожение национальной интеллигенции всех народов способствовали общему замораживанию этничности как одной из важнейших составляющих массового сознания и переводу этнической напряженности на доманифестный уровень.

Вот почему не следует удивляться живучести старых, еще имперских мотивов, владеющих массовым сознанием: среди русского населения страны растет недовольство “неблагодарными инородцами”, “зажравшимися” на своих плодородных южных землях (если речь идет о южанах) или не желающими делиться своими более высокими экономическими и национально-культурными достижениями (если речь идет о прибалтийских народах). Среди самих “инородцев” растет недовольство “старшим братом” — русскими, навязывающими им свои стратегические цели (хлопок, уничтожающий сады, — узбекам, целину вместо скотоводства — казахам, химические производства — армянам, атомные станции — украинцам) и пользующимися статусом народа первого ранга, олицетворяя весь Союз, который не случайно назван союзом республик, а не союзом народов.

Коренным для массового сознания остается вопрос о тождестве Советской власти и власти русских, тождестве, которое одним представляется незаслуженно утраченным, другим — законным, традиционно оправданным (например, “оптимальным опытом решения военно-стратегических задач”), третьим кажется неприемлемым, нуждающимся в пересмотре.

В целом же проблемы этнических контактов и конфликтов в СССР стоят так остро потому, что национально-политическая структура страны предельно усложнена и сама собою может вызвать этническую напряженность при всех прочих благоприятных обстоятельствах.

Дезориентирующим для массового сознания и вредным для политической практики оказался также отказ (иногда — только декларативный) от всего опыта Российской Империи в области “национального строительства”: абсолютизация тезиса о “тюрьме народов” парализовала волю к беспристрастному исследованию таких сторон национальных отношений в Российской Империи, которые обеспечивали складывание в ряде регионов этнокультурных общностей более высокого ранга, чем мононациональное государство. Вместо вдумчивого отбора положительного опыта в ход пошла действия по принципу “разделяй и властвуй”: элементы конфликтности оказались вмонтированы в территориально-административные структуры.

В ходе этого структурирования произошло не только сокращение числа народов. Оставшиеся “в списке” свыше 100 народов разделены на четыре ранга, или категории, представляющие собой определенный уровень внутрифедеративной государственности. Эти категории суть

следующие:

15 союзных республик, обладающих всей полнотой закрепленного в общесоюзной и республиканских конституциях суверенитета, гербом, флагом, гимном, имеющих обширную культурную программу (университеты, академии наук, национальные театры, республиканские творческие союзы, энциклопедии, киностудии...). Союзная республика имеет Верховный Совет, Совет Министров, национальную коммунистическую партию, входящую в КПСС.

20 автономных республик (из них 16 входят в состав Российской Федерации). Автономные республики обладают Верховным Советом и Советом Министров, но партийную работу на их территории ведут областные комитеты соответствующей компартии. Они не имеют герба, флага и гимна, и культурная программа их скромнее (например, отсутствует академия наук и киностудия).

8 автономных областей; законодательную, властно-распорядительную и политическую работу здесь ведут областной Совет народных депутатов и областной комитет партии.

10 автономных округов, управляемых окружными Советами народных депутатов под руководством окружных комитетов партии. Культурные программы в автономных областях и округах значительно скромнее, чем в автономных республиках: они ограничиваются изданием книг и газет на национальном языке, национальным театром (в автономных областях) и фольклорным ансамблем (в автономных округах).

Таким образом, 53 этноса распределены по четырем различным уровням государственности (мы даже не касаемся здесь крайне важной истории создания этих автономий). Но, зная, что всего нашу страну населяют более 100 народов, мы видим, что не менее половины этносов лишены внутрифедеративной государственности, которая, в частности, выражается в праве делегировать своих представителей в Совет Национальностей согласно установленному пропорциональному представительству. Уже здесь можно усмотреть явное юридическое неравенство народов.

Национальное самосознание чрезвычайно ранимо, и мы не раз были свидетелями межэтнических конфликтов даже там, где формальное юридическое равенство народов было соблюдено с должной скрупулезностью. Поэтому разделение народов на различные категории, а тем более наличие народов, не обладающих даже минимумом внутрифедеративной государственности, постоянно будет источником скрытой этнической напряженности.

Одной из точек этнической напряженности, возникающей именно в плоскости национально-государственных образований, является "русский вопрос". Некоторые считают, что русский народ является своего рода "суперэтносом", стоящий над и вне категорий внутрифедеративной государственности. Объясняется это утверждение прежде всего "союзно-республиканским", т. е. "русско-патерналистским" характером многих учреждений и важнейших политических институтов: нет компартии России, а есть КПСС, нет Российской АН, а есть АН СССР и т. п. Двухязычие существует на базе обязательного партнерства с русским языком. Одним словом, русский народ, согласно этой точке зрения, находится в исключительном, привилегированном положении, как и надлежит Стар-

шему Брату.

Противники такого взгляда считают, что дело обстоит как раз наоборот и русский народ, хоть он и превосходит все остальные по численности, культурному вкладу и исторической роли в создании СССР, на деле влачит жалкое существование и ему уготована незавидная роль цементирующей массы, теряющей свое культурное, языковое, этническое своеобразие в процессе склеивания в единое целое полиэтнического сообщества нашей страны. В качестве аргументов выдвигаются те же самые тезисы: нет своей компартии, нет своей столицы, нет своей академии наук, и даже Русскую энциклопедию только что запланировали к изданию.

Игра в аргументы-перевертыши несерьезна, но именно в эту игру всерьез играет массовое сознание. А между тем "русский вопрос" существует, и озабоченность судьбой русского этноса абсолютно справедлива.

Источником скрытой этнической напряженности может служить загадочность, иррациональность традиционной ранжировки союзных республик.

Если же сопоставить численность народов СССР с их внутрифедеративно-государственным статусом, то нашему взору предстанет весьма запутанная картина. Рассмотрим первенствующие по численности народы СССР (не менее 1 млн. человек). В данном случае численность населения не важна, важен ранг, обозначаемый порядковым номером слева. Справа обозначим внутрифедеративно-государственный статус.

1. Русские. ССР
2. Украинцы. ССР
3. Узбеки. ССР
4. Белорусы. ССР
5. Казахи. ССР
6. Татары. АССР
7. Азербайджанцы. ССР
8. Армяне. ССР
9. Грузины. ССР
10. Молдаване. ССР
11. Таджики. ССР
12. Литовцы. ССР
13. Туркмены. ССР
14. Немцы. — Отсутствует статус
15. Киргизы. ССР
16. Евреи. АО
17. Чуваши. АССР
18. Народы Дагестана. АССР
19. Латыши. ССР
20. Башкиры. АССР
21. Мордва. АССР
22. Поляки. — Отсутствует статус
23. Эстонцы. ССР

Несоответствие рангов населения союзных республик, представленных в таблице, рангам численности народов ясно из того, что и респуб-

лики населены не только представителями коренной национальности и народы живут не только в пределах своих республик.

В ранжир пятнадцати союзных республик "вклиниваются" народы, имеющие низший статус, а также не имеющие статуса вовсе. Подобная же картина возникает и при рассмотрении народов СССР численностью менее 1 млн. человек, например:

28. Корейцы. Нет статуса

29. Болгары. Нет статуса

30. Буряты. АССР

31. Греки. Нет статуса

32. Якуты. АССР

... и так далее.

Разумеется, можно привести с десяток веских причин, оправдывающих сложившуюся ситуацию, — здесь будут и указания на высокую диспергентность внестатусных народов, на отсутствие исторических традиций внутрифедеративной государственности именно у этих народов, на территориальные трудности, даже на внешнюю политику — "не можем же мы создавать третью Корею, параллельную Польшу или, например, Советскую Социалистическую Грецию!". И разумеется, все эти аргументы будут звучать чрезвычайно убедительно — для всех, кроме представителей того народа, о котором будет идти речь.

Существующая в стране этнофедеративная путаница обусловлена, во-первых, самим фактом разделения народов на категории, приписыванием им различного государственного статуса, а также наличием народов, какого-либо государственного статуса лишенных. Сама по себе идея подобного "категорирования" народов была ошибочной, и это надо признать.

Во-вторых, этнофедеративная путаница была усугублена тем, что образованные категории и их ранг часто не соответствовали ни населению, ни площади, ни промышленному потенциалу, ни историко-культурному развитию того или иного внутрифедеративного государственного образования.

7. Четыре уровня национального самосознания

Противоречивость национально-государственного устройства СССР и надрывный характер миграций, попеременно снижающий качество жизни целых пластов населения ("оргнабор", "лимитчики", "стройбат", нищенство и бомжество, в последнее время — беженство), не мешают увидеть в движении общую картину национальной ориентации различных этнических и иных групп населения.

1. Бесспорно, снижается число людей, вообще безразличных к этничности и/или не обращающих особого внимания на собственную национальную принадлежность.

2. Скачкообразно возрастает число так или иначе этнически озабоченных — от тех, кто предпочитает теперь обедать в кооперативном кафе со "своей" национальной кухней, до тех, кто считает необходимым для развития национальной культуры возвращение языка и традиционной

письменности (таджики, тюркские народы).

3. В особую группу следует выделить людей, охваченных этническим отчаянием. В этой группе могут находиться как целые народы (армяне, юкагиры, ханты), так и определенные прослойки, профессиональные группы (например, теснее других вовлеченные в процессы разрушительного взаимодействия с природой или его осмысления). Этническое отчаяние появляется, собственно, там, где для всей совокупности социальных перемен предлагается единое описание и объяснение через "давно задуманную и успешно осуществляемую программу истребления (или высшего испытания) нации". Гипертрофированная идея "заговора" ориентирует массовое сознание на непрерывный поиск новых подтверждений, которые находятся без всяких усилий со стороны ищущих.

Этническое отчаяние не является кратковременным массовым психозом: это постоянно насыщаемое бесчисленными новыми подтверждениями состояние уверенности в том, что "народ уже не спасти", а значит, остается единственная надежда — на чудо. Ради чуда спасения те, кто испытывает этническое отчаяние, готовы пойти на любые жертвы и лишения. Наличие одного-двух примеров удач других народов на пути к своему "чуду" затмевает десятки примеров неисполнения подобных народных чаяний.

4. Последний крупный тип этнической ориентации — космополитизм, т. е. гражданская идеология, признающая приоритет личностных (общечеловеческих) ценностей перед этническими (национальными) и ценностей этнических (национальных) — перед государственными. Вбирая в себя элементы трех перечисленных выше типов, космополитизм может быть охарактеризован и как безразличие к этничности во всех сферах государственной жизни, сочетаемое с подчеркнутым уважением или вниманием к этничности в сфере гражданского общества и его культурно-хозяйственных институций, межличностного общения. Космополитизм — это и род этнической озабоченности, направленной, однако, не на один этнос, но на характер межэтнического взаимодействия и разрушительного соседства этносов с природой. Космополитизм — это и этническое отчаяние, но только — преодоленное и уповающее не на чудо, а на межэтническое сотрудничество.

Нам могут возразить — и основательно, — что называемое нами космополитизмом есть просто здравый смысл в национальном вопросе. Если это так, нам необходимо ответить на важнейший вопрос: почему тогда этот здравый смысл столь слабо представлен в общественном сознании, почему этот, по нашему счету — четвертый, тип этнической ориентации практически лишен пока шансов на превращение в ту "идеологию массового сознания", которая могла бы остановить мучительный процесс этнической дезинтеграции страны?

8. Словесный фетишизм

Мы исходим из аксиомы: пропаганда достигает цели в условиях господства словесного фетишизма, или такого поведения сознания, которое стремится к четкому качественному противостоянию "своего" и "чужого", "дурного" и "хорошего", "правильного" и "неправильного". Слово в этих условиях сигнализирует о вещах, по отношению к которым

слушатель занимает априорную устойчивую позицию — “принцип”, “неуязвимую и неразрушимую моральную опору”.

На уровне социального поведения этому свойству соответствует “принципиальность”: демонстративное неприятие слова-фетиша, маркированного как “плохое”, и прославление слова-фетиша, маркированного как “хорошее”. Таковы пары “национализм” и “интернационализм”, “патриотизм” и “империализм”.

Этот подход требует выбора такого объекта противостояния, который заведомо обречен на моральное, словесное поражение, ибо он — абсолютный враг. Слова же, обозначающие промежуточные социальные или идеологические феномены, парадоксальным образом вовсе лишаются статуса принимаемых всерьез оппонентов, становятся худшим врагом, чем сам абсолютный враг. В рамках действовавшей на протяжении жизни нескольких поколений пропагандистской программы такова была судьба “либерализма”, “консерватизма” (на линии противостояния “коммунизма” и “фашизма”), а также “космополитизма” (на линиях противостояния “национализма” и “интернационализма”, “патриотизма” и “империализма”).

В условиях господства словесного фетишизма мы рискуем заслужить обвинение в том, что спорим о словах. Конечно, мы никогда не успеем возразить, что важнейшее свойство словесного фетишизма как речевой основы идеологии и как социального недуга как раз и состоит в готовности жрецов идеологии мгновенно остановить любой разговор на том основании, что он зашел в область спора о словах, пустой риторики, “манипулирования гласностью” и т. п.

Слово-фетиш (как “хороший”, так и “плохой”) обыкновенно запретно для разбора: его противник — не другое слово, но сакральное безмолвие. Именно поэтому необходим разбор слов-фетишей, лежащих в основе пропагандистских программ последних десятилетий, пусть и возможен он лишь в рамках “предлагаемых обстоятельств” или — поначалу — в рамках все того же словесного фетишизма.

Мнимое противостояние “патриотизма” и “интернационализма” “национализму” и “империализму” десятилетиями вытравляло из массового сознания космополитическую альтернативу тому и другому. В рамках двоякой идеологической программы, основанной на пропаганде “патриотизма” и “интернационализма”, которая была призвана поддерживать ширящуюся “классовую борьбу”, или “войну всех против всех”, космополитизм оказался самым опасным врагом, ибо именно космополитическая установка (“здравый смысл” в национальном вопросе) с безошибочной точностью указывает на патриотизм как прикрытие национализма, его благопристойный парадный наряд, а на интернационализм как на прикрытие государственного империализма.

Жизнестойкой сделало эту программу напряженное противостояние государственных (империализм) и групповых (национализм) интересов, равновесие между которыми поддерживалось за счет учреждения своеобразного крепостничества (тотальной зависимости под видом дисциплины в различных сферах народного хозяйства на одном полюсе социальной иерархии и торжества абсолютной безответственности верхушки госаппарата — под видом рвения о геополитических интересах державы — на другом).

Чем выше уровень культуры, тем больше ослабляют такое напряжение многообразные словесные, смысловые альтернативы. Чем выше поляризация, тем стремительнее падает уровень культуры, политической культуры — прежде всего.

В области внутренней политики упряжка “патриотизм” — “интернационализм” обеспечила стремительное уничтожение окружающей среды едва ли не во всех регионах страны: под видом радения об общегосударственных интересах в жертву “интернациональной” стройке приносился, например, любой “национальный” ландшафт — от костромских лесов и полей до среднеазиатских садов, от Аральского моря до калмыцких степей, от архитектурного облика Москвы до тюменской тундры. Под видом заботы о “малой родине” в разных слоях общества (как осознанно, так и неосознанно) возбуждается синдром “вражеского окружения”, “инородческого” (а для “инородцев” — “русского”) заговора против местного очага жизни и традиции. Растет число непосредственных жертв обоих “пунктов” программы: в жертву “патриотизму” приносятся жизни подростков в Казани, в жертву “интернационализму” приносятся жизни своих и чужих в Афганистане.

Космополитизм как идеология, действуя в условиях господства словесного фетишизма, обеспечивает прорыв от идеологии патриотического интернационализма к здравому смыслу, который помогает отрешиться от неизбежного и в конечном счете кровавого конфликта народов между собой “в розницу” и с центральным правительством — “оптом”.

Вот почему сразу после Великой Отечественной войны, войны второй мировой, космополитизм как реальная идеология, не получившая еще, но вот-вот готовая получить широчайшее поле сторонников — людей, изувеченных мировой бойней духовно, а не только и даже не столько физически, — был подвергнут жесточайшему разгрому, будучи приписан только еврейским интеллектуалам, тогда как на деле ожиданием мира в мире, жаждой строить “миры в Мире” (М. Я. Гефтер) жили все без исключения народы — как в Европе, Азии и Америке, так и в СССР.

Если уж говорить о потенциальных космополитах, то главная угроза для сталинской этноцидной и геноцидной системы исходила от возвращающихся с войны солдат, освобожденных из плена, вдвойне свободных — русских и узбеков, армян и азербайджанцев (стоит ли продолжать ритуальный список?). Миллионы новых космополитов возвращались по домам — солдаты с Запада, а потом — с Востока, эвакуированные из-за Урала и с Юга. Процесс космополитизации, или очеловечивания системы, не мог быть, конечно, совсем похож на то объединение Западной Европы, которое должно привести к созданию “Общеввропейского дома” в 1992 г., но в потенции новая космополитическая идеология была столь сильна, что по ее зародышу необходимо было нанести сокрушительный удар. И вот десятки тысяч бывших военнопленных “остывали” в собственных лагерях, сотни тысяч мирных жителей были депортированы по национальному признаку, был даже обнаружен главный народ-предатель, и в среде интеллектуальной элиты была развязана новая гражданская война между “патриотами” и “безродными космополитами”.

Именно последнему обстоятельству сегодняшнее общественное мнение обязано неподдельным страхом перед словом-фетишем у многих

из тех, кого можно считать как раз носителями космополитической идеологии (не в силу национальной предрасположенности, а в силу того, что, как говорил герой Сервантеса, "истина иной раз истончается, но никогда не рвется и в конце концов оказывается поверх жи — как масло поверх воды").

9. Мнимая государственность

Суверенные права и государственные институты наших внутрифедеративных образований носят скорее декларативно-декоративный, чем прагматический характер. Но в нашей полиэтничной и мультистатусной реальности эти права и институты усугубляют межэтническую напряженность тем, что оскорбляют национально-политическое самосознание:

а) самих носителей этих прав, сознающих декоративный характер республиканского суверенитета, права выхода из СССР и т.п.;

б) жителей государственных образований низшего ранга, а также народов, лишенных государственного статуса, поскольку у них нет даже такой, пусть и декоративной, государственности;

в) представителей русского этноса, указывающих на отсутствие у России политических институтов и культурных программ, существующих у союзных республик; что же касается права выхода из СССР применительно к Российской Федерации, то здесь она выглядит оскорбительной бессмыслицей. Напротив, на РСФСР в силу "союзно-республиканского" характера многих ведомств как бы навешивается обязанность блюсти территориальную целостность всего СССР.

Острый национальный кризис в регионах, где за несколько предшествующих столетий, хоть и в рамках "тюрьмы народов", сложилась многонациональная этнокультурная общность более высокого ранга, чем национально-республиканское государственное образование последних десятилетий, управляемое коррумпированными кланами алиевых, демирчянов, рашидовых и им подобных, — этот кризис действительно требует сжатого описания общих для так называемых национальных республик признаков мнимой государственности.

Во-первых, это бесправие местных властей в созидательной социальной и экономической сферах. Подчиненность вненациональному центру охватывает все стороны жизни — от строительства атомных электростанций до рецептуры начинки для пирожных и шоколадных конфет. Массовое сознание "инородцев" четко отождествляет "власть центра" и "власть русских"; массовое сознание "русских" склонно отождествлять "вненациональность" центра и его "инородчество".

Во-вторых, это вытекающие из "созидательного бесправия" широчайшие полномочия распределительно-репрессивного аппарата, с каждым десятилетием приобретающего все более отчетливые национально-провинциальные черты. Один из примеров — мощные земляческие формирования на всех этапах системы: "днепропетровцы" Брежнева, "нахичеванское" ядро в клике Алиева, "южный жуз" в аппарате Кунаева, "сибиряки" в академической и архивной верхушке и т.п.

В-третьих, это нарастающая конфликтность сосуществования этнических групп. Становясь национальной республикой, каждая часть того или иного региона (Туркестана или Закавказья) автоматически оформ-

ляла более или менее отчетливое насилие по отношению ко всем инациональным группам. Отметим в дополнение, что "национальное насилие" (этносоциометрический концепт И. И. Крупника) — это едва ли не вынужденный политический механизм, именуемый в официальном просторечии "дружбой народов".

Этнические группы, еще раньше в составе империи выработавшие частичный иммунитет к разного рода незаметным формам угнетения, становятся объектом всеобщей враждебности или сдержанного недоброжелательства (напр., курды, цыгане).

В-четвертых, это неуклонное снижение культурного уровня интеллигенции, консолидирующейся на национальной платформе и легко променяющей свое внесловное (или третьесловное) первородство и космополитическое достоинство на "плебейскую" ориентацию. В контексте карабахского кризиса обращает на себя внимание популистский восторг работников культуры Азербайджана и Армении от внезапной гомогенизации своих народов вокруг национально-государственной идеи.

Под лозунгом "единства с народом" и необходимости стать выразителями "истинных народных чаяний" национальные интеллигенты постепенно теряют по отношению к обществу, в котором живут, свои контрольно-критические функции и приобретают новый для себя статус чиновников национально-освободительного движения: в этом качестве они приобретают право показать "народу", где скрыт его "настоящий враг": азербайджанский писатель заговорит об "армянских экстремистах" и "неблагодарных гостях", армянский — будет страдать армян и русских "извергами-мусульманами", а русский писатель — сколачивать молодежные отряды (какие угодно — хоть литературные) для противостояния "инородческому засилью".

Для ряда республик этот процесс снижения уровня культуры элиты обостряется быстрым ростом крупных городов за счет интенсивного и всегда поощряемого верхами притока на низкие и средние ступени партийно-хозяйственной иерархии, в сферу обслуживания и образования выходцев из деревень и перенаселенных райцентров. Следствием этого процесса стала повсеместная дисквалификация кадров, деградация системы образования, очевидная профессиональная непригодность абсолютного большинства работников коммунального хозяйства.

Индустриализация, сопровождаемая дезурбанизацией национальных культур, снижает качество жизни и при этом с успехом скрывает от населения вненациональный источник разложения, запрограммированного государственным устройством образца 20 — 30-х годов XX в.

Пятый признак государственных образований, именуемых национальными республиками, — это наличие активной теневой экономики как социального института, компенсирующего неэффективность централизованной госсистемы и — в кадровом отношении — представляющего собой в каждом конкретном случае более или менее заметную часть местного партийно-государственного аппарата. В этом, собственно, и состоит смысл эпитета "теневая".

Шестой признак — этноцентризм стихийных массовых движений, заслоняющий гражданское самосознание личности идеологией национально-освободительного движения (суверенитет этнической группы вступает в конфликт с автономией личности). Массовидность и, в сущности,

репрессивный по отношению к отдельной личности характер демократического движения в национальных республиках вызывает у пассивного большинства населения отрицательную реакцию не на этноцентризм, а на демократию и делит все общество на безучастных ("мудрых") и агрессивных ("горячих").

Седьмой признак — бессилие религиозных организаций, преобладание в массовом сознании суеверий и дегуманизированной, национально окрашенной и своеобразно "безбожной" религиозности, одной из особенностей которой оказывается не знание собственного традиционного вероучения, но ненависть к чужому.

При определенном стечении обстоятельств этот, седьмой по нашему счету, признак может приобрести трагический размах. Так, массовое истолкование землетрясения в Армении как "кары Аллаха" (у псевдомусульман) или "Божьей кары" (у псевдохристиан вне Армении) свидетельствует о том, что официальные религиозные институты духовную связь с людьми уступили идеологии презрения к человеку, для которой повышенной ценностью обладают пустые абстракции: вчера это были "интересы общества", сегодня — "интересы нации".

Вышеперечисленные признаки помогают понять драматическую сложность, с какой сталкивается наша страна в качестве наследницы Российской Империи, пересоставленной на основах новой государственности. Эта сложность в том, что большинство населения страны связывает национальный суверенитет со сложившимся национально-государственным устройством и склонно связывать светлые перспективы своего развития с наращиванием суверенности через укрепление именно такой национально-государственной системы.

Быстрая консолидация стихийных общественных движений во всех регионах страны по этническому признаку, объясняемая отсутствием в стране гражданского общества, сочетается с безграничной верой в незыблемость государственного насилия: отсюда — вполне демократическое стремление поскорее вычистить из органов управления "чужих" ("инородцев", "русских", "бюрократов") и заполнить их "своими" ("коренными", "честными парнями").

Такое развитие событий, если оно будет иметь место в ближайшем будущем (не только, скажем, в Закавказье, но и в Средней Азии и в Прибалтике), грозит превращением десятков миллионов людей разных национальностей в заложников принципа национальной государственности, или суверенитета наций, или права наций на самоопределение. Этот вариант может иметь насильственное решение, что не в последнюю очередь будет зависеть от уровня подготовки вооруженных сил, доставшихся в наследство от империи.

Другой сценарий, связанный с попыткой во что бы то ни стало оторвать "тень" от "тела" — "коррумпированные кланы" от партийно-государственных аппаратов, — отрабатывается в настоящее время в Узбекистане и, возможно, в Азербайджане и Армении. Ближайшее следствие этой политики в плане национальной ориентации массового сознания — это рост феодального изоляционизма: сколь бы ни было благожелательно вмешательство центральных органов в местные феодальные структуры, оно все равно вызовет в массовом сознании сильную ответную реакцию и будет стимулировать национально-освободительный процесс, в чьих недрах только в неопределенном будущем возникнет и гуманистическое

движение, для которого суверенитет личности во всех случаях будет преобладать над суверенитетом группы, в том числе — этнической группы.

С другой стороны, оправданная попытка разрушить саму систему национально-государственных образований и перейти к федерализму на региональной, а не национальной основе встретила бы еще более резкий “этнический отпор” как проявление неоимперской политики, антидемократизма и т. п.

Демократические ценности, конечно, неоспоримы, но только там и тогда они приносят плоды и не уносят миллионы жизней, где и когда “демос” — народ — наделен самосознанием, общественным знанием о себе и общественным мнением по разным вопросам своей и чужой жизни.

В современных советских условиях объявленного перехода от тоталитаризма и авторитаризма к демократии наиболее массовыми оказались два демократических движения — кооперативное и национальное. Существующее национально-государственное устройство (“бюрократия”) стремится всеми силами поддержать возникающую на пересечении этих движений мафию, а этот симбиоз латиноамериканского образца в наших условиях, попросту говоря, непобедим.

Сдерживаемая гласность и неспособность государственных органов в республиках вступать в диалог с массовым сознанием, монополизм официальной печати, радио и телевидения — все это до такой степени изолирует руководящих от руководимых, что они вполне понимают друг друга только в момент разгона демонстраций или ввода войск в столицы суверенных братских государств-республик.

В этих условиях национальное движение — чем дальше, тем больше — будет оставаться для людей “простого звания” единственной положительной жизненной платформой. Уже сегодня ради сохранения этой платформы многие люди готовы существенно сократить свой и без того скромный достаток, а некоторые — и жизнь.

Радуюсь демократизму движений за национальный суверенитет, не следует забывать, что в нашем случае (отсутствия или недостатка общедоступной информации и системы обратной связи) авторитарному управлению “верхов” соответствует охлократизм “низов”. Очень возможно, в рамках национальных движений демократия вообще не в состоянии преодолеть охлократическую стадию: народная толпа, направляемая самыми безответственными, но и оказавшимися самыми авторитетными ее элементами, убивала людей в Сумгаите, народная толпа, “сдерживаемая” или/и “подогреваемая” местной интеллигенцией, изгоняла людей из Армении и Азербайджана, народная толпа сплачивается пролитием чужой крови, поруганием чужих святынь.

Народная толпа обменивается политическими методами с правительством, вот почему либеральная интеллигенция читит ее за “обнажение” подлинной физиономии властей, а “наши современники” — за своевременное напоминание властям об их обязанностях всеединого пресечения.

Логика борьбы за демократию неумолимо снижает кое-как достигнутый уровень социальной защищенности так называемых широких слоев населения, на глазах расслаивающегося по этническим признакам и обреченного на новый виток насилия — от мягчайших форм борьбы за национально-культурную автономию или за государственный статус языка до межнациональных распрей в стиле тамильских “тигров осво-

бождения”.

Понять, что имперское наследие и новая республиканская государственность довели все без исключения народы страны до состояния взаимного угнетения, — дело нехитрое.

Понять механизм этого взаимного угнетения и динамику его активизации — это уже сложная социально-политическая задача.

Пытаться исправить положение в рамках существующей государственной системы, пока еще не гарантировавшей создание гражданского общества, системы, пока еще запрограммированной на подавление личности, — в рамках этой системы делать ставку на перераспределение этнической собственности — значит подражать в безответственности тем политикам 20-х годов XX в., которые в свое время и возглавили, сменяя друг друга, беспримерное самоистребительное народное движение.

Участвуя в мировом историческом процессе не только (и не столько) как великое целое, но и вполне автономными частями, наша страна отработывает несколько моделей “демократического развития”: в Закавказье события развиваются по, условно говоря, ливанской, в республиках Прибалтики — по средневропейской, в Центре и в Азии — по латиноамериканской модели. Развитие национальных движений покажет, какая именно модель окажется синхронизатором общего движения к демократии и в какой мере оно вообще может реализоваться.

Собственно, под вопросом такая возможность оказалась после событий вокруг Нагорного Карабаха: перед нами — реальность гибельной модели.

10. Путь

В начале нашей статьи мы отметили, что существуют три позитивные этнополитические догмы: Национальное Самосознание, Национальное Государство и Межнациональные Отношения.

Мы постарались показать, что эти старые истины фиксируют определенный этап этнополитического развития и не являются универсальным ключом к решению многообразных проблем, связанных с этническими контактами и конфликтами.

Реальность перерастает смысл и содержание старых этнополитических догм, и они становятся препятствием на пути установления достойных человеческих отношений между людьми.

Вместе с тем реальность предлагает и другую ситуацию — существуют этносы, для которых указанные догмы являются либо пока еще не достигнутой целью, либо отнятым достижением. Эти народы с упорством и иногда жесткостью, характерной для национальных движений, стремятся к развитию национального самосознания, формированию национальной государственности, завоеванию прочного места в системе отношений между нациями, понимаемыми как государственные институты.

Эту ситуацию, столь характерную ныне для нашей многонациональной страны, оценить нелегко.

Осудить людей, отчаянно стремящихся к достижению устаревших целей, сказать, что их активность лишь тормозит демократический процесс в нашем полиэтничном сообществе, — это значит проявить удивительное бездушие, неспособность почувствовать чужую боль, ущемление чувств своих сограждан.

Заявить, что народ всегда прав, — это значит с ханжескими увертками выказать полное равнодушие к происходящему: Тем более, что народ отнюдь не всегда и не по любому поводу бывает прав. “Глас народа — глас божий” — пословица умывающих руки. Поддержать тех, кто, потрясая перечнем “болей, бед и обид”, требует национальной сатисфакции, — это значит немедленно нырнуть в пучину межэтнических конфликтов, неизбежно разряжающихся вспышками насилия.

Что делать и на что надеяться?

Мы надеемся на человека. Не на человека вообще, а на конкретных, живых, вот этих людей, чей здравый смысл и добрая воля преградят дорогу насилию, злу, нетерпимости.

В историческом процессе на первый план выходит личность — единственный по-настоящему реальный носитель общественного прогресса. Именно личность в полноте своих прав и свобод, суверенитета и социальной ответственности является самым надежным гарантом против любых форм насилия, в том числе и национального. Мы живем в эпоху становления личности как субъекта исторического процесса.

Но вряд ли такое становление будет легким. В течение тысячелетий (начиная с процесса над Сократом) личность всячески принижалась. Сравнение единичной личности с могущественным государством было не в ее пользу. Веками людям вбивалась в голову ложная мысль — “страна без тебя проживет, а ты без страны — нет”. Это точка зрения самодержца, взирающего на многомиллионную массу черни и отлично сознающего, что судьба одного смерда никак не поколеблет его трона.

Крах монархического, патерналистского воззрения на общество показал, что на деле все обстоит как раз наоборот. Отдельная личность может порвать связи с конкретным государством, сохранив при этом свою самостождественность. Способов к тому множество — от бродяжничества до эмиграции. Но представить себе государство, обходящееся без собственных граждан, — это уже нечто в духе Салтыкова-Щедрина.

И тем не менее личность медленно расправляет свои плечи. От приниженного “винтика” к социально ответственному гражданину нельзя перейти одним скачком. Думается, что этничность — это один из путей социальной идентификации личности.

Выше мы говорили, что этничность как функция — это выход из социальной фрустрации, неизбежно возникающей, когда личность осознает свои права, но не может ими воспользоваться. Но если выход, то — куда? Мы полагаем, что путь лежит через этничность как осознание собственной ценности и ответственности в национальных рамках к осознанию собственной безотносительной ценности и столь же высокой ответственности.

Этот путь начался с пробуждения общества от гипноза социальной однородности и эгалитаристской мистики. Он предусматривает поощрение — на государственном и частном уровне — общественных движений (профессиональных, культурно-политических, предпринимательских,

досуговых и проч.) к сохранению самостоятельности и разнообразия, так сказать, в "антитрестовском" духе. Очевидно, что любое объединение граждан должно пользоваться равными правами со всеми другими объединениями, включая этнические, при этом ни одно из них не может претендовать на монопольное право распоряжаться судьбами как других объединений, так и своих собственных членов.

Только оживление и развитие потенциальных референтных групп может ориентировать личность в ныне еще полупустом социальном пространстве. В ходе плюрализации общественной жизни этничность должна потерять свою привлекательность в качестве надежной и достаточной меры личностной идентификации.

Идеальной целью развития общества является содружество суверенных личностей, связанных сознанием ответственности за свое будущее, за свой общий дом.

Как всякий идеал, эта цель едва ли полностью достижима, но она освещает и освящает путь, на котором национальное самосознание должно стать лишь одной из красок социального облика личности, исполненной заботы о своих соседях, к какому бы этносу они ни относились. Путь, на котором национальная государственность — речь идет о Советском Союзе — претерпит эволюцию от федерации разноуровневых этносоциальных образований к федерации равноправных народов. Путь, на котором межнациональные контакты станут межличностными и пресловутая "дружба народов" превратится в доброжелательные контакты конкретных людей.

Таков идеал авторов этих строк.

Разумеется, не все авторы предлагаемого сборника целиком и полностью разделяют нашу позицию по изложенным вопросам. Поэтому авторы этой статьи не могут нести ответственности за идеи, проекты, предложения и вообще за мысли, высказанные авторами других статей, составляющих эту книгу.

Мы уверены, что сейчас, в ситуации обострения межнациональных проблем, сборник статей, выражающих разные мнения, будет не менее полезен, чем монография, характеризующаяся единством, а значит, и некоторой одномерностью подхода.

Диалогичность анализа увеличивает количество информации. Информация не только существует в тексте статей, но и рождается в поле напряженного противостояния между ними. Кроме того, многие из статей сборника сами по себе являются документами национального самосознания.

Мы заранее готовы принять многие критические упреки, памятуя, что наш сборник — не энциклопедия национальных проблем и поэтому не может претендовать ни на полноту охвата материала, ни на всесторонность его анализа на страницах этой небольшой по объему книги. Кроме того, наши авторы — люди различных профессий, судеб, возрастов, характеров и пристрастий, в силу этого обладающие каждый своим особым видением жизни. И вот тут может возникнуть упрек в непрофессионализме. Но именно этот упрек мы решительно отвергаем. Кто может присвоить себе право окончательного экспертного суждения по национальным проблемам? Этнографы? Или историки? Социологи, антропологи, статистики? А может быть, литераторы, философы, публицисты? Психологи, политологи, культурологи? Список можно продолжать и

продолжать...

Г. К. Честертон сказал, что есть вопросы слишком серьезные, чтобы их можно было доверить специалистам.

Безусловно, к таким вопросам относится и национальный.

Но если эта книга даст читателю представление о реальной сложности национальных проблем нашей страны, то авторы сочтут свою задачу выполненной, а себя и своих читателей – готовыми к продолжению разговора.

**НОВЫЙ ВЗГЛЯД
на старые
ИСТИНЫ**

НАЦИОНАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ

XX век войдет в историю человечества как "век гибели империй". Потрясающие его две мировые и большое число малых войн привели к последовательному уменьшению числа подобных государственных систем, сделав их социальным анахронизмом к самому концу столетия. Не выдержав первой мировой войны и последовавших революций, рухнули "лоскутные" Австро-Венгерская монархия и Османская (Турецкая) империя, рассыпавшись на независимые и зачастую враждебные друг другу национальные государства. Под напором освободительных движений и неудачных колониальных войн исчезли Британская, Французская, Голландская, Португальская колониальные империи, зато их метрополии, захлестнутые последующей волной иммиграции, стали многонациональными и даже многорасовыми обществами. Жертвами собственной агрессии стали побежденные в мировых войнах Японская и Германская кайзеровская, а затем национал-социалистическая империи.

В результате мировой войны и двух революций рухнула и "тюрьма народов" — Российская Империя. На ее развалинах в 1917—1918 гг. возник конгломерат самостоятельных национальных образований, потом — военный и политический блок формально независимых советских республик и, наконец, сложное многонациональное государство нового типа — Союз ССР.

Как видно, распад многонациональных империй может идти разными путями и приводит порой к образованию сложных многонациональных и многорасовых обществ нового типа. Определим исходный вариант как *имперски-колониальное общество*; оно создается на основе агрессии и государственной экспансии и существует за счет насильственной эксплуатации населением метрополии народов присоединенных стран. Политическое и экономическое насилие здесь всегда совпадает с насилием национальным. Его идеологической основой становится идея об "историческом праве", или "цивилизаторской миссии", которая очень четко воплощается в делении общества на "высшие" и "низшие" народы, порой с большим числом собственных внутренних градаций.

Национальное насилие при этом выражается не только в подавлении или принижении имперским обществом национальной традиции покоренных народов — от их государственности до религии, духовной культуры или разговорного языка, но и в прямом проникновении насилия в сферу контактов между народами, т. е. в межнациональные отношения. Если теперь мы возьмем *степень* национального насилия как главный критерий для качественного различения сложных, полиэтничных

обществ, то мы увидим, что, начиная от имперски-колониальной системы, они образуют своеобразный континуум. Три других звена (ступени?) этого континуума мы можем определить как "иерархическое общество", "федеративное общество" и собственно "многонациональное общество".

Иерархическое общество возникает в случае резкого численного неравенства входящих в него народов, или в случае объединения разных элементов вокруг народа-"основателя", или чаще всего — при сохранении в новом устройстве элементов идеологии прежней империи. Это общество построено на сложной иерархической системе статусов разных народов или, во всяком случае, на непризнании равноценности их статусов. Иерархия статусов означает, что народы получают разную закрепленную роль в государстве (скажем, в зависимости от своей численности), а значит, и разную степень представительства и разный набор прав.

Иерархические статусы неизбежно предполагают и иерархические интересы: как системы в целом, так и ее отдельных элементов. Отсюда естественно появление иерархических приоритетов и ценностей. В результате общество превращается в очень сложную систему, где наряду с "малыми" и "слабыми" разных уровней неизбежно появляются "первые среди равных". Их удел — поднимать слабых и отсталых и одновременно заботиться об интересах системы в целом.

Федеративное общество, напротив, построено на подчеркнутом, порой демонстративном утверждении равноценности интересов и статусов. Входящие в него народы призваны жить по принципу "один народ — один голос", т. е. равенства представительства независимо от своей численности. При строгом соблюдении этого принципа даже малый и слабый должен иметь право вето (по крайней мере в отношении собственных проблем), а общие решения принимаются не голосованием, а компромиссом или консенсусом (взаимным согласием) — крайне сложной демократической процедурой. В идеале такое общество строится на широкой внутренней автономии входящих в него элементов вплоть до гарантированного им права свободного выхода.

По-видимому, именно эту модель имел в виду Ленин в качестве прообраза при создании СССР, да еще предусматривал возможный "шаг назад" — "...оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом"¹. Современная Югославия добавила к этой модели еще и принцип "ротации" всего федеративного руководства, когда верховная власть поочередно передается представителям разных республик. В чем-то сходные элементы существовали и в первые годы после образования Союза ССР в виде реальной и достаточно заметной власти четырех председателей Всесоюзного ЦИК, представлявших интересы своих союзных республик.

Наконец, в четвертом варианте, который можно назвать собственно *многонациональным обществом*, отсутствуют как иерархия, так и закрепленное признание равенства статусов отдельных народов. Собственно этническая принадлежность на законодательном уровне или в структуре государства никак не фигурирует, а национальная (как и конфессиональная) жизнь считается частным делом граждан на основе гарантированной свободы всех форм ассоциаций. В результате разнород-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 362.

ные этнические элементы сосуществуют на принципе широкой национально-культурной или региональной автономии. Государство открыто не вмешивается в национальную жизнь (тем более не подавляет или вытесняет ее) и, за исключением школьной политики, считает ее скорее сферой групповых или индивидуальных ценностей.

На такой основе живут сейчас большинство развитых западноевропейских государств, США и Канада, некоторые из развивающихся стран со смешанным населением (например, Сингапур или Маврикий). Конечно, все перечисленные варианты (иерархическое, федеративное или многонациональное общества) редко встречаются в чистом виде. Так, в тех же США, которые по сути являются классическим "многонациональным обществом", имеются и система особых статусов для представителей коренного населения — индейцев и эскимосов, и строго дифференцированные иммиграционные национальные квоты, и столь часто упоминаемые у нас проявления расизма. Все эти элементы характерны скорее для "иерархического общества". Но обычно система достаточно открыто демонстрирует свой главный принцип национального сосуществования, и определить его в рамках предложенной схемы не составляет труда.

Выделенные в ней варианты легко выстраиваются по порядку и образуют достаточно четкий континуум по степени национального насилия. Понятно, что эта степень будет наивысшей при любом типе *имперско-колониальной* системы и наименьшей, хотя бы теоретически, в открытом *многонациональном* обществе, где государство декларирует невмешательство в национальную жизнь своих граждан. Всякая *иерархическая* система предполагает подчинение одних национальных интересов другим и потому в принципе допускает достаточно высокую степень национального насилия, вплоть до законодательно разделенного существования народов или расовых групп. Основная трудность *федеративного* общества — поддержание равновесия между общими и частными национальными интересами, между отдельными народами и т.п., а также борьба с периодически возникающими сепаратистскими тенденциями. Поэтому многие федеративные общества переживают отчетливые взрывы межнациональной напряженности (Югославия, Малайзия, Канада) и даже открытого национального насилия (Индия).

Не застрахованы от этнических или этнорелигиозных (этноконфессиональных) конфликтов даже собственно многонациональные общества. Пример Великобритании с ее тяжелейшим кризисом в Ольстере, Испании с ее баскской проблемой, Бельгии, недавно вынужденной перейти к федеративной структуре из-за растущей мецобщинной конфронтации, и тем более Шри Ланки служит тому подтверждением. В ряде многонациональных стран переход к федеративному устройству видится единственным путем снижения напряженности и законодательного укрепления прав этнических меньшинств. Бельгия и Канада уже вступили на этот путь в интересах собственной стабильности и единства.

Степень национального насилия (как и насилия в целом) служит не только основой классификации, но и определяет развитие общества в рамках предложенного континуума. Усиление насилия, повышение его уровня неизбежно приводят к движению системы вспять, т. е. в направлении от открытого межнационального или федеративного состояния к имперско-колониальному, где одни народы откровенно и узаконенно угнетают другие. Рост насилия не всегда сразу действует деструктивно и

дестабилизирующе — даже на первых порах он может способствовать восстановлению стабильности и порядка. Но усилившееся или не отраженное государством межнациональное насилие постепенно разлагает все общественные институты, повергая народы в состояние взаимной подозрительности, агрессии или страха. Заражая различные клетки социального организма, насилие самовоспроизводится как раковая опухоль и, таким образом, трансформирует прежний тип общества, поднимая его или, точнее, опуская на качественно иной уровень внутреннего угнетения.

Ярким примером такой разлагающей роли насилия служит эволюция устройства Советской федерации республик под влиянием общего повышения уровня насилия в стране в 20—30-е годы. На смену федерации равноправных и внешне самостоятельных в своей национальной жизни автономий очень быстро пришла жесткая иерархическая система, стремившаяся максимально восстановить централизованное бюрократическое государство в границах бывшей Российской Империи — вплоть до войны за захват Финляндии и нового раздела независимой Польши. Национальное насилие было в этой системе таким же элементом *структурного насилия*², как и массовые репрессии, уничтожение целых социальных слоев, подавление любых независимых форм духовной жизни, подчинение искусства. Последствия столь высокого уровня национального насилия были многогранны и неисчислимы. Это — произвольно проведенные границы, депортации целых народов, назначаемые сверху и так же авторитарно отменяемые автономии и статусы (вспомним переходы Карельской АССР в Карело-Финскую ССР и обратно или Тувы из независимой республики в автономную область и затем в АССР), уничтожение национальных административных кадров и интеллигенции. Это и постоянное использование угрозы “национализма” для подавления своеобразия и оправдания любых расправ в угоду интересам иерархической системы. Движение от первоначального Союза вспять настолько очевидно, что выражение “сталинская империя” уже ни у кого не вызывает протеста или удивления.

Отражение этой динамики можно уловить даже при сравнении текстов разных советских конституций. Так, первая Конституция РСФСР, принятая в далеко не идиллическом 1918 г., провозгласила (статья 2), что “Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик”. Конституция СССР 1924 г. (где уже нет никаких “свободных наций”) открывается Декларацией и Договором об образовании Союза Советских Социалистических Республик. В сталинской Конституции 1936 г. факт сложного, многонационального устройства страны отражен только в статье 13, определившей СССР как “союзное государство, образованное на основе добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик”. Наконец, в последней действующей Конституции 1977 г. ключевые слова о многонациональности и федерализме вновь восстановлены (“единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик”).

² Ср.: Гусейнов Г. Речь и насилие.— “Век XX и мир”, 1988, № 8, с. 40.

тических Республик"³. Зато эти ключевые для определения государства слова задвинуты теперь еще дальше в глубь Конституции (статья 70!), уже после разделов об экономике, культуре, внешней политике, правах и обязанностях граждан и даже положении иностранных подданных и лиц без гражданства.

Та же эволюция видится и в конституциях союзных республик. В первой Конституции РСФСР 1918 г., как уже цитировалось, имеются и "свободные нации" и "свободный союз". В Конституции РСФСР 1925 г. сказано лишь, что "Российская Республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян, строящееся на основе федерации национальных советских республик..." (статья 2). А в республиканской Конституции 1937 г. в статье 14 сухо отмечается, что РСФСР "состоит из краев (перечисляются), областей (перечисляются все 19), автономных советских социалистических республик и автономных областей (все названы в алфавитном порядке)"⁴. Если верить этой формулировке, взгляд на РСФСР как многонациональную *федерацию* был к 1937 г. явно утерян.

Иным примером движения системы вспять под влиянием растущего уровня межнационального насилия может служить нынешняя ситуация в Югославии. Новая югославская федерация возникла на обломках недолго просуществовавшего королевства (где православная сербская династия была поставлена над конгломератом народов и религий), после хаоса второй мировой войны с чудовищными актами геноцида вооруженных коллаборационистских формирований. Социалистическое государство провозгласило принцип равенства входящих в него народов и республик вплоть до права республик на выход из федерации. Единственным отклонением от федерационного принципа стало введение более низкого иерархического статуса для двух автономных краев — Косово и Воеводины. Формально они пользуются всеми правами республик, кроме оговоренного конституцией права выхода из государства. Не приходится удивляться, что именно там, где нарушился общий принцип федерации, и возникли очаги напряженности, а затем — как в Косово — национального насилия.

С 70-х годов все более дестабилизирующим фактором для югославской федерации стали этнические конфликты в Косово. Здесь православные сербы и черногорцы обвиняют мусульман-албанцев в неприкрытой этнической агрессии, проведении политики "белого геноцида" и вытеснения православного населения с этих "исконно сербских" земель. По мнению сербов, против сербского населения Косово разжигалась прямая кампания террора, включая акты физического насилия, групповые изнасилования, осквернения кладбищ и т.п. При этом, хотя в Косово албанцы составляют сейчас более 80% населения (и естественный прирост у них в четыре раза выше, чем у сербов), в целом по стране их в шесть с половиной раз меньше, чем сербов.

Ситуация осложняется тем, что административно Косово входит в

³ Конституции и конституционные акты РСФСР (1918—1937). Сборник документов под редакцией А.Я. Вышинского. М., 1940; Образование СССР. Сборник документов. 1917—1924. М.—Л., 1949; Конституции (Основные законы) Союзных Советских Социалистических республик. М., 1972; Конституция (Основной закон) СССР. М., 1988.

⁴ Конституции и конституционные акты РСФСР, с. 162, 269.

Республику Сербия, т. е. формально подчиняется сербскому руководству. Сербы отказывают албанцам Косово в их главном требовании — праве на создание своей союзной республики под предлогом возможности их выхода из федерации. Выход они видят лишь в жестком наведении порядка, введении в Косово дополнительных сербских войск и милиции, пресечении силой всех актов насилия и террора⁵.

Межэтническая конфронтация на фоне роста экономических трудностей поставила югославскую федерацию в самое трудное положение за весь послевоенный период ее истории. Может случиться так, что единственным реальным гарантом целостности страны окажется армия, которая, как и любая армия, построена по жесткому иерархическому, а отнюдь не федерационному принципу. Тогда неизбежным, видимо, будет возвращение к более централизованной иерархической структуре, где сербы как самый крупный народ Югославии (40% населения) вновь постараются занять более высокий статус в системе.

Для нас важнее, однако, другой пример — когда общество переходит от более высокого уровня национального насилия к более низкому, т. е. движется от колониальной или иерархической модели к федерационному или многонациональному принципу. Чаще всего такой переход происходит в результате прямого разрушения грегнего типа общества и создания на его обломках нового — как было при образовании той же Югославии или независимой федеративной Индии после окончания колониального управления и кровавых столкновений между индуистами и мусульманами. Огромный заряд насилия, который сопровождал все эти события, строго говоря, не позволяет называть подобный процесс естественным “переходом”.

Мирный переход к обществу с более низким уровнем национального насилия теоретически может происходить под действием трех механизмов. Первый из них можно назвать *экономическим процветанием*, когда рост экономики, благосостояния, интернационализирующее действие рынка, внутренней и внешней кооперации сами (как считают многие экономисты) ведут к снижению насилия, в том числе и межнационального. Интересы современного рыночного производства с его мобильностью, свободным потоком людей, товаров и услуг через границы в принципе несовместимы с жесткими структурами имперско-колониальных и иерархических обществ. Вспомним, что капитализм победил феодальные общественные системы не только более высокой производительностью труда и уровнем жизни, но и своим открытым декларированием принципа равенства, отказом от иерархической структуры феодальных государств, в том числе и в области межнациональных отношений. Индустриальное общество конца XX в. также не приемлет национального насилия как элемент, структурно чуждый своей системе.

Другой путь перехода лежит через увеличение *открытости* общества. Даже самые процветающие страны могут длительное время оставаться закрытыми национальными образованиями, в той или иной мере ксенофобическими по отношению к иноэтничным группам. Экономическое процветание Северной Америки, Западной Европы в 60-е годы или

⁵ Что и произошло, как известно, после резкого обострения обстановки, массовых митингов и забастовок, которые завершились вводом войск, арестами албанских лидеров и расширением роли республиканских (т. е. фактически — сербских) институтов в жизни автономного края.

арабских нефтяных монархий в 70-е шло на фоне резкого увеличения притока иммигрантов. Процветание Японии или Финляндии, напротив, не сопровождалось увеличением их многонациональности. Поэтому "открытость" может быть и независимым, самостоятельным качеством и выражаться в росте внутренней демократии, увеличении контактности, развитии туризма и внешних миграций, появлении более доброжелательного отношения к внешнему миру и т.п. Все эти процессы неизбежно подрывают жесткость иерархических систем, способствуют их эволюции в сторону меньшей роли всех форм функционального насилия. Уменьшение национального насилия будет естественным результатом такого развития.

Наконец, третий путь перехода — целенаправленное *снижение национального насилия* (как и прочих видов насилия). Оно может выражаться в изменении законодательства и конституционных основ, отношения к национальным меньшинствам и их движениям, проведении более плюралистической национально-культурной политики и т.п. Снижение насилия предполагает и достаточно твердый контроль государства за его рецидивами, поскольку в первое время общество очень чувствительно и неустойчиво к обратному движению. Последовательное пресечение всплеск или даже угроз насилия становится, таким образом, условием выживания общества в его новом состоянии.

Страна, которая в последние годы продемонстрировала успешный переход от жесткой иерархической системы к плюралистическому многонациональному состоянию, — это Испания после смерти Франко. При этом испанское общество стремилось использовать одновременно все три пути: экономическое преуспевание, рост открытости и демократизма внутренней жизни, успешную борьбу с проявлениями политического и национального насилия. Предоставлением широкой региональной и национально-культурной автономии Испания смогла разрешить почти все внутренние межнациональные противоречия, за исключением проблемы басков.

К процессу нынешнего преобразования советского общества, его перестройке на новых, демократических принципах изложенная схема имеет самое прямое отношение. Она показывает, что благоприятные перемены в экономике или социальном устройстве неотделимы от снижения национального насилия, поскольку отражают — каждая по-своему — движение системы в одном направлении. И наоборот, рост национального насилия, как в случае венгров в Румынии или турок в Болгарии, неминуемо тормозит развитие в сторону большей демократизации и экономического процветания.

То же в полной мере справедливо и для нашего общества, где сохранение национального насилия, а тем более его увеличение способны заблокировать всякое развитие в том же направлении. Отказ крымским татарам, немцам или месхетинцам в возвращении на родину, преследование неформальной еврейской культуры и движения за эмиграцию, подавление национального движения на Украине, в Карабахе или Прибалтике были вполне совместимы с условиями иерархической системы. Но они оказались очевидным для всех препятствием на пути общедемократических преобразований, ставящих своей целью создание динамичного, процветающего и правового государства.

Наше общество, сложившееся в 1922 г. как федеративное, но ушед-

шее далеко назад под давлением огромного заряда разных форм насилия (политического, экономического, идеологического и, конечно же, национального), вновь возвращается к исходному состоянию. Процесс этот требует болезненной ломки многих социальных отношений, связей и стереотипов. Но попытки остановить этот процесс новым применением насилия — будь то в Закавказье, Прибалтике, Крыму, на Украине или любой точке государства, — по сути, можно сравнить с заражением организма заведомо злокачественными раковыми клетками. Ту же роль играет сохранение старых форм национального насилия, доставшихся в наследство от иерархической системы. Как живой организм общество не может двигаться разными частями в разном направлении, не теряя при этом равновесия.

Понять это нам важно еще и потому, что уровень насилия, внешней и внутренней агрессии в нашем обществе и так очень высок; к тому же он заметно повысился в последние годы. Свидетельствами этого уже переполнены наши средства информации. Рост подростковой и молодежной агрессивности, организованной преступности, жесткость отношений в армии и жестокость всей пенитенциарной системы, появление неформальных группировок с открыто агрессивными или даже профашистскими программами — лишь наиболее яркие проявления такого состояния. Общество, где действуют рэкет и подпольные тюрьмы, где группы подростков в городах делят территорию на сферы влияния (как в Казани или Волгограде) или ведут настоящие бои с отрядами милиции (как в Моршанске и Алапаевске), имеет только один выход: максимально снижать, а не повышать уровень насилия одних своих элементов над другими. Уверенность в личной, правовой и национальной безопасности, отсутствие страха перед возможностью насилия — очень ценные, но, к сожалению, и крайне хрупкие социальные завоевания. Как показывает опыт истории, их можно быстро потерять; но чтобы обрести вновь, требуются годы и десятилетия.

Именно поэтому отдельные вспышки или даже акты национального насилия становятся для нас не случайными, "единичными явлениями", но сигналами, чрезвычайно тревожными для общества и государства. Именно поэтому такую важную для всех нас роль играет реакция на погром в Сумгаите — первый крупный акт национального насилия в период движения от иерархической системы к федерации. Допустив и затем не осудив публично насилие против армян в Сумгаите, не наказав всех виновных в ходе гласного и открытого для всей страны процесса, государство превратило себя в заложника постоянной угрозы повторного насилия. Тем самым оно как бы приняло и попыталось незаметно "переварить" этот заряд огромной инфицирующей силы. В еще большей степени получило этот заряд само азербайджанское общество, которое лишь подтолкнуло себя к сохранению закрытой, иерархически организованной и построенной на насилии старой социальной модели.

Последствия не замедлили проявиться. Все развитие событий в Закавказье вплоть до введения особого положения и фактической военной оккупации Нагорного Карабаха и столиц двух союзных республик выглядит логической цепью эскалации национального насилия. Зримые или незримые круги расходятся далее по стране. Угрозы "стихийных" еврейских погромов, раздающиеся в Москве и других городах, листовки с призывами расправиться с крымскими татарами в Крыму, открыто

агрессивный тон заявлений и лозунгов "Памяти", избиения и угрозы представителям малых северных народов в индустриальных городах Крайнего Севера — зримые проявления этого "переваренного", но не отраженного государством и обществом заряда национального насилия.

Понятно, что дальнейший рост национального насилия в любой части страны чреват самыми серьезными последствиями. Полученный и уже подтвержденный в Закавказье опыт введения военного положения и использования силы против национальных движений легко может толкнуть всю систему назад — в сторону отнюдь не забытого иерархического и даже колониального общества, где интересы одних поддерживаются за счет прямого подавления других. В процессе перестройки государство поочередно пробует разные формы снижения насилия: экономическую реформу, гласность (т. е. рост открытости) и демократизацию, более гибкую национальную политику. Но все эти формы пока еще хрупки и неустойчивы и легко блокируются бюрократическими контрмерами.

Примечательно, что организованные национальные движения прекрасно осознают это и со своей стороны всячески стремятся препятствовать какой-либо эскалации насилия. И этим — осознанно или неосознанно — они активно помогают государству в его объявленном движении к новому состоянию.

ПЕРЕГОВОРЫ ПО НАЦИОНАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ: ЭМОЦИИ ПРОТИВ БУДУЩЕГО

...Мелодическая история более невозможна. Все политические темы переплетаются, и каждое приходящее событие приобретает немедленно множественность одновременных и неразличимых значений.

Поль Валери. Заметка о величии и упадке Европы

Политика как общение

В нашей стране происходит знаменательный переход в понимании того, что такое политика. Но как общество мы отходим от чисто этактистского, восходящего к Платону, понимания политики как искусства управления и постепенного движения к аристотелевскому пониманию политики – как коммуникации, общению между гражданами, а политического анализа – как “исследования человеческого общения в наиболее совершенной его форме”¹.

Такое понимание политики особое значение имеет для национальных проблем, которые в условиях многонационального государства в основе своей представляют проблему общения между национальными группами. Именно поэтому совершенно бесперспективными представляются попытки решить эти проблемы “сверху”, чисто управленческими методами, если, конечно, не исключать полного административного разделения с высылкой “мигрантов” или тотального подавления политической активности граждан, приводящей к полной изоляции индивидуума перед лицом всемогущего государства.

Последний вариант реализовывался у нас в стране достаточно долго и опровергнут, так сказать, практически. Что касается первого, то его реализация противоречит основным тенденциям в развитии мирового сообщества, стремящегося ко все более тесной интеграции в экономической, технологической, научной сферах.

Следовательно, с проблемами и трудностями межнационального общения придется жить и надо научиться иметь с ними дело. Различным группам населения надо овладевать сложным искусством жить рядом в условиях различия в языке и культуре, приобретать опыт в согласовании ценностей и интересов.

Естественным путем урегулирования отношений между различными социальными и национальными группами являются переговоры. И если

¹ Аристотель. Политика, кн. 1.1.

понимать политику в духе Аристотеля, переговоры становятся ее основным средством, образуя сложные системы согласования ценностей и интересов. Но переговоры по национальным проблемам внутри государства обладают рядом особенностей, принципиально отличающих их от международных переговоров.

Следующие особенности представляются наиболее важными.

1. Часто возникают проблемы представительства. Национальные общины не всегда институционализированы, политическая организация этих общин носит движенческий характер, полномочия групп активистов могут вызвать у государственной власти и других движений определенные сомнения.

2. Представители национальных общин стремятся к максимальной мобилизации масс в поддержку своей позиции. Это ведет к пропаганде предельно упрощенных представлений о ситуации, апелляции к эмоциям как к наиболее надежному средству мобилизации, что в свою очередь сильно затрудняет какие бы то ни было подвижки в позиции. А без возможностей изменений позиции переговоры чрезвычайно трудны.

3. Существенным элементом переговоров по национальному вопросу являются переговоры между представителями общин в условиях существования государственной власти, призванной представить все общество в целом. Взаимодействие между общинами и государственной властью может быть очень неоднозначным, и от характера этого взаимодействия в целом зависит успех переговоров.

Еще в 30-х годах известный британский теоретик дипломатии Г. Никольсон обращал внимание на трудности "демократической" дипломатии, ставящей внешнюю политику и дипломатию в зависимость от "воли масс". Он писал: "Всеми признано, что главная опасность демократической дипломатии заключается в безответственности суверенного народа. Я хочу этим сказать, что, хотя народ является высшей властью, которая контролирует в конце концов внешнюю политику, он не отдает себе отчета относительно ответственности, лежащей на нем"². К сожалению, эти слова Г. Никольсона еще более применимы к демократическим решениям по национальным проблемам³. Эмоции преобладают, разрушая будущее.

Что же делать в этой ситуации? Для ответа на этот вопрос надо проанализировать по крайней мере три проблемы: социокультурные истоки национальных движений, структуру и институты переговоров, наиболее подходящие для решения национальных проблем, возможные методы решения национальных проблем.

Проблема мобилизации

Хорошо известно, что система ценностей – вещь культурно обусловленная и очень консервативная. Удивительно, однако, как быстро меняется в европейской политической культуре значимость межнацио-

² Никольсон Г. Дипломатия. ОГИЗ, 1941, с. 60.

³ Примером тому является решение Верховного Совета ЭССР в ноябре 1988 г. по вопросу об изменении конституции.

нальных отношений. Открыв книгу Монтескьё "О духе законов", обнаруживаешь, что при всей универсальности этого труда, рассматривающего, казалось бы, все мыслимые аспекты политической жизни, в нем не уделено никакого специального внимания проблеме межнациональных отношений. Такое пренебрежение к вопросу, ставшему центром большинства конфликтов в Европе во второй половине XIX — начале XX в., имеет, конечно, глубокие корни. Универсализм и космополитизм европейского средневековья поразительны. Государственная власть в полном соответствии с универсалистскими построениями типа "Монархии" Данте, рассматривалась как полностью отделенная от общества с его довольно независимой коммунальной жизнью. Существование Священной Римской империи, смещение народов (немецкие города в Восточной Европе, итальянские колонии в Средиземноморье), непрерывное произвольное перекрывание государственных границ, обособленность городской жизни, управляемой собственными законами, использование латинского языка в качестве языка богослужения и общения между высокообразованной элитой — картина исключительно космополитическая. Конфликты происходили преимущественно либо на государственной, либо на религиозной почве.

Только после создания национальных государств начинаются настоящие национальные конфликты, такие, например, как конфликт из-за Эльзаса и Лотарингии. Заметим, что эти конфликты совпадают по времени с созданием в Европе системы всеобщей воинской повинности и армий "вооруженного народа". Национализм становится сильнейшим средством мобилизации масс. Именно национальная идея стала мощнейшим средством этой мобилизации. В результате к моменту окончания первой мировой войны в рамках Версальского договора была предпринята безнадежная попытка создать из космополитической Европы с перемешанным населением систему государств с границами, проведенными по национальному признаку. В действительности эта идея, конечно, не была реализована — слишком сильны оказались интересы победивших держав, но именно эта идея, которую невозможно было реализовать в чистом виде, стала источником конфликтов там, где она была нарушена. Разжигание национализма изменило европейское сознание, но не смогло изменить политической реальности: конфликт между сознанием и реальностью стал одним из важных факторов возникновения второй мировой войны.

Что же служит основой консолидации национального сознания и какие средства используются для мобилизации масс в поддержку национальной идеи? Следует, по-видимому, различать две базисные ситуации: консолидацию большинства в масштабах государства и консолидацию меньшинства в поддержку автономии или изменения государственных границ.

Наиболее эффективный способ мобилизации масс в первом случае — это нагнетание эмоций, либо напоминание о величии нации и иллюстрация этого величия трафаретными историческими реминисценциями, либо напоминание о национальном унижении со столь же трафаретными примерами.

"Эмоциональная аргументация" по необходимости должна быть достаточно примитивной. Одной из наиболее простых моделей мобилизации массовой поддержки является формирование "образа врага".

В случае борьбы малых национальных групп за права автономии различия в культурной традиции и языке становятся основой мобилизации масс и актуализации "образа врага" со стороны всех участников конфликта.

Если до XIX в. серьезные мыслители практически не касались национальных проблем и не занимались анализом феноменов массового сознания, то после Великой Французской революции вопрос о средствах мобилизации общественного мнения и политических и социокультурных последствиях возникновения массовых движений оказался в центре внимания философов, политологов, исследователей культуры. Эффект упрощения картины мира как средства манипулирования массовым сознанием, неумеренного использования метафор и внедрения политических мифов стал очевидным для многих политических деятелей; с начала XX в. эти приемы становятся стержнем политической культуры в странах, вставших на путь модернизации, основным орудием реализации идеи национального государства.

Быть может, наиболее ярко передал ощущение европейского интеллектуала, сталкивающегося с новым состоянием политической жизни, Поль Валери: "Стоит лишь человеку, искривленному с самим собой и питающему отвращение к отвлеченным рассуждениям о предметах, не связанным рациональным образом с его собственным опытом, развернуть газету — как он попадает в мир хаотической метафизики. То, что он читает, то, что он слышит, странным образом переходит границы того, что он констатирует или может констатировать. Подытожив свое впечатление, "Нет политики без мифов", — думает он"⁴.

Эта мифологизация становится сильнейшим средством сплочения со стороны малочисленных, но очень активных политических групп давления, которые стремятся приобрести политическую власть, используя доходчивые лозунги и мифологемы и пытаясь создать условия "псевдообщности", напоминающие фантастический *гранфоллон* из повести Воннегута "Колыбель для кошки", когда ни один из людей, объединенных формально общим признаком, скажем национальностью, не сможет, даже в соответствии с собственными ценностями и интересами, воспротивиться участию в организованном движении под угрозой травли и обвинений в предательстве. "Политический миф" как средство мобилизации масс становится мощной силой в XX в. Эта тенденция раскрыта и исследована Ортега-и-Гассетом в "Восстании масс", что оказало огромное влияние за политическую мысль Запада. В нашей стране политическая мифология нашла широчайшие практические применения, однако лишь сейчас осуществляются первые попытки научного анализа этого феномена.

Между тем в последние десятилетия формировалась определенная политическая культура, основанная на широком использовании политических мифов. И вот сейчас мы сталкиваемся с этой культурой в новой ипостаси — политический миф становится орудием межнационального конфликта, и первейшей политической необходимостью является поиск средств борьбы с политической мифологией.

Мне представляется, что существуют два основных способа борьбы с социальными эксцессами такого рода на базе национальных конфлик-

⁴ Валери П. Взгляд на современный мир.— Е го же. Избранное. М., 1936.

тов и оба они эффективно использовались в мировой политической практике.

Первое — это обеспечение политических прав личности, законодательная и институциональная поддержка плюрализма взглядов.

Второе — разумно и демократически организованный механизм решения национальных конфликтов путем переговоров.

Рассмотрим, на базе каких идей такой механизм мог бы быть создан.

Позиционный торг и совместное строительство будущего

Сущность различных подходов к организации переговоров можно понять, исследуя различные базисные метафоры, использовавшиеся для анализа переговорного процесса.

“Торг” — это одна из наиболее простых прототипических ситуаций переговоров, чрезвычайно часто встречающаяся в нашей жизни. Наиболее важная характеристика торга — то, что это ситуация с нулевой суммой: сколько проигрывает один, столько выигрывает другой. И в области переговорной тактики, и в теоретическом осмыслении переговоров использование метафоры торга ведет к очень далеко идущим последствиям. Начнем с практики. Существует широко распространенное убеждение, что торг надо начинать с позиции, возможно более удаленной от точки ожидаемого соглашения, — это позволит увеличить выигрыш. Другое распространенное убеждение — чем жестче вы ведете торг, тем больше ваш выигрыш в цене. В реальности эта практика оказывается оправданной только в случае монопольного положения участника торга — т.е. если его партнеру не к кому больше обратиться. Если монопольного положения нет — завышение требования и жесткий торг легко могут привести к срыву соглашения. Важнейшие особенности торга — необходимость строжайшего соблюдения секретности в отношении собственных ресурсов и возможных пределов уступок — любая утечка информации сулит большие потери, давая партнеру основания для проявления жесткости.

Использование метафоры торга для описания процесса переговоров делает *уступку* важнейшей категории анализа переговорного процесса. В политическом плане подход к переговорам как к торгу чреват зачастую серьезными трудностями. Для поддержки первоначальных завышенных требований участники переговоров часто мобилизуют общественное мнение, после чего любая уступка выглядит как политическое поражение, а компромисс — как обоюдная беспринципность.

Совсем по-иному выглядит процесс переговоров, если смотреть на него как на процесс совместного выбора сторонами из нескольких имеющихся альтернатив. Очевидным образом торг является частным случаем “совместного выбора”, но в отличие от метафоры торга метафора совместного выбора дает значительно более широкое понимание процесса переговоров. Первое бросающееся в глаза отличие — это то, что совместный выбор не обязан быть игрой с нулевой суммой. В условиях торга, т.е. игры с нулевой суммой, аргументация играет довольно незначительную роль. Как аргументировать в пользу прямого ущерба для партнера?

Единственным аргументом, по существу, является угроза ухода с переговоров. В рамках метафоры "совместного выбора" радикально изменяется роль аргументации на переговорах. Каждая из альтернатив должна быть оценена. Могут быть предложены многие альтернативы, удовлетворяющие обе стороны, но в разной степени, поэтому процесс возможного убеждения включает и дискуссии об оценках той или иной альтернативы всеми сторонами, участвующими в переговорах.

Понимание переговоров как "совместного выбора" существенно влияет и на тактику переговоров, и на процедуры их проведения. Центр тяжести дискуссии переносится с обсуждения переговорных позиций на обоснование критериев оценки и интересов участников.

Отказ от позиционной борьбы влечет и изменение в ходе переговорного процесса. Нет уже необходимости в сокрытии "предельных возможностей уступки", так как само понятие уступки перестает быть центральным. Процесс переговоров рассматривается как оптимизация выбора, а не как сближение позиций. Предполагается, что существует выбор, оптимальный для обеих сторон. Особую важность при таком подходе к переговорам приобретают критерии оценки альтернатив. Именно здесь заложены основные возможности достижения соглашения в трудных случаях, когда на первый взгляд не видно взаимоприемлемых альтернатив. "Совместный выбор" — это не обязательно компромисс. Соглашение, являющееся итогом "совместного выбора", может возникнуть в результате переосмысления ситуации, переоценки альтернатив. По существу, в таком понимании переговоры — это выработка совместной оценки.

В настоящее время все больше возникает проблем, связанных с исключительной сложностью того взаимозависимого мира, в котором мы живем. Характер этой взаимозависимости, возникающей как в силу прямых связей, так и в силу опосредованного взаимодействия через окружающую среду, может быть совершенно неясен без специальных и часто очень сложных и трудоемких исследований. На этот факт обратили серьезное внимание и ряд исследователей процесса переговоров.

Все чаще возникают ситуации, когда структура конфликта настолько сложна, что возможные альтернативы решений невозможно выработать без специальных исследований, а исследования невозможно произвести, не зная мнения и оценок партнеров по переговорам, взгляды и институциональные механизмы которых являются частью переговорной ситуации и потому должны учитываться в процессе исследования. Возникает необходимость в совместном исследовании проблемы в процессе переговоров. Переговоры начинают интегрироваться сторонами в рамках метафоры "совместного исследования".

Исследователи переговоров широко обсуждали понимание сущности переговорного процесса, основанного на трех обсуждавшихся выше метафорах. Между тем весьма удивительно, что современные исследователи, занимающиеся построением моделей переговоров, очень мало внимания обращают на один важнейший аспект переговорного процесса, который прекрасно осознал практиками. В книге "Как делался мир в 1919-м" Г. Никольсон в главе, названной "Провал", обращает внимание на то, что в процессе переговоров должно анализироваться не только актуальное состояние дел, но и перспективы будущего развития ситуации, в особенности те факторы этого развития, которые не контролируются

сторонами, принимающими решения.

Анализируя позицию президента Вильсона на Парижской конференции, Г. Никольсон пишет: "Если бы вильсонизм действительно мог быть применен полностью и повсеместно и если бы Европа действительно могла положиться на силы Америки для его проведения, тогда, несомненно, возникла бы альтернатива, бесконечно более предпочтительная по сравнению с опасным и вызывающим равновесием европейской системы... Поддерживаемые уверенностью в немедленной и бесспорной американской помощи государственные деятели Европы могли бы отказаться от своей старой системы безопасности в пользу той более широкой системы безопасности, которую обещали теории Вудро Вильсона. Но были ли они уверены, что Америка будет настолько альтруистичной, настолько донкихотской, чтобы обеспечить вильсонизм Европе?" И действительно, с одной стороны, сомнения европейских правительств в поддержке Америки вели к постоянным компромиссам между вильсоновскими "идеалами" и национальными интересами победивших держав, с другой стороны, последующий отказ Америки поддержать версальскую систему серьезно ее ослабил. Отсутствие в процессе переговоров убедительного анализа и учета будущего развития ситуации, создаваемой "версальской системой", возможных национальных политических, экономических конфликтов было одной из важных причин краха "версальской системы". К этому необходимо добавить полное игнорирование мнения побежденной стороны. Крах "версальской системы" — один из наиболее поучительных примеров того, к чему может привести отказ от "совместного конструирования будущего".

Итогом соглашения, достигнутого в процессе переговоров, является установление нового положения дел. Установление этого положения дел повлечет некоторые следствия, реализуется в будущем один из возможных сценариев развития ситуации. Что же такое "точность" дипломатии, о необходимости которой говорили практики от Де Кальера до Г. Никольсона? Вне всякого сомнения, они понимали под этим согласованность представлений участников переговоров относительно сценариев развития событий. Именно неопределенность этих сценариев, когда одна из сторон ожидает от реализации соглашения одних результатов, а другая — совершенно противоположных, превращает заключенное в результате переговоров соглашение в источник нового конфликта. Наиболее частым источником "неточности" являются те участники, обсуждающие ситуации, которые не привлечены к заключению соглашения и тем самым оказываются не связанными обязательствами по нему. Поэтому одно из условий соблюдения "точности" в переговорах — это представленность всех реальных участников ситуации. Между тем часто отсутствие на переговорах какого-либо из участников ситуации связано с характером его юридического статуса.

Если исходить из понимания переговоров как "совместного конструирования будущего", то необходимо признать, что конструировать будущее всерьез можно, только опираясь на признание существующей реальности и это — очень существенный фактор действительного успеха переговоров.

Эти четыре метафоры описывают последовательное углубление представлений о переговорах. Путь от "торга" до "совместного строительства будущего" — это тяжелый путь роста мудрости и взаимного доверия.

В случае слабой связи между партнерами дело может и не пойти дальше торга – случайная встреча ведет к столь же случайному расставанию партнеров, которые не сторговались. Национальные проблемы – это другой случай. Сильная взаимозависимость, связанная с сосуществованием на одной или соседних территориях, требует наиболее глубоких и полных форм переговоров. И здесь мы сталкиваемся с парадоксом.

Выше мы уже отмечали, какую огромную роль в национальных проблемах играет “мобилизация масс”. Но методы этой мобилизации в принципе не совместимы с “глубоким” представлением о переговорах. Они ориентированы на агрессивный позиционный торг и предъявление максимальных требований. В этом основная трудность для трезвых политиков, пытающихся управлять массовым движением. Для “мобилизации” нужна не мудрость, а громкий голос и броские лозунги. И в этих условиях трезвые политики, как правило, проигрывают митинговым крикунам.

Между тем для действительного решения сложных национальных вопросов необходимы и напряженный поиск взаимоприемлемых оценок, и исследование части очень неясных ситуаций, и искреннее желание совместно строить будущее.

Все это недостижимо с помощью митинговой дипломатии и силового давления. Необходимо привлечение к переговорам наиболее мудрых, ответственных, мощных в интеллектуальном отношении сил национальных общин и столь же мудрое и взвешенное отношение к переговорам со стороны центральных властей.

Политические реалии

Что же происходит в реальности? Почему столь сложными становятся национальные проблемы в еще вчера казавшихся вполне спокойными регионах? Печальным фактом является то, что центральные власти сейчас столкнулись в национальном вопросе как с проблемой с теми же самыми политическими методами, с проявлениями той политической культуры, которая десятилетиями насаждалась сверху. Разве так уж отличаются те методы мобилизации масс радикальными национальными движениями от тех, с помощью которых много лет поддерживалось всеобщее “единодушие” и “одобрение” (или “неодобрение”)?

Группы активистов этих движений пытаются добиться “мобилизации” очень простыми средствами – воспоминаниями о болезненных событиях национальной истории (пакт Риббентропа – Молотова в Прибалтике, память о геноциде в Армении). Используется и “образ врага” – “мигрантов”, “инородцев”.

Непонятым остается только одно: что делать после того, как “мобилизация” уже произошла? Как решать реальные проблемы? Ведь их не решить с помощью исторических реминисценций. Нужна огромная, терпеливая, осторожная работа и одновременно быстрое улучшение социальной ситуации – требования предельно противоречивые.

Что же делать в подобной ситуации? На мой взгляд, существует единственный путь решения национальных проблем: “детоталитаризация” общества, разрушение политической культуры тотальной мобилизации масс, противопоставление этой культуре культуры ответственной

политической демократии, основанной на гарантии прав меньшинства. Необходима институционализация демократических институтов, способных противостоять “митинговой демократии” и безответственным радикалам.

Быстрое улучшение в области гарантий политических прав, процедурно и институционально оформленных на базе огромного мирового опыта ответственной политической демократии, — это единственный путь решения национальных конфликтов. Мировая практика показывает (Франция — в 1958 г., Греция — в 1974 г., Испания — в 1976 г.), что очень острые ситуации социальных конфликтов могут быть разрешены достаточно быстро и эффективно в случае быстрого установления политических институтов, основанных на принципе разделения властей и сочетающих сильную центральную власть с гарантиями политических прав меньшинства. Такой подход позволит демократическим путем выделить действительно ответственные, обладающие необходимым интеллектуальным потенциалом группы представителей национальных общин, которые будут способны вступить в переговоры, руководствуясь “глубоким” пониманием переговорного процесса. Остается один, быть может, самый большой вопрос: что мешает такому развитию событий?

Здесь мы вынуждены немного отвлечься и для разъяснения некоторых странных феноменов нашего настоящего обратиться к “опыту истинности”, который дает нам история.

Великая Французская революция — модельная ситуация для исследования социальных катаклизмов. Когда в 1790—1791 гг. Мирабо убеждал Людовика XVI искренне стать на сторону революции и способствовать укреплению нового политического порядка, основанного на разделении властей, с сильной исполнительной властью и демократическими законодательными институтами, он пытался спасти Францию от ужасов многолетних войн, террора и бонапартистской тирании. Для короля ограничение его власти и установление твердого конституционного порядка было неприемлемо. Король всеми силами препятствовал этому, создавая условия для усиления радикалов, и позднее даже напрямую поддерживал радикально-антимонархистскую группировку жирондистов в их стремлении развязать войну с Австрией — надеясь, по принципу “чем хуже, тем лучше”, на подавление революции внешней военной силой. Конец известен.

Что же происходит с национальными движениями у нас? Нежелание бюрократии идти на демократизацию общественной жизни радикализирует национальные движения, отдавая их в руки стремящихся к “мобилизации” активистов, на каждом углу кричащих о необходимости борьбы с бюрократией. Этот противоестественный симбиоз бюрократии и радикалов не может длиться долго, но желание сохранить власть — чувство слепящее. Однако сейчас национальные движения, к сожалению, выглядят как щит, которым местная бюрократия прикрывается в борьбе с бюрократией центра. Ни о каких продуктивных переговорах в этих условиях говорить не приходится. Реальность — это войска на улицах Еревана, Баку, Степанакерта. Но использование силы может лишь загнать болезнь вглубь, а открытое подавление радикальных группировок чревато тяжелыми социальными эксцессами. Время не ждет — нужны быстрые шаги по установлению прочных и ответственных демократических институтов, способных покончить с “митинговой демократией”.

ВЫДЕРЖКА И ДАЛЬНОВИДНОСТЬ

Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся...

А. С. Пушкин

То, что происходит у нас “в сфере межнациональных отношений”, вызывает не только к незамедлительным — в самых горячих, можно сказать, смертоубийственных случаях — мерам, но и к раздумью и осмыслению, которые не могут быть ни скоропалительными, ни даже окончательными по своим выводам. Эти раздумья предполагают большую, иногда почти сверхъестественную выдержку, чтобы в ситуации, когда эмоции овладевают всем и все, казалось бы, себе подчиняют, иметь возможность думать о предыстории конфликта, т.е. о событиях, уходящих на многие века в прошлое, или о тех благословенных и чаемых “временах грядущих”, о которых писал поэт. И нужна еще дальновидность (если не мудрость), чтобы, поставив себя, хотя бы мысленно, в центр схватки, обратиться к тому, что можно назвать *теоретической* стороной “национального вопроса”. В нижеследующих строках я хотел бы обозначить некоторые, с моей точки зрения, важные стороны темы о “распрях народов” как одном из модусов их взаимоотношений.

I. Семья, род, племя, народность, народ, нация, союз их — категории сложные по самой своей исходной идее и по главной цели, выдвигаемой ими перед собой. И эта сложность существует с самого начала, искони и имеет тенденцию к еще большему, нередко роковому возрастанию. Это и понятно, потому что все обозначенные здесь “единства” имеют самое актуальное и самое жизненное содержание — обеспечение данному коллективу людей *жизни* — ее возникновения, сохранения, воспроизведения в череде следующих друг за другом поколений. В этой сверхзадаче объединяются силы природы и культуры, и, когда это объединение органично, жизнь “переносится” из поколения в поколение, из прошлого в будущее. Поэтому каждое из этих объединений — от семьи до союза народов — хотя и в разной степени, но имеет как природно-естественный (каждое из названий этих единств отсылает к идее рождения-плодоношения), так и культурный, т.е. сотворенный (и, следовательно, искусственный) аспект и соответствующие нужды и цели. Уже поэтому такое единство, как народ, и самый яркий знак его — язык нельзя считать ни печальным пережитком былой темноты, ни досадной помехой светлому будущему, ни, наконец, тем, с чем поневоле приходится до поры

мириться. И семья, и народ, и союз народов, как бы ни менялись их формы, для нашего исторического фона явления не только органически укорененные во всем нашем бытии, но и необходимые, в высшей степени плодотворные, подлинно творческие и по исходному замыслу, и по своим целям, хотя и чреватые опасностью: порча может поражать многое в них, отравлять чистые родники и, подобно беснующейся метели, сбивать с подлинного пути.

Но сложность проблемы, имеющаяся обычно и в *одной* семье, и в *одном* народе, во всей своей силе выступает тогда, когда речь идет о многих и разных семьях и особенно народах. Исторически, в силу прав наследования, в силу разных природно-естественных и социально-культурных условий каждый народ — осознанно, полусознанно или неосознанно — несет свою идею, свой мир представлений и о себе, и о другом. И поэтому эти естественные и даже необходимые различия своего и чужого на фоне бесспорно общих задач жизнеобеспечения, о которых шла речь ранее, становятся предлогом, почвой, местом, где начинаются несогласия, разноречия, споры и ссоры. Эти две стороны — единство потребностей разных народов как отдельных членов общечеловеческого тела и различие их же, потому что каждый народ все-таки особый член этого тела, — *естественны*. Единство-согласие и многообразие-разногласие в отношениях между народами столь же естественны, сколь и *необходимы*, но не только потому, что все определено заранее и иного выхода нет, но и в ином, высшем провиденциальном смысле. Сочетание единого и разного как раз и ведет каждый народ в кругу других народов к тому, чтобы "природный" детерминизм бытия все более и более эволюционировал к ситуации свободного выбора и доброй воли — к тому, что делает народ новой категорией иного, более высокого нравственного уровня — пресуществляет его в народ-личность. Согласие, сознание единства общечеловеческих интересов на этом пути охранительны и гарантируют, что путь будет пройден. Различие-разногласие, если оно не выходит за известные пределы, служит иной, но тоже благой цели — оно дополняет разные частные варианты жизненного опыта до целого, углубляет самую идею согласия, обогащает ее содержанием, учит такту и мудрости при общении "своего" и "чужого", осваивает это чужое и открывает для чужого возможность понять себя, свое. Понять — простить, а простить — принять в свое сердце. В этой широкой перспективе каждый народ, каждый опыт бытия народа *дополнителен* по отношению к другим народам и их частным опытам. Эта *дополнительность* и отсылает в конце концов к идее человечества в целом и служит своего рода механизмом обратной связи в отношении между народами, в проверке истинности-ложности "монологических" заключений и решений, без обращения к другому — сначала ближнему соседу, а потом и дальнему.

Поэтому вышедшие в последние годы наружу (но для многих не составлявшие секрета и раньше) факты национального несогласия, взаимного непонимания и взаимных упреков (иногда резких и оскорбительных, но все-таки позволяющих, хотя и не без труда, проникнуть в суть дела, в причину, которая сама по себе не может быть ни оскорбительной, ни дружелюбной), если думать о положительном решении всех этих проблем, — явление необходимое, печально-нужное в переживаемый период. Ибо мы должны без утайки (но желательно все-таки без оскорблений или безответственных слов), как на исповеди, высказать себя

во всем, что считаем у себя хорошим и плохим, и услышать то же от другого, но с преимущественным вниманием к хорошему. Знать о наших различиях и взаимных претензиях неизмеримо важнее, чем знать о том, в чем мы согласны (отношение к экологическим бедствиям, к военной угрозе, к падению жизненного уровня и т.п.) и где мы в принципе заодно.

II. Если разногласия и противоречия между народами естественны и могут быть иногда даже плодотворными при условии доброй воли и внимания к голосу другого, то реакция на происходящее в сфере национальных отношений нашего официального общественного мнения, как оно выражено в центральных печатных органах, может быть названа естественной в ином смысле — как ожидаемое соответствие очень невысокому уровню понимания национальной и межнациональной проблематики в целом, неизжитости (часто сознательному нежеланию это делать) схем и установок худших времен нашей современной истории. Совершенно очевидно, что одни не понимают и — с горечью скажу — не поймут нужд чужого и уже поэтому чуждого им народа, а другие сознательно и своекорыстно будут греть руки на чужих бедах в национальном вопросе, преследуя даже не только свои великодержавные цели (это все-таки мотив идеологический), но и просто блюдя свои сугубо практические, материальные интересы. Эта крайне неблагоприятная ситуация хотя бы отчасти была извинительна, если бы с обеих конфликтующих сторон не было людей, которые глубоко понимают специфику проблемы, сохраняют удивительную выдержку и добрую волю неустанно разъяснять свою позицию и практически поднимают свой голос в защиту добра и правды. То, что говорится здесь, — для тех, кто недостаточно знает суть дела или вовсе ее не знает, но, хотя и захвачен страстями иногда не лучшего достоинства, все-таки открыт голосу разума или — проще и легче — естественному чувству человеческой справедливости и доброжелательности.

Постулаты национальных взаимоотношений в опасных ситуациях почти так же просты и так же фундаментальны, как Моисеевы заповеди, и начинаются с запрета — не: не обидь, не оскорби, не ударь... и лишь далее несколько иначе, сложнее — начинай с себя, продумай до основания свою позицию; не недооценивай пока еще не видимых тобою глубинных запасов своего благородства и доброй воли; взгляни на себя со стороны и, если можешь, глазами своего врага, с тайной надеждой, что он увидит в тебе хоть что-то хорошее; бойся ошибиться, ибо в этих делах ошибка страшнее отказа от выигрыша; не торопись, ибо погибнуть за правое дело в большинстве случаев все-таки не лучший выбор — ни для отдельного человека, ни тем более для народа: *этот народ в этом месте и в это время никогда не весь народ* — у него есть предки и должны быть потомки, и поэтому грешно поддаться гордыне, считая себя носителем *последнего* слова — за себя, за предков, за потомков; эсхатологические настроения (даже если они возникают в результате всего хода событий) опасны. В конце XX в. каждый народ, даже самый многострадальный и, казалось бы, оставленный наедине со своими бедами, должен знать, что у него есть друзья и, значит, его одиночество мнимое; что уже поэтому дело его, каким бы трудным оно ни представлялось, не несет на себе с неизбежностью печати безнадежности; что борьба за достойное существование своего народа — не столько право (в правах-то как раз чаще всего и отказывают), но долг и перед самим собой и перед челове-

Точно так же существуют и общие правила порядка "ходов", своеобразной иерархии в схеме разрешения конфликтов этого рода. Малый народ, народ, чье существование под угрозой, народ, первым заявивший о своем неблагополучии или обиде, имеет право первенства перед большим народом, который — в целом и существенном — практически не может быть обижен малым народом. Литовец, живущий в Литве, или латыш в Латвии могут слишком жестко связывать русский народ с определенным общественно-политическим режимом, принесшим им и их земле много горя, но русский, живущий в России, не может иметь всерьез конкретных претензий к Литве и Латвии в том, что касается вопросов жизни и смерти: ни при каком подходе они не виноваты перед русскими и Россией за наши беды "нестроения". Русский же, живущий, например, в Литве и втянутый в водоворот страстей, должен помнить, что все-таки Литва и в прошлом и ныне прежде всего дом литовца, его последнее прибежище, последняя черта, последняя судьба.

Но конфликт произошел и даже принял острейшие формы. Первая и неотложная потребность в этом случае, независимо от того, кто прав, кто виноват, — разнять дерущихся, развести в стороны, прекратить лавинообразно возрастающее движение к необратимой ситуации. На первом этапе это главная и пока достаточная задача. К счастью, в наших условиях осуществление этой задачи не из самых трудных. Но второй этап, конструктивный, — куда труднее. И именно здесь уже сделано более всего ошибок — и верховной властью, выступающей как третейский судья, и общесоюзной прессой, и, пожалуй, обществом в целом, судя по словам, делам, мыслям. На втором этапе, в самом начале его, самое непрактичное — говорить о дружбе, которая "была, есть и будет" (и о которой, следовательно, как о явлении, от нас не зависящем, можно и не заботиться). Невольно приходит на память обычный футбольный инцидент: разнимая горячо сцепившихся друг с другом игроков, судья требует, чтобы они немедленно в знак примирения пожали друг другу руки, и каждый из них даже и согласен на это, но только при условии, что последний удар или последнее оскорбление будет нанесено им другому. Напоминание о дружбе, которой реально могло никогда не быть (кроме как в спущенной сверху программе), или о подлинно бывшей дружбе начинает играть роль, противоположную задуманной. Первым же требованием после разведения сторон должно быть — успокоиться, одуматься, суметь адекватно выразить свои взаимные претензии, а эта адекватность, помимо всего прочего и особенно на первых порах, зависит от языка, его тона, от голоса, каким один народ обращается к другому, но в данную минуту еще врагу — подлинному или кажущемуся.

В наших условиях в случае таких двусторонних конфликтов в принципе всегда должен быть третейский судья общесоюзного ранга, стоящий как бы над схваткой в том смысле, что обе враждующие стороны принадлежат, как потерявшие единый контроль разные члены, все-таки к одному и тому же телу, голосом которого выступает этот третейский судья. Плохо и глубоко неприципиально из преходящих интересов момента (лишь бы не вышло на свет Божий, лишь бы замирились в эту минуту и т.п.) поступать подобно родителям, которые при ссоре детей, разняв их, твердят в "воспитательных" целях — "оба виноваты, обоих накажу". В этих случаях третейский судья должен думать о *справедливости* самой по себе, и прежде всего о ней, а не о способах загнать болезнь

внутри. Этот судья не может ссылаться на то, что каждый народ выдвигает "свою" версию — актуальную и историческую, — которые в корне противоречат друг другу и поэтому нет средств для отделения агнцев от козлищ. Справедливое решение *всегда* есть, но его надо искать, и поиск этот может быть очень сложным. И все-таки есть объективная наука и мудрый тысячелетний человеческий опыт, которые в состоянии в совокупности ограничить этот релятивизм и вытекающее из него равнодушие к знанию того, как это было на самом деле. Без установки на справедливое решение, равно глубокое и принципиальное, может быть достигнуто только замирение — временное, непрочное, взращивающее в своих недрах новый взрыв, но никак не мир, не добрососедство, не дружба. Искать справедливость и увидеть ее, конечно, еще не означает знания того, как воплотить ее, как действовать в соответствии с нею. Это последнее — совсем иное, но оно, так сказать, все-таки "меньшая половина" дела. В ней много неясного. Но одно несомненно: средства, которыми придется действовать и, в частности, тот же язык и понятия, им выражаемые, должны стать более человекообразными, конкретными, конкретными. Надо оперировать не абстрактными, насквозь политизированными и идеологизированными категориями, уже зараженными духом недобрых дней, но понятиями и словами общечеловеческой значимости и соблюдающими масштаб возможного: не обязательно дружба народов и интернационализм, но хотя бы достойное соседское общежительство, такт в отношении с людьми другой национальности, презумпция, что ты не лучше другого, т.е. то, что было у наших дедов и прадедов.

III. Начинать нужно с себя, с истоков, с самоанализа отношений к другому, в данном случае к двум народам, которые сейчас живут в Прибалтике, — литовцам и латышам. Что думали о них в прошлом — давнем и недавнем? По крайней мере что отразилось в слове и осталось как несмываемое свидетельство? Ведь русские и белорусы живут с этими народами бок о бок больше тысячелетия, и это по меньшей мере. "Словарь русских народных говоров", где каждое жившее в народе и дошедшее до нас слово подкрепляется наиболее типовыми примерами его употребления, весьма поучителен в этом отношении. Лишь несколько примеров: *Литва. Бранно*: Эй, литва поганая; — *Литовский. Бранно*: Эй, литовские люди, съели хрен на блюде; — *Лётва* (латыши). *Шутливо или бранно*: Лотва некрещеная, также — 'байное сборище'; — *Латыш*: Ни одного слова от ево, что он говорит, не поймешь, словно латыш какой, также — 'человек, плохо выговаривающий слова по-русски'; 'бестолковый человек'; — *Латышала* — 'человек, который латышует — картавит, неразборчиво произносит слова' и т.п. — и еще раньше, в начале XVII в., в записях Ричарда Джемса: *lattuish* (т.е. латыш). "Они сами хорошенько не знают, почему так говорят: употребляется это слово неодобрительно. Одни говорят, что оно обозначает язычника, некрещеного человека, а таковыми они считают всех, кроме себя. Другие говорят, что это слово обозначает человека, не умеющего говорить на их языке, так, например, малым ребятам они говорят иногда: *Lattuish ne umiat govorait* (Латыш не умеет говорить)". А в рассказе Куприна "Мелюзга", спустя три века: "...в стороне... затерялась деревня Большая Курша. Обитателей ее зовут в окрестностях Куршей-головатой и Литвой-некрещеной" и т.д. и т.п. Так рисовался образ "соседа", который в свою очередь также

не оставался безответен. Но сейчас речь не о нем, но о нас самих. Пожалуй, эти и подобные им примеры сейчас можно принять за курьез и посмеяться над нашими предками — над самими собою в прошлом. Но сегодняшняя ситуация располагает к более серьезному тону, и мы, будучи не в состоянии отделаться от аналогии между днем давним и тем, что сейчас стоит на дворе, легко замечаем печальную преемственность в том, как мы описываем соседа. Этот сосед, литовец или латыш, не просто пашет землю, пасет стадо или поет песню (обо всем этом ни слова), но он некрещеный, не умеющий говорить и выступает только как объект брани и издевательства. Все, конечно, имеет свои исторические основания и, может быть, оправдания, но сейчас для нас истинно важно извлечь урок из этих описаний "соседа": они рисуют не столько его образ, сколько то искажение, которое неизбежно при этноцентрической позиции, и разоблачают не столько этого "соседа", сколько соседа этого "соседа", т.е. нас, в нежелании и в неумении непредвзято взглянуть на ближнего. Но сейчас другие времена, и песни должны быть новыми, лучшими. Сейчас время платы долгов, покаяния и добрых обетов.

Знание нашего прошлого, в очень многом общего с балтийскими народами,— слабая наша сторона, а именно знание помогает понять истоки, оценить результаты и принять ответственные решения. К сожалению, мало кто знает, что для нас, русских, как представителей славянского мира литовцы и латыши — подлинные братья, родственники. Нет среди всего множества индоевропейских языков таких, которые были бы столь близки между собою, как славянские и балтийские, некогда возникшие из единого для них балто-славянского языка. Еще меньше знают о том, что огромные пространства Восточной Европы от Прибалтики до Москвы и даже несколько далее на восток некогда были населены балтийскими племенами. Славяне пришли сюда позже и усвоили от балтов многие сотни названий речек и урочищ (эти балтийские названия до сих пор живут и на Днепре, и на Оке, и на Волге, и в самой Москве) и заимствовали много слов, прижившихся в русском языке. Славянские племена, давшие начало русскому, украинскому и белорусскому народам, насколько можно судить по фактам, не изгоняли предков-балтов с их территории, но сосуществовали с ними именно как с соседями, беря у них одно и щедро отдавая свое. И балтийские языки также хранят дары русского словаря. Но русский этноязыковой элемент был многочисленнее и экспансивнее; балтийская речь теснилась на востоке, все более и более сокращая свою территорию, и прежние балты по прошествии веков стали русскими. Мы не можем забывать, что в становлении русского и белорусского этнического типа немалый след оставили и балты. Конечно, балтийские народы Прибалтики, и прежде всего литовцы, единственный из балтийских народов, создавший государство, которое в одно время простиралось "от моря до моря" и включало в себя и Минск, и Полоцк, и Смоленск, и Киев, и Чернигов, сохраняли, видимо, память о своем историческом прошлом и претендовали на часть земель, уже ставших русскими. Литовцы делали набеги на Русь, как русские ходили на литву и ятвягов. Это и были те давние "распри народов", о которых писал поэт. Не менее печальной была судьба балтов и на западе. На вымирание были обречены пруссы, ятвяги, курши, селы, земгалы, галинды (как и голядь, сидевшая в Подмоскovie), их язык и их культура. Прежде огромные

территории расселения балтов сузились до небольшого уголка на юго-восточном побережье Балтийского моря, последнего дома-прибежища двух выживших народов — литовцев и латышей. В XVIII в. они вошли в состав России — в одном случае в результате долгой войны, в другом — по разделу Польши. Только после первой мировой войны Литва и Латвия стали независимыми и обрели (латыши впервые за всю историю) свою государственность. За два десятилетия было сделано очень много полезного, а открывавшиеся перспективы были еще богаче. Но снова эти две маленькие страны и их народы оказались ставкой в игре других сил. Открылась трагичнейшая глава в истории этих народов, и полная картина несчастий будет воссоздана позже. Но я опять о нас, о русских, т.е. о народе, который в XX в. сам пережил страшную трагедию. Приходя в себя как от тяжелого духовного и физического обморока-омрачения и пытаясь начать строить новую, достойную жизнь, мы должны обратиться мыслью, словом и делом к нашим братьям-соседям, к литовцам и латышам и сказать им по совести:

Простите нас за все то плохое, что мы вольно или невольно, по своей безответственности или по воле демонических сил, в руках которых мы были только безгласным орудием, сделали вам; за несправедливость, ложь, насилие; за то, что мы не сумели воспользоваться историческим шансом найти путь к вашему сердцу и вашему разуму ни в два века вашего пребывания в составе Российской Империи, ни в последние полстолетия. Вы — укор нашей совести, но и наша надежда и высокий пример подлинной творческой ответственности за историю своего народа, за его язык. Мы хотим возобновить наши старинные права на братство — подлинное, без каких-либо определений, без "старшего брата" или того брата, который "первый среди равных". Нам больно — но это наша вина — слышать ваши проникающие слова: "Оставьте меня, зачем вы меня обижаете", но мы слышим, хотим слышать за ними другие слова: "Я брат твой".

И когда это будет сказано, мы, переживая нашу вину, впервые не отведем глаз от вашего взгляда.

РЕЛИГИЯ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ

Сегодня нам приходится платить по серьезным счетам за ошибки и преступления прошлых лет. Один из самых трудных для оплаты — это счет за накопившиеся национальные проблемы и напряжения в межнациональных отношениях. События вокруг ситуации в Нагорном Карабахе — это первый серьезный случай, когда многолетнее напряжение (вызванное исторической несправедливостью, совершенной в 1921 г. Кавбюро ЦК РКП (б) под нажимом Сталина) перешло в кровавый конфликт.

Преступления в Сумгаите потрясли всю страну, отозвались целой серией дальнейших событий. К сожалению, из сообщений в прессе не создается впечатления, что законность восторжествовала и наказание понесли не только отдельные участники, но и власти, сыгравшие роль попустителей.

Трагичность ситуации мне видится прежде всего в том, что группа бандитов и насильников сочла себя выступающей в качестве представителей целого народа, сочла это достаточным оправданием своих преступлений. Согласиться с ними в этом — значило бы сделать трагическую ошибку: возложить на народ вину преступной группы.

Сегодня находится достаточно борцов за интересы своих народов, и я менее всего хотел бы включиться в состав этих борцов. Еще менее я считаю себя вправе судить о том, как надо правильно понимать эти интересы или чьи притязания полностью обоснованы. Сегодня необходимы миротворцы, способные призвать втянутых в конфликт людей к трезвому осознанию происходящего. Такую позицию могут занять лишь те, чья принадлежность к ядру нации не вызывает сомнения, на ком нет ни тени подозрения, что они исходят из интересов чуждой группировки. И вместе с тем те, для которых принадлежность к своей нации не закрывает существования остальной Вселенной. Те, кто твердо знают: интересы своего народа необходимо соотносить с безотносительными ценностями, а не пытаться отстаивать их любыми, представляющимися уместными в данный момент, средствами.

Одновременное появление в "Огоньке" (№ 3, 1989 г.) интервью с Верховным Патриархом и католикомом всех армян Вазгеном I и Председателем Духовного управления мусульман Закавказья шейхуль-исламом Аллашукюром Паша-Заде подтвердило способность представителей монотеистических религий отнестись к сложившейся межнациональной ситуации не с позиции сиюминутной справедливости (увы, никогда не достижимой ни в межличностных, ни в межгрупповых отношениях), но с точки зрения сохранения общечеловеческих ценностей,

что для людей религиозных может означать лишь одно: следование духу божеских заповедей.

Выходку группы молодых людей в Баку, выбежавших с бубнами и радостными песнопениями на улицу при известии о катастрофе в Армении, оба духовных лидера одинаково осудили как антихристианскую и антимусульманскую, как кощунство, достойное осуждения Аллаха (так называют единого Бога мусульмане) и людского презрения.

Монотеистические религии — иудаизм, христианство и ислам — отказались от языческих национальных богов. С точки зрения всех этих религий, самообожествление какого бы то ни было народа, превращение национального в абсолют есть не что иное, как идолопоклонство.

Конечной мерой ценности и достоинства человека является, с точки зрения монотеизма, не его принадлежность к какой-то нации или передовой группе, не соответствие его поведения интересам народа, класса или партии, но степень полноты, в которой он являет образ и подобие Бога (Быт. I: 26—27). На безрелигиозном языке это и означает уровень воплощения общечеловеческих ценностей.

Монотеистические религии отнюдь не отрицают значимости народного и национального. Апостолы христианства шли проповедовать разным народам. На основе христианства расцветали многообразные национальные культуры. То же самое можно сказать и о религии ислама. При этом происходила еще и религиозная наднациональная интеграция культур, связанная с повсеместным распространением языков Священного писания: греческого, латыни и арабского. В известном смысле остался национальной религией иудаизм, но опосредованно через христианство священная книга иудеев стала достоянием всего человечества. Но и в иудаизме Бог не является национальным идолом, а богоизбранность иудеев есть осознание особой ответственности перед Богом, а не самообожествление. (Мне представляется, что смысл этой богоизбранности достаточно полно раскрывается лишь с христианской точки зрения. Это замечательно показал В. Соловьев в работе "Русская идея".) Но при всей интеграции культур, когда, скажем, православная Россия осознала себя преемницей греческой православной традиции, а латынь оказалась общим языком всей просвещенной части Западной Европы, религия оказывалась выразителем местной народной культуры. Иконопись Рублева и Феофана Грека, литургическое пение — это русская живопись и музыка. Польские рождественские коленды — это тоже глубоко народная музыка. Всемирность монотеистических религий не мешала их национальной укорененности, без которой религия оказалась бы чем-то внешним по отношению к объединяемым в ней народам. Наряду с неминуемым разделением людей по конфессиональному признаку религии создавали некую духовную направленность к общечеловеческому единству.

Но эта направленность опирается на реальное многообразие народов и вероисповеданий. Точно так же, как церковная соборность в принципе опирается на многообразие составляющих ее уникальных и неповторимых личностей.

Тот атеистический интернационализм, в котором мы воспитывались более 70 лет, предлагал решение национального вопроса фактически за счет ликвидации национальностей (на словах постепенной, а фактически подталкиваемой сверху).

Л.З. Мехлис, известный подручный Сталина, на вопрос о том, как он терпит антисемитские шуточки своего вождя, ответил (по свидетельству П. Бажанова): "Я не еврей, я коммунист".

Сегодня даже русский народ осознал себя в значительной степени лишенным национального культурного достояния. Интернациональные лозунги эпохи сталинизма на деле означали нежелательность и даже недопустимость сколько-нибудь серьезного национального своеобразия укладов, характеров и культур, выходящего за пределы разнообразия утвержденных фольклорных ансамблей. Уничтожался образованный слой — интеллигенция всех наций, ибо этот слой несет в себе потенциальные способности нации развивать оригинальную культуру. Уничтожалось крестьянство, хранившее народную культуру и традиции.

Для монотеистических религий права любого народа на сохранение себя как неповторимой общности, как носителя потенци к дальнейшему своеобразному развитию определяются единством происхождения всех людей и тем самым равным правом самореализации в той общности, к которой они принадлежат. Для атеистического интернационализма суверенность национальных особенностей не имеет столь сильных оснований, зато эти особенности часто выступают как препятствия на пути к полному равенству, как разделяющий людей фактор. Равноправие выглядит проще достижимым в ситуации, когда своеобразие различных этнических групп минимизируется.

Сталинская практика насильственного подавления любого национального своеобразия с уничтожением всего яркого и своеобразного, собственного отдельных этнических группам, есть лишь решительная и жестокая реализация стремления атеистического интернационализма ко всемерному стиранию всего характерного для отдельных этносов, представляющего их неповторимую особенность: горцев переселяют в долины, охотников и рыбаков собирают в поселения, где их традиционная деятельность оказывается невозможной. Интернационализм, не уважающий автономии этносов, смыкается с империализмом, стремящимся подчинить себе все, преобразуя по спроектированным универсальным образцам.

Без веры в то, что любой другой человек — не в меньшей степени образ и подобие Бога, чем я сам, мне всегда будет трудно примириться с непохожестью другого на меня, а точнее, на мое идеальное представление о человеке. Особенно трудно примириться с непохожестью расовой, преодолеть которую не в наших силах. Расизм — это изобретение современного атеизма. В самых суровых религиозных конфликтах прошлого у побежденного оставалась возможность принять религию победителей. Расовые конфликты лишены такого рода исходов. Последовательный расист стремится к уничтожению преследуемых этносов.

Провозглашенный в нашей стране интернационализм на практике был направлен на подавление всего сколько-нибудь самобытного и независимого в национальных областях. На это подавление был задействован весь репрессивный аппарат. Полагалось делать вид, что национальных проблем и межнациональных конфликтов у нас вообще не существует (впрочем, как и проблем социальных). Сегодняшняя ситуация взрывоопасна, и любое неосторожное слово может еще подлить масла в огонь, а молчать уже нельзя, ибо надо отдать себе отчет в той реальности, в которой мы сейчас находимся. Для этого надо попробовать на какой-

то момент встать над собственными симпатиями и пристрастиями, чтобы попытаться найти общую для всех точку отсчета. Такой точкой отсчета не может служить ничто национальное: "... не у народа следует искать нам Бога, потому что сам народ хочет иной живой новозаветности, а Бога должно нам искать в наших сердцах" (В я ч. И в а н о в. О русской идее. — Собр. соч., т. III. Брюссель, 1979, с. 331).

Опыт человеческой истории учит, что целые народы и нации бывали преследуемыми, но XX век показал, что нация может быть не просто гонимой, но и уничтожаемой. Оказалось, что людей можно убивать или ставить в невыносимые условия только за то, что они принадлежат определенной этнической общности. Примером тому гибель армян в 1915 г. на территории Турции, тотальное уничтожение в нацистских лагерях смерти евреев и цыган, сталинские высылки калмыков, немцев Поволжья, крымских татар, чеченцев, балкар и карачаевцев (я отнюдь не уверен, что перечислил всех). Но никогда в роли преследующего не выступал какой-то другой народ как целостная общность. Ни младотурки (выступавшие на антирелигиозной платформе), ни отряды СС, ни сталинский аппарат репрессий не могут быть отождествлены с тем или иным народом, хотя в сознании гонимых такое отождествление происходит часто. Национальные преследования осуществляет власть или влиятельная группа, а преследованию подвергается народ в целом вместе с детьми, женщинами и стариками. Так что конфликт происходит не между народами, а между преследуемым народом и бандой преследователей из другого народа. В точном смысле этого слова национальный конфликт есть факт сознания преследуемых. От этого сами преследования не становятся менее реальными или менее преступными. Я хочу только сказать, что никакой народ в целом не может быть субъектом преступления. Другое дело, что народ может быть носителем определенных антипатий или даже фобий по отношению к определенным национальным группировкам. До известной степени они терпимы: ведь и в личностных отношениях любой человек вынужден признавать право других относиться к нему с антипатией.

Однако в наших условиях недостаточной правовой защиты и слабо развитого правосознания любые массовые антипатии, как национальные, так и социальные, легко приводят к реальному ущемлению интересов людей в силу их принадлежности той или иной группе. (Примером может служить культивировавшаяся в сталинские времена антипатия к русской интеллигенции.) А в этом уже заложен источник опасных для общества напряжений.

В каком-то смысле можно говорить о вине народа, принявшего как нечто должное преступную власть или допустившего существование в своей среде погромщиков, уничтожающих другие народы. Но это такая вина, которую людям судить не дано. Никто из нас не вправе взять на себя Божий суд над народами. Даже когда группы, состоящие из представителей данного народа, совершают преступления, они подлежат человеческому суду только как индивидуально ответственные лица. Справедливо сказал шейх-уль-ислам Аллахшукюр Паша-Заде в упомянутом интервью: "И если дошло до того, что, поддавшись ослеплению, азербайджанцы изгоняли армян, а армяне — азербайджанцев, — это вина не народов".

Межнациональный конфликт — это форма ложного осознания со-

циальных притязаний, помогающая придать им обоснованность.

В условиях нехватки земли, рабочих мест, мест в учебных заведениях или вообще возможностей честным трудом достичь некоторого социального статуса этнические ограничения вводятся обществом для защиты от социальной конкуренции.

Преследования различных национальностей, которые нам известны по собственному скорбному историческому опыту, имели те же мотивы, что и преследования дворянства, интеллигенции, самостоятельного крестьянства, партийной элиты, священников, поэтов и т.п. В глубине своей это мотивы подавления всего, что обладает хотя бы потенцией к автономии, хотя бы зародышами самостоятельной, а не насаждаемой из центра культуры, своим, еще не до конца идеологизированным сознанием.

Интернационализм атеистического покроя, в котором идея равенства как схожести всех наций доминирует над ощущением ценности любого этноса, легко превращается в инструмент оправдания национальных гонений под флагом борьбы с жупелом национализма. Национализмом в этом случае легко объявить любую попытку национального самосохранения. Не случайно все происходившие у нас преследования наций оправдывались борьбой с националистическими тенденциями, подрывающими нашу святую интернационалистическую идеологию. Любой разговор о национальной дискриминации у нас преследовался как попытка возрождения националистической идеологии. И опять же мы здесь имеем дело с вопросом не столько национальным, сколько социальным. Общество, разрешающее ради торжества социальной утопии репрессивное подавление целых социальных пластов, наиболее ценных для собственного функционирования, вряд ли найдет в себе этические тормоза, чтобы воздержаться и от национальных репрессий. Любое зло, любая санкционируемая обществом жестокость порождает лавину последующих актов насилия. Общество, в котором карается сочувствие репрессированным, карает и попытки назвать любые преследования преследованиями, ибо они оправданы будущим торжеством великих идеалов (в том числе и интернационализма), которым они служат.

Насилия по отношению к целому классу помещиков-землевладельцев, убийство царской семьи и массовые убийства заложников — все это не могло пройти даром для нашего народа, хотя все эти насилия оправдывались великими целями. Однако еще в XIV в. св. Екатерина Сиенская предупреждала: “. . . не следует, однако же, совершать хотя бы самый малый грех для достижения великого добра” (письмо ССLXVIII). Насилие никогда не может быть оправдано справедливостью; ради которой оно совершается. Прежде всего потому, что справедливость таким путем никогда не достигается. Справедливость требовала отдать землю крестьянам. Однако сам факт, что это считалось возможным совершить путем насилия и жестокости, привел к совершенно непредсказуемым последствиям. Он помог оправдать и почеть допустимыми насилия и произвол коллективизации, уничтожившей русское крестьянство. И это было не последнее насилие. Задумаемся над таким вопросом: если можно убивать и грабить классового врага, то почему нельзя так же относиться к иноплеменнику, стоящему эмоционально гораздо выше? Привыкнув к жестокости как социально дозволенному средству, человек становится жестоким ко всем. Жестокость не может быть уничто-

жена жестокостью. Ей может противостоять только милосердие. Социальная справедливость прекрасна как идеал, задающий направленность сознания. Насаждаемая насильственно, она превращается в свою противоположность. Это относится и к проблеме справедливого разрешения национальных конфликтов. Сама по себе в рамках иллюзий национальной ответственности эта проблема неразрешима.

Смягчение национальных конфликтов требует снятия целого ряда связанных с ними суеверий.

Известный современный логик отец Иннокентий Бохеньский очень любопытно написал о предрассудках, связанных с национализмом. Они состоят в признании народа божеством, которому должен служить любой входящий в него индивид, считая при этом свой народ лучше всех остальных. Это типичное языческое суеверие, ибо народ лишь одна из многочисленных групп, к которым принадлежит каждый человек. Каждый из нас принадлежит семье, региону, профессиональной группе, классу, а культурные и религиозные общности далеко выходят за границы наций и народов. Готовность представить свою принадлежность народу превыше всего внушили людям писатели, поэты и пр. (B o s c h e ŋ s k i I. Sto zabobonów. Paris, 1987). К этому автор добавляет, что не стоит путать национализм с патриотизмом, который отнюдь не является предрассудком. И. Бохеньский считает, что интернационализм отнимает у человека право думать о благе народа и внушает ему, что интересы человечества или класса выше интересов нации. По этому поводу философ Анри Бергсон говорил, что вместе со своей нацией или общиной мы защищаемся от других общностей, которые могут нам угрожать. Поэтому любовь к своей общности естественна, а любить человечество можно лишь на основе бытия Бога.

Сегодня мы могли бы возразить философу, что мы вместе со всем человечеством вынуждены защищаться от глобальных катастроф, среди которых первое место сегодня занимает угроза антропологической катастрофы — деградации человечества путем потери самосознания (М а р д а ш в и л и М. К. Сознание и цивилизация.— *Природа*, 1988, № 11, с. 57—65). Немалую роль в угрозе этой катастрофы играет разгул националистических страстей, все менее контролируемый общечеловеческими ценностями или, что то же, религиозным сознанием.

Замечательный русский философ В.В. Розанов в свое время был мишенью обвинений в антисемитизме. Однако именно он написал в своей последней книге: "Погром — грех, жестокость. Погром всегда убийство и представляет собой ужас" (Р о з а н о в В. В. Апокалипсис нашего времени.— В кн.: Избранное. Мюнхен, 1970). В этой книге он ужаснулся озверению, происходившему в народе. Он приводит подслушанные слова старика-крестьянина из Новгородской губернии: "Из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть". Впрочем, в связи с обвинениями В.В. Розанова в антисемитизме полезно опять процитировать отца Иннокентия, который перечисляет четыре предрассудка, связанных с антисемитизмом: 1) убеждение, что евреи якобы правят миром; 2) стремление исключить все еврейское из культуры (что абсурдно уже потому, что "христианство опирается на еврейскую Библию и происходит от Христа, который был евреем"); 3) убеждение, что ненависть к евреям хуже других национальных антипатий; 4) представление о том, что любой, кто предпочитает своих соплеменников евреям, является

антисемитом. Лично я полагаю, что обвинение В. В. Розанова в антисемитизме есть как раз предрассудок, упомянутый в 4-м пункте.

И теперь уже не для снятия обвинений с Розанова, но в знак восхищения его способностью видеть доброе в представителях иной народности следует привести еще одну цитату из той же книги: "Я нисколько не верю во вражду евреев ко всем народам. В темноте, в ночи — я часто наблюдал удивительную, рачительную любовь евреев к русскому человеку и к русской земле. Да будет благословен еврей. Да будет благословен и русский".

Впрочем, по поводу отношений евреев и русских не очень ясно, где тут граница между нациями. Если эту границу проводить генетически, то куда отнести многочисленных детей от смешанных браков? Вряд ли стоит переносить на нашу почву закон государства Израиль, считающий евреем родившегося от матери-еврейки или исповедующего иудаизм. А куда причислить достаточно многочисленную группу евреев, принявших христианство? Вероятно, правильнее всего было бы ориентироваться на культурное самосознание, на чувство принадлежности русскому языку и культуре. Впрочем, если кому-то это нужно, можно как-то различать русских по крови и по культуре. Хорошим образцом культурного единства русских служит список подписавших требование отменить как незаконный акт лишения гражданства Александра Исаевича Солженицына. В этом списке собраны люди, которых объединила приверженность родной культуре, а не чистота крови. Лишение гражданства — это неправовой вид наказания, а исключение великого писателя из своей культуры есть акт самооскопления культуры. Разумеется, это не значит, что любое мнение такого писателя следует принимать как обязательное. (И. Бохеньский среди предрассудков рассматривает и представление о художнике как об учителе добродетельной жизни и политическом авторитете.) Но, как мне кажется, вести в настоящее время спор с писателем, отлученным от родины, — дело недостойное.

Стоит сегодня вспомнить и о том, что в эпоху брежневщины делались попытки отлучить того же Солженицына от русской культуры путем распространения слухов, что его настоящая фамилия якобы Солженицер. Мне лично известны высказывания такого рода, делавшиеся лекторами на занятиях для партийных пропагандистов. Похожим способом те же источники пытались "скомпрометировать" А.Д. Сахарова. И опять тот же случай — неблагополучие в национальных отношениях используется в социальных целях, выполняя совершенно определенный социальный заказ.

В рамках дилеммы "национализм—интернационализм" вряд ли можно найти конструктивные пути смягчения межнациональных напряженностей, ибо ни та, ни другая идеология не дают оснований для "одностороннего разоружения", для того, чтобы кто-то первый прекратил счет национальным обидам. Разумеется, прекращение такого счета сильно способствовало бы укреплению правовой защиты, гарантирующей соразмерное и неотвратимое наказание для любых преступных действий, вызываемых национальной ненавистью.

Сильно способствовало бы смягчению межнациональных напряженностей и любое увеличение социальных гарантий и социальной справедливости. Однако вопросы правовых и социальных гарантий при всей их важности не входят непосредственно в обсуждаемую проблематику.

Было бы чистой утопией откладывать национальную проблему до момента полного решения правовых и социальных вопросов. Более того, сами эти вопросы могут успешно решаться лишь при добронамеренном сотрудничестве различных (и часто противостоящих друг другу) этнических общностей. Такое сотрудничество невозможно на почве национализма, т.е. языческого обожествления собственной нации. Бесперспективно оно и на почве атеистического интернационализма, ибо, как бы последний ни декларировал свое уважение к национальному, в нем нет онтологической основы для уважения к инаконациональному. Беспомощность безрелигиозного интернационализма в том, что он дает возможность хорошо относиться лишь к похожим на себя представителям других этносов. Любить непохожих на себя такой интернационалист не может. Это очень напоминает то, как большинство из нашего общества относится к инвалидам или дефективным детям. Теоретически считается нужным им помогать, но практически предпочитают с ними не сталкиваться. А религиозное чувство дает человеку способность общаться с инвалидом как с человеком, не испытывая страха и отвращения. Это чувство придает человеку способность видеть в непохожих на себя ни внешностью, ни характером, ни привычками такой же образ и подобие Бога, как и он сам. Не случайно успехи в смягчении межэтнических напряженностей в значительной мере связаны с религиозными деятелями. Достаточно вспомнить замечательного борца за равноправие негров в США — священника Мартина Лютера Кинга. Он организовал движение, действующее исключительно ненасильственными методами в духе христианской любви. Сам он оказался жертвой фанатика-убийцы, но движение победило.

Век просвещения полагал, что войны порождаются прежде всего межрелигиозными распрями, что атеизм ведет к миру между народами. Но XX век продемонстрировал такую безоглядную жестокость атеистических режимов и такой взрыв националистических страстей, что невольно понимаешь, насколько церкви и религии в свое время сдерживали воюющие стороны от чрезмерной жестокости. Сегодня миротворческая и смягчающая безоглядную жестокость людей роль церквей (при наличии локальных религиозных конфликтов, сложно сочетающихся с межнациональными) представляется достаточно отчетливой.

Уместно напомнить, что послание папы Иоанна Павла II по случаю 22-го Международного дня мира 1 января 1989 г. называется "Уважение меньшинства — условие мира".

Примечательным образцом выглядит поведение в годы оккупации митрополита Львова Андрея Шептицкого. В прокламации от 1.VII 1941 г. он еще приветствовал приход немецких войск как освободителей от советской власти, не слишком дружественно относившейся к возглавляемой им греко-католической церкви. Но уже в декабре 1941 г. он осудил поведение немецких оккупационных властей как несовместимое с христианскими принципами. В марте 1942 г. он обратился с посланием, осуждающим участие в убийствах с угрозой отлучения от церкви. В ноябре 1942 г. он огласил послание под названием "Не убий".

А вот что пишет из Львова к папе Пию XII 77-летний митрополит в письме от 29–31 августа 1942 г.: "Избавление немецкой армией от большевистского ига мы восприняли с определенным облегчением, которое продолжалось не более одного-двух месяцев. Постепенно власть

ввела режим террора и коррупции, который со дня на день становится все тяжелее и невыносимей. Сегодня весь край согласен с тем, что немецкая власть невыносима еще в большей степени, чем советская.

Уже год, как не проходит и дня, в котором не совершались бы отвратительнейшие преступления, грабежи и убийства, конфискации и насилия. Первыми жертвами оказались евреи. Количество убитых в нашем краю евреев уже наверняка превысило двести тысяч. По мере продвижения армии на восток число жертв росло. В Киеве в течение нескольких дней убито до ста тридцати тысяч мужчин, женщин и детей. Все маленькие местечки на Украине были свидетелями подобных зверств, и это длится уже год... Со временем евреев стали убивать на улицах на глазах всего населения и без тени стыда. Очевидно, великое множество христиан, не только крещеных евреев, но и "арийцев", как они выражаются, пало жертвой немотивированных убийств... Судьба христиан, сотни тысяч которых умирали и умирают без причащения, тоже в руках Бога. Как больно видеть этих бедных диссидентов, умирающих от голода или убиваемых в концентрационных лагерях, и не иметь возможности им помочь! Ибо, по сути, то, что удается для них сделать, — это ничто. Как правило, нам не позволяют обслуживать ни госпитали военнопленных, ни концентрационные лагеря, в которых ежедневно умирают сотни — а за несколько месяцев большинство пленных. . . До чего эта система доведет несчастный немецкий народ? Только до вырождения, какого не знала еще история" (перевод из польского журнала "Знак", № 9, 1988).

Откуда взялись у 77-летнего старца, рисковавшего не только своей жизнью, честь и мужество отстаивать свое право на милосердие не только к своей пастве, но и к исповедующим иудаизм евреям и даже к немцам?

Мы хорошо знаем на своем историческом опыте чудовищных репрессий, как опасно было проявить сочувствие к их жертвам. Почему митрополит Шептицкий способен на несоразмерно большие человечность и благородство, чем обычный советский человек, воспитанный в самом передовом мировоззрении? Может быть, достаточно задать эти вопросы, а давать ответы уже не понадобится?

Свое и чужое

ПО ТУ СТОРОНУ ИМПЕРИИ

Возможно ли русское национальное самосознание?

Осознание народом собственного величия — важный симптом. Не ставлю под сомнение серьезные основания для зачисления русских самими собой и всем миром в число “великих” народов, но вот обратная сторона “титанизма” кажется не менее интересной, чем лицевая.

Подход к историко-политической сфере русского самосознания начну, пожалуй, с вызывающе простого, но в то же время крайне показательного явления — национальной символики. Сегодня, когда почти во всех республиках легализованы национальные цвета и флаги, вдруг оказалось, что одни русские ходят как безродные, без собственной национальной символики, как будто они не народ, за плечами которого многовековая история, а сброд Иванов, родства не помнящих.

Нация ли мы?

Действительно, был ли когда-нибудь у русских свой национальный флаг? Трудно назвать русским национальным флагом петровский имперский “триколор”, переделанный из голландского, и тем более церковную хоругвь Куликова поля, предлагаемую в качестве державного символа агитаторами “Памяти”. Ведь потребность в цветовом оформлении национальных идентификаций появилась в наиболее развитых европейских странах по крайней мере в XVII—XVIII вв. По этому пути создания национальной символики последовали и все другие, рождавшиеся в XIX—XX вв. национальные государства. Согласитесь, трудно приравнять к национально-государственным символам достаточно определенную иконографию: да и как быть с чувствами неверующих или инаковерующих?

Отсутствие в русской истории естественно возникшей общенациональной символики поддается истолкованию при анализе фундаментальных исходных принципов построения и функционирования русской общины. Модель общинного микрокосмоса указывала на способы компенсации прикрепленности крестьянина к земле — выходом рядового общинника в создаваемую им и ему подобными Великую Русь. Не стану останавливаться подробно на хозяйственно-демократической оправданности подобного способа освоения территорий, но сдается, что при посредстве общины, через ее символично-космологическое уподобление всему сущему можно заглянуть в недра русского мессианства. Это явление — некий род вселенской компенсации рамок территориальной обособленности.

Этноним “великоросс” выражал факт этнической принадлежности, так сказать, по “государственному реестру”; в обиходе же великоросс продолжал оставаться кем угодно — помором, пошехонцем, щеряком, терцем, кубанцем, даурцем... Сказанное вовсе не относится к существовавшей тогда строго фиксированной (почти как теперь национальность в документах) абсурдной иерархии вероисповеданий, определявшей правовой статус личности. К тому же для украинцев и белорусов понятие “великоросс” означало непризнание за ними права быть отдельными народами, свободно развивать свои языки и национальные культуры.

Альтернативы империи

Укрепленность империи в недрах общины подводит к неизбежному вопрошанию: могло бы быть иначе? Как быть с неукротенным, если довериться Льву Гумилеву, духом пассионарности русских? Ученый вряд ли согласится на то, что вся пассионарность народа выгорела в социальных катаклизмах XX в.

Ответить на эти вопросы поможет разбор альтернатив империи и имперскому самосознанию, успешно дожившему до наших дней и вдобавок “обогащенному” теорией и практикой сталинизма. Важно и то, что эти альтернативы укоренены в мессианстве и вполне могли бы произрасти на его основе.

Спрашивается, зачем царю Ивану Грозному надо было “рубить” такое дорогостоящее “окно в Европу”, когда русские владели Корелой и Орешком? Тем более что в чем-чем, а в прозападнических настроениях организатора опричнины заподозрить просто невозможно. Так ли это, что Москва — единственный град Руси, предназначенный судьбой быть центром русского государственного образования, а ее князья, взвалившие на себя миссию собирателей русских земель, являлись истинными выразителями чаяний народа?

Политическая модель Пскова и Новгорода, сохраняя верность русским мессианским установкам, по сути своей может рассматриваться как антипод империи. Эта модель дает простой и естественный выход пассионарности — в освоении территорий начинаниями промысловыми, торговыми, монастырскими. Возможно, поэтому в Новгороде были какое-то время терпимы даже иудействующие еретики.

Такое видение своего места в раздвигающем границы мире в чем-то схоже с концепцией эллинской колонизации Сицилии и понтийских берегов. Никакая изначальная государственно-централистская принудилка не вызвала бы к жизни хозяйственный расцвет в условиях длительной колонизации восточноевропейского Севера с его природными особенностями. Недаром на шею северорусским общинам не удавалось посадить барина. Империи приходят на готовенькое, умело или не очень умело распоряжаясь плодами труда предшественников.

Другой погибшей альтернативой русской государственности было самое крупное государственно-политическое образование, существовавшее на территории бывшей Киевской Руси, — Великое княжество Литовское. Несмотря на все социальные издержки, сопряженные с неизбежным, в силу невероятной многочисленности шляхетского сословия, покушением со стороны этого слоя служилых людей на свободу общин,

эта историческая альтернатива может показаться предпочтительней, нежели на нашу беду реализованная, московско-имперская.

Преобладание русского населения в Великом княжестве Литовском позволяет порассуждать о нереализовавшихся тенденциях исторического развития. Единое русское национальное государство — Великое княжество Литовское в составе Речи Посполитой, — доведись ему осуществиться в нашей истории, направило бы мессианскую энергию русских на выработку социально-адаптивных механизмов, знакомых нам сейчас по истории других народов.

Остановлюсь еще на одном обстоятельстве. Недовольство со стороны русских литовцами, “узурпировавшими”, а точнее, передавшими полякам верховные символы власти, компенсировалось бы участием в постоянно изменяющейся внутривосточной борьбе. Упор в таких случаях делается на подчеркивание местных интересов, без которых немыслима никакая шкала измерения национальных ценностей. И горячо любимыми многими поколениями русских православие в таких условиях было бы гораздо более естественно живучим, даже пойдя на крайность — церковную унию. Последние ромеи, сделавшие так, прежде ничего особенного не выиграли, но ведь и не проиграли! Не знаю, конечно, но по мне лучше жить с наместником Христа на земле — римским папой, чем с бюрократическим сатаной Победоносцевым.

Такая специфичная социальная структура способствовала бы приватизации общественной жизни, формированию пусть очень своих, но по большому счету адекватных западным представлений о свободе. Про приоритеты национальностей при такой расстановке социальных сил остается только гадать, но ясно одно — это государственное образование мало было бы похоже на знакомую нам империю.

Русский регионализм

Региональный способ разрешения экологических проблем представляется мне более отвечающим интересам русских как народа, нежели глобально-государственный, не дающий реальных результатов. Русский регионализм как совокупность хозяйственных инициатив местного значения видится мне в социальной цепочке: трудящиеся — местная администрация — общегосударственный центр. Прибалтийский феномен национального единства и сотрудничества в экологических вопросах (консолидация народа и властей) кажется русским каким-то недостижимым идеалом и, возможно, объектом тайной зависти. Одна из ключевых, неразрешимых для русского национального самосознания проблем — может ли народ существовать только как подданный империи или же сам по себе?

Традиционный общинный способ освоения новых территорий предполагал личное начало. Теперь же русский действует не сам по себе, а исключительно как полпред (винтик) большой системы.

Повторяемую на все лады мысль об аренде в сельском хозяйстве как спасительнице русской деревни представляется важным перевести в плоскость рассматриваемого русского вопроса. Хозяйственная регионализация, если она станет фактом нашей жизни, сгруппировав по-новому ныне обезличенное русское население, связав людей устойчивой

территориально-хозяйственной общностью, создаст тем самым новые региональные национальные общности, в связи с чем потребуется новая, вознижающая естественным путем структура национального самосознания. Контуры этого национального самосознания вырисовываются уже сейчас в одном направлении — диаспоризации сознания. Процесс неизбежной диаспоризации может стать управляемым (в чем, по моему разумению, крайне заинтересован общесоюзный центр) в том случае, если сам центр в законодательном порядке признает за русскими право на создание на территории РСФСР автономий на уровне района, села и т. д. по этнографическому и этноконфессиональному признакам. Вне пределов РСФСР, само собой, там, где это целесообразно, также нужны русские автономии, не исключено, что и более высокого уровня, например как Калининградская область в составе Литовской ССР на правах Русской АССР.

Откладывать создание малых автономных форм для конфессиональных групп русского населения, самых подготовленных на сегодняшний день к принятию такой автономии, дальше нельзя. Главные цели существования таких малых этноконфессиональных автономий в России — учет и сохранение на светской основе сложившихся в лоне разных вероисповеданий хозяйственных, бытовых и психологических особенностей разных групп русского населения. Можно не опасаться религиозных корней в этих автономиях — слишком сильны в обществе интегративно-секулярные процессы, а вот непризнание существования в стране целых земель, где преобладающим населением являются верующие (представители определенных вероисповеданий), по меньшей мере лицемерно.

Риск "исламизации"

Создание земельных автономий способно будет в обозримой перспективе смягчить "исламизацию" (имеется в виду смена не конфессиональной, а культурно-бытовой ориентации) русского населения и создать обстановку взаимной терпимости. К такому выводу подводят довольно очевидные события последнего времени.

Не столько вообще неблагоприятная для русских демографическая ситуация, сколько планируемый и проводимый уже вывоз населения из традиционно мусульманских районов Северного Кавказа и Средней Азии на постоянное жительство в сельскую местность центральных областей России поставит перед многими русскими выбор — какая культурно-бытовая ориентация для них более приемлема?

Благоприятными факторами "исламизации" русских следует считать: 1) прекрасную приживаемость ислама там, где отсутствуют прочные национальные корни; 2) практическое отсутствие в русской имперской идеологии антиисламских мотивов, несмотря на все сложности в отношении с исламскими странами за всю историю России; 3) простоту нравственных заповедей этой религии, органичных человеческому естеству; 4) прочность внедрения ислама посредством бытовых стереотипов; 5) предельно развитый эгалитаризм ислама; 6) активную общинную жизнь и высокий статус родственных связей; 7) преобладание мужского начала.

Для полноты картины необходимо указать на положение русских в союзном государстве, сравнить его с положением русских в империи

Романовых, то есть ответить на вопрос: **престижно ли в наших условиях оставаться русским?**

Слагаемые довольно низкого общественного статуса русских, на мой взгляд, следующие: 1) неадекватный другим народам способ определения своей национальности (причисление себя к народу не через принадлежность к традиционным этнографическим группам, а через соотнесение с государственным целым); 2) формирование высших эшелонов партийного, государственного аппаратов, а также армии и дипломатического корпуса из русских или лиц других славянских национальностей, только по документам продолжающих значиться украинцами или белорусами (замечу, сама по себе национальная принадлежность вовсе не гарантия получения должности для любого русского); 3) навязываемый административными инстанциями как общеобязательный русский язык (даже в тех случаях, когда это противоречит здравому смыслу, как, например, в диссертациях о национальных языках и литературах, выполняемых представителями этих народов) при сплошь распространенном незнании русскими языков народов страны; 4) некомпетентность и несамостоятельность русских чиновников при решении хозяйственных проблем, чреватых в своих последствиях гибелью для отдельных народов. И когда у человека, русского по традициям, языку, есть выбор на основании анкетных данных родителей записаться или русским, или кем-либо другим, он зачастую записывается "другим" довольно охотно, где бы ни жил.

Изменение положения русских в стране возможно при условии их этнографической регионализации и культурной диаспоризации, но это только внутринациональный срез. Решение русского вопроса в контексте общесоюзных межнациональных отношений представляется мне осуществимым при переходе к союзному государству, сам принцип федерализма в котором будет избавлен от национальной окраски. Противоречия центра и национальных районов будут смягчены при трехуровневой схеме национального самосознания у всех народов нашей страны (роль и функции национальных районов для евреев, армян советской диаспоры, немцев, курдов, ассирийцев, цыган и в каких-то случаях русских, украинцев и белорусов могут выполнять общесоюзные советы по делам национальной культуры этих народов).

Первый уровень самосознания — общинно-этнографический, второй — собственно национальный и третий — общесоюзный. Принятое в застойные годы для обозначения последнего уровня понятие "единый советский народ" в том виде, в котором оно фактически сформировалось и понималось властью предрежащими, конечно же, теоретически убедительное, а на практике дискредитировавшее себя, все же указывает на то, что подобный уровень для союзного государства характерен, и главная задача всех народов, населяющих страну, — создать приемлемый для всех общесоюзный уровень национального самосознания на ненациональной основе.

Самая большая сложность ожидает страну в вопросе о языке. Двухязычие русской элиты XIX — начала XX в. придавало ей в глазах народов страны большой вес, могло быть психологически сопутствующим фактором, способствующим усвоению русского языка другими народами, а также заставляло русских из среды простолюдинов, живущих по соседству с другими народами, овладевать их языками.

Как будет развиваться языковая ситуация в СССР в дальнейшем — представить трудно. Частично снять напряженность, думаю, поможет кампания, поднятая в национальных республиках за признание национальных языков государственными. Но как быть с русскими, проживающими в РСФСР, особенно в районах с ярко выраженной русской языковой и культурно-исторической доминантой?

На Волгу!

Первейшим шагом на пути создания принципиально нового уровня союзной федерации мог бы стать акт символического значения, знаменующий отказ русских от роли имперского народа, превращение их в “простых” великороссов, уважающих малейшие этнографические различия в собственной среде, стремящихся жить в согласии с другими народами Союза, сообща с другими решать вопросы выживания всех народов, населяющих Союз: **перенос общесоюзной столицы из Москвы**. Для таджиков, армян, грузин, литовцев, имеющих собственную богатую национально-государственную историю, просто оскорбительно иметь столицей федерации город, олицетворяющий апофеоз русского имперского начала. Не сомневаюсь, что такой акт даст импульс диаспоризации русской культурной жизни, поможет разрядить острые проблемы московского мегаполиса. Вот только где быть новой столице?

Ясно, что этот город не должен находиться на территории, традиционно населенной русскими. Подходящей может оказаться местность со смешанным населением. На мой взгляд, главная идея новой столицы — единство народов страны, ее главных этнокультурных массивов — славянского и тюркского. Этой идее как нельзя лучше соответствует местность, уже некогда объединявшая эти народы, — Поволжье.

Город, выстроенный в “чистом поле”, при всем своем космополитизме не должен быть напрочь лишен русских мотивов просто оттого, что русскому человеку, как никому другому, важно ощущать идею исторической преемственности. Без этого новая столица и символизируемые ею идеи так и останутся чуждыми русскому сознанию (пример Петербурга). Сами же эти идеи нисколько не противоречат фундаментальным основам русского характера, являясь альтернативами господствующей тенденции, из рода в род, из века в век подводящей русских к глобальной пропасти.

ЗАМЕТКИ РУССКОГО НАЦИОНАЛИСТА

Одни толкуют перестройку как закручивание гаек, другие — как выпуск лишнего пара. Мне кажется самым главным начало мучительного перехода всего общества (именно всего!) от социальной мифологии к социальной рефлексии. Но есть сферы, в которых мифы господствовали всегда, и не стоит по этому поводу убиваться — надо просто помнить об этом. Одной из таких сфер является национальное сознание и национальные отношения.

Наиболее опасно — заменить то, что есть, наукообразной объективностью. Если вспомнить, что наши гуманитарные науки вообще побаиваются гуманитарности и при случае готовы прикинуться точными, то начнешь опасаться человека с опросной анкетой. Нет, я не против, я за. Но как действуют на обывателя цифры! И как редко он задумывается, откуда они берутся.

Что до экономики, то ведь в ней, строго говоря, все цифры лукавые. У нерыночного хозяйства нет языка, на котором можно говорить о нем в целом — можно только судить об отдельных областях и судить так, как кому нужно и всегда объективно. А любая цифра, опубликована она в самиздате или в "Политиздате", священна.

"Аргументы и факты" решили как-то собрать данные, отражающие отношение москвичей к печальному пятому пункту. Для этого был избран такой способ, как анонимный телефонный опрос. Но социометрия в футах не то, что социометрия в аршинах. Дело, конечно, не в политической вольности, ставшей поэтической пошлостью, — об уме и общем аршине. А в той (объективной!) истине, что методы, отработанные, скажем, на американском респонденте, вряд ли могут дать те же и так же интерпретируемые результаты применительно к советскому респонденту, который привык отвечать не так, как думает, а так, как надо, или же так, как все.

Речь идет и о двух типах личности, и о двух информационных культурах. Сильно сомневаюсь, например, что можно у нас собрать информацию о распространении и характере этнических стереотипов. А уж опубликовать!

Опубликовать нельзя опять не потому, что "нам все еще печатный лист кажется святым". Да и потому, что и так все очевидно.

Здесь начинается другая опасность — очевидности того предзнавания, с которым человек начинает осознавать себя рядом с соплеменниками и людьми иного рода-племени. В любом случае это предрассудок. Другое дело — каков он, с каким культурным пластом и определяемым им типом поведения соотносится. (О соотношении культурных и психо-

логических феноменов, о механизмах их взаимодействия придется умолчать — разговор зашел бы слишком далеко. Впрочем, здесь почти все об этом.)

Другими словами, если для человека во всем виноваты жидомасоны, то он сможет найти и исторические, и статистические, и социологические аргументы. Если же он считает такой разговор неуместным, то выберет другую тему. Если же он колеблется, то его в конце концов убедят в виновности кого-нибудь, вероятнее всего, тех же жидомасонов.

Отказавшись от игры в объективность, считая непристойными разглагольствования о жуке в муравейнике, сопозовожаемые набором одних и тех же исторических имен, рифмующихся со словом "воды", человек, стремящийся разобраться с нынешним (сумеречным) состоянием русской души, оказывается в плену рассуждений о русской и византийской духовности, православной традиции и проч.

Справедливо, но не утешает. Сколько ни перебирай имена и ценности на верхушке любой национальной культуры, не избавиться от необходимости изучить бытование идей, которые, распространяясь вниз и вверх, вульгаризируются до полного уничтожения, до обращения в противоположность. Не говоря уже о том, что наследие любого крупного русского мыслителя делится между всеми поровну — правыми и левыми, и западниками и славянофилами. Слишком сложны умы прошлых лет для потомков.

Оставим прошлое знание его времени и призовем на помощь знание сегодняшнее, пусть обыденное, зато живое. И не будем омертвлять его схемами — теологическими, социологическими, историческими. Все они имеют характер религиозный, а значит психотерапевтический, но не познавательный. Не будем искать предмета поклонения или способа утешаться.

* * *

Во всемирных лингвоидеологических исследованиях язык политических выступлений эпохи перестройки и гласности, безусловно, займет особое место. Мы по-прежнему читаем между строк: черносотенные журналы нельзя ни в чем доказательно обвинить, а бывший писатель, автор антисемитского романа, ритуально отвергает обвинения в антисемитизме. И ни для кого не секрет, что в массовых, невербализуемых (а сфера национального наиболее словесно табуирована) представлениях призывы к защите интересов великого русского народа — показатель консервативности политического деятеля. А антирусский лозунг, пожалуй, более тяжкое преступление, чем лозунг просто антисоветский, тем более что границы последнего понятия размыты, а национального — четко очерчены.

Этот ряд можно продолжать долго и скучно. Главным остается вопрос о причинах и следствиях неявного отождествления русского и государственного, русского и интернационалистского, отношения к русскому и политической лояльности.

Даже очень достойные люди, признавая русский шовинизм частью сталинской системы управления, тем не менее объявляют сталинизм "внеациональным фактором, который воздействовал на все народы страны". Люди попроще просто указывают на мученическую судьбу

(не надо подозревать меня в иронизировании!) русского крестьянства и интеллигенции.

Во-первых, то, что русским было плохо, еще не значит, что власть не была шовинистской, — рассуждая иначе, следовало бы признать шовинизм благотельным для национального развития. Между тем он всегда использовался преступными режимами, неспособными к конструктивному руководству, лишенными реальной социальной опоры и потому прибегающими к охлократическим методам.

Во-вторых, в утверждении о “вненациональности” сталинизма виден тот же способ рассуждений и апелляция к той же ментальности, что и у охотников за жидомасонами. Отчасти на этом строятся многие стереотипы последних лет, в которых сталинизм, административно-командная система предстают субстанционально самостоятельными, внешними силами.

Мои заметки обращены к читателю, которому не надо доказывать тождественность империи и общины, сталинизма и русского самодержавия. Правда, я полностью согласен с товарищем Сталиным в том, что исторические аналогии опасны, даже унизительны, но в данном случае речь идет не о событийной аналогии, а в сущности о тождестве.

Наиболее показательным остается как раз национально-русский комплекс в системе управления страной. Народность самодержавия как традиционной патерналистской системы, сочетающей недостижимость, подоблачность вождя с его непосредственным вмешательством в повседневность, проявилась после войны в том, что ошибочно называют государственным национализмом. Ошибочно, ибо национализм предполагает понимание и осознание национальных интересов, а Сталин как часть сложившегося политического режима действовал с другими целями.

Цели наиболее полно проявились в послевоенных погромах. Константин Симонов свидетельствует: Сталин стремился противопоставить интеллигенцию и, по терминологии режима, народ. “Любить Россию будущую значит ненавидеть настоящую” — эта интеллигентская формула проклиналась, Россию следовало любить за то, что она родина слонов и картошки.

“Народное”, разумеется, народным не было — крестьянство не являлось ни экономическим, ни политическим субъектом. “Народ” существовал в двух ипостасях: как эмблема на парадных картинах и в цветастых фильмах и как реалья — обитатели российских барачков и коммуналок. Именно этот слой полурабочих, полукрестьян, полуинтеллигенции, полумещанства, накормленный плодами всеобщей полуграмотности, на долгие годы стал средой бытования важнейших русских этнических стереотипов.

В современной публицистике и мемуаристике отношение Сталина к интеллигенции, как правило, выводится из его личных качеств. Разумеется, Отец народов только осуществлял некоторые законы породившей его системы управления. Они подписывали, во-первых, превратить всех людей свободных профессий в служащих и, во-вторых, ликвидировать любую возможность посредствования между властью и подданными. Это была двуединая задача, причем первая ее часть была способом, а вторая главной, хотя и не до конца осознаваемой, целью. То положение, в котором оказалась интеллигенция при Сталине и после него,

обусловливалось именно природой режима, стремившегося всегда к непосредственности управления. Отсюда ставшее нормой, возведенное в систему унижение интеллигенции — от чокотковской традиции и хрущевского хамства до репрессий 80-х годов и издевательских зарплат и пенсий. Умственный труд до сих пор не оценивается в обществе как равноправный, достойный равно с физическим вознаграждения. Предполагается, что интеллигентов кормят из милости, а не потому, что они зарабатывают свой хлеб, причем чаще всего им об этом напоминают литераторы, считающие себя народными защитниками. Толкуя о единстве, они на самом деле раскалывают интеллигенцию и народ, под которым, однако, следует понимать все-таки вполне определенные и расчлененные социальные группы, особенно сейчас, когда вряд ли можно говорить даже о единстве русского крестьянства, чье положение, социальное и имущественное, столь разнится по областям. Очевидно, что социальная ущемленность, неполноправие деревни связаны и с социальным положением интеллигенции. И прежняя, определенная в “Жизни Клима Самгина”, оппозиция ценностей — моральных страданий интеллигенции и физических мук народа — изжила себя. И не потому только, что нет ни однородной интеллигенции, ни единого народа. Неразделимы, непротивопоставимы страдания физические и моральные — после Гулага, коллективизации, погромов и чисток. Все слилось в одну мучительную судьбу, где голод и несвобода поровну на всех. Сейчас спор о том, что и кто выше, переходит в исторический раскол, когда жертвы коллективизации противопоставляются жертвам тридцать седьмого и сорок девятого, и делается это во имя национального единства.

Положение русской интеллигенции между самодержавием и народом (“гнет сверху”, “гнет снизу”, “непонимание, которое хуже ненависти”) — это отражение важнейшей особенности, отличающей Россию от европейских стран. Западноевропейская государственность, прошедшая различные этапы, в своем развитии шла от традиционных ценностей к бюрократическим, от устной культуры к письменной. Русское самодержавие сумело совместить имперский популизм, монархическую традиционность с бюрократией, создав особый, смешанный, а потому и весьма устойчивый и живучий тип лидерства — традиционно-бюрократический. “Немецанство” как особое качество русской интеллигенции — это свидетельство ее неукорененности и отсутствия поддержки со стороны власти, а также отрыва от того, что привносила в жизнь империи молодая, но не успевшая набрать силу, буржуазия.

Современная бюрократия — это новая генерация охотнорядцев, сменивших лавку на кабинет. И опираются они на определенный человеческий тип. На личность парадоксально, если угодно, амбивалентную, поскольку в ней сочетаются самодовольство и удовлетворенность с чувством неполноценности, самоуверенность со страхом, беспечность с тревогой. С детства он приучается к двойной морали: к официально проповедуемым трудовым ценностям и к реально существующим воровским стереотипам жизни, к популистской демагогии и к политическому бессилию рядового. Для защиты его интересов, для самореализации и самоутверждения нет адекватных форм общественной организации, единственная общность, к которой он принадлежит, — общность национальная, обуславливающая его принадлежность к государству-общине. Он и мыслит себя не как гражданин, а как член этой общины.

“И где бы ни жил я и что бы ни делал, пред родиной вечно в долгу” — это не есть отношение гражданина и государства, это вообще не отношение, а растройство личности. Естественно, что интеллигенция как носительница совсем других ценностей должна исчезнуть или переродиться.

Разумеется, когда я говорю о государстве-общине, то вовсе не считаю его тождественным крестьянскому миру и даже городской слободе, потому что совсем другие (в обыденном, оценочном значении) люди составляют его. Это и не граждане, и не общинники, а, по определению Платонова, государственные жители. Именно им, их образу жизни с соседями и посвящены, по существу, эти заметки. Но начать, видимо, надо с той главной, определяющей черты, которую отметил Платонов. Государственный житель чужд труду, пассивен. Его сущность — в совете беспризорнику, он убежден, что хлеб насущный дается ему как члену государства, а не как трудящемуся. Из этого следует многое: и презрение к труду, и отношение к нему как к наказанию, и боязнь всего частного (в том числе и собственности), и нерыночная экономика, и врожденная зависть к соседу.

Официально — “пред Родиной вечно в долгу”, а потому и частная инициатива наказуема. Неофициально — “государство должно заботиться”, а потому частная инициатива наказуема. Паразитическое, клиентальное, лакейское отношение к долгу государства не есть часть правового сознания, принцип взаимной ответственности гражданина и государства, ибо дается не по труду, а по положению, не по закону, а по обычаю. Так что государственный житель не труженик-общинник, а дворовый.

Государство-община многонационально. Но сама его универсальность по природе русская. Секрет сталинской речи, в которой русский народ был назван руководящим и терпеливым — это секрет успеха Сталина вообще, секрет его долгой жизни в памяти миллионов, секрет его посмертной власти. Он воззвал к исконно русскому садомазохизму, актуализирующему в образе народа-хозяина, народа-отца, народа-старшего брата, способного направить, посечь, если надо, и постоянно делящегося добром и опытом. “Пред родиной вечно в долгу” читается как “пред русскими вечно в долгу”. Самосознание русских может быть объяснено только в категориях патриархальных отношений.

Эта архаика сосуществует с массовыми коммуникациями, со все возрастающей культурно-бытовой унификацией. Чисто бытовые изменения переводятся обывателем совсем в другой смысловой ряд — отсюда, например, поиск “сионистской” (в кавычках, ибо звезда Давида на несколько тысяч лет старше сионизма) эмблематики на распахонках и разоблачение козней с кефиром. Все это наиболее страшно, так как уже внутри дома, который всегда был недоступен для нечистой силы, — враг, дьявол. Но это крайнее выражение агрессивности. А для повседневных межнациональных отношений принципиальное значение приобретает восприятие новой информации человеком, выросшим в атмосфере, пропитанной представлениями о народе-хозяине.

Информация же о национальных движениях внутри страны поступает скупо, отрывочно, проходя различные инстанции, обеспокоенные расстановкой акцентов (что это такое, не пойму). Да и в инстанциях сидят в большинстве своем такие же люди, с таким же (и даже большим, ибо — служба) страхом. И когда эта информация, то, что от нее осталось, доходит до адресата, реакция читателя, слушателя, зрителя, сколь

бы различна она ни была, может быть описана по такой схеме.

Первое и, наверное, самое главное. Любое национальное движение воспринимается не с позитивной, а с негативной точки зрения. Оно рассматривается не как имеющее внутринациональные цели, будь то республиканский суверенитет, региональный хозрасчет, программа языкового развития, а как направленное против русских. Вообще-то, это проекция собственного состояния. Кроме того, частная инициатива наказуема. "Мы им заводы построили, а они. . ."

Второе следует из первого. Любая информация, особенно продуманный статистический набор, продуманный подбор фамилий или непродуманное замечание, вызывает усиление чувства жертвенности.

Третье — сумма первого и второго. Раз русским (хозяевам!) хуже, чем кому-то другому (а с помощью объективных данных легко доказать, что хуже всех), то из этого не следует, что надо улучшать их жизнь. Узнав о том, что у других народов рождаемость выше, русский обыватель не приложит усилия для того, чтобы поднять ее в своей семье, а потребует, чтобы ее понизили в соседских.

Это принципиально важно. Все, почти все требования об улучшении жизни русских явно или неявно сводятся к неперемennomу, преимущественно запретительному (вспомним хотя бы борьбу с пьянством) государственному действию, причем нельзя понять, что же нужно — сделать хорошо русским или плохо другим. При этом факты, свидетельствующие о явно преимущественном положении русских, умалчиваются, а порой превращаются в свидетельства дискриминации. Как, например, толковать паспортную систему, навязывающую отчества тем народам, у которых их никогда не было? Или существование государственного русского языка — в армии? А отсутствие академии наук и компартии РСФСР не свидетельствует ли скорее о фактическом доминировании этой республики в федерации, о неявном отождествлении ее интересов с союзными? То же самое с плакатом, возмущившим одного художника, с изображением четырнадцати мальчиков в национальных костюмах и русского ребенка в пионерской форме. Не значит ли это, что русский представляет за всех и всех объединяет?

Не Великая Русь сплотила — добровольно подписали договор. И не навеки — Основной Закон предоставляет республикам право выхода. Ничто более ясно не показывает, что такое неправовое государство, чем антиконституционный гимн.

Нанизывать факты можно бесконечно. Самое главное, однако, кажется, уже определено. Русское национальное движение не может оформиться как самостоятельное и демократическое, потому что обращено не к частным и вполне определенным интересам каждого человека, а к общности, государственно оформленной общности, которая на наших глазах все более явственно обретает черты некоей службы "Нельзя". Нельзя, чтобы плюрализм политический, не дай Бог, чтоб экономический и идеологический, а потому нет — кооперативам издательским и почему-то медицинским, нет — частным школам. А чему же — да?

Да — новой мафии, которая образуется из представителей государственной и кооперативной структуры, в подчиненных государству кооперативах. Да — обществу "Память" (не помню, чтобы против них когда-нибудь с дубинками и водометами). Да — антиконституционному законодательству о демонстрациях. Да — прессе, все чаще намекающей, что за

национальными движениями в республиках стоят “коррупцированные кланы”. Да — самому сложному в мире избирательному закону, создавшему в России уникальную форму государственного устройства — сословное представительство без сословий.

И то, что я заговорил об этом, следствие прямой зависимости русской повседневности от высших сфер власти. Раз общество не отделено от государства, а частная жизнь от служебной, раз наличие в магазинах колбасы и мыла зависит от государственной политики, то государственный житель не может развиться в гражданина, а значит, всегда сохраняется основа для самого агрессивного шовинизма, который необязательно должен оформляться и организовываться. Он может проявляться и в требовании, чтобы во всех республиках были съезды советов (единообразно!) и в невинном непонимании, что такое национальное движение, в великодержавном недоумении перед озабоченностью малочисленных народов судьбами родного языка или перед приверженностью национальной символике.

Самое неприятное в том, что русская интеллигенция оказалась подвержена бытовому шовинизму. Я не говорю о художниках и публицистах, переключающихся на доносы. Я говорю о тех, рассуждая о судьбах народов Севера, может сказать: “Мы за них отвечаем”. О тех, кто, призывая положить конец межнациональной розни, приводит в пример терпимость русских (интересно, как бы это прозвучало в Средней Азии?). О тех, кто, обличая рашидовщину, начинает рассуждать о цивилизаторской роли русских (про потери в Афганистане они предпочитают не говорить).

Что это: синдром старшего брата? Безусловно. А где причина? В ограниченности, попросту говоря, глупости? Нет, это было бы слишком хорошо, просто.

Начальную стадию болезни описала Надежда Мандельштам, отметившая патологическое изменение в самосознании русских интеллигентов: ни одно общественное действие не могло совершиться, если не было известно, что оно политически одобрено. Режим непосредственного управления, патриархально-бюрократическая власть вытравив у интеллигенции умение ориентироваться только на себя, на свои “что такое хорошо и что такое плохо”, в конечном счете, лишили ее чувства собственного достоинства и чувства самостоятельной ценности.

Между тем сейчас как никогда русское национальное развитие зависит от того, удастся или нет создать элиту — экономическую, политическую, интеллектуальную, культурную. В конечном счете, неважно, как она будет называться — парламентариями, народными депутатами, кооператорами, арендаторами, свободными художниками, национальными деятелями, независимыми журналистами, народными писателями. Важно, чтобы они не боялись написать “Я” с большой буквы, как это делают англичане.

Ибо единство возможно только после разделения, в условиях экономического, политического и идеологического плюрализма.

А иначе — единство, освященное Отцом.

Красивой концовки, конечно, не получится, потому что сказанное претендует быть новой русской утопией, только не вселенской, а утопией повседневности. Что делать, если русская коммунитарность воплотилась в коммуналках, а разница между народом-богоносцем и народом-светоносцем неуловима.

Речь может идти о малом, но о главном — о небольших, крошечных, но могущих иметь долговременные последствия изменениях русского бытия, а значит, пространственно-временных характеристик.

У нас нет настоящего. Ради будущего мы семьдесят с лишним лет уничтожали отцовское наследство. А сейчас пытаемся найти опору в прошлом.

Наше пространство дискретно, незаполненно. В воспринимаемых человеком масштабах его и воспроизводит Москва — город-топофаг, поглотивший соседские города и деревни, но не сумевший их переварить, переработать, оставивший внутри себя колоссальные пустоты.

Не прямо, опосредованно, все это формирует наше поведение. Мы не только привыкли к постоянным переходам от эйфории к истерике и обратно, но и гордимся тем, что неспособны жить посередине.

Но середина и есть производительная реальность. Национальное развитие требует посредствования, посредственности.

Апология мещанства? Если хотите, да, но производящего, а не управляющего.

Скопческие интонации? Чиновничьи призывы к бесполой взвешенности, плоду интегрирования всех социальных интересов?

Нет, ибо нет еще групп и слоев, осознавших интересы и никогда не будет так, чтобы все были довольны. Но по справедливости и в интересах дела, чтобы недовольны были бюрократы, верящие в народ, способный одолеть перестройку с пустыми прилавками.

Запретные мечты о национальной элите, способной взять ответственность за национальное развитие, осуществимы только в достаточно глубоко разделенном, а значит, и достаточно крепко интегрированном, сплоченном, едином обществе.

А для начала надо научиться не подглядывать в чужую тарелку, и, испытывая в чем-то нужду, постараться не достать, а сделать самому, заработать. Тогда, может быть, русским удастся объединиться за что-то (реальное и понятное каждому), а не против кого-то и чего-то.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ЭКОНОМИКА

Время мифов уходит в прошлое. На наших глазах начинаются крушение догм, ломка стереотипов в одной из самых болезненных сфер нашего общества — национальной. Массовое сознание, десятилетиями питавшееся мифологизированными представлениями о "решении национального вопроса в СССР", с некоторым изумлением вдруг обнаружило неудовлетворенные национальные чаяния, оскорбленные национальные чувства, властно заявившие о себе массовые национальные движения. Выявились сложнейшие узлы межнациональных трений и противоречий. Елейные заклинания застойных времен о "единстве", "все большем сближении наций и народностей", "формировании единой общности — советского народа" обнаруживают свою явную несостоятельность. Все более настоящим становится осознание того очевидного факта, что мы, представители разных племен и народностей, некогда объединенные общей государственной крышей и одной идеологией, — разные. Мы — очень разные, и наши отличия друг от друга вовсе не ограничиваются фольклорными костюмами и декоративными украшениями праздничных колонн.

Существенные различия между союзными республиками в экономической сфере связаны прежде всего с дифференциацией их уровней экономического развития (УЭР). По производству национального дохода на душу населения (важнейшему показателю УЭР) союзные республики в конце 80-х годов формировали четыре типологические группы: высокоразвитые, среднеразвитые, с уровнем развития ниже среднего и слабо-развитые.

В первой группе высокоразвитых республик можно выделить две подгруппы. Верхнюю из них составляют республики с наиболее высоким и практически одинаковым УЭР — Эстония и Латвия (139% к среднесоюзному уровню). Нижнюю подгруппу высокоразвитых республик образуют Литва (128%) и Белоруссия (122%).

В группу среднеразвитых республик входят Российская Федерация (111%), Украина (100%) и Молдавия (99%). К республикам с уровнем развития ниже среднего относятся Казахстан (85%), Грузия (80%), Армения (77%). Последнюю группу — слаборазвитых в экономическом отношении — составляют Азербайджан (66%) и республики Средней Азии: Киргизия (62%), Туркмения (61%), Узбекистан (54%), Таджикистан (48%).

При этом с годами ситуация ухудшается. Если в 1970 г. на душу населения в Латвии приходилось в 2,6 раза больше национального дохода, чем в Азербайджане, то в 1986 г. разрыв между республикански-

ми полюсами развития в СССР — Эстонией и Таджикистаном — составил 2,9 раза. Таким образом, вместо провозглашенного сближения уровней экономического развития союзных республик на деле имеет место постепенное возрастание разрыва между ними, дифференциация углубляется.

Наличие в стране крупных регионов, существенно (почти в 3 раза) различающихся по УЭР, чревато глубокими деструктивными последствиями для экономики всей страны и требует серьезных мер для смягчения такой дифференциации. Прежде всего необходимо ускоренное развитие отсталых республик.

Однако расчеты, проведенные в сопоставимых ценах, показывают, что на деле ситуация была почти прямо противоположной. За 1971—1986 гг. самые высокие темпы экономического роста имела Белоруссия. Производство национального дохода на душу населения в ней возросло за эти годы на 45%. И наоборот, самые низкие темпы демонстрировали республики Средней Азии и Казахстан. Величина душевого национального дохода возросла: в Казахстане — на 7%, в Киргизии — на 4% (в среднем по СССР — на 13%). Что же касается Узбекистана, Туркмении и Таджикистана, то за эти 16 лет они не только оказались на последних местах в стране по темпам экономического роста, но и испытали абсолютное падение душевого производства национального дохода — на 2, 3 и 6% соответственно.

Следовательно, двадцатилетняя стагнация привела не только к падению темпов социально-экономического развития в целом по стране. Для трех среднеазиатских республик она означала абсолютное уменьшение душевого дохода, так что в конце 80-х годов для них он не достигает еще уровня 1970 г.

В чем причины такого положения? Быть может, в усилении демографического давления на занятое население со стороны молодых возрастов в связи с бумом рождаемости, переживаемым в этих республиках? Выясняется, однако, что прирост трудовых ресурсов и занятых в народном хозяйстве в этих районах был все же несколько выше, чем прирост всего населения, и как результат демографического давления на занятое население (за исключением Узбекистана) снижалось. Так, в Таджикистане в 1970 г. на 1000 всех жителей приходилось 225 занятых в материальном производстве, а в 1986 г. — 226, в Туркмении — соответственно 261 и 266, в Узбекистане — 241 и 238.

Причины падения душевого дохода в другом. За те же годы общественная производительность труда уменьшилась: в Узбекистане и Казахстане — на 1%, в Туркмении — на 5, в Таджикистане — на 6%. В то же время в целом по стране она возросла на 13%, в Литве — на 21, в Грузии — на 23, в Молдавии — на 31, а в Белоруссии — на 41%. Падение производительности труда и послужило важнейшим фактором снижения душевого дохода в Узбекистане, Туркмении и Таджикистане.

Однако само падение производительности труда на первый взгляд трудно объяснимо. Оно, безусловно, не было запланировано. Знакомство с плановыми документами подтверждает: все эти годы планировался опережающий по сравнению со среднесоюзными темпами рост производительности труда в этих республиках. Так в чем же дело? Может быть, планы опережающего экономического роста были не обеспечены централизованными ресурсами, а внутренних накоплений в республиках оказалось недостаточно? Эта гипотеза требует внимательного

рассмотрения перелива ресурсов между республиками.

Механизм безвозмездного межреспубликанского перераспределения ресурсов включает в себя несколько каналов, среди которых можно выделить следующие: централизованное перераспределение средств через госбюджет, применение разных цен на товары и услуги одного качества, использование равной оплаты за труд разной производительности, неконтролируемая или слабоконтролируемая миграция денег и товаров, функционирование теневой экономики. В результате действия этих и других факторов объем произведенного на территории данной республики национального дохода может не совпадать с размерами использованного. Разницу между этими величинами и составляют ресурсы, передаваемые от одних республик другим.

В результате проведенных расчетов обнаруживается, что суммарная передача межреспубликанских средств составляет в настоящее время около 2% от совокупного использованного национального дохода СССР. По участию в межреспубликанском перераспределении ресурсов все союзные республики делятся на три группы: республики-доноры, республики-реципиенты (получатели помощи) и республики, не принимающие значительного участия в межреспубликанском перераспределении национального дохода. По данным 1980 г., к республикам-донорам относились — РСФСР, Белоруссия, Латвия, Литва, Эстония; к республикам-реципиентам — Казахстан, Узбекистан, Грузия, Киргизия, Армения, Туркмения, Таджикистан, Азербайджан. Две республики — Украина и Молдавия — в 1980 г. имели практически нулевое сальдо по межреспубликанскому балансу.

Как республики-доноры, так и республики-реципиенты различаются между собой масштабами и степенью участия в перераспределении ресурсов. При том, что Российская Федерация обеспечивает свыше 70% перераспределяемых в Союзе средств, их абсолютные размеры не превышают 2,5% от величины использованного на территории РСФСР дохода. Иными словами, из каждых 102,5 руб. произведенного в РСФСР национального дохода 100 руб. используется на территории республики, а 2,5 руб. передается в общесоюзный фонд. Для других республик-доноров эта величина выше: для Литвы она близка к 7 руб., для Белоруссии и Эстонии — 8, а для Латвии достигает почти 11 руб.

С другой стороны, крупнейшими получателями межреспубликанской помощи являются Казахстан и Узбекистан, получающие соответственно 31 и 28% ресурсов межреспубликанского фонда. Однако доля этих средств в общем объеме использованного национального дохода меньше: в Казахстане — 11%, в Узбекистане — 13%. Это означает, что из каждых 100 руб. национального дохода, использованного в этих республиках, на собственной территории произведено 89 руб. в Казахстане и 87 руб. в Узбекистане, а соответственно 11 и 13 руб. получены из общесоюзного фонда. Для Азербайджана эта величина составляет 4 руб., для Таджикистана и Армении — более 11, для Туркмении и Киргизии — более 13, а для Грузии достигает почти 16 руб. Такая существенная инъекция из межреспубликанских средств в экономику Грузии связана в значительной степени с расположением на ее территории многих курортов всесоюзного значения и с высокой дифференциальной и монопольной рентой, которую обеспечивает реализация выращенной в Грузии субтропической и другой сельскохозяйственной продукции на рынках других

регионов страны.

Каким же образом эти перераспределяемые ресурсы воздействуют на динамику экономического развития, на выравнивание УЭР союзных республик? Здесь обнаруживается весьма любопытное явление. Для одних республик-реципиентов — Грузии, Армении, Азербайджана и в меньшей степени для Казахстана — увеличение республиканских ресурсов за счет внутрисоюзного перераспределения приводит к росту национального дохода на душу населения. В результате этого относительный УЭР этих республик (по сравнению со среднесоюзным уровнем) возрастает. За 1981—1986 гг. он повысился: в Грузии — с 73 до 80%, в Армении — с 73 до 77%, в Азербайджане — с 64 до 66%, в Казахстане — с 84 до 85%.

В других же республиках помощь извне приводит к прямо противоположным результатам. Возрастание объема средств, находящихся в распоряжении республики, привело к падению душевого производства национального дохода в 80-е годы: в Киргизии и Туркмении — на 2%, в Таджикистане и Узбекистане — на 8%. Следствием этого стало снижение их относительного УЭР: Киргизии — с 63 до 62%, Туркмении — с 63 до 61%, Узбекистана — с 59 до 54%, Таджикистана — с 52 до 48%. Имеются основания полагать, что получаемая по межреспубликанским каналам помощь для экономики среднеазиатских республик играет угнетающую роль, развращая ее получателей своей бесплатностью и дестимулируя в них потенции экономического роста.

Складывается весьма непростая ситуация. Во-первых, налицо существенная дифференциация союзных республик по УЭР. Имеется группа слабо развитых республик, уровень развития которых колеблется в пределах 66—48% от среднесоюзного уровня. Во-вторых, вопреки расхожему мнению менее развитые республики имеют меньшие темпы роста, чем развитые и чем весь Союз в целом, а в отдельных республиках наблюдаются и отрицательные темпы роста. Все это приводит к еще большему их отставанию от среднесоюзного уровня. И в-третьих, увеличивающиеся объемы помощи отставшим регионам неожиданно приводят к обратным результатам. Они не стимулируют, а угнетают потенциал социально-экономического развития в этих республиках.

Вместе с тем нельзя пройти и мимо другого парадоксального факта. Самые высокие темпы экономического роста в 80-е годы демонстрировали как раз не реципиенты, а доноры. Передавая в межреспубликанский фонд значительную часть произведенного ими национального дохода, Белоруссия и Литва по темпам роста опередили все другие республики, достигнув 14- и 9%-ного прироста душевого национального дохода (в среднем по СССР — 0,5%). В итоге относительный УЭР возрос: для Белоруссии — со 108 до 122% и для Литвы — со 117 до 128%.

Если все разнообразие экономической ситуации в стране сводилось бы только к особенностям этих двух групп республик, то это давало бы некоторые основания для формулировки двух почти невероятных, парадоксальных правил.

1. Более развитые регионы имеют и более высокие темпы экономического роста.

2. Темпы экономического роста прямо пропорциональны величине ресурсов, передаваемых регионами на сторону, и обратно пропорциональны величине ресурсов, получаемых извне.

Однако реальная ситуация значительно многообразнее и сложнее. Высокие темпы роста в 70–80-е годы имели как высокоразвитые республики (Белоруссия, Литва), так и среднеразвитые (Молдавия, Грузия) и слаборазвитые (Азербайджан). Низкие темпы роста одинаково характерны и для высокоразвитых республик (Латвия), и для средне-развитых (Украина, Казахстан), и для слаборазвитых республик Средней Азии. Быстрыми темпами развивались не только доноры (Белоруссия, Литва), но и реципиенты (Грузия, Армения, Азербайджан). И вместе с тем низкие темпы имелись как у реципиентов из Средней Азии, так и у доноров из Прибалтики (Латвия, Эстония).

Представленную противоречивую картину можно дополнить знакомством с характером распределения личного богатства внутри самих республик. О степени неравномерности его распределения можно получить некоторое представление по доле совокупных вкладов в сберкассах республик, приходящейся на любые 10% населения, являющегося вкладчиком Сбербанка. По этому признаку республики образуют три четко выделяемые типологические группы.

В первую из них с наиболее равномерным распределением личного богатства входят три славянские и три прибалтийские республики. На 10% населения Белоруссии, являющегося вкладчиком Сбербанка, приходится чуть более 11% суммарных вкладов в сберкассах республики, на 10% населения Украины – 13, России – 14, Латвии, Эстонии, Литвы – примерно 15%.

Вторую группу с более неравномерным типом распределения личного богатства формируют Грузия, Армения, Молдавия и Казахстан. Соответствующий показатель равен в Грузии и Молдавии 20%, Казахстане – 21, Армении – 22%.

И наконец, группу республик с резко контрастным типом распределения образуют остальные республики. В Азербайджане и Киргизии 10% населения распоряжаются 33% совокупных личных сбережений, в Таджикистане – 45, в Узбекистане – 46, а в Туркмении – более 55%.

В то время как в ряде республик – Белоруссии, Литве, Грузии, Казахстане, Молдавии, на Украине – за 70–80-е годы распределение становилось более равномерным, в остальных республиках возрастала его относительная по сравнению со среднесоюзным уровнем неравномерность. К этому следует добавить, что с течением времени разрыв по характеру распределения личного богатства между республиками возрастает. Если в 1970 г. разрыв между республикой с самым неравномерным распределением и республикой с самым равномерным распределением составлял 2,8 раза, то в 1980 г. он достиг 3,7, а в 1986 г. – 4,6 раза.

Из этого видно, что хотя та или иная модель распределения личного богатства внутри республик и имеет определенную связь с уровнем их экономического развития, однако этим фактором она полностью и однозначно не определяется. Более важную роль при этом играют другие причины, прежде всего, возможно, культурно-бытовая специфика, своеобразные исторические традиции.

Другими словами, сложность и неоднозначность экономической ситуации по республикам таковы, что параметры их социально-экономического развития (УЭР, темпы роста национального дохода и производительности труда, эффективность использования получаемых извне ресурсов, тип распределения личного богатства и т.д.) вряд ли могут быть

удовлетворительным образом объяснены чисто экономическими причинами. Не меньшее воздействие на них оказывают факторы субъективного характера.

В рамках действующей административной системы субъективные причины приобретают огромное значение для всей общественной, в том числе и экономической, жизни. Какие по своим профессиональным и нравственным качествам люди оказались на вершине управленческой иерархии; чья "команда" встала у штурвала государственной, партийной, хозяйственной власти в республике; какие взаимоотношения сложились у нее с центральным руководством в Москве, с республиканской технической и творческой интеллигенцией; насколько продуманна и обоснованна республиканская экономическая стратегия, принятая руководством к осуществлению; насколько принципы социальной справедливости находят свое отражение в реальной жизни; в какой степени государственный аппарат заражен коррупцией; какова духовная атмосфера в республике — все это в различной степени воздействует на экономическое положение в регионе.

Но, несомненно, более важную роль в социально-экономическом развитии играют причины, объединяемые таким понятием в самих республиках, как "национальная специфика". Широко распространенные, если не господствующие и постоянно воспроизводимые в рамках однородной этнической общности местные традиции, трудовые навыки, общественные и семейные отношения, исторический опыт, психология, мораль, бытовая культура, образ жизни, ее темп и тысячи других факторов образуют единственную, уникальную в своем роде этносоциально-психологическую среду, в значительной степени предопределяющую поведение экономических субъектов.

Эту среду можно назвать *этноэкоценозом*, понимая под этим термином выработанную веками и весьма устойчивую целостную общность этнических, природных, культурных, экономических, нравственных, психологических и других элементов. Комплекс этих взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов обеспечивает как условия относительно комфортного существования этнической группы, так и поддержание в динамическом равновесии традиционных параметров ее экономической жизнедеятельности.

В условиях конкретного этноэкоценоза формируется, воспроизводится и развивается *местный экономический механизм*, индивидуальные черты которого находят свое отражение в присущих ему параметрах: масштабах экономики; уровне экономического развития; целях, приоритетах, структуре производства и потребления; направленности и темпах экономических изменений; типичном отношении представителей этноса к труду и его различным видам; мотивации экономических субъектов; реальном хозяйственном кодексе и действующей экономической морали; особенностях национальной экономической психологии; характере распределения общественного и личного богатства и т.д.

Поддержание этноэкоценоза в состоянии, близком к равновесию, способствует сохранению местного экономического механизма, обеспечивает динамическую стабильность традиционных для него макроэкономических показателей (уровней, темпов, структуры) и благоприятствует экономическому развитию этноса.

Массовый же приток на территорию конкретного этноэкоценоза

представителей иных этносоциальных групп, носителей отношений других экономических механизмов выводит традиционную этноэкономическую среду из равновесия. Такие вторжения приводят зачастую не только к появлению очагов межнациональной напряженности, не только к деградации этических, эстетических, культурных, языковых и прочих ценностей представителей обеих этнических групп, не только к возрастанию психологической дискомфортности их жизни, но и к разрушению традиционного этноэкоценоза и к кризису импортированного экономического механизма. Следствием этого становится ухудшение экономических показателей региона.

Подобно тому как некоторые экологические катастрофы были вызваны агрессией инородных растений и животных против местных биогеоценозов (козы в Греции, кролики и кактус опунция в Австралии), массовый приток носителей иных этнических групп на территорию сложившихся этноэкоценозов в состоянии привести к этноэкономической катастрофе. В этом случае разрушается целостная этнопсихоэкономическая среда, ломается традиционная структура производства, рвутся отлаженные временем связи, ликвидируются традиционные отрасли, промысла, ремесла, забываются навыки и опыт, происходят тяжелые, часто необратимые изменения в психике отдельного человека и этноса в целом.

Такая катастрофа поразила многие небольшие по численности народы Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока — нивхов, эвенов, эвенков, ханты, манси, коряков, селькупов, саамов, чукчей. В результате беспрецедентных темпов освоения природных ресурсов на территории их расселения представителями иной этноэкономической среды традиционные этноэкоценозы во многих районах так называемого "нового освоения" оказались практически разрушенными. Традиционные виды производственной деятельности — охота, рыболовство, оленеводство — во многих регионах приходят в упадок. Коренное население деклассируется, пополняя ряды занятых неквалифицированным физическим трудом — разнорабочих, грузчиков, уборщиц, истопников и т.д. Эта категория трудящихся становится очагом проявления социальных бедствий — отчуждения, бродяжничества, пьянства, агрессивности, высокой смертности со своими постоянными спутниками — азартными играми, проституцией, нарко- и токсикоманией. Средняя продолжительность жизни у народов Севера снизилась с 60 лет в 50-х годах до 42 лет в 80-х.

Этноэкономические катастрофы грозят и другим, более крупным, народам. Практически не изучено разрушительное воздействие миграции представителей некоренных национальностей в Латвию и Эстонию на целостность этноэкоценозов в этих республиках и как следствие на понижение темпов их экономического роста. При уменьшающейся доле латышей в населении Латвии с 56,8% в 1970 г. до 53,7% в 1979 г. темпы роста национального дохода на душу населения в республике за 1971—1986 гг. составили всего 10%, причем в 70-е годы — 8%, в 80-е — только 2%. При понижающейся доле эстонцев в населении Эстонии с 68,2% в 1970 г. до 64,8% в 1979 г. темпы ее роста за 16 лет составили 11%, в том числе за 70-е годы — 13%, а за 80-е годы прирост оказался даже отрицательным — 1,5%.

В то же время в соседней и более или менее сходной по общим условиям Литве, доля литовцев в населении которой незначительно колеба-

лась на уровне 80%, темпы экономического роста были существенно выше — 19% (9% и 9%). Несомненно, что разрушение однородности этноэкономической среды и целостности местного экономического механизма не являются единственными и, возможно, главными причинами ухудшения экономической ситуации. Но вместе с тем их нельзя и не учитывать.

Особое значение в этой связи приобретает вопрос о соотношении республиканских экономических механизмов и общесоюзного. Основное содержание региональной политики центральных органов сводится к созданию условий для более или менее пропорционального экономического развития при опережающем росте отсталых районов. Усиление диспропорциональности в программы экономического центра страны, очевидно, не входит. Однако фактические результаты отличаются от плановых.

При наличии, казалось бы, единого общесоюзного хозяйственного механизма республики развиваются не столько в соответствии с общесоюзными целевыми установками и приоритетами, сколько в соответствии с условиями местной экономической среды. Действие в течение длительного времени разнонаправленных, в том числе и прямо противоположных, тенденций экономического развития в республиках заставляет серьезно усомниться если не в существовании, то, во всяком случае, в ведущей роли общесоюзного экономического механизма по отношению к союзным республикам.

При благоприятном совпадении характеристик общесоюзного и республиканского экономического механизма темпы экономического роста республики возрастают, повышается уровень жизни ее населения, улучшается социальная ситуация. Столкновение же несовпадающих ориентиров общесоюзного и республиканского экономических механизмов приводит зачастую к этноэкономическим, экологическим и другим катаклизмам, сопровождающимся ухудшением республиканских социально-экономических показателей.

Многообразие моделей хозяйственной жизни в республиках и невозможность их однозначного экономического истолкования свидетельствуют о наличии в каждой из них особого, по-своему уникального, исключительного хозяйственного механизма, связанного с традициями. Этот механизм оказывает более сильное воздействие на уровень и динамику экономических параметров республики, чем общесоюзный экономический механизм. Очевидно, что в стране не существует единого экономического механизма, точнее: он не играет ведущей роли, а в ней функционируют несколько национальных моделей экономического механизма. Республики развиваются в большой степени каждая по своим экономическим законам, с существенной автономией от хозяйственной политики центральных государственных органов.

Дополнительную "прочность" республиканским экономическим механизмам обеспечивает тенденция возрастания этнической однородности для ряда союзных республик. Так, с 1959 по 1979 г. доля лиц коренной национальности в общей численности населения возросла: в Литве — с 79,3 до 80%, Грузии — с 64,3 до 68,8, Армении — с 88,0 до 89,7, Азербайджане — с 67,4 до 78,1, Казахстане — с 30,0 до 36,0, Узбекистане — с 62,2 до 68,7, Киргизии — с 40,5 до 47,9, Таджикистане — с 53,1 до 58,8, Туркмении — с 61,0 до 68,4%.

Для шести республик национальная однородность населения снижалась. Доля русских в численности населения РСФСР уменьшилась с 83,3 до 82,6%, украинцев на Украине — с 76,8 до 73,6, белорусов в Белоруссии — с 81,1 до 79,4, молдаван в Молдавии — с 65,4 до 64,0, эстонцев в Эстонии — с 74,6 до 64,8, латышей в Латвии — с 62,0 до 53,7%. Какие причины послужили основой для снижения этнической однородности в этих республиках? Поскольку разница в темпах рождаемости и естественного прироста для представителей большинства национальностей, проживающих в этих республиках, невелика, то возможны следующие варианты: либо эмиграция лиц коренной национальности за пределы республики, либо иммиграция представителей других этнических групп в республику, либо сочетание и того и другого. Изучение ситуации показывает, что для всех республик, кроме РСФСР, определяющим фактором в изменении этнического состава была иммиграция лиц других национальностей, прежде всего русских. Результатом этого стало увеличение их доли в численности населения этих республик.

Особый интерес в этой связи представляет изучение миграционного поведения различных этносов. По характеру и направленности миграции их можно разделить на две группы: нации с так называемым "союзным" сознанием и поведением и нации с "республиканским" сознанием и поведением.

Для первых из них характерно восприятие в качестве родины всей страны — Союза ССР. Соответствующее этому восприятию миграционное поведение сводится к расселению части представителей данных этносов по территории страны за пределами национальной республики и сокращению их доли в численности населения республики, названной по их имени. Так, с 1959 по 1979 г. доля русских, проживающих в РСФСР, в общей численности русских, проживающих во всей стране, уменьшилась с 85,8 до 82,6%, доля белорусов в Белоруссии — с 82,6 до 80,0%. Из национальностей, давших наименования автономным республикам, "союзный" тип поведения был характерен в 1959–1979 гг. для башкир, татар, марийцев, удмуртов, чувашей.

Для подавляющего большинства других народов определяющим является "национальный" тип сознания, рассматривающий в качестве своего родного очага не всю страну, а только свою республику. "Республиканский" тип поведения приводит к усилению миграции данного этноса в свою республику из-за ее пределов и повышению в ее населении доли лиц коренной национальности. С 1959 по 1979 г. доля узбеков, проживающих в Узбекистане, в общей численности узбеков, проживающих во всей стране, возросла с 83,8 до 84,8%, казахов в Казахстане — с 77,2 до 80,7, азербайджанцев в Азербайджане — с 84,8 до 86,0, литовцев в Литве — с 92,5 до 95,1, латышей в Латвии — с 92,7 до 93,4, киргизов в Киргизии — с 86,4 до 88,5, таджиков в Таджикистане — с 75,2 до 77,2, армян в Армении — с 55,7 до 65,7, туркмен в Туркмении — с 92,2 до 93,3, эстонцев в Эстонии — с 90,3 до 92,9%. Среди национальностей автономных республик "национальный" тип поведения присущ бурятам, кабардинцам, балкарцам, калмыкам, карелам, коми, мордве, осетинам, чеченцам, ингушам, каракалпакам.

Нечетко выраженные тенденции миграционного поведения в эти годы оказались у украинцев, молдаван и грузин. Однако поскольку их доля в населении Украины, Молдавии и Грузии весьма высока и равня-

лась в 1979 г. соответственно 86,2, 85,1 и 96,1% от численности всех лиц данных национальностей, проживающих в стране, это все же роднит характер их миграционного поведения и этнического сознания с "национальным" типом поведения и "национальным" типом сознания.

Таким образом, крупнейшим по численности народам практически только двух союзных республик — русским и белорусам — в 60–70-х годах были присущи "союзное" сознание и поведение. Для крупнейших народов остальных союзных республик характерны "республиканское" сознание и поведение. Наличие четко выраженного такого типа сознания и поведения дает дополнительное подтверждение внутренней целостности местных экономических механизмов.

Теперь можно подвести некоторые итоги. Действительное экономическое развитие СССР осуществляется в результате сочетания по крайней мере 15 республиканских и общесоюзного экономических механизмов. Очевидно, что к этому надо относиться как к объективной реальности, предоставив республикам существенно большие возможности для разработки и осуществления стратегии их экономического развития, для выбора отраслей специализации республиканского хозяйства, для определения их индивидуальной экономической ниши в традиционном и современном секторах производства.

Наилучших результатов союзная экономика может достичь в случае максимального соответствия производственной деятельности в каждой республике исконным традициям ее населения, его опыту, трудовым навыкам, психологии, специфике его этноэкоценоза. Что же касается увязки весьма различных республиканских экономических механизмов в одно целое, то способ ее осуществления хорошо известен и давно уже опробован историей — это общий рынок. Он обеспечивает соизмеримость и эквивалентность обмениваемых товаров и является более эффективным и цивилизованным средством по сравнению с административным механизмом, которому он должен прийти на смену. Кто же, где и каким образом произвел товары для общего рынка — в Прибалтике ли, Закавказье или Средней Азии — это для покупателя, вышедшего на общесоюзный рынок, не имеет большого значения.

Однако наряду с рыночным как основным механизмом перераспределения ресурсов должно сохраниться место и для нерыночных, неэквивалентных, безвозмездных отношений.

Необходимость самого факта перераспределения части ресурсов между регионами страны не может быть подвергнута сомнению. Безвозмездный перелив ресурсов от более развитых регионов страны к менее развитым характерен для всех государств современного мира, проводящих активную региональную политику: для социалистических — Чехословакии, Югославии, Китая; для капиталистических — Италии, Великобритании, ФРГ, Испании, Канады; для развивающихся — Бразилии, Аргентины, Нигерии, Индонезии. Более того, безвозмездный перелив ресурсов осуществляется не только на внутригосударственной, но и на межгосударственной основе. Так, в рамках международной программы "Официальная помощь развитию" развитые капиталистические страны передавали развивающимся странам в 80-е годы от 10 до 15 млрд. долл. ежегодно. В отдельные годы помощь развивающимся странам со стороны такого нефтеэкспортера, как Кувейт, достигала 3% его валового национального продукта. Поэтому внутривосточной пере-

лив ресурсов — явление вполне логичное и закономерное. Другое дело — масштабы предоставляемых ресурсов, направления, структура и условия их использования. Эти вопросы нуждаются в серьезных изменениях.

Прежде всего необходимо выработать разумную систему платежей в общесоюзный бюджет на осуществление централизованных программ. В основу этой системы, очевидно, необходимо положить принципы взимания пропорционального или даже прогрессивного подоходного налога — так, чтобы более развитые республики вносили относительно большую часть средств, а менее развитые — меньшую.

Во-вторых, должны быть уменьшены суммы, безвозмездно передаваемые некоторыми республиками в общесоюзные фонды. 8—11% от использованного в республике национального дохода представляются слишком большой величиной.

В-третьих, назрела необходимость создания межреспубликанского инвестиционного банка (фонда), ресурсы которого предоставлялись бы нуждающимся в них регионам на целевые проекты на условиях возвратности, срочности, платности, что повысило бы рациональность и эффективность их использования.

Вполне созрели также условия и для отказа от исключительно вертикальных связей между республиками через центр. Необходимо развитие прямых межреспубликанских экономических связей без какого бы то ни было вмешательства и контроля из центра. На двусторонней и многосторонней основе можно было бы осуществлять не только простейшие торговые операции, но и переходить к долгосрочному кредитованию взаимовыгодных проектов.

Реальный плюрализм республиканских экономических механизмов требует не только признания его как такового, не только учета особенностей национальных экономических механизмов при проведении централизованной политики, но и кардинальной перестройки механизма экономических взаимоотношений как между республиками и центром, так и между самими республиками.

ЭТНОС И ПЕРЕПИСЬ: ПАРАДОКСЫ СТАТИСТИКИ

Разрешение национальных вопросов предопределяется рядом проблем. Одна из них — максимально правильный учет этнического состава населения. Основные способы такого учета: 1) переписи; 2) исчисления, основанные на результатах исследований ученых и других источниках. Утверждать, что один из указанных способов всегда дает более правильную картину, неправомерно. Наиболее результативно в данном случае комплексное использование данных переписей и исчислений.

В современном мире правовые основы учета этнического состава населения имеют прежде всего переписи. В связи с этим остановимся на их слабых местах.

Проведение переписи населения существенно зависит от той исторической обстановки, в которой она осуществляется.

В нашей литературе в 30–80-е годы было широко распространено следующее прогнозирование будущего этноязыкового развития мира. Утверждалось, что мир идет к единому этносу и единому языку. Этому предшествует этнонациональная и языковая консолидация в отдельных регионах, отдельных странах, а в СССР — в отдельных республиках. Внутри народа будет проходить внутренняя консолидация, стирание различий между этнографическими группами. С основным народом будут сливаться переходные группы, небольшие группы представителей других народов. Очень скоро исчезнут малочисленные народы, затем последует исчезновение народов более крупных. Заговорили об актуальности слияния с другими этносами мордвы, удмуртов, украинцев, белорусов, о выходе из живого употребления языков этих народов.

Считалось, что СССР в плане этноязыкового развития идет впереди других стран, что указанные процессы в нашей стране будут проходить неимоверно быстро. Такого рода идеи проводились в жизнь. Весьма ощутимо такие идеи сказались, например, на белорусах. Белорусов насчитывается около 10 млн. человек. Между тем до сих пор многие чиновники (в том числе и белорусы по национальности) убеждены в том, что белорусский этнос в ближайшее время должен исчезнуть. В Минске, столице БССР, белорусы составляют около 70% населения. В начале 60-х годов в этом городе все белорусские школы были переведены на русский язык обучения, белорусский язык в них стал преподаваться лишь факультативно. По исчислениям Е. Ф. Карского, в 1917 г. белорусоязычное население составляло 9 300 900 человек¹, по переписи 1979 г. белорусоязычных

¹ Карский Е. Ф. Этнографическая карта белорусского племени. Труды комиссии по изучению племенного состава населения России, 2. Петроград, 1917, с. 26.

белорусов насчитывалось 7 016 727 человек². В 50-е годы в БССР более 4/5 детей белорусов посещало белорусские школы, в 1988/89 учебном году белорусские школы посещает только 20,6% детей республики³.

Сложившаяся ситуация не могла не сказаться на переписях. Кроме того, "местные" чиновники, как правило, угождали чиновникам, вышестоящим по служебной лестнице. Это приводило в первую очередь ко всякого рода припискам. Осуществлялись приписки разными способами. Наиболее распространенный способ: *счетчики заполняют графу о национальности и родном языке, не спрашивая опрашиваемого (и скрывая от опрашиваемого)*.

Впервые с таким методом я столкнулся в 1959 г., когда проводили перепись. Жил и работал я тогда в своих родных краях — в Дрогичинском районе Брестской области. Впоследствии мне стало известно, что такой метод применялся и в других районах Брестской области (Брестском, Каменецком, Столинском, Пинском и др.), в ряде мест Украины, в Латвии, Грузии, Узбекистане. Оказывается, названный метод — это *общесоюзное явление*.

Явление общесоюзное, но не повсеместное, пожалуй, далеко не повсеместное. Характерно оно в первую очередь для отдельных, "больных" регионов. Как эти регионы выявить? Полагаем, что основной принцип их выделения следующий. Необходимо *сопоставить данные всех переписей и основных исчислений*, начиная по крайней мере с середины XIX в. (а может, и с XVII в.), а также *исследования ученых*, которые определяли этнический состав населения, границы языков, народов. Если разные источники дают разные данные, значит, скорее всего, место "болезненное". Например, по одной переписи в данном регионе преобладает один народ, по другой переписи — другой, одни исследователи относят говоры какого-нибудь региона к одному языку, другие — к другому. Предварительно назову некоторые регионы такого типа: 1) Брестско-Пинское Полесье; 2) северные районы украинского Полесья; 3) западная Брянщина, центрально-западная Смоленщина, южная Псковщина; 4) юг Воронежской области; 5) северо-запад Краснодарского края; 6) район Вильнюса; 7) Латгалия (восток Латвии); 8–20) районы расселения поляков (БССР); греков (Донецкая область); ливов (Латвия); вепсов, карел, удмуртов, энцев, тальшей, курдов (Азербайджан); таджиков (Узбекистан); татар (Башкирия); болгар (Запорожская область); памирских народов.

Выше мы отметили одну весьма острую проблему переписей населения: счетчики заполняют графу о национальности и родном языке, не спрашивая опрашиваемых. Напрашивается такой вопрос: а может, такую проблему решить совсем просто: не спрашивали — будем спрашивать? Оказывается, не все так просто.

Ввиду сложности проблемы рассмотрим серию фактов.

² Численность и состав населения СССР. По данным переписи населения 1979 года. М., 1985, с. 108.

³ Літаратура і мастацтва (газета), ад 23 снежня 1988 г., № 51 (3461), с. 6.

Не всегда это так

Неотъемлемое право человека — публично назвать свою национальность и родной язык и не быть за это наказанным. Имеются в виду: фиксации в паспорте и в переписных листах во время переписей. В многочисленной литературе обычно читаем: переписные листы заполняются специально подготовленными счетчиками *со слов* (?) опрашиваемых.

Все равно все сольется

Неоднократно приходилось слышать такого рода полемику. Один собеседник возмущается, что переписи проводятся не на уровне. Другой ему возражает, что возмущаться нет смысла, потому что скоро все равно все сольется.

Коровы, постройки, яблони и... люди

Пытаюсь поговорить с людьми относительно переписи 1959 г., накануне ее проведения (события происходят в Брестской области). Отвечают примерно так: "Ну и что такого. Нас переписывают постоянно несколько раз на год, переписывают коров, овец, свиней, кур, постройки, яблони, вишни... ну и людей переписывают".

Все ли недовольны?

Нет, не все недовольны. Счетчики, которые проводят перепись, могут угадывать, могут хорошо знать этноязыковую ситуацию в населенном пункте. Поэтому, не спрашивая, правильно определяют национальность и родной язык.

Традиции

Для некоторых регионов записывать национальность во время переписи, не спрашивая опрашиваемых, традиционно. Прошли поколения. Для людей это стало привычным. В Брестско-Пинском Полесье, например, сохранились воспоминания лишь об одной переписи, при проведении которой спрашивали опрашиваемых о национальности. Это перепись 1939 г., когда Западная Белоруссия и Западная Украина вошли в состав СССР. Материалы переписи не опубликованы. Сохранились воспоминания, что так как это была единственная в истории края перепись, когда опрос о национальности осуществлялся, то, не имея опыта, люди немало напутали.

Национальность "для себя"

В названных выше регионах люди нередко имеют две национальности: официальная (фиксируется в документах) и национальность "для себя" (соответствует фактическому этническому самосознанию). Нередко национальность "для себя" обозначается не одним словом, а описательно, типа "ближе к такой-то национальности", "среднее между такими-то национальностями", "отдельная национальность, не относящаяся к тем, которые предлагает переписчик".

Этноязыковая иерархия

В народе осознается родство народов и языков. Существуют народные названия, обозначающие языковые и этнические группы, подразделения народа. Так, для обозначения восточнославянских народов широко бытует этноним "русские". Таким образом, "русские" — это и название народа (великорусов), и название подгруппы славянских народов (русских, белорусов и украинцев). Поэтому человек может быть одновременно и русским и белорусом либо русским и украинцем.

Для обозначения отдельных народов, групп народов, этнографических групп в народе весьма употребителен термин "нация". Термин "народность" не только не прижился в народной речи, о его значении нет единства мнений у ученых⁴.

Национальность и народность

Перепись 1926 г. учитывала этнический состав населения СССР по народности, переписи 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. — по национальности. "Национальность" и "народность" в данном случае можно сравнить с приведенными выше понятиями "национальность официальная" ("данные по национальности") и "национальность для себя" (данные по народности). Переписи по национальности открывали широко дверь для всяких бюрократических искажений истинного положения вещей.

Поляк и белорус

Рассказывал житель г. Минска. Родился он в Барановичском районе Брестской области, католик, образование высшее. С момента первой регистрации числился поляком и считал себя поляком. В 35 лет поехал в Польшу. Там убедился, что с поляками объединяет его религия, а в остальном он белорус. С этого времени осознает себя белорусом.

Бывает, что этническое самосознание у человека рыхлое. Затем, после накопления фактов, оно меняется и становится более устойчивым.

⁴ Крюков М. Сто наций и народностей. — "Московские новости", 9 августа 1987 г., № 32 (370), с. 8–9.

Поляк по крещению

Рассказывал товарищ из Вороновского района Гродненской области: "Да, я поляк. Меня крестили поляком (т.е. по католическому обряду), вот я и поляк. А разве я виноват?"

Поляки в Белоруссии

В годы вхождения Западной Белоруссии в состав Польши (20–30-е годы) большинство белорусоязычного католического населения этой области записано поляками. Казалось бы, после вхождения данной территории в состав БССР это население назовет себя белорусами. Но до сих пор значительная его часть считает себя поляками. Так, в БССР указали польскую национальность, но родным языком назвали белорусский: по переписи 1959 г. – 251 860 человек, по переписи 1970 г. – 292 420 человек, по переписи 1979 г. – 298 485 человек.⁵

Этническое происхождение и этнос

Этническое происхождение не всегда соответствует этнической принадлежности. Приведу примеры.

Товарищ из северо-западной части Краснодарского края (там он родился). Образование высшее. В его родном селе бытует украинский говор, он им владеет. Знает, что его предки переселились с Украины. В паспорте записан русским. На вопрос, кем он себя считает, ответил, что считает украинцем, а записан в паспорте русским, потому что "нас пишут русскими".

Товарищ из Амурской области, проживает в Калининградской области. По паспорту – русский. Говорит только по-русски. Знает, что его предки – переселенцы с Украины.

На наш взгляд, в первом случае человека следует считать представителем украинского этноса, во втором случае – представителем русского этноса.

Национальность одной цыганки

Автобус был не переполненный, все пассажиры сидели. Среди пассажиров была цыганка. Ехали, разговаривали. Кто-то назвал цыганку цыганкой. Она возразила: "Я не цыганка, я украинка". – "Трудно поверить". – "Хотите, покажу паспорт". – "Ну, покажи". Она показала паспорт. В паспорте ее национальность значилась "белоруска".

⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Белорусская ССР. М., 1963, с. 124; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Национальный состав населения СССР. М., 1973, с. 192; Численность и состав..., с. 109.

У родных братьев разные национальности

Причины этого могут быть разные.

Один вариант. Муж поляк, жена литовка. У обоих четкое национальное самосознание. Одного сына зарегистрировали поляком, отдали в польскую школу, другого литовцем, отдали в литовскую школу.

Другой вариант. В отдельные исторические моменты в тех или иных этнически смешанных регионах могут происходить разного рода катаклизмы, во время которых обостряются национальные противоречия.

Одним из таких регионов является белорусско-польско-литовское пограничье. В отдельных местностях этого региона родители регистрировали своих детей представителями разных национальностей. Цель такой регистрации следующая: в случае катаклизма таким образом один брат сможет защитить другого.

Рассказывала одна женщина, украинка, живет на Украине, образование высшее, замужем 10 лет, фамилия по мужу – типичная русская. “А у меня муж белорус, – затем уточнила: – с Белоруссии. Хорошо я живу со своим мужем. Конфликтов каких-либо не было. Ну, возникают проблемы, так мы их как-нибудь решаем. Вот, например, когда я первый раз ехала к его матери, он очень просил, чтобы я говорила по-русски с матерью. Ну, мне не сложно говорить по-русски, говорила я по-русски. Родился у нас ребенок. Он тоже просил, чтобы крестили его не по православному, а по старообрядческому обряду, поскольку его родители старообрядцы. Я подумала: какая разница, все равно Бог один. Крестили ребенка по обряду старообрядческому”. Замечу, что старообрядцы в Белоруссии преимущественно великорусского происхождения. Женщина продолжала: “А знаете, какая национальность в паспорте у моего мужа?” – “Какая?” – “Ни за что не угадаете, ни за что! И вот уже 10 лет живем вместе, а я никак не могу понять, почему он так записал. И он не говорит, и у матери его спрашивала, тоже не говорит”. – “Так какой же национальности ваш муж?” – “Поляком записан, представьте себе – он поляк. Ну, если бы действительно он был поляком, другое дело. Никто в семье не записан поляком, а он поляк. Я ему говорила: запишись белорусом. Он не соглашается...”

Республика, государство и нация

Спросили одну женщину, какой она национальности. Проживает она на юге Пинского района Брестской области, пенсионерка, ранее колхозница. Она ответила: “Теперь я белоруска”. – “Почему теперь?” – “Потому что живу в Белоруссии, сюда замуж вышла”, – “А раньше?” – “Раньше была украинкой. Село, где родилась, 15 километров отсюда, это Ровенская область”.

Утверждение женщины из восточной части Могилевской области, образование высшее: “До 1924 г. мы были русскими, потому что наша территория входила в состав РСФСР, а с 1924 г. мы белорусы, потому что в этом году наши районы включены в состав БССР”.

Слова женщины из Закарпатской области, колхозницы: “Вообще-то мы русские (т.е. восточные славяне), теперь мы украинцы (с 1945 г. Закарпатье в составе УССР), а до войны мы были чехами (область находилась в составе Чехословакии)”.

Под семью замками

По большинству регионов опубликованы материалы переписей и исследований разных лет, работы ученых-исследователей, касающиеся определения этнических и диалектных ареалов.

По этому поводу неоднократно приходилось слышать возмущения: "Почему эта литература скрыта от народа под семью замками? Почему она доступна лишь единицам?"

Энтузиазм народа

Бывают моменты, когда народ воодушевляется, сплачивается, консолидируется. Тогда обостряется его этнонациональное самосознание. Но бывают периоды не только безразличия, но и презрения к своему этносу и всему тому, что к нему относится. Тогда и появляется желание зарегистрироваться представителем более престижного этноса.

Исчезнувшие народы

Если человек помнит о своем происхождении, значит, ему присуще этническое самосознание. Бывает, что он вынужден его скрывать. Поэтому народы как будто исчезают, переписи о них молчат. И вдруг они "прорываются" и какая-либо перепись их регистрирует. Это, например, относится к *тасманийцам* в Австралии. Долгое время в литературе утверждалось, что тасманийцы исчезли полностью. И вдруг перепись 1981 г. зарегистрировала 2,6 тыс. человек тасманийцев⁶. В СССР оказался исчезнувшим народ *водь*. В середине прошлого века води насчитывалось более 5 тысяч человек. По переписи 1979 г., этот народ вообще отсутствует. Но ведь их не истребили! Утверждают, что водь растворилась. А что значит "растворилась", причем так быстро? Ведь помнят внуки, правнуки (хотя бы не все), что их деды и прадеды были водью! Почему бы этого не учесть? Согласно полевым исследованиям, водьским языком в настоящее время владеет 30–35 человек⁷. Но ведь среди не владеющих им тоже многие осознают себя водью.

Тавры

Тавры – древний народ Крыма. Их имя стало символом исчезнувшего народа. Но мне рассказали такой случай. Юный крымский татарин, проживавший в Узбекистане, от своего деда узнал "тайну", что их семья не татарского происхождения. В таком случае кто же они? А вот кто: коренные жители горного Крыма, в прошлом христиане, но не греки. Изучив несколько исторических работ, этот юноша приходит к выводу, что он – *тавриец*. Едет он в Крым. Там встречает человека примерно своего возраста такого же происхождения. У этого последнего, уроженца

⁶ Пучков П. И. Этническое развитие Австралии. М., 1987, с. 184.

⁷ Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985, с. 99.

Крыма, предки оставались христианами, мусульманства не принимали. В паспорте он значился украинцем, его родной брат — русским.

Этнонимы и этносы

Нередко этноним обозначает несколько этносов. Например, югославы — это сербы, хорваты, черногорцы и др., дагестанцы — это аварцы, лезгины, даргинцы, лакцы и др.

Почти повсеместно этнос обозначается несколькими этнонимами. Так, для русских существуют этнонимы: русские, великорусы, росейцы, россияне, московитяне, московиты, москали, кацапы, кривс (так называют русских латыши), венелане (так называют русских эстонцы) и др.; для украинцев — украинцы, малорусы, малороссияне, русины, хохлы и др.; для поляков — поляки, ляхи и др.; для греков — греки, эллины и др.; для белорусов — белорусы, литвины, кривичи, гуды и др. и т.д. Разноэтнимность этносов порою вносит путаницу. Так, пинчуки и брещуки — это не две этнографические группы, как иногда утверждается⁸, а два этнонима для обозначения одной этнографической группы, 217 586 человек православных литовцев, по переписи 1857–1860 гг.⁹, — это почти исключительно белорусы.

Специфическая этнографическая группа

Многие из таких групп — фактически отдельные этносы — народы со своими языками, например сваны в Грузии, шугнанцы в Таджикистане. Есть специфические этнографические группы менее обособленные. Но они тоже заслуживают серьезного внимания.

Однажды (это было в 60-е годы) ехал я поездом Киев — Брест через Волынское Полесье. Наблюдал такую сцену. На одной станции в вагон зашла группа людей, сельских жителей. Они заняли купе, сидят, разговаривают на местном говоре. Через остановку в этот же вагон заходит женщина, проходит по вагону и... встречается с людьми, о которых идет речь. Радости, кажется, нет конца: она встретила своих земляков, они встретили свою землячку, да еще какую землячку — у нее высшее образование. Вошедшая женщина села рядом, и разговаривают, разговаривают, разговаривают... Но вдруг...

Женщина делает замечание, что ее земляки говорят некрасиво, деревенским языком. Почему бы не говорить красивым литературным украинским языком? Понять, конечно, можно: Волынское Полесье не имело таких условий, какие имели, например, Киевщина и Полтавщина. "Вот как", — произнес один. Другие молчали. Для них их родной диалект являлся *святыней*. Женщина продолжала говорить. Ее прежние собеседники молчали. Так и ехали.

⁸ Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986, с. 155.

⁹ Лебедин М. О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи. — Записки императорского русского географического общества, кн. 3. СПб, 1861, с. 142.

Случай несколько неожиданный. Почти все переписи регистрируют коренное население Волынского Полесья украинцами (или соответственно малорусами, русинами и под.). И все-таки одна перепись является своеобразным "сигналом" этнографической самобытности рассматриваемой области. По данным переписи 1857–1860 гг., население Владимирского, Ковельского, Луцкого и Ровенского уездов Волынской губернии, которые включали Волынское Полесье, распределялось следующим образом: малороссияне православные – 149 201 человек, малороссияне католики – 2665, древляне – 90 660, бужане – 71 575, поляне – 14 367, дулебы – 10 710, белорусы – 2610, жмудины (православные) – 4812, латыши (православные) – 4480, литовцы (православные) – 2691, поляки католики – 37603 (часть из них коренное население), поляки православные – 1809 человек¹⁰. Приведенные средневековые этнонимы – не самоназвания XIX в. Так обозначали коренное населения лица, проводившие перепись (священники). В данном случае важно отметить то, что более половины коренного населения региона отнесено не непосредственно к малороссиянам, а к различным иным группам.

Еще пример. Товарищ из Смоленщины едет поездом из Минска на родину. Накупил литературы на белорусском языке. Сидит в вагоне, читает. На вопрос: "Может, вы смоленский белорус?" – ответил: "Мы действительно что-то особое. У нас много общего с Белоруссией. За все районы я, правда, не ручаюсь. Наш район, конечно, ближе к России. Но вот белорусскую литературу читаю с удовольствием. Жаль, что у нас ее не продают".

О мазурах. Мазуры – этнографическая группа поляков. Находясь в составе Германии, долго были обособлены от остальной Польши. Мечтали о воссоединении с Польшей, боролись за воссоединение. И вот в 1945 г. воссоединение наступило. Тогда более половины мазуров покинуло родину¹¹.

Не читают научной литературы

Да, не читают многие, она ведь для узких специалистов. Многим ближе традиционные этноязыковые представления, дожившие с древних времен, нежели современные книжные. В качестве примера следующая статья.

Сколько восточнославянских (русских) народов?

Принято считать, что восточнославянских народов три: русские (великорусы), украинцы и белорусы. Но есть и другие мнения.

Вот сведения из одного белорусского села в Лудзенском районе Латвийской ССР. По мнению жителей этого села, с которыми я беседовал, русские (т.е. восточные славяне) делятся на три ветви: 1) великорусы, 2) белорусы и 3) старообрядцы. Украинцев в Латгалии настолько мало, что их не принимали во внимание, в крайнем случае их объеди-

¹⁰ Там же, с. 156, 157 (пересчет автора).

¹¹ Польские западные земли. М., 1962, с. 142, ср. с. 133, 135.

няли с великорусами.

Иная точка зрения еще недавно бытовала в Брестско-Пинском Полесье. По мнению коренных жителей этого региона, среди русских, т.е. восточных славян, выделялись следующие единицы: 1) "мы", или "наши люди", или "местные русские" — это основная часть коренного населения Брестско-Пинского Полесья, 2) белорусы, 3) волинцы, 4) полисцы (население области между низовьями Горыни и Киевом), 5) росейцы (великорусы), 6) украинцы, 7) австрийцы (украинцы Галиции и Закарпатья), 8) казаки (украинские и русские).

Наложение двух схем

Приведенная схема деления восточных славян на 8 единиц является традиционной для Брестско-Пинского Полесья. По ней жители основной части названного региона являются отдельной единицей, равнозначной с такими единицами, как белорусы, украинцы, полешуки, великорусы, волинцы, казаки и др. На эту схему наложились наиболее распространенная схема трехчленного деления восточных славян на русских, белорусов, украинцев. В этой схеме не оказалось места для берестюков-пинчуков. Таким образом произошло наложение и взаимодействие двух схем. Начало этого наложения относится к эпохе средневековья. Его завершения еще не произошло.

В условиях "наложения" появились проблемы: а) перед населением — кем себя считать? б) перед чиновниками — к какому этносу данное население относить?

Как решали эту проблему чиновники, отражено в переписях населения (и некоторых исчислениях). Приведем данные переписей и некоторых исчислений по Брестско-Пинскому Полесью (в соответствующие административные единицы входили и некоторые соседние районы).

Данные переписи 1857—1860 гг. в обработке М. Лебедкина¹² — Брестский, Кобринский, Пружанский и Пинский уезды вместе взятые: малороссияне — 94 770 человек, белорусы — 89 099, великороссияне — 42 371 (это почти исключительно коренное население Брестско-Пинского Полесья), литовцы православные — 35 425, литовцы католики — 9736 (литовцы — почти исключительно коренное население), ятвяги — 24 341, бужане — 5463, поляки — 15 045 человек (часть поляков — коренное население). Таким образом, основная масса коренного населения введена в триединую схему — малороссияне, белорусы, великороссияне. За пределами этой схемы осталось около 10% коренных жителей (ятвяги и бужане).

Данные переписи 1857—1860 гг. обработали также П. Н. Батюшков и М. Коялович¹³. Эти исследователи в Брестском, Кобринском и Пружанском уездах отнесли к белорусам население, записанное (по М. Лебедкину) белорусами, великороссиянами, литовцами, ятвягами, бужанами,

¹² Лебедкин М. О племенном составе..., с. 149, 153 (пересчет автора).

¹³ Атлас народонаселения Западно-русского края по исповеданиям. СПб, 1864, Гродненская и Минская губернии. К о я л о в и ч М. Документы, объясняющие историю Западно-русского края и его отношения к России и Польше. СПб, 1865, карта и статистическая таблица (пересчет автора).

к украинцам — население, записанное малороссиянами и частично поляками. Коренное население Пинского уезда П. Н. Батюшков отнес к белорусам, М. Коялович — к украинцам. Таким образом, коренное население региона П. Н. Батюшков и М. Коялович разделили между белорусами и украинцами.

Исчисление А. Ф. Риттиха, 1875 г.¹⁴: коренное население Брестского, Кобринского, Пружанского и Пинского уездов отнесено к малорусам.

Данные переписи 1897 г.¹⁵, — те же Брестский, Кобринский, Пружанский и Пинский уезды: малорусы православные — 290 036 человек, малорусы католики — 6170, белорусы православные — 268 541, белорусы католики — 13 234, великорусы православные — 32 406 человек (часть из них — коренное население).

Данные учета 1914—1917 гг.¹⁶: коренное население Брестско-Пинского Полесья отнесено к белорусам (по нашим исчислениям, более 80%) и малорусам (около 20%).

Данные переписи 1921 г., Полесское воеводство¹⁷ (включало основную часть Брестской области БССР и северные части Волынской и Ровенской областей УССР): белорусы — 375 220 человек, русины — 156 142, россияне — 4303 (часть из них коренное население), тутэйшие, т.е. местные, — 38 565, поляки — 214 052 человека (из них около 25 тыс. католиков и 120 тыс. православных — коренное население). Таким образом, около 75% коренного населения региона, по данным переписи, отнесено к белорусам и русинам (украинцам), 20% записано поляками. Около 5% коренного населения (тутэйшие) не вошли в схему официальных народов.

Данные переписи 1931 г., Полесское воеводство¹⁸: белорусы — 75 338 человек, украинцы — 54 047, россияне — 16 189 (часть из них коренные жители), тутэйшие (местные) — 707 088, поляки — 164 106 человек (из них около 36 тыс. православных и около 25 тыс. католиков — коренные жители). Таким образом, лишь немногим более 15% коренного населения введено в рамки трехчленного деления восточных славян (белорусы, украинцы, русские), около 7% записано поляками. Не вошло в общепринятые рамки 78% коренного населения региона (тутэйшие).

Замечу, что в 20—30-е годы (регион находился в составе Польши), по сообщениям местных жителей, официально одно и то же население регистрировали или называли то белорусами, то украинцами, то русинами, то червонорусами, то полещуками.

1939 г. — воссоединение Западной Белоруссии и Западной Украины с СССР. Проведена перепись населения по национальности. Это единственная перепись в истории края, при проведении которой непосредственно спрашивали опрашиваемых об их национальной принадлежности. Но

¹⁴ Риттих А. Ф. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России, СПб, 1875, с. 144, 155, 156.

¹⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XI. Гродненская губерния, СПб, 1904, с. 114—117, 130—137; XXII, Минская губерния, СПб, 1904, с. 104—107 (пересчет автора).

¹⁶ Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. — 1917 г.). — "История СССР", 1980, № 3, с. 91—92.

¹⁷ Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej, t. VIII. Warszawa, 1924, s. X—XI.

¹⁸ Statystyka Polski, seria C, zeszyt 87. Warszawa, 1938, s. 20.

рамки были ограничены этнонимами "белорус" и "украинец". Согласно сообщениям местных жителей, по данным переписи, в большинстве деревень было много белорусов и много украинцев. Это же относится и к северным районам современных Волынской и Ровенской областей УССР. Разделение коренного населения региона на белорусов и украинцев переписью 1939 г. вовсе не означало их окончательного этнического размежевания. В памяти народа сохранилась перепись 1939 г. как очень яркое событие, поскольку, повторяю, это единственная перепись в истории края, когда национальность не навязывалась сверху, а о национальной принадлежности спросили самих людей. Ситуация такого рода сохранялась до оккупации региона немецкими войсками в 1941 г.

В годы немецкой оккупации большинство коренного населения Брестско-Пинского Полесья записано украинцами, в северной части региона — белорусами.

После освобождения региона войсками Советской Армии в 1944 г. коренное население той части региона, которая вошла в состав БССР, записано белорусами, население другой, значительно меньшей части, вошедшей в состав УССР, — украинцами. Исключение составляет северо-восток Ровенской области УССР, где значительная часть коренного населения регистрируется белорусами.

В основу последующих переписей легла регистрация 1944 г. Приводим сведения из данных переписей 1959, 1970, 1979 гг.¹⁹

1959 г. Брестская область: белорусы — 1 024 618 человек, 86,1%, украинцы — 25 649, белорусоязычные поляки — 23 864; Волынская область: украинцы — 842 048 человек, 94,6%; Ровенская область: украинцы — 864 848 человек, 93,4%, белорусы — 10 871, украиноязычные поляки — 2642 человека.

1970 г. Брестская область: белорусы — 1 114 706 человек, 86,1%, украинцы — 31 626, белорусоязычные поляки — 24 188; Волынская область: украинцы — 924 878 человек, 94,9%, белорусы — 4373; Ровенская область: украинцы — 979 587 человек, 93,5%, белорусы — 13 894, украиноязычные поляки — 2456 человек.

1979 г. Брестская область: белорусы — 1 150 880 человек, 84,6%, украинцы — 40 557, белорусоязычные поляки — 23 957; Волынская область: украинцы — 962 091 человек, 94,7%; Ровенская область: украинцы — 1 041 216 человек, 93,2%, белорусы — 15 767 человек.

Мы привели официальные данные о национальном составе населения региона в разные эпохи. Если воспринимать эти сведения в буквальном смысле, то складывается впечатление, что в рассматриваемой области с середины XIX в. происходят бурные этноязыковые процессы. Намеки на это встречаем в литературе²⁰.

Каков же результат наложения и взаимодействия названных выше двух схем деления восточного славянства на этническое самосознание коренного населения Брестско-Пинского Полесья? Какова у этого насе-

¹⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения СССР. Белорусская ССР..., с. 126; Итоги Всесоюзной переписи населения СССР 1959 года. Украинская ССР. М., 1963, с. 176; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года..., с. 170, 185, 196; Численность и состав..., с. 104—109.

²⁰ Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика и этнический состав..., с. 92; Брук С. И., Кабузан В. М. Численность и расселение украинского этноса в XVIII — начале XX в. — "Советская этнография", 1981, № 5, с. 30.

ления "нация для себя"? Прежде всего, следует обратить внимание, что обе схемы легко просматриваются. С одной стороны, сохраняется традиционное этнодиалектное деление края²¹, с другой стороны, ощущается воздействие на Полесье основного белорусского и основного украинского этнических ареалов.

Диалектные ареалы и микроареалы в Полесье фактически соответствуют этнографическим группам. Основная этнографическая группа Брестско-Пинского Полесья — берестюки-пинчуки (берестюки, брещуки, пинчуки, западные полещуки, загородцы — этнонимы, обозначающие эту группу)²². Как и в предыдущие эпохи, население выделяет эту этнодиалектную единицу, причём в прежних границах.

При наложении трехчленной восточнославянской схемы на традиционную полесскую в последней ощущается влияние в основном двух компонентов первой схемы — белорусского и украинского, хотя сказывается также влияние третьего компонента, великорусского, кроме того, видимо, сохраняются результаты влияния древнерусской эпохи.

С точки зрения наложения указанных компонентов сформировалось несколько вариантов этнического самосознания. Назовем основные: 1. Белорусы. 2. Этнографическая группа белорусов (в разговорной речи обычно: "Мы ближе всего к белорусам"). 3. Украинцы. 4. Этнографическая группа украинцев (в разговорной речи обычно: "Мы ближе всего к украинцам"). 5. Самостоятельный восточнославянский народ. 6. Местные русские. В данном случае в основе лежит самосознание принадлежности к восточному славянству и менее существенно отношение к этносам белорусскому и украинскому. Здесь мы усматриваем сохранение реликтов влияния древнерусской эпохи, поскольку Полесье во все эпохи было тесно связано с Киевом. 7. Православные (это этническое самосознание, хотя и связано с сознанием религиозным). Такие же варианты по самосознанию выделяются также у населения северных районов Волынской и Ровенской областей.

Владение языками

По данным переписи 1979 г., 37,4% русских и соответственно 15% поляков, проживающих в Литовской ССР, владеют литовским языком. Почему такая большая разница между русскими и поляками? Действительно ли это положение вещей?

По данным той же переписи 1979 г., для 61% поляков, проживающих в Литве, вторым языком является русский. Несомненно, какая-то часть из указанных 61% поляков, владеющих русским языком, владеет и литовским языком, а среди указавших вторым языком литовский определенная часть владеет еще и русским языком. Но рамки переписи ограничены: зарегистрировать можно только два языка.

В результате — искажения. Это касается не только поляков Литвы, но и остальных народов СССР.

²¹ Клімчук Ф. Д. Гаворкі Заходняга Палесся. Фанетычны нарыс. Мінск, 1983, с. 7—39.

²² Кроме того, в Брестско-Пинском Полесье имеются более мелкие этнографические группы. См. также: O b r e b s k i J. Problem etniczny Polesia. — Sprawy narodowościowe. Warszawa, 1936, t. 10, nr. 1—2.

Регистрировать ли национальность в паспорте?

Считаем, что регистрировать следует. Во-первых, потому что в любой стране, прежде всего в многонациональной, необходим правильный учет этнического состава населения. Во-вторых, поскольку для большинства людей национальность — это святыня.

Однако процедуру замены национальности в паспорте, пожалуй, следует упростить до минимума. Ведь у определенной части населения по разным причинам национальность в паспорте не соответствует национальности по самосознанию. Полагаем, что можно разрешить в паспорте в графе о национальности ставить прочерк. Ведь есть люди, которые этого желают.

В. И. Ленин о переписях населения

“Переписи населения, с учетом родного языка граждан, производятся не реже 1 раза в 10 лет во всем государстве, и не реже 1 раза в 5 лет в областях и местностях с неоднородным национальным составом населения”²³.

Некоторые выводы

Мы коснулись трех основных разновидностей отношения человека к этносу. 1. Этническая принадлежность, т.е. по языку, происхождению, культуре, психическому складу и проч. человек относится к определенному этносу. 2. Этническое (национальное) самосознание. Наиболее распространенная ситуация: человек принадлежит к определенному этносу, он и осознает себя принадлежащим к этому этносу. Бывают случаи, когда человек осознает себя принадлежащим к другому этносу. 3. Официальная национальная принадлежность. Преобладает совпадение официальной национальной принадлежности с этническим самосознанием и этнической принадлежностью. Бывают случаи, когда официальная национальная принадлежность не соответствует фактическому национальному (этническому) самосознанию. Одна из причин несоответствия — преднамеренное искажение вышестоящими органами. Вторая причина — люди сами ввиду разных обстоятельств скрывают свою этническую принадлежность.

Некачественность учета сказывается прежде всего на малочисленных народах. При неучете, казалось бы, совсем небольшого количества населения для малого народа искажение истинного положения вещей порой колоссальное. Бывает, “исчезают” народы, хотя они продолжают существовать. По малым народам необходим крайне тщательный учет.

Весьма важно, кроме наций и народностей, учитывать *специфические этнографические группы* внутри народов. У каждой такой группы имеются свои этнические проблемы. Одна из таких проблем — литера-

²³ Ленин В. И. О национальном и национально-колониальном вопросе. М., 1956, с. 170.

турное творчество на диалектах²⁴. Порою неразрешенность этих проблем приводит к катаклизмам (см. выше о мазурах).

В основу учета этнического состава населения, пожалуй, можно положить переписи. Однако при этом следует иметь в виду следующие обстоятельства.

1. Никогда не следует считать данные переписей чем-то предельно точным. Любые переписи, даже самые добросовестные, страдают неточностями. Даже если устранить преднамеренное искажение фактов этнического состава населения "верхами", остаются другие причины: а) традиции, б) утаивание этнического самосознания отдельными людьми или целыми группами, в) сам характер этноязыковых процессов и др.

2. Необходимо сочетать данные переписей с данными исчислений и научных исследований. В ряде ситуаций исчисления могут дать более верную картину, нежели переписи.

3. Необходимо предпринимать максимум усилий, чтобы переписи проводились без искажений.

4. Записывать в переписные листы необходимо то, что говорят люди при опросе, публиковать эти данные и уже затем интерпретировать их (например, выявленные переписью группы объединять с основной частью народа).

5. Если опрашиваемые называют свою национальность описательно, так ее следует записывать и в переписных листах. Например, следует различать ответы "белорус" и "ближе всего к белорусам". Во втором случае ответ, скорее всего, обозначает принадлежность к специфической этнографической группе белорусов.

6. Допускать обозначение переходности самосознания типа "белорус-поляк", "белорус-украинец", "таджик-узбек" (переходное белорусско-польское, белорусско-украинское, таджикско-узбекское самосознание).

7. Допускать обозначение этнической принадлежности "местный".

8. Если на вопрос о национальной принадлежности будут получены ответы типа: "Я не могу сказать", "Пишите, как хотите", "Вы лучше знаете, как писать" и т. п., в соответствующей графе следует отметить: "Национальность не установлена". Приписывание в таком случае любой национальности является фальсификацией.

²⁴ Дулиценко. Славянские литературные микроязыки. Таллинн, 1981.

ПОЛЕЩУКИ – НОВЫЙ СЛАВЯНСКИЙ ЭТНОС

В годы, которые принято именовать “застойными”, много говорилось и писалось об отмирании-слиянии наций и народностей и совершенно игнорировалась возможность рождения новых наций и народностей в СССР. Особенно это распространялось на восточнославянский мир, в котором считалось все и окончательно разложено по полочкам. А раз была нарисована схема, то все, что в нее не вписывалось, отметалось как неприемлемое, ненужное и даже крамольное: теория главенствовала над практикой, вернее, пыталась главенствовать. Но, слава Богу, жизнь такова, что даже слепцов вынуждает в конце концов прозреть, учитывать реальность.

Восточнославянский мир состоит из трех автономных зон (Белоруссии, России, Украины), которые в свою очередь объединяют в единых национальных структурах по несколько этнических регионов или этнокультурных образований. Например, Украина, соединяющая в своем единстве центральную и левобережную Малороссию, Галицию, земли гуцулов, буковинцев, лемков, волынцев, полещуков... Или Белоруссия, соединяющая в своем единстве собственно белорусов (кривичей), литвинов и тех же полещуков.

Не настала ли пора, раз полещуки составляют этнокультурное единство, признать их как отдельную, самостоятельную народность? В последние годы сторонников такой точки зрения на эту проблему становится все больше.

В 1985 г. эта точка зрения впервые материализовалась, публично объявилась: в СССР начали печатать произведения современных полесских авторов как представителей национальной литературы, а не региональной разновидности белорусской или украинской литератур. Это особенно важно отметить, так как полесские стихи уже 20 лет печатались в белорусскоязычной газете “Ніва” (Белосток, Польша), но считалось, что они написаны на полесском диалекте белорусского языка.

В процесс формирования полесского литературного языка включились полещуки, проживающие как в БССР, так и в УССР. Все большее число полесскоязычных авторов публикуют свои литературные произведения, в основном поэтические, на страницах газет и журналов БССР. В УССР этот процесс в прессу пока еще не пробился.

14 апреля 1988 г. полещуки – сторонники развития культуры на полесской этнической и языковой основе – создали самостоятельную межреспубликанско-региональную организацию: общественно-культурное объединение “Полісьсе”, которое в числе своих основных задач выдвинуло возрождение полесской культуры, литературы, языка. Звучит

смело и на первый взгляд нереально. Но это если не располагать достаточной информацией по вопросу – не знать того культурного наследия, на котором “Полісьсе” решило возводить современный храм полесской культуры. Вот только некоторые свидетельства богатства культурного наследия земли полешуков, земли наследников легендарных ятвагов, земли, являющейся прародиной восточных славян.

В 1563 г. магнат Великого княжества Литовского Дмитрий Сапего на полесском варианте “западноруського” языка написал государственный документ “Ревизия Кобринской экономики”. Статус Великого княжества Литовского был написан по-полесски, по-полесски писали и Франц Савич (первая половина XIX в.), и профессор Миколай Янчук (конец XIX – начало XX в.), в 1861 г. варшавская “Газета Польской” объявила конкурс на лучший полесский букварь, до наших дней сохранился экземпляр полесского букваря 1907 г. издания...

Как видно из приведенных фактов, основа для создания, возрождения полесской культуры имеется. Имеется и потребность ее возродить у самих полешуков. Тому свидетельством и рост числа полесскоязычных авторов, представляющих самые разные части этнического Полесья, и все возрастающая поддержка общественностью программ объединения “Полісьсе”, и формальное укрепление его позиций. Например, общество “Полісьсе” с мая 1988 г. имеет свой своеобразный печатный орган – периодическую страницу “Балесы Полісься” в молодежной республиканской газете “Чырвоная змена”.

Конечно, сегодня еще рано говорить о результатах, а тем более о перспективах развития культуры на полесской этнической и языковой основе. Практика, жизнь покажут, что из этого выйдет. Одно безусловно: нужно позволить и всемерно помочь полесскому возрождению реализоваться своей внутренней потенции. И не надо бояться неожиданных с точки зрения железной теории результатов.

ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ: РАЗРЫВ ТРАДИЦИЙ

В Таджикистане в среде мыслящей интеллигенции и студенчества все решительнее звучит требование восстановить хотя бы в минимальных правах арабскую графику, что, кстати, неотрывно от восстановления истинного облика самого таджикского языка, его основы, его жизненного нерва, ибо арабская графика неотделима от языка и составляет с ним единое целое.

У многих непосвященных может возникнуть вопрос: для чего таджикам (и не только таджикам) вздумалось возвратиться к арабской графике?

Личный опыт автора (даже в неоднократных попытках опубликовать один из вариантов настоящей статьи) свидетельствует о том, что проблема легализации арабской графики в культурной жизни таджиков встречает по меньшей мере участливое недопонимание причин необходимости восстановления арабской письменности. А для чего? — спрашивают. Чем плоха кириллица, ведь передает же она фонетический строй таджикского языка, а посему располагает адекватными арабской графике способами передачи, скажем, поэтической речи. Но, как хорошо известно, любая графика есть не просто звукопись, но не в меньшей степени и смыслопись. И передать полностью, в полном объеме ценности поэтической речи (не говоря уже о более сложных текстах, где графический знак обращается в тайнопись), часто зависящей от формальных особенностей письма, чужеродной графике никогда не удастся. Другими словами, чужая графика никогда не сможет вписаться в тот особый мир слов, чувств, художественной и языковой традиции в их полном объеме, что мы справедливо называем бытием народа.

Именно в письменности сложным, но самым непосредственным образом отражается специфика исторической и национальной памяти. Как отметил Ю.М. Лотман, собственно история есть одно из следствий возникновения письменности или, другими словами, в письменности содержится значительная часть информации, которая составляет основу духовного и исторического опыта конкретного народа. Поэтому, прежде чем описать (хотя бы частично) проблему возвращения таджиков к своей национальной письменности, вкратце обратимся к истории этого народа.

Предки таджиков согдийцы — ираноязычный народ, живущий в долине реки Зеравшан, — были носителями богатой культурной традиции. Народ купцов, воинов, художников был наследником великого индоиранского наследия, ревностным почитателем заветов древнеиранского мудреца Заратуштры и книги Авесты. Рафинированность и глу-

бина интеллектуального развития согдийцев позволили им понять и разделить мудрость соседних народов. Через их земли беспрепятственно проникали на восток, в Китай, пророчества и книги легендарного мудреца и художника Мани, христиан и иудеев. Их столица — Самарканд — славилась своим богатством, базарами, оживленной интеллектуальной жизнью. Археологами раскопаны и другие города предков таджиков — Варахша (Бухара) и Пенджикент. Во всех этих городах найдена высококачественная живопись на стенах частных и общественных зданий. В начале VIII в. в пределы Согдианы вошли боевые отряды арабского полководца Кутейбы. Началась исламизация народа и его культуры.

До нашего времени дошли ничтожные крохи богатой письменной культуры согдийцев. Исчезли образцы былой эпической истории, судить о которой позволяют современные раскопки в Пенджикенте. Однако согдийцы сумели оправиться от интеллектуального потрясения. К IX в. на руинах былой культуры возникает культурная общность с другим языком, другой письменностью. Язык этой культуры стал называться дар, или таджикским, а письменность была арабской, приспособленной к нуждам нового языка. На этом этапе истории таджикского народа мы остановимся несколько подробнее с тем, чтобы оценить происшедшие изменения в более широком контексте складывавшейся к этому времени культуры ислама.

Итак, на землях согдийцев к IX в. возникает мусульманская династия Саманидов с центром в Бухаре. Два языка — арабский и даритаджикский — определяли культурно-политический облик государства. Арабский язык был языком, интегрирующим мусульманские земли и народы в рамках монотеистической религии арабов, священным языком Корана. Язык дари был новым образованием, в его основу вошли старые иранские языки, которые вобрали в себя некоторый запас арабских слов. В культуре таджиков возникла ситуация двуязычия, когда один язык (арабский) был языком государственным и выполнял важные религиозные, политические, научные функции, а другой язык (дари) был языком быта и, что важнее всего, литературы. Но не только заимствованный словарный запас арабского языка единил два языка. Прежде всего арабский и дари объединяла арабская письменность. Именно на основе арабской письменности окончательно сформировался таджикский язык как таковой, и эта же письменность оказалась у колыбели литературы таджиков. Язык, литература, а в целом и культура таджиков немыслимы без арабской письменности.

Письменность есть не что-то абстрактное и отвлеченное от материи языка и культуры. Истинно обратное — письменность, даже заимствованная, но вошедшая в плоть литературы и культуры народа, есть интегральная, неотделимая часть духовного наследия и языка именно этого народа. Послушаем, например, что говорит об этом выдающийся лингвист Фердинанд де Соссюр: "Графическое слово столь тесно переплетается со словом звучащим, чьим изображением оно является, что оно в конце концов присваивает себе главенствующую роль; в результате изображению звучащего знака приписывается столько же или даже больше значения, нежели самому этому знаку". Сказанное Соссюром было хорошо известно и в прошлом, причем в одинаковой степени на Востоке и на Западе. Письменность рассматривалась не как простое закрепление языка графическими знаками, но как вид знания. Это обстоя-

тельство, важное для понимания природы письменности, отмечалось еще Николаем Кузанским: "Это знание дальше от природы, дети приходят к нему позднее и лишь когда начинает входить в силу их интеллект; соответственно, в этом искусстве больше от интеллекта, чем в первом (т. е. в языке. — Ш.Ш.)". В культуре ислама графика оформилась в искусство каллиграфии, называемое "ил-и хат", буквально "наука письма".

Итак, письменность есть вид "знания", своеобразная и впечатляющая для средневекового человека "наука" выписывания значимых литер. Вместе с тем очевидно, что письменность имеет не только внешнюю форму, но и свой внутренний смысл, неявный для профанов и иноверцев.

Продолжая разговор о проблеме установления арабской письменности в таджикской культуре как формы знания, небезынтересно пояснить, какие же конкретные познавательные функции носила эта письменность. Отметим прежде всего, что арабская графика изначально почиталась как священная: образцом ее были начертания Корана. В этом факте нет ничего пугающего для современного читателя, воспитанного в непримиримых псевдоатеистических традициях. Вспомним, ведь русская литература родилась из алфавита, составленного священнослужителями Кириллом и Мефодием, а язык ее был языком литературно-церковным, объединявшим все православное славянство. Иначе не могло и быть. Образованность в пору становления культуры сосредоточена в основном в руках и речах людей, непосредственно приобщенных к религиозному знанию. Религия и знание были неразделимы, не замечать этого или противоречить этому — значит пренебрегать как историческими фактами, так и реконструированными нормами развития средневекового сознания. Вот как характеризует ситуацию, возникшую в Древней Руси, академик Д. С. Лихачев: "С христианством пришла письменность иного, высочайшего класса. Это была письменность с устройением, со знаками препинания, с разделением на слова, с определенной грамматикой. Это письменность литературного языка и богатейшей литературы. Появляются сложнейшие понятия: значит, язык был подготовлен к принятию христианской идеи, к принятию письменности. И тут примечательна роль монастырей. Как осваивались новые земли? Они осваивались монастырями, где прежде всего занимались письменностью. Самое богоугодное дело — письмо".

Мы остановили внимание читателя на своеобразии развития древнерусской культуры и ее письменности только потому, что судьба таджикской культуры и письменность таджиков очень напоминает или, вернее, типологически соответствует тому, что произошло на Руси. Таджиким, как и русским (и вообще славянам), пришлось осваивать новые нормы монотеистической религии, а как следствие этого шага — безоговорочно принять и новую письменность. Подобно русским, таджикам удалось на основе новопринятой письменности создать свою литературу, свой литературный язык, у истоков которого стояли два великих поэта мировой словесности — Рудаки и Фирдоуси.

Основной функцией арабской письменности, кроме ее прямой задачи по переводу естественного языка, были ее беспрецедентные возможности в воспитании ориентации средневекового человека в устройстве мироздания, то есть знания о закономерностях Бытия в его самых разных измерениях — космологическом, этическом, эстетическом. Соб-

ственно арабская графика формировала правильный взгляд на Мир в его совокупности, она была существенным инструментом для установления истинного взгляда на окружающее человека Бытие. Существует масса примеров, доступных любознательному читателю, чтобы удостовериться в этом. Любые предметы, значимые в своей принадлежности к культуре, испещрены арабской вязью — это и двери жилых домов, и кухонная утварь, и рыцарское вооружение, и архитектурные сооружения. Без преувеличения можно сказать, что эстетическое освоение мира художественных форм и эстетический взгляд на Мир в целом формировались под воздействием арабской графики. Арабское письмо всегда оставалось неким мерилом принадлежности художественных форм к культуре. Даже в том случае, если арабские начертания обращались просто в декоративную вязь орнамента, оставались очевидными истоки этих форм, их неразрывная связь с буквой и словом.

Для мусульманского сознания графические начертания по своим познавательным и эстетическим свойствам были аналогичны тому смыслу, который в христианском сознании вкладывался в иконные изображения. Как и христианская икона, они приобщали верующего к непреходящим и доминантным ценностям культуры. Однако в отличие от христианской иконы арабская графика уже не как символ, а как собственно письменность, конечно, обмирщалась. Этот процесс был закономерен, ведь письмо использовалось для самых различных нужд административной и бытовой жизни социума. В этом была сила письменной культуры, сумевшей в графических начертаниях объять все многообразие форм и представлений средневекового человека, от важнейших религиозных концепций до его утилитарных, бытовых нужд. Графика была смысловым стержнем культуры. Начертания арабских букв стягивали в единое целое идеальную и материальную стороны жизни мусульманина. Именно письменность в ее разнообразных проявлениях единила частную жизнь мусульманина, читающего Книгу и книги в своем доме, с жизнью общественной, когда на улицах городов он сталкивался с воспроизведением различных фраз на дверях домов и стенах мечетей, мавзолеев и медресе. Даже современный облик Бухары и Самарканды способен в некоторой степени воссоздать картину прошлого.

Существенным аспектом освоения арабской письменности была каллиграфия. Письмо стало объектом любования. Практика каллиграфического искусства была небезразлична даже правителям. В этом искусстве упражнялись известные в мусульманском мире шахи, султаны, эмиры (например, эмир Тимур и основатель династии Моголов Бабур). По своему размаху и значению искусство каллиграфии в странах ислама может быть сравнимо только с искусством письма в дальневосточных странах (Китай, Япония).

Богатая письменная традиция, книжная культура ислама, разумеется, требовали большого количества писцов. Каллиграфы и переписчики составляли привилегированную часть средневековой интеллигенции. К примеру, в опасные для общества моменты каллиграфы оберегались в первую очередь. Должность и профессия писца и каллиграфа считались почетными, они выполняли весьма важную обязанность по охране и продолжению памяти социума. Переписчики разного рода сочинений олицетворяли собой коллективную память как всей мусульманской общины, так и отдельных ее народов. В Средней Азии основную часть писцов

составляли таджики. В этом нет ничего странного. Тюркское население Средней Азии занимало в бюрократическом аппарате преимущественно военно-административные должности. Языком же культуры вплоть до советского времени оставался таджикский (например, в Бухарском эмирате и Кокандском ханстве). В этом отношении интересна претензия, высказанная к писцам (катибам) еще в XVIII в. тюрком Абу-ль-Гази: "Называемые катибами люди нерадивы и неразумны. Переписывая эту книгу (а со времени ее написания минуло триста семьдесят два года, в течение которых, видит Бог, было составлено двадцать или тридцать списков), они каждый раз искажали столько слов, что в конце концов в летописи искаженной предстает треть, возможно, даже половина текста. Ведь упоминаемые в сочинении Рашид ад-Дина названия гор, рек, местностей и имена людей — монгольские или тюркские, а автор той книги и писцы, переписавшие ее, — все были либо персы, либо таджики, не знавшие ни монгольского, ни тюркского языка. Если таджика учить присознать монгольские имена даже дней десять, он все равно этого не освоит, как же он их запишет правильно".

Столь развитая традиция письменной культуры должна была основываться на высокой грамотности населения. Ведь многочисленные рукописи должен был кто-то читать, а существовавшие, к примеру в Бухаре, публичные библиотеки кто-то посещал. Мы говорим здесь о Бухаре, поскольку этот город был историческим центром культуры таджиков. С Бухарой связаны имена прославленных таджиков — поэта Рудаки и мудреца Абу Али Ибн Сина, известного в Европе под именем Авиценна. Вместе с тем приведем еще один пример, заимствованный из книги крупнейшего советского этнографа О. А. Сухаревой. Ученый подробно исследовала жизнь города в недалеком прошлом, и только названия кварталов, население которых было преимущественно таджикоязычным, привели ее к следующему выводу: "Эти данные еще раз доказывают, как сильна была в Бухаре таджикская языковая традиция, опирающаяся на таджикское происхождение основной, старой части населения Бухары". Там же О. А. Сухарева на основании неполного подсчета квартальных школ отмечает очень высокий уровень грамотности населения. А ведь кроме школ, в Бухаре существовало около ста больших медресе и столько же малых. Об этом в одной из повестей сообщает известный писатель С. Айни ("Смерть ростовщика"). Если взглянуть на то, как обстояло дело с грамотностью в сельских районах Бухары, то нам вновь может помочь память того же Айни о своих детских годах ("Старая школа"). Писатель описывает период обучения в родном кишлаке. Сначала он учился с мальчиками, но обучение не давало ему необходимых знаний, и он по просьбе отца был переведен в частную школу для девочек. Даже если, как утверждает Айни, обучение в этих школах оставляло желать лучшего, сам факт существования в одном маленьком кишлаке двух школ говорит о многом.

Дальнейшая жизнь Айни весьма поучительна для истории духовной жизни таджиков и прямо связана с обсуждаемой нами темой. Однажды Айни попадает на глаза бухарскому вельможе, сыну верховного судьи Бухарского эмирата Шарифджану-Махдуму Садри Зие. Это был образованный человек — поэт, литератор, каллиграф, видный религиозный и политический деятель. Садри Зие замечает способности мальчика, переводит его в Бухару; какое-то время Айни прислуживает в доме пок-

ровителя, где каждую неделю собираются поэты, читают стихи, обсуждают происходящее (знаменитый “литературный салон” Садри Зие в Бухаре). Затем покровитель покупает подростку Айни келью в лучшем медресе Мири Араб, где будущий писатель продолжает так неожиданно и счастливо начавшуюся для него городскую жизнь.

Жизнь города и жизнь в городе имели для таджиков свой особый и далеко еще не оцененный историками и этнографами смысл. “Страна тысячи городов”, — говорили эллины о Бактрии, народ которой много позднее вместе с согдийцами стал именовать себя таджиками. “Иран-замин” (земля Ирана) называли уже в “Шах-наме” свою родину таджики, а еще “Иран-шахр” (страна или город Иран). Страна, земля и город оказываются синонимами и не только на уровне лексических обозначений, но и в аспекте психологической детерминации самого бытия народа. Бытие города и бытие народа дополняют друг друга, совмещаются и обретают для средневековых иранцев высшую ценностную характеристику. Так, например, красавица у иранцев — это не селянка, не дитя гор или долин, но непременно девушка, “смущающая собой город” (шахрошуб). А за любовь ее, как известно, персидский поэт Хафиз предлагает отдать Самарканд и Бухару.

Сознание иранцев, а таджиков в частности, было принципиально городским, психологическая, космологическая, этическая детерминация этого сознания была тесно связана с городом более двух тысяч лет (!). А развитие письма, искусства каллиграфии и богатейшее книжное производство в средние века обязаны целиком и полностью горожанам. В наше время таджики превратились (или их обратили) преимущественно в сельское население. Таджикистан известен сейчас как республика с преобладающим сельским населением и двумя крупными городами (один из которых построен в советское время) с развивающейся индустрией. Утрату городов — исторических центров народа — необходимо оценить как событие исторического значения, ибо вместе с городами утрачено прежде всего национальное мироощущение, утрачена традиционная ориентация личного и общественного сознания людей. Привычные субъективные ориентир в объективном мире смещены, не позволив ему заново осознать себя в сфере новых ценностей, непривычных для его национального сознания общественных и личных идеалов.

Результатом этой насильственной переориентации исторического сознания таджиков явилось исчезновение буквально всех ремесел, качественной поэзии, постепенное исчезновение классической музыки. Не стало письменности, соответственно исчезло и искусство каллиграфии. Был нанесен жестокий удар по основам исторической памяти, переориентирован глубинный исторический детерминатив сознания. В сознании таджиков исчезло преклонение, любование письмом и книгой (достаточно взглянуть на качество издаваемых в республике книг и журналов), книга стала обиходом быта, но не важнейшим атрибутом бытия таджика. Сейчас наступило время, когда в глазах таджика-горожанина кириллица предстала письмом чуждым и мешающим его интеллектуальному росту. И от этого чувства нельзя отмахнуться, налепив ему националистический ярлык, это желание естественно, объяснимо и свидетельствует о пробуждении исторического сознания, о стремлении вернуть ценности прошлого, с тем чтобы более уверенно взглянуть в свое историческое будущее.

Выше мы остановили внимание читателя на том, как были сходны судьбы таджиков и русских в процессе освоения новой для них письменности, какую роль сыграла эта письменность в становлении таджикской и русской культур. Развитие кириллицы приносило и продолжает приносить русской и мировой словесности значительные имена и высокие достижения в области освоения "пространства" русского языка. Язык и письменность продолжают развиваться и обогащаться. Письменность же таджиков уничтожена. Язык и письменность насильственно разделили, не подумав о том, что такая процедура повлечет за собой утрату культурного прошлого, исторической памяти, поскольку, как мы помним, письменность есть форма памяти. Эта процедура должна отразиться (и отражается) и на внутреннем состоянии языка, ибо мы знаем, что язык и письменность неотрывны и покушение на письменность равносильно покушению на основы языка.

Нам могут возразить, что, дескать, и иранцы хотели перейти на латиницу. Но не перешли же. Здравый смысл, как мы видим, одержал верх. Могут сказать: турки оставили арабскую графику и перешли на латиницу. Но письменная культура турок не насчитывает тех многих столетий и тысяч имен, которые имеет в своем запасе культура таджиков и персов. Более того, турки на протяжении столетия мудро подготавливали этот переход, и он носил равно идеологический и политический характер ориентации на западную культуру, нежели продолжение развития традиций арабского и персидского мира.

Однако пример турок оказался заразителен. Преобладающие в начале XX в. в Бухаре и других районах расселения таджиков пантюркистские настроения привели к замене арабской графики на латинскую. Это произошло в 1929 г. А в 1940 г. последовала новая реформа и латинская графика была заменена на кириллицу. Тысячелетнему пути развития языка и письменности таджиков был нанесен удар, от которого, по нашему мнению, культура до сих пор не оправилась. Восстановить изъятую вместе с письменностью память не было никакой возможности. Больше того, оставшиеся на арабской графике книги стали тотально уничтожаться¹.

Так рождался миф о низкой грамотности таджикского населения и необходимости срочно повысить грамотность населения, т.е. обучить его чтению на кириллице. Все поколения таджиков, родившиеся в период с 30-х по 80-е годы, воспитываются в отрыве от своей национальной письменной культуры. "Почти каждая современная письменность пользуется исторической орфографией, так как язык меняется быстрее, чем можно изменять правила письма, не ломая в корне культурно-исторические традиции народа, сохраняемые в его книгах. Чем дольше не происходит реформы письменности, тем труднее ее изменить, так как при коренной перемене системы письма нарушается преемственность культуры". Слова крупнейшего советского востоковеда И. М. Дьяконова отчетливо

¹ До сих пор в Средней Азии рукописями или литографиями опасно дорожат. Автору этих строк несколько лет назад пришлось столкнуться в Коканде с таким случаем. Его появление на "пяточке" возле соборной мечети, где по пятницам продавали книги, было тут же отмечено, и продающие с возгласом "КГБ омад" ("явилось КГБ") спешно стали прятать книги. Память о событиях 30–50-х годов до сих пор живет в народе, и рукописные книги, хранящиеся у стариков и старух, прячут в домах, извлекают и демонстрируют тайком.

поясняют ситуацию, в которой оказалась культура таджиков. Неполнота памяти таджиков насчитывает сотни имен. Сейчас в стране начался многообещающий процесс восстановления "полноты" памяти всего советского народа, процесс обращения ущербной памяти в память истинную, историческую. Но каковы бы ни были результаты этого процесса, таджикам обрести полноту своей памяти чрезвычайно трудно, и — кто знает? — может, и невозможно.

Только в 1962 г. (!) на новую графику был переведен центральный для культуры таджиков памятник — эпос Фирдоуси "Шах-наме". До сих пор недоступны для таджиков стихи и поэмы двух мудрецов Санаи и Аттаса. Понаслышке знают таджики о великой книге Руми "Маснави-маанави" ("Поэме смысла"), переведенной в 30-е годы на английский язык. Таджикско-персидскую культуру невозможно представить и без полного издания "Диван-и Шамси Табрези". Нет и этого. Только в 80-е годы предпринята попытка перевести на новую графику поэзию Джами. Отсутствуют издания множества других поэтов, второстепенных для мировой культуры, но существенных для исторической памяти таджиков и для полноценного понимания всей таджикско-персидской литературы. Исторические, географические, медицинские, астрологические, алхимические труды средневековых авторов уже никогда не войдут в поле зрения таджиков. Кому-то может показаться сомнительной сама необходимость издания этих текстов. Но можем ли мы взять на себя право вольно распоряжаться наследием народа, ответственность вместо него перед историей, перед прошлым, настоящим, будущим? Все это наследие народа, а любые попытки усесть историческую память, придать ей облик, соответствующий интеллектуальному или политическому кругозору одного человека или группы людей, покушающихся на эту память, равносильно преступлению против истории, против памяти всего человечества. Позволено ли кому-либо властной рукой отторгнуть целый народ от его литературного наследия? Оказывается, да, позволено. Но можем ли мы мириться с этим? Уверен, нет, не можем, не должны, не имеем права.

А что делать с богатейшим философским наследием таджиков? Оно доступно избранным, только владеющим арабской графикой. Такое положение в корне противоречит провозглашаемым социалистическим нормам отношения к наследию прошлого, которое должно быть всеобщим, народным, а не только предметом научных штудий.

А обсуждать, собственно говоря, и нечего. Справедливость должна быть восстановлена, ибо не может быть никаких серьезных аргументов в пользу новой графики. Разве армяне и грузины до сих пор не пользуются своей графикой? И кто может сказать, что существование национальной формы письменности повлияло на интеллектуальный облик современных грузин? Напротив, культурный кругозор представителей закавказских республик заметно шире кругозора жителей Средней Азии. И дело здесь не только в традиционной близости закавказских республик к европейской культуре. Армяне и грузины на сегодняшний день оказались намного ближе к истокам своей культуры, к своей поэзии, к своему языку. Решающую роль в этом сыграла письменность.

И последнее. В республике благополучно развивается поэзия. Пишутся стихи, рифмуются слова. Но использование новой графики в поэзии таит в себе еще одну весьма серьезную опасность: опасность исчезнове-

ния таджикской поэзии как таковой и трансформации ее в нечто иное. Как это произошло, например, с самими таджиками в результате перерождения их сознания с городского на сельское.

Для того чтобы быть таджикским поэтом и, соответственно, понимать таджикскую поэзию, необходимы два непереносимых условия: знание арабской графики и хотя бы элементарная ориентация в арабской грамматике. Без этих знаний невозможно правильное использование в технике стихосложения арабских и таджикских слов. На новой графике, к примеру, весьма нечетко передано различие между долгими и короткими звуками, не передается вообще структура арабского алфавита, где присутствует ряд одинаковых звуков, передающихся различными буквами. Поскольку современные поэты, как правило, не учитывают правил написания отдельных букв в арабской графике, то возникают случаи вопиющей безграмотности при рифмовке слов, которые на новой графике заканчиваются одной буквой, а на самом деле в арабской графике эти же буквы различны. Скажем, звук "с" в арабской графике передается тремя различными способами, и, согласно правилам, рифмуются только одинаковые буквы, так называемые "рави". У афганцев и иранцев такие "опыты" таджикских поэтов вызывают только ироничекую улыбку. Чтобы понять внутренний смысл поэтического слова, читателю необходимо знать его семантическое поле, что достижимо при знании арабского корня, определяющего смысловую вариантность его производных. А такое знание возможно только при знакомстве с основами арабской грамматики и, соответственно, с арабской графикой. Кроме этого, важная часть таджикской поэзии построена на обигрывании формальных качеств арабской графики, что придает ей тот особый привкус интеллектуальной, поэтической игры, которой она известна в мировой словесности. Утрачено и это...

Нельзя не упомянуть здесь и о судьбе письменной культуры тюркоязычных народов. И в первую очередь, конечно, об узбеках — народе, накопившем к XX в. такой запас письменной культуры, который невозможно оставить без внимания. Неподготовленный переход к латинице, а вскоре затем к кириллице "демонтировал" устоявшуюся к этому времени традицию письма, основанного на выработанной системе соответствия фонетических особенностей языка и арабской графики. Более того, узбекам (а равно и другим представителям тюркоязычного мира) предстоит решить, какой вид письменности (латиницу или арабицу) им принять, ибо кириллица, очевидно, не отвечает запросам грамотного читателя, нацеленного на принятие полного объема своей письменной культуры. Вместе с тем нельзя также забывать (или делать вид, что мы не помним) об опыте Исмаила Гаспринского, выработавшего нормы письменного тюркского слова. Его газета "Тарджуман" ("Переводчик", или "Толмач") была одинаково понятна всем тюркским народам, находившимся в пределах и за пределами Российской Империи.

Одним из результатов современного хода и направленности национальной политики явилось практическое исчезновение традиционного таджикско-узбекского двуязычия. Оба народа стали развиваться особенно в пределах отведенных им территориально-языковых ареалов. Сохранившиеся элементы былой традиции двуязычия приобрели в большей мере бытовой аспект, нежели литературный и интеллектуальный. А для правильного понимания классической тюркской поэзии (от Навои

до Машраба) необходимо знание таджикского языка, его лексики, значения ключевых поэтических слов и идиом. Ведь у того же Машраба часто встречаются газели на узбекском языке с использованием таджикской поэтической лексики. В свою очередь таджикский читатель в результате однонаправленного языкового воспитания лишен возможности читать и понимать, например, поэзию Навои: таджик может прочитать собрание сочинений Л. Н. Толстого, но лишен возможности составить свое непосредственное впечатление о поэзии Навои. Можем ли мы считать, что такое несомненное приобретение все же окажется весомее столь же несомненной утраты?

Исчезновение таджикско-узбекского двуязычия в идеале должно было быть уравновешено введением русского языка как средства межнациональных контактов в нашей стране. Но потеря оказалась невозможной. Многовековая традиция двуязычия была разрушена. Не зная и, соответственно, не понимая языка соседа, народы утратили представление об истоках и своеобразии былой культурной общности, ее внутренней осмысленности и целенаправленности. Истоки таджикско-узбекских конфликтов (которые грозят в любой момент вылиться в очень серьезную проблему) никак нельзя рассматривать с внешних позиций националистического неприятия двух народов — корни этого конфликта уходят в недавнюю, послеоктябрьскую историю, искусственное разделение народов, повлекшее за собой их языковую дезинтеграцию. Все усилия джаидов по реконструкции старых методов просвещения и попытки введения новометодных школ на основе достижений современного им знания оказались переориентированы без учета своеобразия местной культуры. Все это, дополненное переходом к кириллице, лишило народы существенной части их исторической памяти, составлявшей основу общего историко-культурного фундамента.

Возрождение арабской графики связывают с опасениями по поводу возрождения ислама. Рассуждать так могли и могут люди, осведомленность которых в вопросах культуры оставляет желать много большего. Но даже если мы согласимся с этим утверждением, то и в этом случае неприятие арабской графики грозит вылиться в весьма серьезные последствия. Нездоровый интерес к арабской графике отчетливо заметен во всех мусульманских республиках страны и проявляет себя даже в картинах художников. На низовом уровне социума графика, ассоциируясь с исламом, становится одним из проводников ислама бездуховного и агрессивного, ибо не содержит в себе того позитивного заряда, которым она обладает в действительности. Только легализация арабской графики, придание ей общественного признания позволят письму стать не предметом спекуляций на мусульманские темы на уровне массового сознания и в печати, но помогут в деле восстановления исторической памяти.

Все сказанное нами об арабской графике неотделимо и от следующих более широких выводов. Специфические черты национальной культуры, взращенной в лоне традиционного сознания, воспринимаются неискушенным атеистическим сознанием как опасные для самочувствия социума, а посему им придается нарочито идеологическая и даже политическая окраска. В результате возникает непримиримость (идеологическая) к традиции, прошлой культуре, стремление разрушить ее или снизить ее общественную ценность, дабы на пустом месте возвести нечто равно идеальное и аморфное новое. Отсюда и яростные призывы к отме-

не прежних традиционных ритуалов (к примеру, свадебных и похоронных) и к созданию новой ритуалистики, выхолощенной, парадной и не несущей в себе того внутреннего зерна, которое было заложено разумом поколений в правила и суть отправления традиционных обрядов, обычаев, национальных форм бытия (а не только быта).

Идеологизация и политизация национальных культур, стремление нивелировать их своеобразие — одна из характернейших черт национальной политики на сегодняшний день.

В республике должна быть восстановлена арабская письменность, то есть память ущербная заменена памятью исторической. Если тысячулетнюю литературу решились перевести на новую письменность, по-видимому, не так трудно будет проделать и обратную процедуру. Естественно, этот шаг потребует изрядной доли осторожности и бережного отношения к читателям, как взрослым, так и подрастающим. Необходимо в школах республики параллельно с изучением кириллицы ввести изучение арабской графики и — по меньшей мере — не препятствовать массовым изданиям таджикской литературы на собственно таджикской письменности. Культура должна иметь свое собственное лицо, а не маску, равнодушно предложенную ей в тяжелый период ее реформирования.

НОВЫЙ ТЕРМИН

Россия — страна казенная.

А.П. Чехов

Появился новый термин — “этноцид”. В отличие от геноцида, при этноциде представителям определенного народа предоставляется полное право на физическое существование, социальные гарантии, хозяйственную деятельность и т.п., но одновременно с этим ведется наступление на язык и культуру, вплоть до полной культурно-языковой ассимиляции. Не всякий раз это наступление является плодом сознательной политики — чаще речь идет о всесильно-безличном “реальном положении вещей”. На наличии этноцида настаивают представители коренного населения Прибалтийских республик, а также (не в столь резкой форме) украинцы и белорусы.

Поэт Кнут Скуениекс сказал, что латышский язык неуклонно превращается в подобие бретонского или провансальского — скоро на нем можно будет написать изысканную балладу, но нельзя будет составить заявление о приеме на работу.

Нам представляется, что положение с национальными языками на Украине и в Белоруссии еще драматичнее, и вот почему. Языки Прибалтийских республик — литовский, латышский и тем более эстонский — обладают мощной лингвистической самостоятельностью, что дает им решающий шанс сохраниться. Что же касается языков украинского и белорусского, то их беда — в их “похожести” на русский. Перейти с “мовы” на “язык” труда не составляет, а вот при попытках обратного перехода случается не “мова”, а “суржик”.

Опасения перед этноцидом вызывают к жизни культурно-языковые движения, принятие специальных законов о языке. Подчеркнем — законов! Культурные начинания с роковой неизбежностью облачаются в казенную, юридическую, административную форму. А что делать? Чтобы культурное движение существовало, оно должно иметь юридические права и аксессуары в виде бланков, печатей и бухгалтерских книг.

Культурно-языковые движения либо постепенно вырастают в административную систему, либо с хрустом и болью выламываются из нее, как происходит с обществом “Мартиролог Белоруссии”.

ЕЩЕ РАЗ О ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ *

На страницах газет и журналов, выходящих в Литве, жарко обсуждаются вопросы, связанные с современным состоянием литовского языка, с судьбой островных говоров, с целесообразностью признания литовского языка государственным языком Литвы. Сам язык и отношение к нему говорящих на нем, как лакмусовая бумажка, проявляют степень демократичности общества в данной точке его развития, его нравственного здоровья. Сам факт обсуждения подобных проблем и еще более то, как протекает дискуссия, нужно расценивать сугубо положительно. В большинстве выступлений бросается в глаза зрелость и трезвость суждений, высокая компетентность и серьезность, сдержанность тона даже в наиболее горячих и болезненных точках, глубоко укорененное сознание того, что самоопределение в отношении языка сейчас есть важная часть гражданского долга каждого человека. Как правило, в этих выступлениях отчетливо проявляется высокий уровень языковой, культурной, исторической, социальной, правовой сознательности, что и образует надежную гарантию объективности в оценке ситуации и вытекающих из нее следствий, и продуманности, и надежности предлагаемых решений, почти полное отсутствие какого-либо экстремизма и малейших признаков национализма в том одиозном и явно нарочитом смысле слова, которое было оскорбительным жупелом-угрозой для патриотов литовского языка, культуры и истории в течение многих лет.

Решаюсь и я сказать свое слово в этой дискуссии, поскольку поднятые в ней вопросы долгие годы болезненно и мучительно волновали меня, вызывали чувство жгучего стыда и одновременно возмущения, желание помочь и сознание собственного бессилия, поскольку для литовского читателя, возможно, будет не лишним узнать соображения по этим вопросам с "русской" стороны, человека, чувствующего свою профессиональную связь с литовским языком и душевно привязанного к Литве и ее духовному наследию.

Сказать, что обсуждаемые вопросы возникли с в о е в р е м е н н о, можно лишь в том смысле, что для доброго дела всегда должно найтись "свое время". Во всех иных смыслах следует говорить о другом — о том, что эти проблемы должны были своевременно решаться почти полвека назад. Сейчас они не только созрели для решения их, но, я бы сказал, опасно перезрели и поэтому должны решаться срочно, но фундаментально. Единственной компенсацией этого "потеряного" времени было бы сейчас быстрое, радикальное и безболезненное решение этих

* Письмо опубликовано в газете "Комјаунимо Тiesa", 4.XI.1988. Перепечатано в газете "Советская Литва" 10.XI.1988.

проблем, кажущееся совершенно очевидным и в свете общей ситуации переживаемого момента, и в свете внутренних императивов жизни культуры.

Поэтому начну с главного: по моему глубокому убеждению, ни с конституционно-правовой, ни с общедемократической точки зрения, ни с позиции элементарных норм цивилизованного общества на рубеже XX и XXI вв. не может быть никакой разумной и достойной альтернативы самому справедливому и простому решению — признать за литовским языком в Литве статус государственного языка. Единственным мыслимым случаем осложнения проблемы было бы активно выраженное нежелание литовскоязычного населения считать свой язык государственным. Фактически это только теоретически возможное предположение означало бы готовность отказа от литовского языка вообще (или, что одно и то же, равнодушие к его судьбе) и даже от литовской государственности в том смысле, в каком она закреплена сейчас законодательными актами. Но поскольку описываемой ситуации реально не существует, как нет и запрета на признание литовского языка государственным *сверху* (закон) и нежелания иметь язык такого статуса *снизу* (литовскоязычное население), то проблема должна решаться однозначно — литовский язык должен быть государственным языком Литвы, ибо без этого сама идея литовской государственности оказывается неполной и ущербной, если только не фальшивой и показной. Подчеркиваю: если в составе нашей страны Литва обладает статусом государственности, то государственным должен быть и язык, именно литовский язык, и, пока государственность литовская, никакие “статистически-эгалитарные” соображения не должны препятствовать такому решению проблемы.

Если все-таки, к беде литовцев и нашему позору, литовский язык до сих пор не получил статуса государственного языка, то это следствие тех чудовищных извращений элементарных демократических принципов, той деградации духовных ценностей, которые настолько жестко определяют ситуацию во всей стране и специфически и дополнительно в Литве, что и сейчас, в иное время, многие люди оказались не готовыми не только к справедливому решению вопроса, но и к самому уяснению проблемы. Нравственный долг требует признать, что лишение литовского языка естественного права быть государственным языком было дискриминацией и литовского языка, и литовской культуры, и прав литовского народа, т.е. преступлением против человечности. Пришла пора восстановить справедливость.

К сожалению, не все понимают, что государственный статус дается языку не за хорошее поведение говорящих на нем и что признание языка государственным есть *внутреннее* свидетельство степени развития этого языка в общем контексте истории народа и его культуры, а не выпад против какого-то другого языка. Государственный статус языка отражает историческую реальность языкового и культурного развития, уровня национального самосознания, готовности взять на себя ответственность за решение тех исторических, социальных, хозяйственно-экономических, культурных и иных задач, которые стоят перед народом, обладающим государственным статусом.

Но готов ли сам литовский язык взять на себя еще одну функцию — быть государственным языком Литвы? Безусловно. В тяжелых усло-

виях последнего столетия, при отсутствии государственности, литовский язык, хотя и не без потерь, выстоял и даже создал особую высшую культурно-социальную языковую форму — литературный язык, ставший мощной объединяющей силой национального развития, эффективным и разнообразным инструментом культуры, ее душой. Литовский народ не только отстоял и сохранил свой язык, но развил и обогатил его до такой степени, что признание литовского языка государственным уже сегодня не потребовало бы никаких “доделок”, “подтягиваний”, введения языковых суррогатов. Литовский язык действительно подтвердил даже в условиях, близких к экстремальным, свою удивительную способность адекватно усваивать и перерабатывать содержание современной жизни в самых сложных и тонких ее проявлениях. И внутренние потенции литовского языка, и конкретные завоевания его позволяют считать его одним из активных и “сильных” элементов в мозаике языков современного мира и связывать с ним большие надежды. Не буду удивлен, если в начале следующего века художественное творчество на литовском языке достигнет еще никогда не виданной высоты.

Все, что говорилось до сих пор, представляет собой взгляд с одной стороны, правда, наиболее важной. Но существует и другой, противоположный этому взгляд, который также нашел отражение в печати. Чаще всего он отражает настроения, бытующие в определенном слое русского населения Литвы. В этом взгляде, как в кривом зеркале, отражается ложная, чудовищно смещенная картина действительности. Конечно, проще всего было бы пренебречь этим взглядом, сославшись на то, что он определяется великодержавными шовинистическими установками, воспитанными десятилетиями, очень низким культурным уровнем (как в том, что касается знания фактов — истории, культуры, языка, так и в том, что относится к возможности самостоятельного решения мыслительных задач), отсутствием правильной социальной и культурной ориентации в изменяющихся условиях и т.п. Все это есть, но ставить здесь последнюю точку все-таки было бы опрометчивым решением.

Как ни горько признавать распространенность этих взглядов (и тем горше, что известно, как трудно переубеждать носителей этих взглядов, обычно принципиальных “монологистов”), нужно иметь мужество не только констатировать их наличие, но и попытаться понять их и, отбросив естественный протест и раздражение, войти, так сказать, “изнутри” в мир носителей этих взглядов. Давать советы — задача неблагодарная вообще, в данном случае — вдвойне неблагодарная и даже опасная. Если я все-таки решаю обозначить несколько предложений, то только потому, что надеюсь быть правильно понятым, хотя бы и не всеми.

Итак, *первое*. Не нужно абсолютизировать прочность и неизменность обозначенной “дикий” позиции. В обществе, усваивающем постепенно демократические нормы, в условиях становления правового государства и формирующегося плюрализма мнений, многое будет, несомненно, меняться. Как быстро и радикально, сказать трудно, но поколение 90-х годов будет, конечно, иным, чем поколения предыдущих десятилетий. *Второе*. Очень важно с самого начала отличать агрессивное нежелание слушать человека иного языка и иной культуры от тех случаев, когда основной причиной является незнание, невежество, косность, некая душевная нечуткость как наследие худшей эпохи. *Третье*. Нужно набраться терпения, чтобы разъяснить носителям этих взглядов, что б

изменится для них при изменении статуса литовского языка, какие могут быть формы сотрудничества и достойного вхождения в новую ситуацию, какая помощь может быть оказана им. Боюсь, что некоторые слои русского населения Литвы "оглушены" изменяющейся ситуацией, сбиты с толку в условиях потери "идеалов" и "кумиров", неверно представляют себе последствия и поэтому склонны поддаться паническим настроениям, худшему советчику в подобных ситуациях. Важность разъяснительной работы на русском языке, последовательного решения просветительских задач, хотя бы в виде статей обзорного характера по истории Литвы и Прибалтики (особое значение приобретает в данном случае освещение исторических судеб Восточной Пруссии), культуре, языку и истории взаимодействия балтийских языков с соседними языками, истории славянского, немецкого, еврейского, тюркского элементов в Прибалтике, представляется очевидной и при правильном подходе не может не вызвать изменений в положительном направлении. *Четвертое.* Необходимо сформулировать свои национальные задачи, четко самоопределиться в отношении инациональных элементов в Литве, проанализировать не только свои достижения, но и упущения, а иногда и несправедливости по отношению к "неосновным" этническим группам, попытаться почувствовать, что не только ты зависишь от другого, но и некоторые другие зависят от тебя и могут рассматривать свою ситуацию иначе — более пессимистически. Самоочищение необходимо всегда, и успех в нем, может быть, наибольшая победа.

Во всяком случае, этот круг задач, который сейчас может показаться второстепенным и менее масштабным, тоже неотложен, и его решение должно идти нога в ногу с решением задачи охраны и совершенствования литовского языка. Обе стороны должны действовать открыто и терпимо, кроме тех случаев, когда ситуация чревата оскорблением чувства национального достоинства. Справедливый выход из положения существует, и нужно искать его практические варианты. Но в конкретных условиях Литвы (и вообще Прибалтики) справедливость не означает механическое уравнильство. Слишком различны высшие функции литовского и русского языков в Литве, и слишком неодинаково их положение. Главный и, по сути дела, единственный регион, где литовский язык является основным, — Литва, и только здесь литовский язык может быть спасен и приумножен. Ничего подобного нельзя сказать о русском языке в Литве. Наконец, в отличие от русского языка балтийские языки находятся в опасной зоне и нуждаются в специальных охранных мероприятиях, которые и составляют первейшую задачу культурно-социальной экологии этого региона. И в этом отношении положение русского языка оказывается иным: как язык межнационального общения он обеспечивает свое положение не законодательно, не в силу неких искусственных мероприятий, а благодаря сложившимся культурно-историческим условиям. Когда же такие "мероприятия" все-таки проводятся, они, несомненно, причиняют урон основному языку региона и, более того, компрометируют даже и "сильную" сторону. Усиленное, почти административное внедрение русского языка, в частности с помощью создаваемых новых организаций бюрократического типа, принесет в будущем (и уже принесло) горькие плоды — и не только для литовского языка. Неорганичность и насильственность в этом деле всегда неотделимы от неуважения к другому языку и народу и ничем хорошим кончиться не могут.

Приобретение литовским языком статуса государственного не делает русских в Литве гражданами "второго сорта", но они сами могут себя сделать таковыми, отказывая литовскому языку в уважении (теоретический аспект) и отказываясь овладеть им (практический аспект). Единственная альтернатива "второсортности" — чувствовать себя завоевателями в стране, чей язык знать не нужно. Это умонастроение очень опасно, и закрывать на него глаза означало бы возвращение новой взрывоопасной ситуации. Позиция в этом вопросе должна быть такой же, как у врача: даже если он не знает быстрых и надежных путей исцеления болезни, он признает *положительным* фактом само обнаружение явных симптомов опасной болезни.

Помня обо всем этом, нужно действовать и в дальнейшем. Важно не только обретение литовским языком статуса государственного, но и то, чтобы оно было не результатом "дарования свыше" или вынужденной обстоятельствами и, следовательно, неискренней, половинчатой уступкой, но сознательным актом свободного, широкого и благожелательного признания за литовским языком и народом их неотъемлемых прав. И в этом акте, никого не дискриминирующем, но всех возвышающем, должны слиться и усилия высшей власти в лице ее законодательных органов, от которых зависит решение вопроса, и энтузиазм и поддержка литовцев и стремление всего русского населения Литвы сначала к признанию "другого", а потом и к уважению его, не говоря уж о дальнейшем. И на меньшее согласиться нельзя.

ЭСТОНСКИЕ ЗАМЕТКИ

I

Я оказался в Эстонии в первой половине января 1989 г. в числе участников проходившей в Таллинне советско-американской встречи по вопросам взаимозависимости. Из шести таллиннских дней два запомнились особо — в эти дни, точнее, вечера, перед приезжими москвичами и американцами, среди которых оказался один канадец, выступили докладчики от Народного фронта Эстонии и эстонского Интернационального движения. Контрастные картины процессов, происходящих в Эстонии, будучи начертаны с противостоящих и казавшихся непримиримыми позиций, увлекли участников встречи, стремившихся ввести услышанное в рамки своих политологических представлений. Для меня лично все вынесенное из докладов и последующих интервью с докладчиками своеобразно переплелось с прочитанным в течение предыдущего года на страницах центральных газет, "Советской Эстонии" и таллиннской "Радуги", а также с некоторой дополнительной информацией, любезно сообщенной мне в эти дни таллиннскими коллегами. Можно думать, что в рядах тех же движений находятся люди, чьи взгляды отличаются некоторыми нюансами от взглядов наших докладчиков и которые могли бы дать несколько иные ответы на возникшие вопросы. Этим не умаляется ценность прослушанных докладов, побудивших по крайней мере советских участников встречи взглянуть сквозь "эстонскую призму" на проблему соотношения социальной демократизации с тем, что может быть вложено и вкладывается в лозунг "демократизации национальных отношений".

Случилось так, что первыми мы слушали докладчиков от Интернационального движения. Один из них — белорус, другой — грузин, кстати, очень неплохо говорящий по-английски, оба инженеры. По их словам, в Интернациональном движении участвуют люди более чем 10 национальностей, в том числе в состав его правления входят два эстонца. В социальном отношении в рядах Движения преобладают в настоящее время рабочие и представители технической интеллигенции. Объясняется это достаточно просто: падающая рождаемость в Эстонии и малая популярность рабочих профессий приводят к тому, что промышленность Эстонии в настоящее время не может обходиться без рабочей силы и инженерного персонала из других республик. По оценкам докладчиков, силами приезжих, как их называют в Эстонии — мигрантов, выпускается до половины промышленной продукции этой республики.

Интернациональное движение признает правомерность всех общедемократических требований, выдвигаемых Народным фронтом, и готово оказать всемерную поддержку в их реализации. Однако, с другой

стороны, происходящее в настоящее время превращение Народного фронта в лидирующую политическую силу республики вызывает сейчас беспокойство у многих из мигрантов, в том числе проживающих в Эстонии до 10 и более лет. Дело в том, что здесь на протяжении всего послевоенного времени не существовало и сейчас не существует правительственных программ, которые ставили бы целью языковую и культурную аккомодацию мигрантов¹. При их значительной роли в хозяйстве республики процессы их сближения с эстонцами идут чрезвычайно слабо, и, конечно, это положение не может считаться нормальным. Однако, обвиняя предыдущее эстонское руководство в безразличии к национальной проблематике и в потакании ассимиляторским тенденциям московской бюрократии, деятели, стоящие во главе Народного фронта, выбрали наименее адекватный путь решения проблемы: придав эстонскому языку статус единственного государственного языка республики, они не только закрепляют стену между эстонцами и мигрантами, воздвигнутую в предшествующие десятилетия, но сознательно создают юридическую основу для превращения мигрантов в "людей второго сорта" и последующего "очищения" от них республики.

Достаточно сказать, что при переводе предприятий за 4 года (вначале предполагалось за 2) на эстоноязычную техническую документацию владение эстонским языком должно превратиться в критерий профессиональной пригодности, дающий повод для увольнения значительного числа инженеров-мигрантов. В исключительно тяжелое положение поставит многонациональную массу приезжих, для которых русский язык является основным средством коммуникации, стремительное утверждение эстонского языка как господствующего в государственно-административной сфере, медицине, юриспруденции, сфере обслуживания. По словам докладчиков, лидеры Народного фронта прекрасно отдают себе отчет в последствиях намечающихся преобразований: именно поэтому известную поправку к Конституции Эстонской ССР, допускавшую существование в республике частной собственности, следует рассматривать, может быть, не столько в стратегическом плане "отхода от социализма", как это часто делается, сколько в чисто прагматическом ключе — как законодательное обеспечение на случай массового оттока рабочих для дробления крупных предприятий на мелкие и передачи последних различными способами в руки хозяев-эстонцев.

По оценкам экспертов Интернационального движения, при нынешней системе и средствах обучения приезжих эстонскому языку переход на него в качестве единственного государственного языка будет возможен не раньше чем через 25 лет. Поэтому необходимо либо выдвинуть на первое место в Законе о языке государственную программу массового интенсивного обучения этому языку мигрантов, либо, приняв 25-летний срок для утверждения эстонского языка во всех сферах общественной жизни, в настоящее время провозгласить существование в Эстонии двух государственных языков — эстонского и русского, языка интерна-

¹ Показательно письмо Е. Рихтер "Язык не виноват" в "Дружбе народов", 1988, № 9, с. 257 и сл., где различаются благоприятствовавшая освоению эстонского языка "эпоха коммуналок" (до начала 1960-х годов) и "эпоха микрорайонов", резко разобившая эстонцев и приезжих, снизившая стимулы к освоению языка местного населения.

ционального общения народов республики. Кроме того, ближайшей задачей государственной программы обучения эстонскому языку должно стать реальное двуязычие людей, занятых в обслуживании населения,— от хлебного магазина до партийно-государственного аппарата. Кроме того, заявления руководителей Народного фронта о предоставлении мигрантам культурно-национальной автономии, хотя и получили признание со стороны части давних переселенцев в Эстонию и способствовали созданию национальных секций Народного фронта, не могут послужить гарантией, скажем, против резкого сокращения тиража газет на русском языке под предлогом перераспределения бумаги в пользу изданий на единственном государственном языке республики. Нужны конституционные гарантии прав и национальных меньшинств, и таковые может дать только создание в многонациональных республиках Верховных Советов по примеру союзного, где вторую палату составлял бы Совет Национальности с равным представительством от всех народов, проживающих на территории этих республик.

На вопрос о том, как с точки зрения руководства Интернационального движения рисуются отношения между Народным фронтом и столь активно критикуемым лидерами этого Фронта за бывшие ошибки партийно-правительственным аппаратом Эстонии, докладчики привели довольно длинный перечень функционеров Народного фронта, за последние полгода получивших в результате выборов или кооптации весьма заметные места в верхнем эшелоне власти в республике. "Практическая невозможность обсуждать в Эстонии национальный вопрос в прессе, в радиопередачах и т.п. с позиций, отличающихся от платформы Народного фронта, при том, что эти органы, несомненно, контролируются правительственным аппаратом, лучше всего говорит о намечающемся союзе между Народным фронтом и бюрократией; последняя сейчас склонна рассматривать лидеров этого движения как свой второй эшелон в ее борьбе за контроль над массами, подрываемый преобразованием, зарождающимся в Москве". После доклада в частной беседе с несколькими московскими слушателями один из докладчиков грустно заметил: "Я вам говорю — если не будет найденс компромисса, нас ждет эстонский Карабах".

II

На следующий день мы слушали представителей Народного фронта. Их также было двое, оба с высшим гуманитарным образованием, причем один — философ. Поскольку слушатели, достаточно ориентированные предыдущей встречей с Интернациональным движением, с самого начала проявляли повышенную активность, доклад, по существу, вылился в оживленную беседу-интервью.

С самого начала выступавшие постарались представить нам картину существующих в Эстонии политических течений. По их словам, крайне "левые" в республике — это радикальное движение, включающее в основном молодежь и выступающее за выход Эстонии из состава СССР в согласии с правом наций на самоопределение² (лозунги Партии нацио-

² Ср. аналогичное указание в интервью одного из лидеров Народного фронта Э. Сависаара ("Радуга", 1988, № 12, с. 55): "Большую часть его (Народного фронта. — В.Ц.) составляют эстонцы среднего и старшего возраста... Молодежь не во всем согласна с программой НФЭ, считая ее слишком центристской. Поэтому определенная часть молодежи обращается к радикальным, подчас экстремист-

нальной независимости и т.п.). "Правое" крыло — Интернациональное движение, которое было охарактеризовано как "сталинское" по своим установкам. Это движение в последнее время проявляет немалую активность, и его приверженцы жалуются на то, что пресса и радио не предоставляют им возможности для популяризации своих взглядов. Но что поделаешь, если оно не пользуется поддержкой населения Эстонии, где его сторонников — ничтожное меньшинство, не больше 8—10%³. Политический центр с наиболее уравновешенной программой — это две силы: Народный фронт и Компартия Эстонии.

Здесь был задан вопрос: что докладчики считают диагностическими признаками для определения той или иной программы в качестве "сталинистской" или, наоборот, "левой"? Было отмечено, что критерием "левизны" служит признание нации полноправным политическим субъектом, "сталинизм" же есть политика переплава наций в некое новое единство, в котором они должны утратить свой исконный облик. Естественно, такое определение спровоцировало два встречных вопроса: "следует ли полагать США — классическую страну "переплавки наций", сталинской страной?" и "следует ли, исходя из данного определения "левизны", считать "левой" организацией общество "Память", несомненно исходящее из трактовки нации как полноправного, если не основного, политического субъекта?". Вопрос насчет США как-то ускользнул от внимания докладчиков, сразу сосредоточившихся на втором вопросе. Конечно, заявил один из них с согласия другого, в деятельности "Памяти" есть разумные моменты, у нас вызывающие понимание: это прежде всего стремление восстановить в ее чистоте русскую культуру и русское самосознание. Однако Народный фронт Эстонии не считает насилие естественным способом решения национальных проблем, и поэтому ему не импонирует в деятельности "Памяти" прямая попытка мобилизовать свой народ на физическую борьбу с другими народами. Один из советских слушателей спросил, не следует ли, с точки зрения докладчиков, скорее сравнить "Память" с тем молодежным движением за прямое отделение Эстонии, которое было определено как "крайне левое"? Посовещавшись, докладчики ответили, что да, подобная аналогия вполне допустима.

Разговор перешел на другое. Был поставлен вопрос, почему при незначительной численности и малой популярности Интернационального движения представители Народного фронта уделили немало времени его высмеиванию и осуждению? Ответ прозвучал так: Народный фронт обязан своей популярностью прежде всего отстаиваемым им идеям. Между тем сила Интернационального движения — совсем иного рода. Основную массу его участников составляют привезенные из других районов СССР рабочие, связанные своими интересами с работодателями, враждебными идеалам перестройки бюрократическими московскими ведомствами, включая те из них, что входят в военно-промыш-

ским течением". Ясно, что радикалы своей деятельностью оказывают немалую услугу Народному фронту, укрепляя его "центристское реноме".

³ По газетным сообщениям, против закона о языке в последнем его варианте проголосовало 50 из 260 депутатов при воздержавшихся 6 (т.е. предложениям Народного фронта даже в их смягченном виде, когда предполагается перевод эстонязычных деловых текстов на русский язык, противодействует примерно 20% депутатов). — "Известия", 21 января 1989 г.

ленный комплекс. Эти силы, противостоящие перестройке, как раз и оказывают Интернациональному движению немалую материальную и политическую поддержку.

Видимо, это указание на "продажность" Интернационального движения рикошетом вызвало у кого-то из присутствовавших вопрос: а каковы, собственно, взаимоотношения между двумя организациями, отнесенными докладчиками к "центру", — Народным фронтом и компартией? На это было сказано, что в компартии противостоят различные направления вплоть до "сталинского"; что из партийной бюрократии выдвинулось и предшествующее марионеточное руководство республики, всемерно способствовавшее антинациональной, расхищательской и ассимиляторской деятельности московских министерств на земле Эстонии; однако со времени создания Народного фронта компартия и правительство Эстонии выработали новый, глубоко национальный курс, объединяющий компартию и Народный фронт, не говоря уже о том, что многие участники Народного фронта являются одновременно видными коммунистами, и наоборот; что за последнее время позиции Народного фронта в рядах Компартии Эстонии значительно укрепились, и Народный фронт вправе поставить себе в заслугу то, что под его влиянием партия и правительство республики повернулись к своему народу.

В заключение было сказано, что все слухи о депортации мигрантов — клевета. Народный фронт против насилия, так что всем национальным меньшинствам в демократической Эстонии будут даны возможности развития в пределах культурно-национальной автономии, и кто не захочет, может не уезжать. Со своей стороны эксперты Народного фронта предсказывают, что принятие законов о языке и о республиканском гражданстве, пробудив в эстонцах чувство хозяев, будут способствовать повышению производительности труда на эстонских предприятиях до 200% сравнительно с нынешним уровнем.

Вспоминая услышанное и пытаясь восстановить идеологические структуры, лежащие в основе заслушанных нами характеристик и прогнозов, обратимся в первую очередь к той структуре эстонского "политического спектра", которую набросали перед нами докладчики от Народного фронта. Легко видеть, что ценностная система, лежащая в основе этой картины, радикально отличается от той, при помощи которой мы привыкли характеризовать политическую жизнь Москвы. Как бы московский интеллигент ни относился к платформе общества "Память", трудно представить, чтобы он согласился в каком-то смысле отождествить эту платформу с программой такого движения, которое он был бы склонен называть "ультралевым". Случайна ли такая характеристика "Памяти" в устах представителя Народного фронта? Просматривая номера "Радуги" за 1988 г., довольно быстро убеждаемся, что некоторые идеологические ходы и приемы полемики, которых московский либерал постарался бы избежать из-за возбуждаемых ими в российском контексте "сталинских" аллюзий, не несут в себе ничего неприемлемого на взгляд таллинского борца за демократизацию. Хотя "сталинизм" в обеих системах — и в московской, и в таллинской — есть клише, обозначающее "правую" часть современного "политического спектра", конкретный облик "сталинизма" резко меняется в зависимости от того, по каким признакам структурируется "спектр" и какие взгляды говоря-

щий полагает "левыми".

Рассмотрим следующие пассажи, принадлежащие русскоязычным сторонникам Народного фронта.

Н. Жураковская. Слово к русской интеллигенции. — "Радуга", 1988, № 6, с. 70: "Чьи интересы оказались сегодня противопоставлены в национальном вопросе: эстонского и русского народа? В том-то и дело, что нет. Это интересы эстонского народа и той группы людей, которые по тем или иным причинам в разное время переселились на жительство в Эстонию. Мы с вами не русский народ, мы многонациональная разнородная масса, единственным общим признаком которой является русский язык, для многих, к стати, неродной, потому что среди нас есть русские, украинцы, молдаване, армяне, татары, евреи, корейцы".

М. Лотман. Обрести свое лицо. — "Радуга", 1988, № 5, с. 83: "Есть, с одной стороны, эстонский народ со своей национальной культурой, живущий на своей национальной территории, где находятся и все основные институты и центры национальной культуры; с другой же стороны, имеется довольно многочисленное русскоязычное население, проживающее на этой же территории. Население это не является органическим образованием ни в этническом, ни в культурном отношении, его основные культурные центры расположены вне территории Эстонской ССР. Тот, кто на улице Таллинна изъясняется по-русски и является русским в глазах прохожих эстонцев, в действительности может быть украинцем, белорусом, казахом, евреем, грузином и т.д. Структура миграции такова, что приезжающие в Эстонию на постоянную работу и жительство люди в большинстве своем относятся к категории неквалифицированных рабочих. Доля интеллигенции и просто людей культурной ориентации оказывается среди русскоязычного населения непропорционально низкой. Поэтому значительный процент русскоязычного населения республики не облегчает, а препятствует контактам эстонской и русской культур".

А. Каллас. Автоинтервью с мигрантом. — "Радуга", 1988, № 8, с. 85 и сл.: "Русское население в Эстонии до сих пор, не сознавая того, являлось проводником насаждаемой свыше политики шовинизма... Мы должны понять, что сегодня тот, кто не с Эстонией в ее борьбе за перестройку, — тот против перестройки, против демократии... Люди всякое печатное слово воспринимают как истину в последней инстанции, это надо учитывать. Поэтому всякие попытки сбалансировать выступления по национальному вопросу приносят большой вред... Когда газета предоставляет слово человеку явно незрелому, не представляющему ситуацию во всей ее сложности (якобы для дискуссии), — это вредная игра в демократию, ибо заблуждающийся автор находит себе сторонников... Не надо дискутировать по национальному вопросу, это крайне вредно. Не надо предоставлять слово тем, кто не дорос до понимания ленинских принципов национальной политики. Это вносит путаницу и в без того запутавшиеся умы. Надо пропагандировать и изучать труды Ленина по национальному вопросу... Давайте изучать Ленина, зачем изобретать велосипед?"

По шкале, предложенной участникам советско-американской встречи представителями Народного фронта, авторы приведенных строк должны быть отнесены примерно к "левому центру". Прделаем один, весьма наглядный эксперимент. Заменим в отрывке из статьи Н. Жура-

ковской и в соответствующих местах из статьи М. Лотмана везде "эстонский" на "русский", "Эстонию" — на "Россию", "русский" — на "иной", а "русскоязычный" — на "инойязычный". Мы получим расхождение о том, что все этнические проблемы в России вытекают из столкновения интересов русского народа, живущего на своей национальной территории со своими национальными культурными центрами, не с интересами иных народов, а с интересами довольно многочисленного населения, которое, в разное время и по разным причинам явившись в Россию, обитает на ее территории, не будучи ни в этническом, ни в культурном отношении органическим образованием и имея свои культурные центры где-то за пределами России. Население это в основном малокультурно, представляет свои народы не в лучшем виде, и его обилие только затрудняет контакты русской культуры с иными культурами. Присоединим сюда то, что неправомерно, в общем-то, полагать человека, изъясняющегося на русском языке, русским, коль скоро он может быть украинцем, молдаванином, евреем, корейцем и т.д.

Вообразим себе московское печатное издание, которое регулярно выступало бы с размышлениями на подобные темы, восполняя их опусами публицистов, доказывающих, что дискутировать по национальным вопросам вообще-то вредно, поскольку печатное слово воспринимается народом как истина в последней инстанции и в силу этого заблуждающееся, т.е. недоросшие до понимания ленинских принципов, получив трибуну, могут обрести себе сторонников, запутав и без того запутавшиеся умы. К какой части "политического спектра" по московской системе оценок был бы отнесен и этот орган и его авторы? Московский интеллигент либеральных взглядов наверняка расценил бы это издание в качестве крайне правого, объединяющего "стагнантов" и "приверженцев Нины Андреевой" с откровенными идеологами "Памяти", и эту характеристику едва ли изменила бы публикация той же редколлегией материалов, освещающих бедственное экономическое положение многих районов России, экологический разбой министерств, "всеобщее похаменение" в народном образовании и т.д. Иными словами, хотя в московской системе оценок, как и в таллиннской, "политический спектр" структурировался бы с учетом позиций по национальному вопросу, однако носители аналогичных идеологических схем в московской и в таллиннской версиях должны были бы оказаться в противоположных его концах. Этот вывод позволяет высоко оценить интуицию докладчиков от Народного фронта, обнаруживших "рациональные", с их точки зрения, моменты в программе московской "Памяти", несмотря на то что им, думается, едва ли была бы приятна та легкость, с которой идеологемы некоторых сторонников Народного фронта простой заменой нескольких терминов преобразуются в идеологемы московских "правых" или даже "ультраправых".

Признаем в конечном счете, что тот или иной подход к решению национальных проблем не скреплен никакой априорно необходимой связью с радикальной, либеральной и консервативной трактовкой социальных проблем. Противопоставление нации как носительницы высших ценностей, органично объединенной со своей землей, безродному пришлому населению, творчески бесплодному во всем его многолюдстве, служит в одной системе ценностей маркером политической "правизны", воюющего против "безродных космополитов" "сталинизма", в

другой — популяризуется публицистами, провозглашающими неразделимость судеб Эстонии и перестройки.

III

Несомненно, что обе стороны, спорящие в Эстонии, хотели бы повысить значимость спора, связав его с социальной проблематикой "судеб перестройки" и обретя в кругу этой проблематики специфически судьбоносную социальную роль. Делает это каждая сторона, разыгрывая свой вариант драмы на тему о Перестройке, ее Врагах и ее Защитниках.

Так, в варианте Народного фронта врагами Перестройки оказываются Хищные Центральные Ведомства, включая Военно-Промышленный Комплекс, грозящие Народу Эстонии расхищением его достояния и ассимиляцией, а потому, естественно, жаждущие подавить его стремление к Национальному Суверенитету, Региональному Хозрасчету и прочим дарам Перестройки. Народный фронт поднимается на битву с этими темными силами за Перестройку, причем в этой борьбе Интернациональное движение выступает как Продажная Агентура демонических Центральных Ведомств.

Напротив, в варианте Интернационального движения основными Врагами Перестройки оказываются коррумпированные Республиканские Бюрократы, жаждущие сохранить привилегии перед лицом шествующей из центра Перестройки. Их Пособником оказывается Народный фронт, помогающий им, сбив Эстонию с истинного пути, поставить барьер на пути Перестройки. Этот барьер стремится смести Интернациональное движение, Защитника жаждущих Перестройки и попираемых Республиканскими бюрократами Национальных Меньшинств.

Обе эти в высшей степени патетические драмы примечательны единством своей мифологической основы, которую составляет древняя, как человеческая культура, история о Злодее, Жертве и Защитнике Жертвы. (Образцы этой схемы — сказки о девицах, похищаемых драконами и спасаемых добрыми молодцами.) Однако, обладая богатыми ориентирующими возможностями (ибо нет Героя без Дракона и нет Дракона без Жертвы) и немалой мобилизующей силой (всем известно, что "свои" солдаты сражаются, воодушевляемые высокими идеалами, а чужие — будучи одурманены лживой пропагандой), эта схема имеет весьма дискуссионное отношение к любой описываемой ей реальности, потому что если бы даже в последней и впрямь существовали Герои и Драконы, то хотелось бы, чтобы их цвет не зависел так уж однозначно от точки зрения той или другой из воюющих сторон.

Если говорить серьезно, то обвинения, бросаемые Народным фронтом и Интернациональным движением друг другу в ориентации на различные слои партийно-государственной бюрократической элиты, по мнению некоторых советских участников встречи в Таллинне, могут в обоих случаях содержать в себе если не долю, то отзвук истины как признак намечающегося объективного расхождения между интересами этих слоев. "Застой" характеризовался "союзом сердец" централистской бюрократии в Москве и заискивавшей перед ней "компрадорской бю-

рократии"⁴ национальных республик, союзом, основанным на взаимной полезности и удовлетворенности каждой бюрократии своей долей поступлений от контролируемых обеими разнообразных ресурсов. Установка на демократизацию не только разрушает вассально-сюзеренные отношения между Москвой и столицами национальных республик, но и объективно ведет к ограничению ресурсов, находящихся во власти бюрократии обоих уровней. Между тем, как тонко заметил один публицист, "голодный сатрап ненадежен". Ограничение ресурсов оборачивается возникновением специфических групповых интересов, принципиально различных у бюрократов из центра, старающихся сохранить свои полномочия, и у национальной номенклатуры, часть которой в стремлении перехватить эти полномочия у "интернационалистской" бюрократии союзного ранга вполне способна "повернуться лицом к своему народу". Так возникает феномен "национально-освободительной" бюрократии, наглядно проявившей себя в Азербайджане и Армении. Когда представители Интернационального движения грозят "эстонским Карабахом", а на другой стороне докладчики от Народного фронта, нападая на московские ведомства, приветствуют эстонские за их "поворот к народу", фразеология каждого из движений объективно вторит запросам одной из расходящихся привилегированных групп, в свое время дружно осуществлявших "застойную" рациональную и хозяйственную политику в республике. И Народный фронт и Интернациональное движение в атаках на своих "драконов" имеют право на "перестроечную" фразеологию. Но, будучи вполне "левыми" в выборе противников, они оба могут оказаться весьма "правыми" в выборе союзников и покровителей.

Если рассуждать в категориях социальной "прогрессивности" или "консервативности" этих движений, то надо сказать, что нынешняя ситуация чревата многими вариантами, при реализации которых социальная роль любого движения может кардинально изменяться. Можно думать, что, если бы Москва оказала нажим на Таллинн в поддержку Интернационального движения, Народный фронт получил бы право провозгласить себя бастионом "преданной перестройки".

Ну, а если дела пойдут по-другому и сбудутся худшие прогнозы экспертов Интернационального движения вопреки заявлениям академика эстонской АН М.Л. Бронштейна о том, что нынешнее руководство отнюдь не помышляет "союзную административно-командную систему заменить соответствующей республиканской?"⁵ Возможно ли сращивание руководства Народного фронта с партийно-государственной бюрократией Эстонии? То, что невозможного в этом ничего нет, видно из появившейся одновременно заметки академика Г. Наана⁶: забавное зрелище — демократическое движение масс, подкрепляемое грозными решениями, выносимыми в адрес инакомыслящих со стороны университетских советов и подобных им инстанций, с последующей назидательной публикацией этих решений в "прогрессивной" прессе. Сочувствующие Народному фронту органы печати изощраются в дозволенных выпадах по адресу

⁴ Термин из статьи: Позняк З. Двухязычие и бюрократия. — "Радуга", 1988, № 4, с. 37.

⁵ Бронштейн М.Л. Что же происходит в Эстонии? — "Правда", 16 января 1989.

⁶ Наан Г. Выслушай и другую сторону. — "Правда", 16 января 1989 г.

смененного "вайновско-ристановского режима", однако кому неведомо, что при подобных сменах руководства на постах всегда остается легион "честных тружеников" от бюрократии, которые как "невинные в ошибках и перегибах" отправленных в пустыню козлов отпущения образуют "генофонд" адаптирующегося к новым условиям командного аппарата. С другой стороны, неизбежная при сменах кабинетов полоса номенклатурных перестановок позволяет вбрызнуть в склеротические сосуды этого аппарата свежей крови и удовлетворить чаяния лидеров Народного фронта, записавших в своей программе (раздел "Этика", п. 6) требование "заменить функционеров с двойной моралью, обожавших секретность, подлинными вождями народа, действующими честно и открыто". Установление взаимопонимания между "подлинными вождями народа" и более гибкой частью прежней номенклатуры вполне могло бы составлять суть того омолаживающего процесса, который докладчики от Народного фронта определили как "поворот партии и правительства к народу", а выступавшие от Интернационального движения — как вербовку из рядов Народного фронта второго эшелона партийной и прочей бюрократии (важно понять, отвлекшись от эмоциональных оттенков этих определений, что они могут отражать, а скорее всего должны, один и тот же процесс, трактуя его в противоположных полемических ракурсах).

Не настаивая на таком обозначении происходящего с эстонскими институтами власти как на единственно возможном, в случае его адекватности следует, однако, вспомнить югославский опыт последних лет, наглядно показавший, что федерализация и освобождение региональных властей от централистского диктата сами по себе еще не являются гарантией ни демократического управления, ни демократического хозяйствования. Если бы Эстония устремилась по югославскому пути бюрократической диктатуры в масштабах относительно автономных национальных "уделов", такой вариант развития в сочетании с действием закона о языке особенно тяжело мог бы сказаться на положении "неорганичного населения" Эстонии, способствуя его политической консолидации вместе с частью недовольных эстонцев. В таких условиях пальма "прогрессивности" и "демократизма" могла бы достаться Интернациональному движению как силе, с самого начала выступавшей против подобного развития событий, а не Народному фронту (при условии подчеркивавшегося докладчиками от Интернационального движения признания им собственно демократических требований программы Народного фронта). Почему бы и нет?

Ясно, что сейчас однозначно говорить о "перестроечности" любой из сил, столкнувшихся в Эстонии по национальному вопросу вопреки их собственным претензиям, нет смысла. Каждая из них в меняющихся условиях и по разным причинам может оказаться либо сторонником, либо противником тех конкретных шагов, которые в глазах московского или таллиннского правительств будут отождествляться с проведением политики перестройки. Итак, не только конкретные способы решения национальных проблем не соотносятся сами по себе (а лишь в силу политических ассоциаций, разных в разных местах) с определенными социальными платформами, но и концепции, отводящие этим подходам раз и навсегда закрепленную роль в движении за социальную перестройку — концепции "борьбы с централистской бюрократией" и "борьбы с око-

павшимися национальными бюрократами”, — являются всего лишь мобилизующими приверженцев мифотворческих схем, вторично приспособливающими реальное содержание национального вопроса в республике к сюжету “борьбы за перестройку”.

IV

Оставив в стороне попытки представлять ситуацию в категориях “левизны” и “правизны”, “прогрессивности” и “консерватизма”, поглядим, какую объективную картину можно реконструировать исходя из выступлений докладчиков от обеих сторон и вышедших в Эстонии печатных материалов. С одной стороны, мы имеем эстонский народ, включенный в 1940 г. в состав СССР на правах одного из “больших” народов, образующих собственные республики в пределах федерации (по данным на 1988 г., этот народ составляет 60,9% населения республики, или 957 тыс. человек⁷). Внутри СССР, рассматриваемого как единое государство, эстонцы — национальное меньшинство. Снижение среди них рождаемости и постоянный приток мигрантов на территорию Эстонской ССР из других областей Союза, превращение русского языка в потенциальное средство коммуникации для большей части населения республики, чем та часть, которая обслуживается исключительно эстонским языком, а также хозяйничанье на территории Эстонии союзных ведомств вызывают беспокойство у значительной части эстонцев, страх превращения в меньшинство также и на собственной земле и в конечном счете ассимиляции под давлением структурного насилия, организуемого политикой “интернационалистской” союзной бюрократии. Этот страх находит выражение в попытке реализовать комплекс мер, обеспечивающих суверенитет эстонцев на территории своей республики, гарантии их численного доминирования и абсолютную безопасность для позиций их языка и их национальной культуры. При такой ориентации признание русского языка в Эстонии государственным наравне с эстонским — это законодательное согласие на сдачу последним своих позиций, ступенька на той лестнице, где в конце — принятие ассимиляции как свершившегося факта. С другой стороны, в республике, судя только по представительству на форуме народов Эстонии, состоявшемся в Таллине под эгидой Народного фронта 24 сентября 1988 г., проживают как минимум представители 16 национальностей. И это — как минимум, поскольку, судя по цитированным выше статьям Н. Жураковской и М. Лотмана, среди “неорганичного населения” Эстонии можно встретить молдаван, казахов, грузин, корейцев и т.д., не представленных на форуме. Если не играть с понятиями “народ” и “население” и оставаться в пределах Эстонии, то на ее земле мы обнаруживаем до 20 этнических групп, причем каждая из них представляет бесспорное национальное меньшинство по отношению к эстонскому большинству населения республики⁸. Несомненно, что определенная часть этих меньшинств, прежде

⁷ “Радуга”, 1988, № 12, с. 55 и сл., там же данные за 1979 г., показывающие что тогда эстонцы составляли около 65% населения своей республики.

⁸ См. в упоминавшемся письме Е. Рихтер свидетельства о частом ущемленном положении детей из смешанных русско-эстонских семей в детских коллективах эстонских школ и, напротив, о привилегированном положении детей, знающих эстонский язык, в многонациональных русскоязычных школах.

всего их старожилы, имеющие долгие связи в эстонской среде, а может быть, и обеспокоенные воздействием миграции на привычное качество жизни в Эстонии, могла сразу положительно принять стремления Народного фронта к сокращению или даже пресечению притока приезжих, введению республиканского гражданства с соответствующими ему привилегиями, установлению полного республиканского суверенитета над ресурсами региона. Но значительное количество "нового" населения должно было с испугом встретить неограниченное расширение прав "хозяев" и особенно те формы, в которых оно преподносилось сочувствующей Народному фронту печатью. Перелистаем уже знакомую нам "Радугу" за 1988 г. В № 5 объединенный пленум правлений творческих союзов Эстонии обращается с письмом в ЦК Компартии Эстонии, Совет Министров и Президиум Верховного Совета республики с письмом, содержащим, помимо прочих требований, призыв "поддержать существующие меры по ограничению иммиграции в республику. Одновременно продолжать выработку и реализацию значительно более радикальных мер в целях достижения отрицательного сальдо миграции в Эстонской ССР" (с. 6). Мигрантам оставалось лишь гадать, какие "значительно более радикальные меры" по сокращению численности "неорганичного населения" имели в виду борцы со "сталинизмом" в Эстонии. Однако текст звучит весьма грозно, как если бы "повернувшийся к своему народу" верхний эшелон эстонской власти уже в мае приступил к выработке и реализации этих "более радикальных мер".

Листаем дальше. В № 8 А. Каллас в цитирувавшемся "Автоинтервью с мигрантом" задает себе вопрос: "Ты что же, тоже предлагаешь выселить мигрантов?" — и дает на него замечательный по душевности ответ: "Ну вот, так я и знала, что немедленно прилепят мне какой-нибудь ярлык. Я же сказала: чисто по-человечески. Мне таких людей жалко, и не понимаю я их. Ради чего они все это терпят? Ведь действительно, Советский Союз большой. Безработных у нас нет. Климатов всяких навалом. Зачем жить в ожесточении и обиде? Да живи ты в России на своей настоящей родине, где говорить с тобой будут по-русски (это называется по-человечески) и не будут тыкать в морду ненавистным эстонским языком. Господи, да ты и думать забудешь о каких-то там национальных проблемах (если, конечно, тебе удалось родиться русским, а не евреем, например...)".

В № 10 московский переводчик А. Репин, ежегодно, по его словам, отдыхающий в Эстонии у своих друзей, в статье "Взгляд со стороны" советует давать эстонское гражданство при условии проживания в республике не менее 5 лет и владения эстонским языком. Эстонское гражданство должно давать доступ к гражданским правам, как-то: избирательное право, прописка, право на жилплощадь. Это значило бы, что мигрант-рабочий, которому освоить новый язык куда сложнее, чем московскому переводчику, не имевший в прошлом ни особых стимулов, ни возможности для этого, и теперь не получал ни того, ни другого: независимо от того, сколько лет он работал в промышленности Эстонии, он должен был быть, по идее московского "друга эстонцев", "умерщвлен в законе", лишен прописки, жилья и депортирован из республики, если бы не пожелал вкусить жизнь бомжа. В № 12 А. Тоотс ("Заметки дилетанта", с. 69) указывает: "В цивилизованном обществе принято, что как дома должны чувствовать себя прежде всего те, кто действительно находится дома, а потом уже все остальные".

Чему должны были верить "остальные"? Призывам пленума правлений творческих союзов "к значительно более радикальным мерам" и пассажиам вроде процитированных либо заявлениям представителей Народного фронта, что они против насилия и кто не захочет, может не уезжать? Подражая А. Каллас, воскликнем: "Господи, да разве трудно сделать, чтоб захотели! По-человечески..." Но неужели после знакомства с приведенными материалами не будет столь же "по-человечески" понятно, что многие представители меньшинств в Эстонии не приняли предлагаемой им Народным фронтом культурно-национальной автономии, политически разъединяющей их перед лицом суверенных "хозяев", предпочтя использовать как средство политического сплочения русский язык, для части их действительно неродной, и свое неотъемлемое общесоюзное гражданство?

С узкополитологической точки зрения мы могли бы сказать, что в основе эстонской проблемы лежит достаточно часто встречающаяся в различных политических контекстах ситуация "меньшинства в меньшинстве". Что это значит? Предположим, что в пределах населения некоего ареала выделяется этническая, конфессиональная или иная территориально сплоченная группа, которая для этого ареала выступает как "меньшинство" (это не значит, что она непременно должна быть меньшинством и в численном отношении: это может быть просто группа, подвергаемая дискриминации по данному признаку). Но далее на территории, населенной этим "меньшинством", мы можем обнаружить одну или несколько еще меньших групп людей, отличающихся от этого меньшинства по признакам, важным и ценным с его точки зрения. Тогда проблема осложняется: помимо отношения "большого меньшинства" с доминирующим в ареале "большинством", возникают разнообразные отношения между "большим меньшинством" с его обычными претензиями на суверенитет и автономию и "меньшинствами в меньшинстве". Последние часто склонны полагать, что интересы их направлены в одну сторону с интересами "большинства", а именно против "чрезмерного" расширения прав "больших меньшинств", против их автономии и полномочий, отдающих им на милость, с их "добрыми намерениями", "меньшинства в меньшинстве". Ситуация становится еще сложнее, когда "меньшинство в меньшинстве" совпадает с господствующим "большинством" и/или "большое меньшинство" находится в родстве или иной форме близости с этнической языковой или религиозной группой, составляющей "большинство" в смежном ареале. Тогда любой конфликт в рамках этой системы приводит к возникновению серий одинаково неравновесных положений, неспособных привести систему в сбалансированное состояние: при любом решении остается группа людей, имеющая право настаивать на своих поправленных правах.

Классические примеры — Ирландия и Кипр. Пока Ольстер относится к Великобритании, ольстерские католики выглядят дискриминированным меньшинством. Но на самом деле это в политико-географическом отношении скрытое "меньшинство в меньшинстве", так как при переходе Ольстера к Ирландской Республике они составили бы часть католического "большинства", а угнетенным меньшинством были бы вправе считать себя ольстерские протестанты. Аналогичную ситуацию мы видим на Кипре. Пока Кипр является независимым государством с преобладающим греческим населением, любое столкновение между гречес-

кой и турецкой общинами грозит туркам неблагоприятным исходом. Ту же картину в еще более ярком варианте получим в случае присоединения Кипра к Греции. Но гипотетическое присоединение Кипра к Турции означало бы превращение турок-киприотов в часть турецкого большинства и перераспределение баланса в ущерб киприотам-грекам. Наконец, раздел острова означал бы появление в "турецкой" части нового греческого меньшинства, стремящегося поддержать политические связи с "греческой" частью, что в кризисных ситуациях создавало бы у турецкого "большого меньшинства" чувство жизни между молотом и наковальней.

Положение в Эстонии при всем его своеобразии описывается той же самой моделью: эстонцы в пределах Советского Союза выступают как "большое меньшинство", а национальные меньшинства в Эстонии, возникшие в результате иммиграции, — как "меньшинства в меньшинстве". Причем, отстаивая употребление русского языка как одного из государственных языков в Эстонии, представители этих меньшинств, объединившиеся в Интернациональном движении, апеллируют к "большинству", отождествляемому с русскоязычным населением СССР за пределами Эстонии. Возникает парадокс: движение, борющееся за создание советов национальностей в многонациональных республиках, может оказаться союзником пышущих гневом против "национализма" интернационалистских бюрократов.

Впрочем, двусмысленность своего положения "большого меньшинства" чувствуют и сами сторонники Народного фронта и, кстати, неплохо эксплуатируют ее, с одной стороны, апеллируя к своему праву меньшинства на самозащиту от ассимиляции, а с другой стороны, не отказываясь и от роли хозяев, чувствующих себя "дома как дома", и готовы употребить власть, чтобы поставить гостя на место. Но при этом кто решится по совести сказать, что эстонцы не имеют права на то или на другое — хоть на то, чтобы "не потерять себя", хоть на уверенность в том, что земля их предков будет землей их потомков? Решение, выносимое в пользу любой из сторон, умножая обиды, не будет ответом навсегда, и проведение в жизнь самых справедливых национальных требований не станет решением национальной проблемы.

В этом дело, а не в "перестроечности" одних или "реакционности" других. Имеет смысл по крайней мере обсудить следующие два вопроса: 1) не лежат ли социальные и национальные проблемы по существу своему в различных плоскостях и 2) не нужно ли поэтому, рассматривая демократизацию в качестве социальной стратегии, признать, что в сфере национальных отношений она, способствуя предельно открытой постановке проблем, сама по себе ничего не дает для их решения, которое поэтому следует искать на совершенно иных путях?

V

Апеллируя к демократии как к режиму, обеспечивающему решение "наболевших" социальных вопросов, мы исходим из того предложения, что демократизация влияет на качество жизни человека в обществе, что при демократии большинству членов общества жить лучше. Но что значит "жить лучше"? Каковы те основные человеческие ценности,

которым должны соответствовать гарантируемые демократией права человека?

Американский политолог Д. Сингер предложил вполне оправданную типологию ценностей, в соответствии с которыми определяется степень приспособленности общества к интересам большинства его граждан. Общество должно им обеспечивать: 1) право на жизнь; 2) право на определенный уровень материального благосостояния; 3) свободу, понимаемую как возможность не страшиться политических и экономических наказаний за свои взгляды и их выражение; 4) право на самореализацию (прежде всего — на труд в согласии со своими интересами и способностями); 5) справедливость, т. е. равенство возможностей, одинаковый для всех доступ к четырем предыдущим видам прав. Если исходить из понимания "хорошей жизни", предлагаемого Сингером, то государство должно считаться демократическим настолько, насколько оно 1) гарантирует гражданам право на жизнь, не заставляя их гибнуть ради чуждых им политических интересов, не прибегая к террору и не посылая их на бессмысленные войны; 2) не обрекает их своей политикой на жизнь в нищете и уродливых экологических условиях; 3) не препятствует им свободно выражать их взгляды, в том числе в форме публикаций, собраний, демонстраций и т.п.; 4) дает им возможность трудиться и получать образование; 5) во всех этих четырех аспектах относиться ко всем своим гражданам одинаково беспристрастно. Соответственно попытки организации государственного террора, попытки искусственно обречь граждан на бедность, навязывать официальное единомыслие и т.д. антидемократичны и должны подавляться структурными механизмами демократического государства. В этом смысле любая демократия живет той же "драконоборческой" мифологией, о которой мы писали выше, и ее "дракон" — тирания. Демократия должна предотвратить появление "дракона", т.е. появление тирании.

Здесь возможны две стратегии, отвечающие двум различным пониманиям демократии. В одном случае "драконом" может стать любое властолюбивое авторитарное меньшинство, начиная с единоличного тирана и кончая целым олигархическим классом. Задача истинной демократии — всеми способами избежать диктата меньшинства над большинством граждан. Примеры такой демократии многочисленны — начиная с древних афинян, регулярно отправлявших в ссылку политиков, чей авторитет начинал внушать страх, и кончая попытками массового истребления людей по классовым признакам в революциях XX в.

При другом, более сбалансированном понимании демократии "драконом" в равной степени может выступить и меньшинство, олигархически насилующее волю большинства, и большинство, ограничивающее право неугодного ему меньшинства, начиная от права на жизнь и кончая правом, агитируя, пытаться перетянуть большинство на свою сторону. Такая демократия стремится воспрепятствовать перерождению любой силы в "дракона" и в своей политике руководствуется двумя основными принципами: 1) все перечисленные виды прав принадлежат представителям любого из политических меньшинств в такой же мере, как и представителям правящего большинства; 2) большинству — свобода решений, меньшинству — свобода мнений, свобода их выражения и пропаганды. Обе трактовки демократии исходят из представления о волеизъявлении большинства как источнике политических решений, од-

нако в первом случае программы, выдвигаемые политическими меньшинствами, рассматриваются как противоречие воли большинства, а во втором — скорее как выносимые на суд того же большинства альтернативные варианты решений.

Рассмотрим, применимо ли какое-либо из этих двух пониманий демократии к решению национальных проблем. Национальными проблемами являются проблемы, связанные с реализацией национальных прав. Какие же права следует считать специфически национальными? Сюда неоспоримо относятся права представителей любой нации на свое национальное имя, свой язык, свою культуру, проживание на своей национальной территории, а также на то, чтобы не быть по национальному признаку ущемляемыми в каких-то из своих социальных прав. В последнем пункте национальные права пересекаются с социальными, в том же, что касается имени, языка, культуры и территории, можно сослаться на аналогию между этими правами и п. 3—5 классификации человеческих ценностей по Сингеру, предполагающими свободу вкусов, возможность их реализации и равенство в этом плане. Но здесь же обнаруживается гигантская разница: по Сингеру, свобода от политических и экономических кар не есть свобода от осмеяния и моральных санкций за “не такие”, “не должные” вкусы и привычки. В социальных отношениях моральные санкции являются фактором регулирующим, в национальных отношениях практика применения таких санкций одним народом к представителям другого есть источник тяжелейших конфликтов. Уже из этого видно, что гармоничное поведение в национальном вопросе превосходит обычные требования демократии.

Совершенно особое место занимает так называемое право наций на самоопределение в форме создания отдельных государств. Следует признать, что если права на национальное имя, язык, свою культуру, право проживать на своей территории могут быть, по крайней мере в идеале, реализованы для представителей всех наций и народностей, независимо от их численности и той исторической ситуации, в которой они сейчас находятся, то с провозглашением права на отдельные государства и национальный суверенитет дело обстоит совсем иначе. Существует большое число малых народностей, применительно к которым оно практически нереализуемо. Право на самоопределение — это не столько право наций, сколько право наций, имеющих возможность, право больших или “средних” наций, так что говорить о его равном распределении было бы лицемерием: это право, закрепляющее преимущества “великих” и “средних” народов над народами поистине малыми. Далее, на свете сейчас почти нет настолько моноэтнических территорий, чтобы попытка любой доминирующей на данной территории национальности реализовать это право не обернулась бы выявлением на той же земле “меньшинств в меньшинстве”, заявляющих о своих правах с появлением соответствующих проблем. Это право оспаривать сейчас невозможно, но следует помнить, что это, во-первых, практически неравное, во-вторых, “взрывоопасное” право.

Прокладывавшее себе дорогу в XIX в. национальными движениями, оно впервые было узаконено в масштабах Европы Версальским мирным договором, признавшим право “средних” наций бывшей Австро-Венгерской империи и западных районов Империи Российской на создание собственных государств. Последствия конфликта интересов меж-

ду самоопределившимися "большими меньшинствами" и "меньшинствами в меньшинствах", удостоившимися в лучшем случае культурно-национальной автономии, хорошо известны: злонамеренно подогреваемые извне, эти противоречия разорвали в 1938 г. Чехословакию, в 1941 г. облегчили военный крах Югославии; известна также роль "фольксдойче" в судьбах Польши. Система территориально-национальных автономий, существующая в рамках СССР и охватывающая большую часть исчезнувшей Российской Империи, соединила отдельные черты имперского администрирования в форме упоминавшихся вассально-сюзеренных отношений между московской бюрократией и бюрократией национальных республик, в то же время с признанием прав "больших меньшинств" на самоопределение "обогадилась" новыми чертами, характерными для систем "версальского типа", а именно пучками противоречий между "большими меньшинствами" и "меньшинствами в меньшинствах". Особенность эстонской ситуации в том, что здесь "имперское" противоречие между русскоязычным ассимиляторским давлением и сопротивлением эстонцев как национального меньшинства, а с другой стороны — отношение между эстонским самоопределившимся "большим меньшинством" и мигрантскими "меньшинствами в меньшинстве", отношение, характерное для систем "версальского типа", склеившись благодаря русскоязычному характеру "меньшинств в меньшинствах", составили систему, разительно неравновесную.

Может ли социальная демократизация способствовать разрешению этих противоречий? Как мы видели выше, любая демократия в своих решениях опирается на волеизъявление народного большинства. Спрашивается, какую силу может иметь в национальном вопросе свободное волеизъявление народа, разделенного на множество национальностей? По крайней мере с "демократией большинства", думается, дело ясное: принцип подчинения меньшинства большинству в национальном вопросе, будучи доведен до предела, выливается в геноцид. Надо сказать, что европейское сознание, воспитанное на тираноборческих мифах, с гораздо большим пониманием способно отнестись к истреблению целых социальных слоев, нежели к отождествлению народа в целом с "драконом": в 1930-х годах сталинский террор против крестьянства внушал Европе меньше ужаса, чем антисемитизм Гитлера. "Драконоборческий" характер в глазах европейца национальные движения приобретают тогда, когда они начинают рассматриваться по аналогии с движениями социальными. Таково, к примеру, было освобождение колоний. В иных случаях практическое "бессмертие" другой стороны, делает бескомпромиссно "драконоборческий" подход бессмысленным, в "лучшем" случае — загоняющим проблему вглубь, накапливая зло по примеру тяжелейших тоталитарных режимов, а в худшем — переводящим борьбу на тот уровень взаимного террора, когда не приходится уже говорить о демократии ни в каком понимании.

Но и "сбалансированная" демократия, обеспечивающая большинству свободу решений, а меньшинству свободу мнений и их выражения, не может дать "меньшинствам в меньшинстве" больше чем культурно-национальную автономию на чужой земле — на земле суверенного "большого меньшинства". Применительно к Эстонии осуществление принципа "сбалансированной" демократии легко может вылиться в постановку для каждой области отдельно вопроса о том, "а кто здесь меньшинст-

во?"; не трудно представить, к чему это может привести в областях с преобладанием русского населения. Совершенно справедливое в общем виде утверждение о том, что меньшинство нуждается в защите и в особой деликатности со стороны большинства, приобретет сугубо провоцирующий характер, если стороны начнут жонглировать применением этого положения то в масштабах Советского Союза, то Эстонии, то отдельных областей. Не говорим уже о такой особенности национальной проблематики, когда меньшинство, трактуя свою платформу как требование к большинству, а не как альтернативный вариант общего решения, сочтет себя вправе не признавать за большинством свободы таких решений по национальному вопросу, на которые это меньшинство не давало согласия (что, в общем, и произошло во время голосования по закону о языке).

Я убежден, что национальный вопрос принадлежит к таким, которые могут решаться только консенсусом, и до тех пор, пока меньшинство и большинство в национальном вопросе будут отождествляться с меньшинством и большинством, пусть в самом демократическом голосовании — а именно в этой демократической аналогии состояла суть реализации права наций на самоопределение в версальской и подобных ей системах, — до тех пор демократизация будет только освещать глубину национальных коллизий, но не способствовать их разрешению.

Советы постороннего — жанр легкий при легком к нему отношении. Случайный наблюдатель, старающийся осмыслить то, что он видел, слышал и прочитал во время пребывания в Эстонии, я не считаю себя вправе заканчивать эти заметки чем-то похожим на рекомендации или советы (да и кому?). Скорее это попытка свести все написанное выше к нескольким итоговым, может быть, весьма субъективным тезисам.

1. Национальные и социальные проблемы образуют различные измерения политического пространства (на наш взгляд, вопросы экологии составляют сейчас третье измерение). В каждом измерении формируются свои противоречия. Движение, претендующее сразу на преобразование в нескольких сферах, одновременно завязывает несколько битв и тем ослабляет свои позиции. Стремясь подстраховаться, лидеры этого движения наверняка пойдут на компромиссы, придавая этому движению одномерность, при этом у них два пути: либо ограничение национальных притязаний и максимальное сплочение всех сил, выступающих за демократизацию, либо союз со "своей" национальной бюрократией в отстаивании этих притязаний. Для людей властолюбивых последний путь перспективнее, ибо сводит задачи движения к завоеванию уже готового и к тому же склонного к компромиссам аппарата.

2. Действительное решение вопросов, лежащих на стыке национальной проблематики с иными — социальной либо экологической, — могло бы состоять в максимальном разъединении этих аспектов и по возможности сведении комплексной проблемы к набору "чисто" экологических, национальных и социальных проблем. Так, проблема миграции в Эстонию есть по сути проблема чисто социальная, такая же, как проблема миграции в Москву и Ленинград. Введение республиканского гражданства как средство, помимо прочего, ограничения миграции — это нормальная социальная мера, которую поддержал бы каждый из нынешних жителей Эстонии, не будь она для меньшинства сопряжена с национальными моментами (страх насильственной или полунасильственной депор-

тации). Если бы заранее было известно, что гражданство распространится на всех граждан СССР, проживающих в Эстонии, к такому-то числу, эти граждане прекрасно оценили бы меру, направленную на поддержание их жизненного уровня, снижающегося с новым притоком переселенцев ("Автобус не резиновый!").

М. Лотман в цитированной статье пишет, что русские из северо-восточной Эстонии не поддержали борьбы эстонцев против разработки полезных ископаемых, угрожавшей заповеднику и водным ресурсам этого края. Чрезвычайно трудно "неорганичному населению" поддержать борьбу, ведущуюся под лозунгом "установления суверенитета эстонского народа над ресурсами Эстонии". У лозунгов, относящихся к любой из трех сфер, есть свой адресат. В сфере социальной — это общество или отдельные его классы, в сфере национальной — народ-нация, в сфере экологической — именно население, т.е. все люди, независимо от их национальной и социальной принадлежности, живущие в экологически угрожаемом районе. Надо выбирать одно из двух — или выделить нацию из населения, поднимая ее в поход за объект ее притязаний, либо апеллировать к единому полиэтническому населению как к носителю экологического сознания. От той формы, которую примет введение республиканского гражданства, зависит то, станут ли русскоязычные мигранты вместе с эстонцами защитниками своей земли, своей воды, своего воздуха от экологического разбоя ведомств и предприятий или они объективно будут союзниками "экологических разбойников" в расхищении достояния чужой земли.

3. В той мере, в какой задача демократии применяется только как ограждение и отстаивание чьих-то прав, демократия ничего не дает для решения национальных конфликтов. В последнее время в разных источниках высказывались положения о разграничении понятий "националистического" и "национального движения". Попытаюсь предложить свое понимание этого разграничения. Национализм говорит: "Я буду отстаивать свои права всеми возможными средствами", и в этом он полностью вписывается в рамки демократии. Ненационалистическое национальное движение должно сказать: "Я буду отстаивать свои права такими средствами, которые не составят угрозы для аналогичных прав других национальностей, обитающих на этой же земле", — и этим встать в своей сфере выше демократии. Демократия, защищающая большинство, и демократия, защищающая меньшинство, обеспокоены угрозой извне, обузданием потенциального "тирана". Но обуздание конфликтующих национальностей против их воли и без обращения к геноциду не может быть прочным, а это значит, что стандартные процедуры демократии, раздающей всем сестрам по серьгам, большинству — свое, меньшинству — свое, в данной сфере могут дать лишь временное и неудовлетворительное решение. Борьба людей за свои права является двигателем социального обновления, но, будучи признана в национальных конфликтах за безоговорочный принцип, ведет в абсолютную безысходность.

Альтернативой может быть только подход, требующий сосредоточения не на ком-то другом, посягающем на мои права, а на себе самом: как мне, осознавая и оберегая эти права, не "потерять себя", но и не стать "драконом" для другого? Речь идет не о демократизации, а, если угодно, об "аристократизации" национальных отношений. Никто не обязан верить моим декларациям доброй воли, пока он не будет убеж-

ден, что мой кодекс поведения не сулит ему ущерба. Мы знаем из военно-политической истории, что стремление к собственной абсолютной безопасности воспринимается как сильнейшая угроза соседу. Наоборот, демонстрация отсутствия оружия в руке исторически развивалась в акт рукопожатия. Национальное движение, отмежевывающееся от национализма, должно формулировать свои цели и строить свои сценарии так, чтобы эти цели и сценарии звучали как декларации прав другой стороны. Примеры таких движений известны – от проповеди Махатмы Ганди до героического шага Я. Арафата, признавшего права Израиля. Но Ганди выбрал этот путь сразу, Арафату же для этого потребовалось 30 лет. Не лучше ли оказаться Ганди, чем Арафатом?

ЭТНОПОПРЕКИ И ЭТНООТВЕТЫ

В период доманифестной этнической напряженности в качестве языка межнационального диалога используется почти канонический набор штампованных попреков и столь же штампованных ответов:

А. Попреки

1. Мы их кормим, потому что статистика доказывает... (далее идет ряд выкладок, ничего не говорящих простому смертному).
2. Они живут на нашей земле, ибо история гласит... (далее идет ряд исторических свидетельств).
3. Мы их освободили.
4. Мы дали им письменность (культуру).
5. Благодаря знанию нашего языка они приобщаются к... (следует длинный список).
6. Среди них есть писатели, генералы и академики (имена обычно не перечисляются).
7. Им грозила ассимиляция и утрата культуры, а с нами они процветают.
8. Они пользуются всеми теми же правами, что и мы.

Б. Ответы

1. Это мы их кормим, потому что статистика доказывает... (далее идет ряд выкладок, столь же убедительных, сколь ничего не говорящих простому смертному).
2. История гласит совершенно обратное (далее идет ряд исторических свидетельств).
3. Мы об этом не просили! Не надо превращать геополитические планы в список благоденствий.
4. Наша письменность (культура) если не старше, то и не моложе вашей!
5. Было бы к чему приобщаться! А если надо будет — приобщимся по-английски.
6. Что ж... В любом народе есть люди, на все способные за миску чечевичной похлебки (за 30 сребреников).
7. Лучше посчитаем, сколько газет (театров, университетов) было в (сюда подставляется нужный для полемики год), а сколько осталось сейчас.
8. На восьмой этнопопрек следует самый грубый ответ, ставящий под сомнение целесообразность отдельных аспектов политического устройства страны. Poleмика на уровне восьмого попрека есть предвестник перехода доманифестной этнической напряженности в явную.

И в самоедах не без людей.

Вл. Даль

И друг Рабинович,
И жертвы фашизма,
И даже осново-
положник марксизма.

В.Высоцкий

Наиболее жалкой, хотя и весьма распространенной попыткой избежать межэтническую полемику являются разнообразные формы национальных оправданий. Общее существо этих оправданий сводится к максиме "Мы — НЕ ТЕ, ЗА КОГО ВЫ НАС ПРИНИМАЕТЕ". Разговор обычно ведется по следующему шаблону:

— да, в национальной психологии некоторых русских есть пережитки имперской великодержавности, но, боже мой, какой же это великодушный, отзывчивый, талантливый народ!

— да, среди евреев встречаются хитрецы и пройдохи, но примем во внимание их многострадальную историю и сколько среди них великих физиков, философов, музыкантов!

— и вообще, нельзя судить о нации по ее отдельным плохим представителям. По хорошим — можно и даже нужно.

На конкретном уровне все это напоминает разговор в купе поезда дальнего следования, где пассажирам на первых же километрах пути необходимо как-то утрясти национальный вопрос. На уровне же более абстрактном тут мы имеем дело с попытками "оправдания нации" перед неизвестно (или, напротив, хорошо известно) откуда взявшимися обвинениями. Подчеркнем — речь идет отнюдь не о каких-то преступлениях нации (национального государства) против других наций или национальных государств. Речь идет об оправдании нации как таковой, о признании ее права на уважение, на язык, на культуру, нравы и обычаи, на само существование, наконец. Безнравственность такого подхода пока почему-то не осознается, как не до конца осознается самоценность любого этноса, изначально не нуждающегося ни в чьих моральных санкциях по поводу своего существования.

В 40-х годах появились "предательские" и "контрреволюционные" нации. Трагедия переселенных народов — это особая страница в нашей этногосударственной истории, и здесь мы не будем ее касаться. Сейчас высказываются гуманные суждения, что нельзя-де из-за отдельных коллаборационистов и карателей бросать тень недоверия на целый народ. Нравственная ущербность этих благожелательных утверждений состоит в том, что разговор ведется все на том же языке сталинского тоталитаризма, когда все были представителями чего-то, а понятие автономии личности вообще не рассматривалось. Но сейчас-то нам пора понять, что преступление, совершенное отдельным человеком, составляет предмет его личной ответственности и не имеет никакого отношения к этносу, к которому данный человек принадлежит.

Совсем недавно профессор из Казани стал объяснять всесоюзному читателю ("Советская культура", 31 янв. 1989), что нынешние татары — это вовсе не те татары, которые связаны в народной памяти с татаро-монгольским игом. Наоборот, это они приняли первый удар монголов, а вопрос о татарском корпусе войск Мамая является весьма дискуссионным. Правда, автор тут же оговаривается, что переименование Татарии в Волжскую Болгарию только унизит татарский народ, который право на уважение заслужил потом, кровью и ратным трудом. Опять двадцать пять: разговоры о "заслуженном праве народов на уважение" подразумевают то, что есть народы, которые это право не заслужили.

Таким образом, любые формы "этнооправданий" порождены национальной ущемленностью, сознанием национального неравенства и, более того, признанием если не справедливости, то прочности такого порядка вещей.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ИММУНИТЕТ ПРОТИВ ПРАВОГО ЭКСТРЕМИЗМА?

Вопреки взгляду, согласно которому наше общество существенно утратило свой прежний иммунитет против правого радикализма, я хотел бы развить иную точку зрения, может быть даже "еретическую": а не слишком ли мы переоцениваем этот самый свой утерянный иммунитет прежних десятилетий? Да так ли мы уж всерьез иммунны?

Основные аргументы сторонников "иммунитета": во-первых, программный интернационализм нашего общества, а во-вторых — Великая Отечественная война.

Но наш интернационализм во многом подрывается тем, что в нашем общественном сознании, в нашей советской культуре еще всерьез не проработан круг идей о чести, свободе и достоинстве человека. Без серьезной антропологической базы, без серьезной философии человека, без развитого на этой базе правосознания мы обречены мерить людей групповыми категориями, смотреть на людей через призму произвольных групповых характеристик (Иван Петрович — представитель такого-то класса, "прослойки", народа, местности и т.д.). Не научившись всерьез принципу уважения конкретного человека, мы теряем возможность уважения и к людским общностям. Не умея оценить и понять специфику иного, не похожего на нас человека, прорастающего сквозь годы и века своего специфически человеческого онто- и филогенеза, мы лишаемся элементарных познавательных предпосылок, необходимых для уважения иных человеческих общностей, иных групповых онтогенезов. Проще говоря, без уважения индивидуального достоинства трудно говорить о достоинстве национальном. А ведь интернационализм может строиться не на национальном безразличии, но лишь на уважении другого человека в его качественной определенности, в частности и национальной.

Что же касается Великой Отечественной, то это была война не столько ради социальной программы (общественная свобода, честь и достоинство человека), сколько война национального спасения. Ибо гитлеровщина поставила под вопрос само физическое существование нашей Родины. Тем паче что само наше народно-государственное тело действовало в этой великой антифашистской войне, будучи пораженным метастазами сталинского репрессивного аппарата. Конечно же, в этой войне за национальное спасение не могли не прорываться подспудные чаяния, общечеловеческие и общедемократические. И они, как это показал В. Гроссман, во многом решили исход войны. Но чаяния эти были полусознательными, подавленными и в тогдашних исторических условиях реальной альтернативы сталинизму не явили.

В системе же сталинизма были — для меня это несомненно — явные

черты праворадикалистской идеологии и диктатуры: ксенофобия, мобилизация вождистско-бюрократической верхушкой грубых и мстительных форм "низового" протеста и в деревне, и в городе, и в аппарате, и в интеллигенции. Без этого трудно понять и коллективизацию, и "вредительство", и перманентное избиение партийных кадров, и обезглавливание РККА, и "космополитизм". Мобилизованные сталинизмом Игнашки Сопроновы (персонаж романа В. Белова "Кануны") выдвигались из самых разнообразных общественных и национальных сред. Через них — здесь правы новейшие советские исследования — и осуществлялся разрушительный процесс подчинения этих сред сталинской системе.

"Охлократичность" (зовите ее духовным босячеством, архаровщиной, "культурой хамства"...), как мне думается, есть не только социальная, но и не менее важная психологическая и духовная категория. И более всего занимает меня не социологическая и не социопсихологическая сторона вопроса ("я классицизму отдал честь..."), но сторона культурологическая.

Один из важных разделов культурологии — изучение тех архетипов, которые в разных вариациях пронизывают собой и человеческое бессознательное, и общественную психологию, и мир людских экзистенций. Без их учета трудно понять и самоопределение человеческих групп и масс, и формы управления и манипуляции.

Изучение праворадикалистских идеологий XIX—XX вв. показывает, что практически ни одна из них не обходится без некоего обладающего значительной мобилизующей силой духовно-психологического стержня — без мифа о некоем мировом (или уж по крайней мере действующем на национально-страновом уровне) совокупном человеческом Аримане, плетущем интриги и заговоры против изначального, святого, подлинного, бесхитростного миропорядка.

Одна из существенных особенностей нашей культурной истории пореформенной эпохи связана с тем, что в условиях полутрадиционной психологии и полутрадиционного мировидения образ вселенского "вредителя" был существенной частью не только воинствующей антиреволюционной пропаганды¹, но и пропаганды леворадикальной. Читая русскую правую, левую и даже либерально-центристскую публицистику конца XIX — начала XX в., невозможно отделаться от мысли, что оба лагеря — и правый, и левый — оспаривают друг у друга возможность выставить противника перед лицом общества именно как нечто inferнальное, демонически-могущественное. Конечно же, можно много говорить об особой уродливости развития капитализма в рамках полу-восточной авторитарной системы общественных отношений, о накале общественной борьбы той эпохи, о чертах традиционализма в духовно-психологическом облике значительной части интеллигенции... Но факт остается фактом. И многие его духовно-психологические последствия действуют, к сожалению, и поныне. Хотя и в качественно новой ситуации. Хотел бы отметить два важных, на мой взгляд, культурологических

¹ Здесь пионером выступил М.Н. Катков: весь спектр левых течений в России описывался им как инспирация польских эмигрантских центров, как "польская справа". "Европейничающие" интеллигенты и "сионские мудрецы" объявились позднее.

параметра проявления праворадикалистского синдрома в нашем нынешнем, послебрежневском обществе.

1. В течение долгих десятилетий общественная наша жизнь строилась на особой сталинской этике — *этике отщепенца и ненависти*, оформлявшейся в "классовых", квазимарксистских категориях, но имевшей чрезвычайно мало общего как с потребностями реального рабочего класса, так и с реальной проблематикой социальной справедливости. Этой антиэтикой оправдывалась специфика сталинского государства как государства перманентного чрезвычайного положения, перманентной не только внешней, но и внутренней войны. На этой этике, в сущности, и основан палаческий тезис об обострении внутренней "классовой борьбы" по мере приближения к социализму.

Принципы перманентной внутренней войны требуют абсолютного подчинения личности вождистско-бюрократической пирамиде. Посему всякое даже подспудное стремление личности к автономии и, стало быть, к толике достоинства в сфере хозяйственной, социальной и духовной становилось в этих условиях безусловным реликтом, а исподволь стремившийся к автономии индивид становился объектом обязательного и чаще всего даже превентивного государственного возмездия (казнить, интернировать, поразить в правах или же в лучшем случае оскорбить). Отсюда — и услужливые псевдоюридические концепции "революционной целесообразности" в деятельности карательных органов и заведомой виновности тех, кто попадает под их тяжелую, но непогрешимую руку. Отсюда — и регрессия к дремучей юридической архаике, к практике, мягко выражаясь, добуржуазной: пытки, презумпция виновности, принцип признания вины как "царицы доказательств", отречения от родных и т.д. И что важно — сами акты такового юридического насилия служили немаловажной формой административно-вождистской мобилизации общества (культ "революционной бдительности"; осведомительство; система митингов, петиций и индивидуальных призывов к расправе с привлеченными к ответственности).

Созданная Сталиным и его "меченосцами" система репрессивного злонамеренного государства не только опиралась на специфический мстительно-радикалистский тип мышления и психологии, но и целенаправленно воспроизводила его.

Сегодня же благодаря революционному процессу перестройки, который не может не поддерживаться всей честной и мыслящей частью общества, начат сознательный процесс преобразования государства злонамеренного в государство *благонамеренное*². И вот как раз в этих условиях становления благонамеренного государства десятками лет планомерно взращивавшийся в общественном и индивидуальном сознании потенциал тотальной ненависти с неизбежностью переходит к отдельным фракциям общества. Многие наши нынешние социальные аналитики, а также не чуждые социологическим интересам критики и литературоведы — каждый на свой лад — связывают это явление с существованием большой массы людей, занятых малоквалифицированным тру-

² Корни этого процесса уходят к эпохе XX съезда КПСС, но в ту эпоху глубокие социальные и личностные предпосылки демократизации в нашем обществе еще, как мне думается, не сложились. Что же касается понятия благонамеренности, то употребляю его без иронии, исходя из его прямого этимологического смысла.

дом в материальном производстве, управлении, духовной сфере. Кто из выступавших отчасти подтвердил этот же самый тезис в иных терминах — в терминах маргинализации.

Обсуждать этот социологизирующий подход не берусь. Просто введу в разговор одно соображение культурологического плана.

Праворадикалистская пропаганда в самых разнообразных странах и конкретно-исторических условиях всегда не только стремилась опереться на низкую квалификацию мышления и на низкий уровень экзистенции, но и всегда дорожила ими, взращивала их. Ее антиинтеллектуалистский настрой не случаен. Эмоциональное возбуждение массы сочеталось с насаждением в людском сознании примитивных силлогизмов или паралогизмов, заведомо непроработанных или подтасованных фактов, вводимых в качестве бесспорных логических аргументов. Наиболее податливо на такого рода обработку сознание, присущее полуинтеллигентам. По терминологии моих работ, это — “бедный рационализм”.

В этом смысле развитие массового образования и средств массовой информации — не только известный интеллектуальный и культурный барьер на путях правого радикализма, но и — с другой стороны — одна из важных предпосылок его размаха. Думаю, что в этом со мною согласятся и специалисты по истории Запада, и слависты, и исследователи “третьего мира”. Все эти категории исследователей — каждая на свой лад — сталкивались с проблемой особо активной роли “низовой” интеллигенции в праворадикалистских течениях.

2. Трудно понять судьбы нынешнего отечественного правого радикализма *без учета целого ряда взаимосвязанных социально-исторических, геополитических и этнодемографических проблем нашей страны.*

Можно вспомнить в этой связи ленинское рассуждение о том, что общество в России страдает не только и даже не столько от капитализма как такового, сколько от ущербности экономических и институциональных основ отечественного капитализма. И если взглянуть на историю нашего советского общества, то можно спроецировать ту же самую ленинскую конструкцию на судьбы нашей социальной и научно-технической модернизации. Общество страдает не только от этой модернизации как таковой, но и от ее ущербности, от ее опутанности и извращенности неорархаическими, авторитарными формами социального управления.

Общество измучено модернизацией — общество заинтересовано в ней. Но — в более гибких и культурных формах.

И эта социокультурная антиномия реализуется в полусознательной жизни слоев, групп и индивидов, наиболее подверженных психологии ненависти, как страх двойной угрозы. С одной стороны, это боязнь всего того, что мыслится результатами западного развития: техника, урбанизм, информация, инициатива, индивидуализм. С другой стороны, это страх перед полуреальным, полувоображаемым Востоком. Восточное же мыслится как прежде всего корпоративно-клановое, массовидное, бездуховное, почти что животное.

Всякий, кто знаком с нынешней нашей праворадикалистской письменной продукцией (от националистического “сам”- и “тамиздата” до многочисленных выступлений в легальной печати), по-видимому, обратил внимание на вольное или невольное нагнетание этой двусторонней угрозы и на оформление этого страха в виде мифологического об-

раза Великого Вредителя. Еврейство, выставленное агентом Запада, рисуется как некий *космический вредитель*, навязывающий миру и России суету и опустошение урбанистического прогресса. Правда, чаще вводятся эвфемизмы: сионизм, масоны, иудаизм. Тюрко-исламский мир, выставляемый агентом Востока, рисуется как некий *исторический вредитель* (в некоторых случаях — опять-таки как следствие еврейской инспирации), тормозящий все тот же самый прогресс чуть ли не со времен батыевых. . .

В заключение несколько соображений о статусе праворадикалистской мысли в нашем обществе.

Справедливость требует признать, что на протяжении 70-х — начала 80-х годов правая оппозиция немало сделала для тематического обогащения культурного опыта советского общества. Все эти годы она настойчиво проводила в общественном сознании темы морального кризиса, упадка аграрной сферы, экологии, пренебрежения этнокультурными традициями, роковых последствий техноуправленческого отношения к человеческим проблемам и т.д. За эти годы несанкционированная политическая и культурная плюрализация нашего общества стала, по сути дела, свершившимся фактом. Вообще без правого фланга, без националистических направлений никакой культурный плюрализм существовать не может. Но сложность ситуации в том, что наш правый радикализм в его неосталинистских, правонационалистических и промежуточных версиях, с разной степенью искренности беря под защиту те или иные культурные ценности, подрывает и дискредитирует их, гипертрофируя национальный момент в общем составе человеческих ценностей и пытаясь поставить эти ценности на службу психологии ненависти и отчуждения. А ненависть, рассчитанная на внутреннее потребление, не может не передаваться в другие национальные среды, не может не пролагать пути к политическому оформлению разнонаправленных сил национальной и культурной вражды.

И еще одно — заключительное — соображение. Мы крайне плохо знаем антисталинские и антифашистские темы в истории русской общественности, социальной мысли, философии, литературы, религиозности. Если историю этих тем даже в самом большевизме мы только-только начинаем узнавать, что уж говорить обо всем прочем богатейшем наследии нашей страны на протяжении XIX—XX вв. — и на Родине, и в эмиграции? “Ученый” наш мир эту проблематику игнорирует, а наша рядовая интеллигенция вкупе с литературной общественностью, не имея глубоких исторических и общекультурных познаний и не ведая о достижениях мировой социогуманитарной науки, трактует ее односторонне и плоско — на уровне “бедного рационализма” (“догадывались”, “предсказывали” и т.д.). . .

Великая российская традиция защиты социальной и духовной свободы, немало сделавшая для утверждения демократических ценностей на Западе, почти что бездействует у себя на родине. Живую и глубоко осознанную тревогу за общечеловеческие судьбы мы поспешно отождествляли с антисоветчиной. . .

РАСИЗМ

“И это мой брат, ближний!” —
думал я, болезненно наблюда-
дая это жалкое существо.

И. А. Гончаров

И вся советская страна
За этой девочкой стояла!

С. Михалков

В стихотворении речь шла о представлении “Хижина дяди Тома” в Детском театре. На сцене шел аукцион, и советская пионерка решила выкупить бедного негра. Неудивительно, что она потеряла чувство театральной условности. Мы очень любили угнетаемых плантаторами негров, загнанных в резервации индейцев, сочувствовали грузчикам-кули и бедным рикшам. На человека, вернувшегося из Индии, глядели с подозрением — уж не катался ли он на рикше? Но больше всего любви мы отдавали неграм, этому символу всех угнетенных народов. Правда, чувство это было не столько национальным, сколько классовым — столь же горячо мы презирали американский негритянский джаз, жирных лупоглазых саксофонистов. Интернациональная амбивалентность? Возможно, поскольку рядом с антирасизмом цвела ксенофобия. Означенный в эпитафии поэт писал о мальчике, случайно на советском корабле попавшем в японский порт:

Мише сразу стало страшно:
Здесь японская вода,
Здесь чужие, здесь не наши
Люди, горы, города...

Но негров мы все-таки любили. Пик этой любви пришелся на 1957 год — год Московского фестиваля, а в 1960 г. любовь кончилась, ибо открылся Университет дружбы народов им. П.Лумумбы. Платоническая любовь не вынесла близкого соседства. Пощадим читателя и опустим все откровенно и похабно расистские эпитеты, адресованные прежнему “милому негру” (К.Чуковский). Однако народ стыдился своего расизма и придавал ему опять же классовый оттенок: “Небось, богачи понаехали, царьки ихние!” Попытка объяснить, что ихние богачи и царьки обучаются, как правило, в Сорбонне и Гарварде, вызывала столь же классовый отпор: “Понаехали голодранцы на нашу голову, дармоеды, тунеядцы!”

А так как приехавшие к нам учиться негры — безразлично, царьки или голодранцы-дармоеды — жили, питались и одевались все-таки получше нас, владели твердой валютой, на каникулы катались в Европу (это в 60-х годах!) и отоваривались в спецмагазинах, приобретая там импортные кофточки в подарок той самой, уже повзрослевшей девочке из эпитафии, — эти самые негры породили в нашем национальном сознании новую структурную оппозицию — БЕЛЫЕ и ЧЕРНЫЕ. Почти что Север и Юг, говоря языком новейшей геополитики, но только с противоположными знаками. Богатый Юг и бедный Север — впрочем, в отечественной реальности все именно так и выглядит.

Итак, негр, сотрудник посольства какой-нибудь африканской страны, распаивающий багажник своего "мерседеса" у дверей валютного магазина, ставился в один ряд с узбеком (таджиком, грузином и т.д.), торгующим на рынке фруктами по баснословным ценам. Возникал расистский континуум. При этом — о, неистребимая классовая составляющая нашего общественного сознания! — обыватель презрительно называл негра "угнетенная раса". Сколько сарказма было в этих словах, сколько уверенности в том, что, не будь российской пшенички и советских ракет, сидеть бы этому негру на пальме, собирать кокосы под бдительным бичом колонизатора. Это за наш счет он здесь шикует! А узбеки, таджики, грузины? Кто б они были, если б не Россия? Да их бы турки порезали! Как там у Лермонтова — "и Грузия цвела с тех пор в тени своих садов, за гранью дружеских штыков не опасаяся врагов". И вот вам "благодарность" — помидоры по двадцать рублей кило. Тоже за наш счет шикуют.

Но если б дело ограничивалось ворчанием у рыночных прилавков. Газеты приносят вести о побоищах в сибирских городах нефтяников, когда местные (то есть "белые") бьют приезжих (то есть "южных", "черных"). "Черные" тоже в долгу не остаются, поскольку приехали сюда не просто так, а по оргнабору, нефть добывать. Межнациональные (точнее, межрасовые) браки становятся трагедией. Достопамятные братья Овечкины — те, что пытались угнать самолет в Лондон, — запретили своей сестре выйти замуж за "черного". Пригрозили — и его уьем, и ребенка задушим. Серьезный разговор.

Интернациональная амбивалентность показывает когти. Она еще очерит клыки, если мы навсегда не оставим деление народов на старших и младших, на кредиторов и должников, спасителей и спасенных. Отказ от подобных противопоставлений прежде всего в интересах старших, кредиторов и спасителей. Это поможет избавить их от томительного комплекса недодаанных долгов, от желания вымещать этот комплекс на смуглых черноглазых чужаках.

ПОРАЗМЫСЛИМ СЕРЬЕЗНО. . .

(Не о "Памяти", но в связи с ней)

В условиях перестройки и гласности в нашей многонациональной стране обнаружилось множество нерешенных национальных проблем: развитие национальных языков и культур, язык межнационального общения, особенности национального существования народов, расселенных дисперсно, суверенитет и хозяйственная самостоятельность республик и многое другое. Национальные проблемы, какими бы острыми и сложными они ни были, безусловно, могут (и должны) решаться мирно, не вызывая межнациональных противоречий, вражды и столкновений. Но так происходит далеко не всегда. Осознание своих национальных бед, вместо того чтобы стимулировать конструктивную деятельность по их преодолению, иногда приводит к озлобленности в поисках "врага", которым в условиях обострения именно национальных переживаний оказываются люди другой национальности. Настроения эти очень опасны, даже если охватывают небольшие группы людей, ибо при умолчании и попустительстве они могут распространяться довольно быстро. В борьбе против этих отрицательных тенденций большую роль призвана сыграть наша многонациональная интеллигенция. Мы, русские интеллигенты, прежде всего должны выступать против национальной вражды, проповеди такой вражды, исходящей из среды русских и обращенных к русскому народу. В последнее время это — проповедь антисемитизма, которая идет по нарастающей, проявляется на митингах, вечерах, в ксерокопированных листовках и даже в печати.

В Ленинграде с первых чисел июня 1988 г. начались регулярные митинги организации, именующей себя «"Национально-патриотический фронт "Память"». Проходили они еженедельно на Васильевском острове в Румянцевском сквере, что возле Академии художеств. В распространявшихся там листовках имеются такие, например, высказывания: "Пропаганда межнациональных браков несет только вред всем народам СССР. Преступно легкомысленное отношение к главному богатству Триединогo Русского Народа (Великорусов, Украинцев, Белорусов) — чистота Славянского Генофонда — Славянской Крови". Передавалась из рук в руки и брошюра московского "издания", подписанная руководством "фронта" (К. Андреев, Д. Васильев и др.) и украшенная печатями. В ней в очередной раз цитируются так называемые "Протоколы сионских мудрецов" — давно разоблаченная наукой фальшивка, о которой неоднократно писалось в нашей центральной печати. В устных выступлениях "активистов" антиеврейские высказывания приобретали порой совершенно разнузданный характер. Основной их мотив: "Инородцы, уходите с нашей земли, евреям место в Израиле или Биробиджане".

Интеллигенция, понимая меру своей ответственности, неоднократно высказывалась против черносотенных идей "Памяти". 7 июня 1988 г. этот вопрос горячо обсуждался на чтениях "Этнография Петербурга – Ленинграда", которые проходили в Институте этнографии АН СССР. Было составлено "Обращение" к ленинградцам, его подписали 41 человек: "Мы выражаем глубокую тревогу в связи с обострением шовинистических и антисемитских настроений в современном русском обществе. . . Мы призываем всех честных людей нашего города, славными культурными традициями которого мы всегда гордились, немедленно пресекать случаи любых хулиганских выходов, не позволять позорить наш Ленинград угрозами и насилием. Мы все, прежде всего русские, несем серьезную ответственность за то, чтобы живущие в нашем городе люди других национальностей – евреи, татары, эстонцы, финны, поляки и другие, – которых всех вместе около полумиллиона человек, могли жить с нами в дружбе, мире и уважении. Надо наконец прекратить поиски "врагов народа"!" Договорились выступить с "Обращением" по ленинградскому телевидению. Состоялась запись интервью, оно должно было выйти в эфир в ночь с 11 на 12 июня в программе "Телекурьер". Однако наш сюжет в программу не вошел (пояснили: "Слишком остро"). Безуспешным оказалось также обращение в "Известия" и ленинградскую "Смену". Лишь спустя два месяца после начала митингов в Румянцевском сквере (и только вслед за выступлением "Московских новостей") "Ленинградская правда" поместила подборку возмущенных читательских писем, "Вечерний Ленинград" – большую статью, а "Известия" – коллективное письмо сотрудников Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, в котором действия «"Национально-патриотического фронта "Память"» квалифицируются как антиконституционные.

* * *

Процесс демократизации и гласности вдруг высветил проблему, которая долгие годы считалась несуществующей, – проблему антисемитизма. Вероятно, настала уже пора основательно поразмыслить над явлением, вокруг которого кипят страсти и против которого уже ведется борьба на страницах печати. Правда, поначалу "борьба" носила почти анекдотический характер. На обвинение художников и режиссеров в "сионистских происках" за изображение шестиконечных снежинок (большой фантазии напоминающих звезду Давида) отвечали примерно так: во-первых, не все снежинки художник изобразил шестиконечными, во-вторых, по законам природы они другими быть не могут, в-третьих, даже шестиконечные снежинки совсем не похожи на звезду Давида. . . и вообще из зрительного зала все равно ничего разглядеть невозможно. А следовало бы сказать: в чем, собственно, дело? Говорят, это символ государства Израиль. Но не отказываться же нам от пятиконечных звезд оттого только, что ими усыпан государственный флаг США! И если предки наших соотечественников покоятся одни под крестом, а другие – под звездой Давида, оба эти символа должны пользоваться равным уважением.

Со временем обличения антисемитизма становятся все более открытыми и гневными. Но в большинстве звучит недоуменный вопрос – почему? Вспышка антисемитизма кажется неожиданной и неизвестно

откуда взявшейся. Между тем она была подготовлена событиями нескольких предшествующих десятилетий.

Первое, что надо сказать и о чем молчали до сих пор, — это войны. В сердцах нормальных людей тотальное уничтожение евреев нацистами не могло вызвать иного отклика, кроме жуткой боли и сочувствия и ненависти к антисемитизму в любых его проявлениях. К сожалению, так было не всегда — гитлеровская антисемитская пропаганда на оккупированных территориях была не совсем бесплодна. Об этом с горечью пишет белорусский писатель В. Тарас: "Мы долгие годы не учитывали, что в сознании не столь уж малой части людей остался яд, в чудовищных дозах извергнутый в годы фашистской оккупации на громадные пространства нашей территории" ("Известия", 5 июня 1988 г.).

Далее — государственный антисемитизм сталинской эпохи, последствия которого мы ощущаем до сих пор. В годы репрессий, обрушившихся на целые народы, которые подвергались насильственной депортации, не избежали преследований и евреи. Была физически уничтожена еврейская интеллигенция, носительница культуры на языке идиш, обвиненная в "шпионских" связях с благотворительной организацией "Джойнт". В то самое время, когда наша страна и весь мир, содрогаясь, узнавали о геноциде, о катастрофе европейского еврейства, Сталин расстрелял в полном составе Антифашистский еврейский комитет. Гонениям подвергались также — под предлогом "космополитизма" — те евреи, кто свои силы, любовь и талант отдавал русской, украинской, белорусской культуре. Евреям, таким образом, закрывались оба пути — и ассимиляции, и развития собственной культуры. Последним ударом было "дело врачей". Гнусная цель этой провокации состояла не только в том, чтобы уничтожить группу талантливых медиков, но и в том, чтобы сформировать и прочно закрепить в сознании широких народных масс образ еврея-изверга (вместо малопонятного этим массам "космополита"). Евреи стояли под угрозой депортации, которую собирались объяснить необходимостью спасти их от народного гнева. Сталин умер, суд над врачами не состоялся, но несколько месяцев широко циркулировали слухи об "убийцах в белых халатах", люди боялись лечиться и пользоваться лекарствами.

После короткого периода оттепели, когда были созданы еврейский театр и журнал на языке идиш, с конца 60-х годов поднялась новая волна антисемитизма, но она носила уже иной характер. Антиизраильская и антисионистская пропаганда использовалась для разжигания вражды к евреям внутри собственной страны. Одновременная закрытость еврейской темы приводила в результате к тому, что о евреях — либо ничего, либо плохо. Антиеврейская кадровая политика также способствовала антисемитским настроениям. Еще один поток, питающий антисемитизм, шел от тех писателей, журналистов, публицистов, которые фразы о патриотизме, русском духе и народности сопровождали нетерпимостью, шовинизмом, более или менее завуалированным антисемитизмом.

Как видим, сегодняшняя вспышка антисемитизма появилась отнюдь не на пустом месте. Другая ее причина — еще в одном наследии сталинской поры: наш народ долго приучали к мысли, что всегда есть какой-то тайный враг, "вредитель", "враг народа", который виноват во всех бедах.

Главный тезис, с которым выступают те, кто активно борется против великорусского шовинизма и антисемитизма: "национальность не имеет значения". Да, совершенно справедливо, не имеет (вернее — не должна иметь) значения — при выборе друзей, при подборе кадров, в десятках других случаев. Часто, однако, этот тезис формулируется иначе: не надо замечать национальность человека, не надо об этом думать, не надо даже знать. Но почему "априори" считается, что упоминание о национальной принадлежности непременно делается с националистических или даже расистских позиций? В этом — специфика отношения к евреям. Вряд ли кому приходит в голову "не замечать" эстонцев, грузин или казахов.

Сама по себе проповедь "незамечания" играет свою положительную роль в борьбе против антисемитизма. Этим отстаивается безусловное право каждого человека на ассимиляцию. Но упорное "незамечание" национальной принадлежности объективно ведет к тому, что без отпора остается другой вид антисемитизма, суть которого состоит в стремлении лишить еврейский народ права на национальную культуру и историческую память. С этих позиций еврей просто-таки обязан ассимилироваться, обращение его к своим историческим корням кажется знаком национализма. В то же время интерес к собственной национальной культуре, скажем, грузина (даже живущего в Москве или Ленинграде) воспринимается как совершенно нормальное явление. Симпатии армян к своим зарубежным соплеменникам, беженцам геноцида, кажутся естественными, интерес еврея к американским евреям, среди которых очень многие являются потомками эмигрантов из России конца XIX — начала XX вв., вызывает осуждение.

Очень распространен также и такой тезис: "Я интернационалист, я одинаково ненавижу и сионизм и антисемитизм". Абсолютно ложный тезис, порожденный антисионистской пропагандой. Сионизм и антисемитизм логически несравнимы, не говоря уже о том, что они несравнимы нравственно. Антисемитизм — это ненависть или неприязнь к народу. Сионизм — политическое течение, провозгласившее своей целью собрать евреев на их исторической прародине. Приписывать сионизму в целом преступления экстремистов — все равно что сталинщину приравнивать к социализму вообще.

Ошибочные и ложные представления, касающиеся евреев, являются результатом того, что долгие годы тема эта была у нас абсолютно запретной. Специальные работы по еврейской истории и культуре не издавались, а в общеисторической литературе, и научной, и учебной, а также в прессе укоренилось полное замалчивание всего, что касалось евреев. Приведу лишь несколько примеров.

В XIX и в начале XX вв. в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине в городском населении евреи составляли 40 — 60%, являясь самой многочисленной национальной группой. Между тем в исторических и краеведческих книгах, в путеводителях, посвященных городам этого региона, евреи отсутствуют. 1985 г. был объявлен ЮНЕСКО годом памяти Рамбама, крупнейшего еврейского философа средневековья, известного также под именем Маймонида, а в Древней Руси — Моисей Египетского. У нас об этом 850-летнем юбилее никто и словом не обмолвился. В популярной книжке, посвященной Г. Гейне, обойдено молчанием его еврейское происхождение. В результате читателю остается неяс-

ным весьма завуалированно излагаемый сюжет "Гейне и религия", а уничтожение книг великого поэта в гитлеровской Германии автор объясняет их "революционностью".

После войны группой советских писателей во главе с И. Эренбургом и В. Гроссманом была подготовлена документальная книга о преступлениях нацизма против евреев — так называемая "Черная книга". Как многое в те годы, она у нас не увидела света, но была издана за рубежом. Ленинградцы дважды (в 1987 и 1988 гг.) обращались в секретариат Союза писателей СССР с просьбой опубликовать эту книгу, но пока безрезультатно. Между тем в объемистых изданиях, посвященных борьбе с фашизмом и даже специально преступлениям нацистов против народов Европы, евреям отводится буквально по несколько строк. В местах массовых казней евреев на оккупированных в годы войны территориях нашей страны на памятниках написано, что это место гибели "граждан СССР" или "граждан СССР и других стран" без упоминания национальности, хотя евреев (только евреев и цыган) фашисты уничтожали именно по национальному признаку. В результате широкая публика у нас имеет весьма смутное представление о самом понятии "геноцид", считая его синонимом массовых убийств вообще. Еще меньше знают о еврейском сопротивлении, о восстаниях в гетто и лагерях. Во всем мире прогрессивные люди, евреи и неевреи, каждую весну отмечают День памяти евреев — жертв гитлеровского геноцида и героев Сопротивления, приуроченный к годовщине восстания Варшавского гетто. У нас об этом молчали десятки лет, лишь в 1988 г. впервые появились сообщения о проведении Дня памяти в Польше.

Антисемитские выступления можно запретить, опираясь на Конституцию и Уголовный кодекс. Но никакими запретительными мерами невозможно уничтожить антисемитизм, если не вести одновременно серьезную воспитательную работу. Необходимо, с одной стороны, разоблачение антисемитизма в прошлом и настоящем, с другой — распространение непредвзятых взглядов на еврейский народ и его историю. Кое-что в этом направлении делается. Правдиво рассказано о прошлом в изданном наконец романе В. Гроссмана "Жизнь и судьба", в "Дружбе народов" и "Юности" напечатаны воспоминания о "деле врачей", "Советская культура" опубликовала правду о жизни и смерти актера Михоэлса. В Эстонии, Латвии, Литве, в Москве и других городах созданы еврейские культурные общества. Начали выходить на русском языке ежегодники по материалам издающегося на идиш журнала "Советиш Геймланд". Однако движение в этом направлении вызывает сильное сопротивление. Другого способа преодолеть его нет, кроме полной открытости темы, полной гласности.

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Закавказская хроника 1988 года

Одиннадцать месяцев 1988 г. внимание всей страны было приковано к событиям в Закавказье. К концу ноября две союзные республики — Армения и Азербайджан — фактически оказались на грани войны друг с другом. В этой войне не было действующих армий, но уже были убитые и раненые, искалеченные и изнасилованные, разгромленные поезда и разоренные жилища. И как неизбежное следствие всякой войны в ней были многочисленные потоки беженцев, пересекавшие в те дни границы обеих республик.

К счастью, открытого столкновения двух народов все же не случилось. На территории двух республик были введены войска, а в их столицах и ряде других городов объявлено особое положение и комендантский час. Войска прекратили митинги, установили контрольно-пропускные пункты и продемонстрировали свою решимость подавить любые формы беспорядков. В этот самый момент на землю Армении обрушилось чудовищное бедствие — трагедия землетрясения 7 декабря. Разрушение городов и деревень, горечь от гибели и увечий десятков тысяч людей, массовая эвакуация бездомных и пострадавших и огромный встречный поток всесоюзной и международной помощи создали совершенно новую ситуацию. Шок бедствия придавил остроту прежнего конфликта. Но он не "заслонил" восприятие национальных проблем, не стал их отсрочкой и тем более — решением.

Все это случилось в истории Союза ССР. Правда, сейчас ищут некоторые признаки успокоения ситуации. И вновь, как уже было в феврале минувшего года, в последние дни марта или после 18 июля, можно поддаться искушению и подумать: худшее позади.

Но худшее, к величайшему сожалению, еще может быть впереди. Одиннадцать месяцев с нарастающей тревогой мы следили за развитием событий. Эта озабоченность основывалась на нашем профессиональном опыте, личных контактах с коллегами из Армении и Азербайджана, постоянном потоке поступающей оттуда информации, наконец, собственных впечатлениях от поездок в Закавказье в течение года. Были испробованы все способы выразить нашу точку зрения: публичные выступления, обращения к прессе, докладные записки в правительственные органы и встречи с работниками аппарата.

С полной ответственностью можно заявить, что события последних месяцев 1988 г. не приблизили (а скорее осложнили) возможный выход из кризиса в Закавказье. Этот кризис понимался и до сих пор понимается как межнациональный армяно-азербайджанский конфликт

из-за административной принадлежности Нагорного Карабаха. Создается впечатление, что обе стороны выступают в конфликте с взаимно исключаящими требованиями, так что нельзя было удовлетворить одних, не ущемив других.

Такой взгляд и исходящие из него действия в течение года заводали ситуацию во все больший тупик. Первоначальный протест части армянского народа против несправедливостей и национального давления в составе другой республики быстро вылился в движение за национальное самоопределение, а затем — в противостояние двух народов и республик по поводу спорной территории. Противостояние вылилось в акты насилия, потребовало ввода союзных войск, что создало новую вспышку конфронтации и оппозиции действиям центральных властей. Налицо очевидная эскалация первоначально локального конфликта.

К сожалению, никакого выхода из него пока не предвидится. Не определены (или не объявлены) сроки пребывания войск на территории двух республик, нет графика их вывода и отмены комендантского часа. Землетрясение в Армении и пересмотр всех экономических планов республики поставили под сомнение выполнимость объявленной программы экономического развития Нагорного Карабаха, во всяком случае — с армянской стороны. Фактически установленный мораторий на решение проблемы Карабаха и на продолжение суда над участниками массовых насилий в Сумгаите является заведомо временной мерой. Приостановив одну волну беспорядков, он послужит лишь новому накоплению сил.

Что можно делать в такой ситуации? По-видимому, наиболее разумным было бы признать следующие реальные факты. Именно они, на мой взгляд, составляют истинные итоги года.

Первое. За одиннадцать месяцев выступлений в обеих республиках сформировались массовые народные движения. К сожалению, до сих пор очень мало информации о сущности и внутренних силах азербайджанского движения. Но суть выступлений в Армении под руководством комитета "Карабах" (его последнее название — Комитет карабахского движения) можно охарактеризовать с достаточной определенностью, в том числе и по личным наблюдениям.

До конца ноября, т. е. до введения войск и объявления особого положения, это была наиболее массовая народная сила в республике. Она включала в свою орбиту сотни тысяч людей по всей Армении, или значительную часть взрослого населения. Движение обеспечивало сбор и передачу информации, согласованные действия на всей территории республики, порядок на многотысячных митингах и демонстрациях. Вершиной движения стало проведение в здании Оперного театра 24 ноября заседания сессии Верховного Совета Армянской ССР (на следующий день объявленного незаконным).

В самые трудные месяцы руководство движения отстаивало конституционные и ненасильственные методы действия, демонстрировало здравый смысл, твердость в пресечении экстремистских заявлений. Непопулярность в Армении лозунга "независимости", отсутствие конфликтов с введенными в республике войсками — очевидные заслуги лидеров движения. В критические дни ноября они сделали все, чтобы не допустить вспышки межнационального конфликта, предотвратить акты насилия против местного азербайджанского населения. И именно эти

люди, пользовавшиеся огромным авторитетом и популярностью, были объявлены вне закона, названы "экстремистами" и арестованы как нарушители особого положения.

Но массовое народное движение не может испариться само собой. Чтобы нейтрализовать его, требуется применить очень мощное государственное насилие. Вряд ли стоит говорить, каким шоком для нации, для страны в целом, для всей программы перестройки обернется государственное насилие против национального движения в Армении, играющего в республике фактически роль Народного фронта.

Поэтому крайне тревожными выглядят попытки представить армянское движение и его лидеров "игрой антиперестроечных сил", "коррупцированных и антигосударственных элементов", "политических спекулянтов" и т.п. Еще более тревожно проявившаяся в самом конце 1988 г. тенденция скомпрометировать этих людей в глазах народа уголовными обвинениями.

Уже не раз говорилось, что куда разумнее вести переговоры с лидерами массовых ненасильственных народных движений. 1988 г. принес и первый опыт подобного взаимодействия в прибалтийских республиках. Армения и Азербайджан не могут здесь быть исключением. Если всем народам страны предстоит учиться демократии, то именно массовые движения, взаимодействующие с органами местной власти, служат лучшей школой приобщения народов к правовой и открытой жизни государства.

Второе. Многие утверждают, что наиболее острые национальные конфликты в современном мире возникают на стыках народов с разными культурными традициями, ареалов с разным уровнем общественного развития. Если это так, то основа для конфликта между Арменией и Азербайджаном к концу 1988 г. объективно расширилась.

В ноябре Армения (и ряд других союзных республик) сделала важный шаг в сторону нового понимания Союза ССР как правовой, демократической федерации суверенных республик. Народом были впервые осознаны значение общесоюзной Конституции, роль Верховного Совета как высшего органа власти, важность демократических выборов и нового статуса депутатов. Неожиданное влияние приобрели конституционные группы со своими специфическими лозунгами и формами политической деятельности. Иными словами, были заложены предпосылки для перехода общественной жизни в республике к состоянию более открытого демократического государства. Все это относилось, разумеется, к ситуации до введения войск и особого положения (24-25 ноября), последовавших затем актов насилия и трагедии землетрясения 7 декабря, создавшей новую структуру власти и управления в Армении.

В эти же дни второй половины ноября Азербайджан сделал шаг в иную сторону. Массовые беспорядки, столкновения с войсками и вспышки в Кировабаде, Нахичевани, Баку и некоторых других городах, бегство из Баку, проявления недоброжелательности к прочим национальным меньшинствам, появление исламских лозунгов и знамен на фоне отчетливой этнической консолидации — все это символы нового этапа в развитии нации. Неясно пока, сколь глубоко зашло подобное развитие, но очевидно, что оно ведет к усилению национального чувства, закрытости и росту агрессивности, трудно совместимому с принципами многонациональной федерации.

Встречный поток беженцев-азербайджанцев из Армении вновь как бы "уравнял" обе республики. Ту же роль явно преследовало введение войск, особого положения и комендантского часа в их столицах, проводившиеся по принципу "симметрии". Но землетрясение 7 декабря и последовавший поток всесоюзной и международной помощи опять поставили Армению в особое положение. Наплыв советских и зарубежных специалистов, спасателей, журналистов, высоких гостей способствовал невиданному ранее "открытию" Армении для всей страны и мира. В результате разрыв между двумя республиками по степени открытости-закртости скачкообразно возрос. Общее осознание этого разрыва следует считать одним из важнейших итогов событий 1988 г. в Закавказье.

Третье. 1988 г. принес еще один элемент в национальную жизнь нашего государства. Он показал, что большие и малые народы сохраняют свою историческую память и активно используют ее в своем нынешнем культурно-политическом развитии. Эту память о прежних правах и договорах, обстоятельствах вступления в Советскую федерацию, старых флагах и национальных символах, годах сталинского насилия неожиданно продемонстрировали в разных частях страны, в том числе и в Закавказье.

Поэтому было бы безнадежной ошибкой считать, что обстоятельства этого конфликта быстро изгладятся из человеческой памяти. Государство должно, видимо, подготовиться к долгому состоянию напряженности, неизбежности больших усилий и длительного времени для постепенного смягчения ситуации. За одиннадцать месяцев стало очевидным, что конфликт не удастся закончить одним "удачным" решением, одним твердым "нет" или не менее жестким "да". Хроника событий 1988 г. уже превратилась в заложенную в народную память летопись противостояния. Армяне, например, уже не забудут ни жестокостей Сумгаита, ни изгнания из Шуши, ни страшных ноябрьских дней для армянского населения Баку и Кировабада. Соответственно, они не признают и окончательного "отсечения" Нагорного Карабаха, который считают частью этнической территории. Такая же "народная летопись" имеется и у азербайджанцев.

Проще всего де-факто признать сложившуюся реальность. Она состоит в том, что четыре армянских района автономной области не подчинились Баку и восстановление силой этого подчинения приведет лишь к вспышкам мести и насилия. Но точно так же не подчиняется автономной области ее пятый — заселенный азербайджанцами — Шушинский район, как и некоторые азербайджанские села-анклавы в пределах армянской территории.

И если невозможно прямо передать Нагорный Карабах Армении в соответствии с волеизъявлением большинства населения, то надо как можно скорее вывести его на союзную систему снабжения и управления, обеспечить безопасность коммуникаций, торговых и транспортных связей. При этом во избежание роста напряженности следует по возможности воздержаться от крупных проектов, требующих притока внешних материалов и рабочей силы, и, наоборот, всячески стимулировать местные формы экономической самостоятельности. Сохранение численного и территориального баланса потребует огромного политического искусства.

Четвертое. Огромные потоки беженцев между республиками (и за

их пределы, в другие части страны) в ноябре-декабре показали, что оба народа извлекли урок из трагических событий в Сумгаите. Суть Сумгаита была шире самого факта чудовищных актов национальной жестокости и насилия (как считают армяне). Впервые в постсталинской истории нашего государства была сделана попытка использовать часть народа в качестве *заложника* в политическом, территориальном или этническом конфликте. Попытка эта оказалась весьма успешной: ссылками на нее или угрозами ее повторения блокировалось решение проблемы Карабаха, судебный процесс над убийцами в Сумгаите, принятие конституционных поправок в Армении и т.п.

Но с ноября ситуация изменилась, поскольку люди отказались жить в положении национальных заложников. Фактически в течение ноября-декабря шло массовое бегство "заложников", которое лишь отчасти приняло форму обмена населением (и, возможно, этнической территорией!) между двумя народами и республиками. Аналогией такой ситуации может служить конфликт между христианами и мусульманами в Ливане или положение в Палестине накануне окончания британского мандата в 1947–1948 гг.

Лучшее, что, видимо, можно сделать — признать право людей не быть "заложниками", максимально облегчить участь беженцев и обеспечить, где это необходимо, спокойную и безопасную эвакуацию. Это быстро поняли обе республики, создав в ноябре экстренные фонды помощи. Очевидно, их примеру должны последовать и центральные власти, заинтересованные в скорейшем экономическом и социальном устройстве беженцев на новом месте. Потому что беженцы сами по себе служат дополнительным источником национальной напряженности, а в некоторых случаях (как было в феврале в Сумгаите или в ноябре в Кировабаде) выступают как прямой источник агрессии.

В свете возможного продолжения конфликта в Закавказье или обострения обстановки в других частях страны государство должно продемонстрировать свое умение решать проблему беженцев. Решать так, как это было сделано в случае Чернобыля. Потому что в Закавказье мы все еще имеем непогашенный национальный Чернобыль со всеми вытекающими последствиями и угрозами нового взрыва.

И, наконец, последний — *пятый* вывод. За 1988 г. в стране произошло накопление груза нерешенных проблем в сфере национальных отношений. Ни в одной "болевой точке" не было продемонстрировано умение выбирать оптимальные решения. Конкретно в Закавказье необходимые действия постоянно запаздывали, оправдывались самые пессимистические прогнозы и принимались как правило наихудшие или заведомо неудачные варианты.

Если наша общая цель — основанная на стабильных и естественных связях федерация дружественных республик, то за 1988 г. мы не приблизились к этой цели. Хочется верить, что неправильной оказалась тактика, а не стратегия. Потому что процветающая экономика, развитая правовая система и самодетельность граждан стратегически не совместимы с союзом, основанным на политическом принуждении или национальном насилии. Уменьшая насилие в одних сферах — экономике, идеологии, правовой системе, культурной жизни, но ничего не меняя в других и увеличивая степень принуждения в третьих (пусть даже на локальном уровне, как это произошло в Закавказье), государство само

создает чрезвычайно тревожную “разницу давления”. Можно искать и находить в каждый момент равновесие, но крайне трудно одновременно двигаться в две противоположные стороны...

Политические итоги 1988 г. в Закавказье неутешительны. За этими итогами с очевидностью стоят неоправдавшиеся подходы, неверные оценки, малопродуктивные принципы принятия решений. Эти оценки, подходы и принципы уже показали свою несостоятельность, способствуя лишь дальнейшей эскалации конфликта. Чем скорее им на смену придет новое мышление в сфере внутренней национальной политики, тем будет лучше.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: НОВЫЕ МОДЕЛИ

“Совет Национальностей” или Национальный Совет?

Совет Национальностей в его нынешнем виде лишь освящает и закрепляет “категориальное неравноправие” народов. Очевидно, сама цель создания этой палаты Верховного Совета СССР соответствовала сталинским принципам превращения некоторых наиболее значительных, с точки зрения Сталина, народов в своего рода государственные институты, при фактическом игнорировании остальных этносов. В настоящее время в Совете Национальностей не имеют законного представительства свыше половины народов, населяющих нашу страну, — те народы, которые не имеют внутрифедеративного государственного статуса. Более того, неясна сама функция Совета Национальностей.

Хотя мы и высказали несколькими строками выше предположение о цели его создания, все же, признаться, влезть в душу создателей Конституции 1936 г. вряд ли возможно, как вряд ли возможно понять, какие еще функции мыслились у Совета Национальностей, кроме фиксации национально-территориальных образований. Может быть, Н.Бухарину, активному соавтору (а кто-то говорит и полноправному автору) Конституции 1936 г., могло казаться, что в процессе раздельного голосования по палатам Совет Национальностей “зарубит” или как минимум направит на второе чтение какой-либо закон, ущемляющий или недоучитывающий права или интересы народа именно в национальном аспекте. Однако за прошедшие годы подобные ситуации не встречались.

В конце концов, ясно, что Совет Национальностей в настоящем виде является неким декоративно-номенклатурным образованием. Декоративно он еще раз, теперь уже на уровне высшего законодательного органа, репрезентирует официально утвержденное панно “Дружба народов”. Что же касается номенклатурности — то до последнего времени депутатство в Верховном Совете СССР (разумеется, и в Верховных Советах союзных и автономных республик) несло три функции: во-первых, оно было неременным статусным знаком, приложением к высокой партийной, советской, государственной, хозяйственной, управленческой в широком смысле должности. Депутатство, вхождение в законодательный корпус было знаком принадлежности к высшей правящей когорте. Вторая функция — репрезентирующий народный характер власти (отсюда весомая доля представителей среднего и низшего звена хозяйственного организма). И, наконец, третья функция — наградная. Значок депутата ВС получали выдающиеся ученые, литераторы, художники, именно как награду — он ничем не отличался от ордена. Речь у нас идет о Совете Национальностей — зачем же мы завели речь о Верховном Совете вообще? А затем, что все это в равной мере относилось и к Совету Национальностей.

В настоящее время реформа избирательной системы положила конец и статусному, и репрезентативному, и наградному характеру депутатства. Но формирование Совета Национальностей, к сожалению, идет по старому пути — столько-то депутатов от союзной республики, столько-то от автономной, от области, от округа... Думается, что сохранение этого пережитка сталинской эпохи, каким является

Совет Национальностей, можно было бы оправдать приданием ему новых функций — например, права наложения вето или установления моратория, права требовать второй редакции закона, если этот закон или указ или мощный хозяйственный проект и т.п. нарушает или задевает интересы представленных в Совете Национальностей народов. Статьи, признанное незаконным требованием ВС ЭССР приостанавливать действие Закона СССР на своей территории или как минимум ратифицировать его приобрело бы большую законность, коль скоро этот процесс шел бы в рамках Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Возможно, более адекватным было бы голосовать в Совете Национальностей не всем составом палаты, а по национальным депутатам. Возможно вето или мораторий, исходящий из Совета Национальностей, следует сделать прямым, т.е. накладываемым непосредственно национальной депутацией, а возможно — двуступенчатым, предварительно обсуждаемым по предложению депутации внутри Совета и, в случае положительного исхода голосования, исходящим уже от палаты в целом.

Возможно, подобные преобразования, если они со временем будут осуществлены, сделают Совет Национальностей более динамичной структурой, в большей степени отвечающей своему назначению, закрепленному в названии, но главное будет сохранено — фактическое неравноправие народов, закрепленное в их пропорционально-категориальном представительстве.

Модель

В качестве альтернативы Совету Национальностей, на наш взгляд, может быть рассмотрена возможность создания Национального Совета СССР. В таком Совете должны быть представлены все этносы, проживающие на территории СССР, включая народы, имеющие государственные образования вне границ нашей страны (болгары, греки, дари-афганцы, китайцы, корейцы, немцы, поляки и т.д.). Есть основания предполагать, что сам по себе учет проживающих в СССР народов принесет немало неожиданностей и заставит принимать решения по многим спорным вопросам — например, считать ли полещуков и туровчан особыми этносами или приписывать к белорусам? Красивый термин “субэтническая группа” в данном случае ничего не дает — “хоть горшком назови, только в печь не ставь”; итак, включать ли эти новые группы в общий список народов СССР? Внешне сходный, хоть и обусловленный иными процессами вопрос возникает с греками. В стране проживает четыре группы греков: А. Причерноморские греки, живущие здесь чуть ли не со времен Великой колонизации VII в. до н.э., говорящие на своеобразном диалекте и сохраняющие специфические бытовые традиции (естественно, в эту большую группу входит масса подразделений — греки ростовские, таганрогские, кавказские и т.п.). Б. Натурализовавшиеся греки, диспергированные практически по всей территории страны. В. Греки-эмигранты, живущие в Узбекистане после поражения партизанской армии ЭЛАС, наиболее тесно связанные с исторической родиной, говорящие на современном греческом языке, до недавнего времени издававшие греческую газету. Г. Тюркоязычные греки — урумы.

Как бы то ни было, предполагаемый список народов СССР будет заведомо обширнее, чем полученный в результате переписи, включая в себя традиционно не учитываемые малые народы (те, о которых существует устойчивое мнение, что они ассимилировались), а также, возможно, и вышеуказанные “субэтносы”.

В этой связи возможны своеобразные интраэтнические конфликты — подобный конфликт существует внутри еврейского этноса. С одной стороны, есть требования переписи различать собственно евреев, бухарских, грузинских, горских евреев и крымчаков как самостоятельные этносы, не объединяя их общим понятием “еврей” (“Известия”, № 11, 1989). С другой стороны, активисты еврейского культурного движения высказывают озабоченность центробежными силами, отрывающими крымчаков и горских евреев от еврейского народа.

Существует внутри еврейского этноса и конфликт другого рода — противно-

поставление еврейских, если можно так выразиться, фундаменталистов, приверженцев сохранения традиционной культуры и возрождения иврита, так называемой "идишистской" культуры. Нынешнее еврейское культурное движение считает "идишистов" всего лишь рекламным фасадом советского еврейства.

Здесь встает вопрос о лидерстве, о праве главенствовать. Таким образом, вполне реален прогноз, что и среди греков может возникнуть такая проблема — кто должен возглавить советское эллинизство — черноморцы, живущие здесь чуть ли не третье тысячелетие, но утратившие связи с Грецией, или же новоприбывшие эмигранты, во всеоружии современной греческой культуры, но зато с корнями, оставленными за границей. Не говоря уже о потерявших все, кроме непривычных для русского слуха фамилий диспергированных греках, или об урумах. Вот вам уже целая иерархия трех культурных категорий... Беда!

Беда потому, что срабатывает закон изоморфизма или, проще говоря, закон матрешек. Как всевластие центра вызывает всевластие местных руководителей, так же и неравноправие народов внутри страны отражается в виде попыток создать сходные иерархические структуры уже внутри этноса, по субэтническим, географическим, историческим и т.п. признакам.

Тем более необходимы меры, устраняющие это неравноправие, гарантирующие каждому этносу равный голос в решении и его проблем, и проблем страны в целом, которая и есть общий дом всех наших народов.

Национальный Совет СССР мыслится как собрание равного количества представителей от каждого этноса. Думаю, что таких представителей должно быть по одному — и от русских, и от юкагиров, и от эстонцев, и от цыган.

Да не воспримутся эти предложения со скептической улыбкой, но общесоюзный Национальный Совет должен стать в самом высоком смысле священным органом, представляющим и освящающим истинное единство и равноправие народов, представленное в виде единства и равноправия известных всей стране личностей, а не деперсонифицированных "представителей делегаций".

Мы думаем, что выборы в Национальный Совет СССР не представляют таких уж больших трудностей, как это может показаться на первый взгляд (подумать только, выбрать одного-единственного представителя из всего русского — или украинского — народа). Понятно, что таким представителем должен быть человек, обладающий в глазах своего народа высочайшим нравственным авторитетом, являющийся образцом духовного подвижничества во имя развития родной культуры, литературы, языка. Хочется верить, что вся мыслящая Россия (о, как приятно повторять эти слова!) не ошибется, указав на такого человека, то же сделает вся мыслящая Украина, Белоруссия, Казахстан (имеется в виду не республика в целом, а казахи!) и все другие народы найдут подвижников духовной культуры, достойных представлять свой народ в союзном Национальном Совете.

В конце концов возможен и список критериев, предъявляемых к депутату Национального Совета: это многолетний труд на ниве родной культуры, работа по сохранению традиций, причем приверженность родной культуре должна быть выражена в виде конкретной просветительской деятельности. В эти критерии должна, разумеется, входить популярность, но соединенная с безупречной политической репутацией.

Еще два момента, которые, как кажется, должны характеризовать этот пока гипотетический Национальный Совет: преимущественно гуманитарная направленность представителей (от академиков-историков до школьных учителей) и свобода от высоких должностей, что в известной мере гарантирует свободу от ведомственного давления.

Вот примерный перечень функций Национального Совета (из которого станет понятен преимущественно гуманитарный и независимый его состав). Прежде всего Национальный Совет призван осуществлять деятельность в области культуры, причем в двуедином смысле: сохранять и развивать культуру (вернее — культуры) народов СССР, а также строить культуру межнациональных отношений, а в критические моменты межэтнического напряжения играть роль органа доверия,

где в открытой благожелательной дискуссии могут если не решаться, то хотя бы смягчаться кризисные проявления. Следующий комплекс функций Национального Совета СССР состоит в высшем национальном контроле за политической, хозяйственной и иной деятельностью властно-распорядительных органов, в тех аспектах, где эта деятельность может нанести ущерб той или иной национальной культуре или самому принципу полиэтнизма, лежащему в основе многонационального Советского Союза. Разумеется, Национальный Совет должен иметь право законодательной инициативы, прежде всего касающейся вопросов национально-культурного строительства. Сейчас трудно рассуждать более подробно о процедурных моментах функционирования Национального Совета — например, вето или мораторий должны исходить от отдельного представителя заинтересованного этноса или от Совета в целом; вопросы должны решаться голосованием или общим согласием и т.п. Разумеется, в рамках функционирования такого Совета возникает опасность, первая из которых — фракционность: малые народы против больших, южные против северных, исламские против христианских и т.п. Есть несколько способов борьбы с такой фракционностью — запрет на фракции и совместные платформы, создание постоянно сменяемого президиума Совета, принимающего окончательное решение, и, наконец, уже упомянутый принцип общего согласия для принятия любого решения.

Но не хотелось бы начинать с запретов и контрольной деятельности. Национальный Совет должен воистину стать священным органом, хранителем вековой мудрости, нравственности, здравого смысла и доброй воли народов нашей страны.

Сложны пути демократизации в полиэтничном обществе, много еще моделей национальной гармонии придется проанализировать, а может, и перепробовать, но что делать — за нас этого никто не сделает...

Подобные же национальные советы должны существовать на всех остальных региональных уровнях, вплоть до поселкового совета. Потому что если в поселке живет хоть одна татарская, например, семья, то в поселковой библиотеке должна быть полочка книг на татарском языке — как минимум!

Итак, основным направлением работы предполагаемого Национального Совета должна стать культурная политика, и думается, что именно такой орган, аккумулирующий здравый смысл и добрую волю народов, сможет подойти к формированию такой политики решительно и вместе с тем мудро и взвешенно. Вряд ли хватит места в этой статье, чтобы перечислить все национально-культурные desiderata, все то, чего не хватает национальным культурам. Остановимся лишь на некоторых моментах. Выше (в разделе о советской специфике) мы указывали на различия в обеспечении учреждениями культуры в зависимости от государственного статуса того или иного этноса. Разумеется, здесь невозможна никакая уравниловка. Во всяком случае в настоящее время некоторые культурные программы (вроде дорогостоящих театров оперы и балета) вряд ли осуществимы в ряде национальных образований. Но наличие национальной библиотеки у любого, пусть даже диспергированного, народа — обязательно. Некоторые автономные республики вполне могут заняться кинопроизводством. Особое внимание следует обратить на театры народов, не имеющих автономных образований, а также на состояние теле- и радиовещания на языках народов СССР — думается, Национальный Совет смог бы выровнять положение в этой области, опираясь — еще раз повторю — на здравый смысл и добрую волю.

Особую заботу как союзного, так и местных национальных советов должно составлять школьное обучение. Уже сколько времени говорится, что в одной только Москве 300 000 евреев, 250 000 татар, десятки тысяч представителей других национальностей нашей страны и давно пора открыть национальные школы — разумеется, речь не идет о какой-нибудь исключительно, например, польской школе, где все предметы, от физики до физкультуры, велись бы исключительно на польском языке. Речь поначалу идет только об уроках языка, литературы и истории — это уже немало. В других случаях достаточно будет кружка по изучению родного языка, факультативных курсов и т.п. Говорят, существует опасение, что

национальные школы послужат фактором сегрегирования народов. Напрасные опасения! Во все века и во всех странах введение национальных школ снижало межэтническую напряженность. Думается, все это останется лишь благими пожеланиями или потугами отдельных одиночек-энтузиастов, пока за дело не возьмется Национальный Совет (или подобный ему орган), наделенный политической властью.

И разумеется, в 90% национальных советов непременно в числе прочих будут заседать русский и еврей. Что ж, такова наша полиэтническая реальность, и, возможно, в процессе совместной выработки решений по национально-культурным вопросам мы избавимся от двух монстров, сильнее всего отравляющих этнополитическую атмосферу в нашей стране — от антисемитизма и русофобии.

Национальность

Национальность — это не только принадлежность к этносу. Национальность — это еще и социально-учетная группа. Грустно признать, но у нас эти две стороны одного понятия вступили в противоречие. Разные национальности имеют разную степень социальной приемлемости. Национальностью гордятся, национальности стыдятся. О своей национальности громко заявляют с порога, национальность тщательно скрывают, изобретают домодельные легенды о необычной фамилии, о причинах непривычной внешности. Родители мучительно решают, какую национальность записать в паспорт ребенку...

Как это ни парадоксально, в царской России вопрос "паспортной национальности" решался гораздо проще. Вернее, этого вопроса не было вовсе. И хотя Российская Империя была истинной тюрьмой народов, национальный гнет осуществлялся посредством вероисповедного, через признание православия господствующей религией, с предоставлением православным христианам всех возможных привилегий. Учитывая теснейшую в те годы связь национальности с вероисповеданием, справедливо будет сказать, что национальное угнетение в Российской Империи при всем его социальном содержании облекалось в религиозную (конфессиональную) форму. Но при этом нельзя не заметить, что вероисповедный принцип является достаточно удобным механизмом взаимоотношений личности (естественно, обладающей национальной идентификацией) и государства (продвоящего известную этой личности национально-конфессиональную политику).

Таким образом, в царской России знаком социальных потенций личности, помимо сословия, служило вероисповедание, а национальность оставалась своего рода частным делом личности. У нас же получилось наоборот — сословия были законодательно уничтожены, государство взяло курс на установление социальной однородности общества, церковь столь же законодательно была отделена от государства, и вероисповедание стало частным делом человека. Но на место российско-имперского "вероисповедания" выплыл наш "пятый пункт".

В царской России отношения национальности и государства опосредовались вероисповеданием, сейчас такого опосредующего звена нет, и это, надо полагать, не лучшая ситуация для общества, в силу своей полиэтничности насыщенного национальными предрассудками.

В царской России православное вероисповедание служило визитной карточкой лояльности. Евреем считался тот, кто исповедовал иудейскую веру, — и здесь существовал несколько неожиданный аспект свободы совести, совместного выбора: иудей мог выкреститься, приобретя тем самым все права православного или, например, лютеранина. И хотя существовало, разумеется, множество нюансов, позволявших в Российской Империи осуществлять национальный гнет и в отношении "бывших иноверцев", тем не менее сам факт пусть формального, но разделения национальности и государства заслуживает внимания.

Принятое в СССР правило свободного выбора национальности отца или матери в условиях смешанных браков привело к состоянию некоторой этнической неоп-

ределенности. Национальность стала восприниматься не как дар судьбы, способный идентифицировать личность с языком, культурными ценностями, образом жизни своего этноса, — нет, при господстве дифференциально ориентированной этничности национальность стала восприниматься как способ выживания. В условиях свободного выбора обычно предпочиталась наиболее социально приемлемая национальность. Но именно эта свобода выбора и предопределила появление в различных документах пункта о национальности отца и матери, чем и обусловила более или менее скрытую дискриминацию “полукровок”.

Почти нормой стали анекдотично звучащие родословные, где русская кровь, передается от поколения к поколению во все более гомеопатических дозах, достаточных лишь для паспортного определения национальности “русский”. Впрочем, еще более острая ситуация была и в русской императорской фамилии. Царь был русский только в смысле — Российский государь, а о национальности его, вроде бы, и не спрашивали.

В результате подобного паспортного перехода из национального меньшинства в национальное большинство происходит дальнейшее уменьшение меньшинства — раз. Как бы то ни было, но этнокультурно размывается большинство — два. Данная конкретная личность теряет этническую определенность — три. Да простится нам игра словами, здесь происходит нарушение этноэтики, возникает этническое двоемыслие, паспортное подполье. И здесь возникает четвертое отрицательное последствие. Представители национального большинства не всякий раз бывают в восторге от подобных “вторжений инородцев”. Возникает нечто сходное с охотой на ведьм — “охота на бабушек”, отделение чистых от нечистых, Иванова настоящего от “Иванова по матери”. Ходят слухи, что некоторые самодельные и неформальные организации контролируют национальность своих сочленов до седьмого колена. Остается утешаться тем, что средний советский человек располагает отрывочными сведениями о своем прадедушке, но никак не далее в глубь веков...

Модель

Трудно в данном случае предлагать единственно возможный, всех равно устраивающий выход из национально-паспортного тупика. Ясно, что возвращение к вероисповедному принципу невозможно, несмотря на весь ренессанс в отношениях с церковью. Введение жестких “родословных” правил установления паспортной национальности (например, по отцу, и только) неприемлемо хотя бы потому, что ограничение свободы, принятой ранее, вызовет негативную общественную реакцию. Записывать национальность со слов, без подтверждения какими-либо документами? Но в конце концов то, что мы имеем сейчас по результатам, ничем не отличается от такой модели.

Мы полагаем, что наиболее резонным делом будет разработка принципа гражданского. Гражданство — вот механизм, опосредующий взаимоотношения личности и государства. Естественно, этот механизм существует и сейчас, и все права и обязанности личности суть права и обязанности гражданина. Но механизм гражданства должен быть единственным, и паспортная национальность не должна вмешиваться в его работу, иногда подмазывая шестерни, а иногда и подсыпая в них песок. Национальность должна стать частным делом гражданина, моментом его личностной автономии.

Национальность как частное дело гражданина заключает в себе два аспекта. Во-первых, это должна быть та область частной жизни, куда никто не имеет права вторгаться. Человек может считать себя принадлежащим к любой национальности — по отцу, матери, прабабушке, языку, по любым иным симпатиям, в которых никто не вправе требовать у него отчета. Наконец, он должен иметь право поставить, фигурально выражаясь, прочерк в графе “национальность”. Почему фигурально? А потому, что такой графы в принципе быть не должно нигде, кроме, может быть, переписного листа, где раз в 10 лет национальность записывается со слов респондента.

Но есть и второй аспект национальности как частного дела гражданина. Никто не вправе чинить препятствия гражданину СССР, а государство обязано создавать ему все необходимые условия для изучения любого языка народов СССР, обучения детей на любом языке, организации землячеств и клубов, создания национальных культурных ассоциаций, программ и единичных акций — издательских, телевизионных, кинематографических, театральных и т.п. Разумеется, необходима оговорка типа: "если эти организации, программы и акции не направлены на ущемление национальных интересов других народов или на проведение политики культурного гегемонизма". Но такая оговорка в предполагаемом законе может оказаться чистой формальностью в самом лучшем смысле слова, если только свобода национальной культурной деятельности будет на деле предоставлена всем народам.

Царь Федор Алексеевич в последний год своего краткого царствования совершил дело великой исторической важности — сжег "разрядные книги", тем самым уничтожив местничество, разделение боярства на степени родового старшинства, что тяжелой гирей висело на ногах набирающей ход российской государственности. Наверное, уничтожение местничества сыграло свою роль в подготовке почвы для петровских реформ. Мы полагаем, что провозглашение Гражданства СССР в качестве единственного звена, опосредующего отношения личности и государства, типологически было бы сопоставимо с тем историческим актом. Было бы уничтожено национальное местничество, тормозящее наше общество на пути демократизации и перестройки политической системы. Еще раз подчеркнем — предлагаемая модель вовсе не призывает к какой-то "отмене национальностей". Напротив, только в условиях единого гражданства будет достигнуто истинное равноправие всех народов, разовьются разнообразные формы собственно национальной активности, потому что национальность перестанет быть чем-то вроде козырного туза или позорного клейма, а превратится в плодотворную форму самореализации личности.

Может ли этнос стать референтной группой?

Очевидно, сможет, но для этого ему придется обрести ценностное единство и определенный формальный статус.

Подобные процессы сейчас происходят в Прибалтийских республиках — создание Народных фронтов, языковая консолидация, выражающаяся в принятии специальных законов¹, а также настоятельные требования республиканского суверенитета, республиканского гражданства и республиканской экономической самостоятельности (хозрасчета). Нельзя, разумеется, утверждать, что три последних требования являются по содержанию исключительно национальными, но все же национальный компонент в них весьма значителен.

Однако "нос вытащил, хвост увяз" — говорит пословица. Этническая консолидация, улучшая национальное самочувствие представителей одной национальной группы, вызывает далеко не однозначную реакцию соседей — и не только соседей непосредственных, но и тех, кто наблюдает развитие событий издали.

Зеркало

Русский интеллигент — или по крайней мере считающий себя таковым — весьма склонен к обостренному чувству вины и стыда. Особенно горек стыд, который испытывает русский интеллигент перед малыми народами, живущими

¹ Кстати, Эстония оказалась единственной из союзных республик, где за последнее время снизилось знание русского языка среди представителей коренной национальности. — Ср. "Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.". М., 1973, т. 4, с. 152 — 320; а также "Вестник статистики", 1980, № 7.

под гнетом его, русской, нации. Перед народами, подвергающимися неуклонной русификации, языковому и культурному давлению, напору иноязычных мигрантов и прочая, и прочая. И вот когда начались известные события в Эстонии, наш русский интеллигент занял яростную проэстонскую позицию (подчеркнем, что здесь мы пишем о реальных переживаниях конкретного человека). Он горячо убеждал всех в правоте даже самых крайних требований эстонцев, поскольку они столько от нас натерпелись, что даже их экстремизм понятен и извинителен. Больше того — когда разнеслись слухи, что эстонцы предлагают русским за определенный выкуп уехать из Эстонии, то наш русский интеллигент отнюдь не возмутился этой, по существу, прокламацией насилия. Наоборот, он, исполненный понимания проблем угнетенного народа, готов был обратиться с личным призывом к русскому населению Эстонии добровольно покинуть ее пределы, совершив тем самым реальный акт покаяния большого народа перед маленьким “за вся прегрешения, вольная и невольная”.

Но вот он, исполненный вышеозначенных чувств, приехал в Эстонию. И первое, что бросилось ему в глаза — вернее, в уши, — это изменение языковой полифонии на улицах вечно шумного, наводненного туристами Таллинна. Не стало слышно русской речи. Что ж, может быть, в прежние годы шумные голоса русских заглушали негромкую певучую речь эстонцев — но теперь группки его соотечественников просто помалкивали, чрезвычайно аккуратно шагая по улочкам замечательного города. Между собой они тихонько перешептывались, а когда приходила нужда обратиться, к примеру, к продавцу или просто к прохожему, то они вытаскивали из своей группы наиболее образованного, и тот на скверном английском языке задавал свой вопрос, а продавец (или просто прохожий) с чувством глубокого удовлетворения наблюдал за этой комедией.

Но все это ерунда, мелочи жизни и трудности становления! — думал интеллигент, хотя некоторый неприятный осадок у него в душе появился, чего уж скрывать. И это действительно было ерундой по сравнению с ужасным открытием, которое сделал наш путешественник. Он с каждым днем, с каждым часом, с каждым новым разговором чувствовал, что его здесь неправильно понимают. Его, приехавшего с открытой душой, полной дружбы, вины, стыда и покаяния, — его здесь воспринимают только лишь как русскоязычного чужака, и никому дела нет до его устыженной, кающейся совести. Русский язык был как кокарда оккупанта. Разговор был невозможен.

И он почувствовал, что его человеческая обида на непонимание столь сильна, что может заглушить все его прежние добрые чувства к маленькому народу, отстаивающему свои права.

И от этого ему, может быть, стало еще стыднее.

Собеседник

ЗАДАЧИ ХРИСТИАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

I

Глубокая внутренняя ложь, разедающая нашу жизнь [России]¹ и могущая погубить нас тою же гибелью, какой погибла Византия, состоит в следующем извращенном рассуждении, которое обманчиво пользуется верными посылками для установления совершенно фальшивого и безнравственного практического правила. "Россия обладает истинною формою христианства — православием, наиболее могущественного и неограниченного государственною властью, самодержавием и, наконец, своеобразным и превосходным национальным характером; вся наша задача состоит в том, чтобы сохранять, усиливать и распространять эти наши преимущества, поглощая или подавляя все инородные элементы — вероисповедные, исторические, национальные — в пределах нашей империи; в этом заключается истинная национальная политика, для торжества которой все позволено, всякие способы обмана и насилия, которые в других случаях вызывают негодование, становятся хорошими, когда служат *русскому делу*".

Это совершенно то же, как если бы кто-нибудь сказал: "Я обладаю истинною, сверх того пользуюсь необыкновенно крепкой организацией и к тому же у меня отличный характер. В виду таких несомненных преимуществ мне, конечно, позволительно то, что запрещено прочим смертным: для поддержания своего высокого достоинства я не стану стесняться с теми, кто мне мешает, я могу их бить, грабить, лишать свободы; такие поступки дурны, когда их совершают другие, но я-то ведь не чета другим, и все что я делаю с целью ограждения и утверждения своего превосходства, может быть только превосходным".

Всякий встречал людей с подобным образом мыслей. Они обыкновенно называются негодяями, иногда попадают на скамью подсудимых. Должна ли истинная национальная политика быть увеличенною в размерах политикою негодяев и преступников?

II

Та лженациональная политика, которая считает позволительным насилловать совесть и естественные права ни в чем неповинных людей

¹ В квадратных скобках даны слова, вычеркнутые Вл. Соловьевым. (Прим. М.С.)

во имя православия, самодержавия и народности, очевидно, берет эти принципы как какие-то внешние вещи, лишённые нравственной сущности и духовного смысла. Но в чем же тогда их содержание и значение? Не превращаются ли они в пустые слова для прикрытия дурных страстей и зверских инстинктов? Если я во имя своего высокого достоинства и превосходного характера начинаю хватать за горло и душить моих ближних, то не ясно ли я этим показываю, что мои предполагаемые преимущества суть только словесные претензии, а что на деле у меня характер самый скверный, соответственный моим действиям и достаточно их объясняющий, хотя нисколько не извиняющий. Если я утверждаю, что обладаю христианством в совершенной форме и вместе с тем систематически действую в прямом противоречии с духом Христовым, то яснее дня, что я никаким христианством не обладаю, а лишь кощунственно злоупотребляю его именем.

Православие как совершенная форма христианства не может быть только внешним состоянием, унаследованным или навязанным постороннею силою, оно есть духовное начало жизни, выражающееся необходимо и в соответственном нравственном образе действий. Где-нибудь в Седлецкой или Люблинской губернии мирно живут белорусские или червонорусские мужики. Они считают и заявляют себя христианами римско-католического вероисповедания. Собственно в религиозном отношении существенной разницы между ними и православными нет: и те и другие верят и поклоняются одному и Тому же².

Но вот являются вооруженные ревнители православия и так как разыскано, что прадеды этих католиков были униатами, т.е. в сущности тоже католиками, выводится изумительное заключение, что ныне эти люди должны быть православными. Некоторые из них, более счастливые, благочестивые и мужественные, не хотят в духовном деле подчиняться чужому произволу, их объявляют *упорствующими* (в чем? в верности нравственному долгу!) и после предварительных грубых насилий и истязаний разделяют семьи, как в худшую пору крепостного права, — мужа ссылают в один отдаленный край, жену — в другой, детей — в третий, причем [мешают всякой религиозной помощи, так как] у всех отнимается возможность исполнять религиозные обязанности, так как не хотят признавать их католиками, а они не могут признать себя "православными". Другие, менее сильные нравственно, под страхом этих административных кар наружно подчиняются, и их оставляют на месте как православных. Но в чем же, однако, состоит их православие, в чем их отличие от их "упорствующих земляков", как не в одной только слабости духа перед материальным насилием?

Образ действия, который приводит одних к мученичеству за духовную свободу, а других к невольному, лицемерному отступничеству, не имеет ничего общего с христианством. Итак, одно из двух: или православие не есть совершенная форма христианства, а нечто вполне ему чуждое, или мнимые ревнители православия, вгоняющие в него людей насильно, суть на самом деле его враги и изменники.

² В рукописи дан указатель сноски и оставлено место для нее, однако она отсутствует. (Прим. М. С.)

III

В формуле: православие, самодержавие, народность, — как она доселе понималась сторонниками нашей лженациональной политики, нету никакого внутреннего единства. Эти три начала находились между собою лишь в фактической случайной связи и сравнительное значение каждого из них определялось различно, смотря по личным взглядам и вкусам. Для одних самым важным представляется православие, оно одно только имеет принципиальное значение, а два прочие члена формулы признаются лишь в качестве исторических носителей истинного начала; так Хомяков и Самарин превозносят православие как единственную истину и святыню, утверждая, что самодержавная монархия благословляется только как предержавная власть, и что Церковь сама по себе безразлично относится ко всем формам правления и общественного устройства; а некоторые иные ревнители православия не придают исключительного значения русской народности, ценя ее только как самую могущественную опору восточной церкви.

С другой стороны, на первый план выдвигается наше государственное начало, единым на потребу признается самодержавие как постоянная крепкая власть и лучшее ручательство общего блага, православие же ценится главным образом за то, что оно отреклось от самостоятельной власти в пользу государства, а русский народ возвеличивается как создатель этого государства. Есть наконец сторонники третьего начала — народности, видящие в православии и в самодержавии только атрибуты русского народа, выражение народной веры и народной воли³.

Таким образом формула русского самосознания в обыкновенном ее понимании распадается, по крайней мере, на три различных точки зрения, приводящие и в теории и на практике к неразрешимым противоречиям. Но истина одна, и в нашей формуле, если только она выражает истину, ее три члена должны быть внутренне связаны воедино.

IV

Единство русского самосознания, разрываемого на части православниками⁴, государственниками, народниками, само собою восстанавливается если только в первом начале православия мы перестанем отделять форму от содержания, если мы будем твердо помнить, что православие может иметь значение как соответственная вера, учение христианства, если мы под православием в смысле практического принципа будем разуметь именно только истинное христианство и ничего более. Этим естественно определяется и характер нашей государственности и политики. Исходя из христианства как всеобщей истины, а не как местного интереса, мы можем единое самодержавие государственное понимать только

³ Говоря о народности, одни разумеют совокупность национальных особенностей, народный тип или характер, а другие имеют в виду значение народной массы, или ставят идеалом *народовластие*; у этих, естественно, является стремление демократизировать как государственный, так и церковный строй. — *Прим. автора.*

⁴ SIC!. — (*Прим. М.С.*)

как делегацию власти Христовой для [блага людей] воспитания народов к Царству Божию; это единодержавие, [ничем] не ограниченное [снизу], никакими внешними учреждениями, внутренне обусловлено высшим нравственным законом, исключающим всякий произвол и неправду и не допускающим никакой другой политики, кроме христианской. Христианская политика, впервые возведенная у нас Владимиром Св., есть та, которая *боится греха*, которая все отношения и дела — внешние и внутренние, вероисповедные и национальные, пенитенциарные и экономические — подчиняет безусловным нравственным требованиям, устроая все в духе Христовом — духе мира и свободы, правды и милости.

Если под православием должно разуметь истинное христианство, и под самодержавием христианское царство, то народность в смысле принципа может означать только светлую сторону народной души и характера — ту сторону, которая восприимчива к истине христианства и соответствует задачам христианской политики.

Пока мы не отрелись от христианства, мы не можем поклоняться ни церковности самой по себе, ни государству самому по себе, ни народности самой по себе — это было бы явным идолопоклонством. Безусловное значение могут иметь для нас только истинно христианская Церковь, истинно христианское государство, истинно христианская народность. В этом смысле наша троиственная формула становится триединым выражением одной и той же истины, лежащей на падение и восстание народов — истины страшной, о которую сокрушались великие царства. Никто не спасается помимо своей воли, и судьба России в наших руках. То, что нам было завещано на заре нашего (христианства) ...⁵.

Комментарий

Набросок статьи Вл. Соловьева, озаглавленной "Задачи христианского государства", является черновым автографом, который хранится в отделе рукописей и редких книг ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. (ф. 718, № 7).

Публикуемая статья представляет несомненный интерес для современного читателя. Несмотря на то что в задачу автора входило выяснение, что такое христианское государство и можно ли видеть воплощение такого государства в лице Российской Империи, тем не менее, этот вопрос не только отвлеченно-исторический, но имеет самое непосредственное значение для наших дней. Так как, испытывая ностальгию по прошлому, некоторые общественные круги пытаются создать очень идеальную картину дореволюционной жизни, где православие, самодержавие и народность были "тремя китами", на которых держалось русское государство.

Вл. Соловьев спускает нас на землю, он показывает реальные болезни и недостатки общественной жизни в дореволюционной России, указывая в то же время на подлинно христианский идеал, который не может быть подменен ничем из выше приведенной триады — "православия, самодержавия и народности", — потому что христианство выше,

⁵ Последующие листы рукописи отсутствуют. Дописано по догадке М.С.

идеальнее и универсальнее всего остального. И уж если кто-то как отдельная личность или как общество, а тем более государство объявляет себя христианским, то какую же ответственность при этом возлагает на себя. И вряд ли поэтому в христианском государстве могут быть преследования инакомыслящих и инославных, а иноверных можно считать людьми третьего сорта.

Увы, но реальность общественной жизни как в дореволюционном обществе, так и в нынешнем часто оказывается взаимосвязанной, и корни нетерпимости к инакомыслию, к представителям других мировоззрений и национальностей находятся в нашем далеком прошлом, и вряд ли за 70 лет наше подсознание окончательно избавилось от стереотипов прошлой жизни.

Поэтому сегодня, вступив во второе тысячелетие христианства на Руси, нам стоит вспомнить слова Вл. Соловьева, написанные 100 лет назад и посвященные 900-летию русского христианства. Его слова обличительно суровы, как слова древних пророков, независимо от того, нравятся ли они нам, вслушаемся в них: "...сильная и разумная Россия, призванная подтвердить крещение, полученное ею девять веков тому назад, добровольным отказом от дурного начала эгоизма и национального обособления и открытым признанием себя тем, чем она должна быть и что она есть в глубине души своей, — живой и нераздельной частью великого вселенского единства". — *Вл. Соловьев*. Владимир святой и христианское государство. М., 1913, с. 41.

Будучи глубоко верующим христианским мыслителем, Вл. Соловьев восставал против национального самодовольства, считая это типичным язычеством. От языческого пути самодовольства, коснения и смерти он отличает путь христианского самосознания, неизбежно ведущий к покаянию. Это нашло свое выражение в работе Вл. Соловьева "Идолы и идеалы" (Собр. соч., т. V, Национальный вопрос в России, выпуск II). Борясь против национализма и застоя в общественной жизни, как определяет публицистическую деятельность Вл. Соловьева его исследователь К.К. Арсеньев, Вл. Соловьев противопоставляет идолам национального обособления идеал любви, правды и всеобщей солидарности. Вл. Соловьев справедливо считал, что веротерпимость и религиозная свобода являются насущной потребностью для русского общества, столь же необходимой, как и освобождение крестьян. Поэтому он бичует лицемерные заявления, в которых свобода признается на словах и отрицается на деле. Он сравнивает свое общественное служение с монастырским послушанием: "Я за последнее время взял на свою долю добровольное послушание: выметать печатный сор и мусор, которым наши лжеправославные лжепатриоты стараются завалить в общественном сознании великий и насущный вопрос религиозной свободы".

Поэтому столь самоотверженно Вл. Соловьев защищает гонимых, кто бы они ни были — русские раскольники, евреи или униаты. И в этом его близость и единство со всеми великими умами России, представителями либеральной интеллигенции — Толстым, Чеховым, Короленко, Кони.

**Публикация и
комментарий священника
Марка Смирнова**

НРАВСТВЕННОСТЬ И ПОЛИТИКА. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЯЗАННОСТИ РОССИИ. 1883

Полное разделение между нравственностью и политикой составляет одно из господствующих заблуждений и зол нашего века. С точки зрения христианской и в пределах христианского мира эти две области — нравственная и политическая — хотя и не могут совпасть друг с другом, однако должны быть теснейшим образом между собою связаны.

Как нравственность христианская имеет в виду осуществление царства Божия внутри отдельного человека, так христианская политика должна готовить пришествие царства Божия для всего человечества как целого, состоящего из больших частей — народов, племен и государств.

Прошедшая и настоящая политика действующих в истории народов имеет очень мало общего с такою целью, а большею частью и прямо ей противоречит — это факт бесспорный. В политике христианских народов доселе царствуют безбожная вражда и раздор, о царстве Божиим здесь нет и помину. Для многих этого достаточно: так оно есть, значит, так тому и быть. Нельзя, однако, выдержать до конца такого преклонения перед фактом, ибо тогда пришлось бы преклоняться перед чумою и холерою, которые также суть факты. Все достоинство человека в том, что он сознательно борется с дурною действительностью ради лучшей цели. Господство болезни есть факт, но цель есть здоровье; и от этого дурного факта к лучшей цели есть переход и посредство, называемое медициною. И в общей жизни человечества царство зла и раздора есть факт, но цель есть царство Божие, и к этой-то цели посредствующий переход от дурной действительности называется христианскою политикою.

Согласно общераспространенному мнению, каждый народ должен иметь свою собственную политику, цель которой соблюдать исключительные интересы этого отдельного народа или государства. В последнее время все громче и громче раздаются у нас патриотические голоса, требующие, чтобы мы не отставали в этом от других народов и также руководились бы в политике исключительно своими национальными и государственными интересами, и всякое отступление от такой "политики интереса" объявляется или глупостью, или изменою. Быть может, в таком взгляде есть недоразумение, происходящее от неопределенности слова "интерес"; все дело в том, о каких именно интересах идет речь. Если полагать интерес народа, как это обыкновенно делают, в его богатстве и внешнем могуществе, то при всей важности этих интересов несомненно для нас, что они не должны составлять высшую и окончательную цель политики, ибо иначе ими можно будет оправдывать всякие злодеяния, как мы это и видим. Наши патриоты смело указывали на политиче-

ские злодеяния Англии, как на пример, достойный подражания. Пример в самом деле удачный: никто и на словах, и на деле не заботится так много, как англичане, о своих национальных и государственных интересах. Всем известно, как, ради этих интересов, богатые и властительные англичане морят голодом ирландцев, давят индусов, насильно отравляют опиумом китайцев, грабят Египет. Несомненно, все эти дела внушены заботой о национальных интересах. Глупости и измены тут нет, но бесчеловечия и бесстыдства много. Если бы возможен был только такой патриотизм, то и тогда не следовало бы нам подражать английской политике: лучше отказаться от патриотизма, чем от совести. Но такой альтернативы нет. Смеем думать, что истинный патриотизм согласен с христианскою совестью, что есть другая политика, кроме политики интереса, или, лучше сказать, что существуют иные интересы у христианского народа, не требующие и даже совсем не допускающие людоедства.

Что это международное людоедство есть нечто не похвальное, это чувствуется даже теми, которые им наиболее пользуются. Политика материального интереса редко выставляется в своем чистом виде. Даже англичане, самодовольно высасывая кровь из "низших рас" и считая себя в праве это делать просто потому, что это выгодно им, англичанам, нередко, однако, уверяют, что приносят этим великое благодеяние самим низшим расам, приобщая их к высшей цивилизации, что и справедливо до некоторой степени. Здесь, таким образом, грубое стремление к своей выгоде превращается в возвышенную мысль о своем культурном призвании. Этот идеальный мотив, еще весьма слабый у практичных англичан, во всей силе обнаруживается у "народа мыслителей". Германский идеализм и склонность к высшим обобщениям делают невозможным для немцев грубое эмпирическое людоедство английской политики. Если немцы поглотили вендов, пруссов и собираются поглотить поляков, то не потому, что это им выгодно, а потому, что это их "призвание" как высшей расы: германизируя низшие народности, возводить их к истинной культуре. Английская эксплуатация есть дело материальной выгоды; германизация есть духовное призвание. Англичанин является пред своими жертвами как пират; немец — как педагог, воспитывающий их для высшего образования. Философское превосходство немцев обнаруживается даже в их политическом людоедстве: они направляют свое поглощающее действие не на внешнее достояние народа только, но и на его внутреннюю сущность. Эмпирик-англичанин имеет дело с фактами; мыслитель-немец — с идеями: один грабит и давит народы, другой уничтожает в них самую народность.

Высокое достоинство германской культуры неоспоримо. Но все-таки принцип высшего культурного призвания есть принцип жестокий и неистинный. О жестокости его ясно говорят печальные тени народов, подвергнутых духовному рабству и утративших свои жизненные силы. А неистинность этого принципа, его внутренняя несостоятельность явно отличается его неспособностью к последовательному применению. Вследствие неопределенности того, что собственно есть высшая культура и в чем состоит культурная миссия, нет ни одного исторического народа, который не заявлял бы притязания на эту миссию и не считал бы себя в праве насилловать чужие народности во имя своего высшего призвания. Народом народов считают себя не одни немцы, но также евреи, французы, англичане, греки, итальянцы и т.д., и т.д. Но притязание одного

народа на привилегированное положение в человечестве исключает такое же притязание другого народа. Следовательно, или все эти притязания должны остаться пустым хвостовством, пригодным только как прикрытия для утеснения более слабых соседей, или же должна возникнуть борьба не на жизнь, а на смерть между великими народами из-за права культурного насилия. Но исход такой борьбы никак не докажет действительно высшего призвания победителя; ибо перевес военной силы не есть свидетельство культурного превосходства: такой перевес имели полчища Тамерлана и Батыя, и если бы когда-нибудь в будущем такой перевес выпал на долю китайцев, благодаря их многочисленности, то все-таки никто не преклонится пред культурным превосходством монгольской расы.

Идея культурного призвания может быть состоятельной и плодотворной только тогда, когда это призвание берется не как мнимая привилегия, а как действительная обязанность, не как господство, а как служение.

У каждого отдельного человека есть материальные интересы и интересы самолюбия, но есть также и обязанности или, что то же, нравственные интересы, и тот человек, который пренебрегает этими последними и действует только из-за выгоды или из самолюбия, заслуживает всякого осуждения. То же должно признать и относительно народов. Если даже смотреть на народ как только на сумму отдельных лиц, то и тогда в этой сумме не может исчезнуть нравственный элемент, присутствующий в слагаемых. Как общий интерес целого народа составляет равнодействующую всех частных интересов (а не простое повторение каждого в отдельности) и имеет отношение к подобным же коллективным интересам других народов, так же точно должно рассуждать и о народной нравственности. Расширение личного во всенародное нет основания ограничивать одною низшею стороною человека: если материальные интересы отдельных людей порождают общий народный интерес, то и нравственные интересы отдельных людей порождают общий нравственный интерес народа, относящийся уже не к отдельным единицам, а к народной совокупности, — у народа является нравственная обязанность относительно других народов и всего человечества. Видеть в этой общей обязанности метафору и вместе с тем стоять за общий национальный интерес как за что-то действительное — есть явное противоречие. Если народ — только отвлеченное понятие, то ведь отвлеченное понятие не может иметь не только обязанностей, но точно так же не может у него быть и никаких интересов, и никакого призвания. Но это явная ошибка. Во всяком случае, мы должны признать интерес народа как общую функцию частных деятелей, но такую же функцией является и народная обязанность. Есть у народа интерес, есть у него и совесть. И если эта совесть слабо обнаруживается в политике и мало сдерживает проявления национального эгоизма, то это есть явление ненормальное, болезненное, и всякий должен сознаться, что это нехорошо. Нехорошо международное людоедство в политике воззрений того африканского дикаря, который на вопрос о добре и зле отвечал: добро — это когда я отниму у соседей их стада и жен, а зло — когда у меня их отнимут. Такой взгляд господствует в международной политике; но он же в значительной мере управляет и внутренними отношениями: в пределах одного и того же народа сограждане повседневно эксплуатируют,

обманывают, а иногда убивают друг друга, однако же никто не заключает из этого, что так и должно быть; отчего же такое заключение получает силу в применении к высшей политике?

Есть и еще несообразность в теории национального эгоизма, губительная для этой теории. Раз признано и узаконено в политике господство своего интереса, только как своего, то совершенно невозможным становится указать пределы этого своего; патриот считает своим интерес своего народа в силу национальной солидарности, и это, конечно, гораздо лучше личного эгоизма, но здесь не видно, почему именно национальная солидарность должна быть сильнее солидарности всякой другой общественной группы, не совпадающей с пределами народности. Во время французской революции, например, для эмигрантов-легитимистов чужеземные правители и вельможи оказались гораздо больше своими, чем французские якобинцы; для немецкого социал-демократа парижский коммунары также более свой, нежели померанский помещик, и т.д., и т.д. Быть может, это очень дурно со стороны эмигрантов и социалистов, но на почве политического интереса решительно нельзя найти оснований для их осуждения.

Возводить свой интерес, свое самомнение в высший принцип для народа, как и для лица, значит, узаконять и увековечивать ту рознь и ту борьбу, которые раздирают человечество. Общий факт борьбы за существование, проходящий чрез всю природу, имеет место и в натуральном человечестве. Но весь исторический рост, все успехи человечества состоят в последовательном ограничении этого факта, в постепенном возведении человечества к высшему образцу правды и любви. Откровение этого образа, этого нового человека, явилось в живой действительности Христа. И не годится нам, воспринявшим нового человека, опять возвращаться к немощным и скудным стихиям мира, к упраздненному на кресте раздору между эллином и варваром, язычником и иудеем. Ставить выше всего исключительный интерес и значение своего народа требуют от нас во имя патриотизма. От такого патриотизма избавила нас кровь Христова, пролитая иудейскими патриотами во имя своего национального интереса! "А еще оставим Его тако, вси уверуют в Него: и придут римляне, и возьмут место и язык наш...уне есть нам, да един человек умрет за люди, а не весь язык погибнет". Умерщвленный патриотизмом одного народа, Христос воскрес для всех народов и заповедал ученикам своим: "Шедше научите вся языки".

Что же? Или христианство упраздняет национальность? Нет, оно сохраняет ее. Упраздняется не национальность, а национализм. Озлобленное преследование и умерщвление Христа было делом не народности еврейской, для которой Христос (по человечеству) был ее высшим расцветом, а это было дело узкого и слепого национализма таких патриотов, как Каиафа. И то, что было сказано выше о политике немцев и англичан, нисколько не служит к осуждению этих народностей. Мы различаем народность от национализма по плодам их. Плоды английской народности мы видим в Шекспире и Байроне, в Беркли и в Ньютоне; плоды же английского национализма суть всемирный грабеж, подвиги Уоррена Гастингса и лорда Сеймура, разрушение и убийство. Плоды великой германской народности суть Лессинг и Гёте, Кант и Шеллинг, а плод германского национализма — насильственное онемечение соседей от времен тевтонских рыцарей и до наших дней.

Народность или национальность есть положительная сила, и каждый народ по особому характеру своему назначен для особого служения. Различные народности суть различные органы в целом теле человечества, — для христианина это есть очевидная истина. Но если члены физического тела только в басне Менения Агриппы спорят между собою, то в народах — органах человечества, слагаемых не из одних стихийных, а также из сознательных и волевых элементов, — может возникнуть и возникает действительно противоположение себя целому, стремление выделиться и обособиться от него. В таком стремлении положительная сила народности превращается в отрицательное усилие национализма. Это есть народность, отвлеченная от своих живых сил, заостренная в сознательную исключительность и этим острием обращенная ко всему другому. Доведенный до крайнего напряжения, национализм губит впавший в него народ, делая его врагом человечества, которое всегда окажется сильнее отдельного народа. Христианство, упраздняя национализм, спасает народы, ибо сверхнародное не есть безнародное. И здесь имеет силу слово Божие: только тот, кто положит душу свою, сохранит ее, а кто бережет душу свою, тот потеряет ее. А народ, желающий во что бы то ни стало сохранить душу свою в замкнутом и исключительном национализме, потеряет ее, и только полагая всю душу свою в сверхнародное вселенское дело Христово, народ сохранит ее. Личное самоотвержение, победа над эгоизмом не есть уничтожение самого его, самой личности, а напротив, есть возведение этого его на высшую ступень бытия. Точно то же и относительно народа, отвергаясь исключительного национализма, он не только не теряет своей самостоятельной жизни, но тут только и получает свою настоящую жизненную задачу. Эта задача открывается ему не в рискованном преследовании низменных интересов, не в осуществлении мнимой и самозванной миссии, а в исполнении исторической обязанности, соединяющей его со всеми другими в общем вселенском деле. Возведенный на эту степень патриотизм является не противоречием, а полнотою личной нравственности. Лучшие стремления человеческой души, высшие веления христианской совести прилагаются тогда к вопросам и делам политическим, а не противоплагаются им. Не должно себя обманывать: бесчеловечие в международных и общественных отношениях, политика людоедства погубит, в конце концов, и личную, и семейную нравственность, что отчасти уже и видно во всем христианском мире. Человек все-таки есть существо логичное и не может долго выносить чудовищного раздвоения между правилами личной и политической деятельности. Поэтому, хотя бы для спасения личной нравственности, следует остерегаться возводить это раздвоение в принцип и требовать, чтобы человек, который к ближайшим своим относится похристиански, а относительно прочих сограждан сообразуется по крайней мере с юридическим законом, чтобы тот же человек, как представитель государственного и национального интереса, управлялся такими воззрениями, которые свойственны прирожденным разбойникам и африканским дикарям. Должно хотя бы сперва только в теории признать высшим руководящим началом всякой политики не интерес и не самознание, а нравственную обязанность.

Христианский принцип обязанности, или нравственного служения, есть единственно состоятельный, единственно определенный и единственно полный или совершенный принцип политической деятельности.

Единственно состоятельный — ибо, исходя из самопожертвования, он доводит его до конца; он требует, чтобы не только лицо жертвовало своею исключительностью в пользу народа, но и для целого народа, и для всего человечества разрывает всякую исключительность, призывая всех одинаково к делу всемирного спасения, которое по существу своему есть высшее и безусловное добро и следовательно представляет достаточное основание для всякого самопожертвования; тогда как на почве своего интереса решительно не видно, почему своим личным интересом должно жертвовать интересу своего народа, и точно так же совершенно не видно, почему я должен преклоняться пред коллективным самоумнением своих сограждан, когда мое личное самоумнение все считают лишь за слабость моего нравственного характера, а никак не за нормальный принцип деятельности. Далее, христианская идея обязанности есть единственно определенное начало в политике: ибо, с одной стороны, интерес, выгода сами по себе суть нечто совершенно безграничное и ненасытное, а с другой стороны — мнение о своем высшем и исключительном призвании еще не дает никакого положительного указания в каждом данном случае и в вопросе; обязанность же христианская всегда указывает нам, как должны мы поступать во всяком данном случае, и при том она требует от нас только того, что мы несомненно можем сделать, что находится в нашей власти, тогда как стремление к материальному интересу нисколько не ручается за возможность его достижения, да и мнение о нашем исключительном призвании манит обыкновенно на такие высоты, которых мы достигнуть не можем. Поэтому мы вправе утверждать, что мотивы выгодны и самоумнения суть мотивы фантастические, а принцип христианской обязанности есть нечто совершенно реальное и твердое. Наконец, это есть единственно полный принцип, заключающий в себе все положительное содержание других начал, которые в нем разрешаются. Тогда как выгода и самоумнение, в своей исключительности, утверждая соперничество и борьбу народов, не допускают в политике высшего начала нравственной обязанности, — это последнее начало вовсе не отрицает ни законных интересов, ни истинного призвания каждого народа, а, напротив, предполагает и то, и другое. Ибо если мы только признаем, что народ имеет нравственную обязанность, то, несомненно, с исполнением этой обязанности связаны и его настоящие интересы, и его настоящее призвание. Не требуется и того, чтобы народ пренебрегал своими материальными интересами и вовсе не думал о своем особом назначении; требуется только, чтобы он не в этом полагал душу свою, не это ставил последнею целью, не этому служил. А затем в подчинении высшим соображениям христианской обязанности, и материальное достояние и самосознание народного духа сами становятся силами положительными, действительными средствами и орудиями нравственной цели, потому что тогда приобретения этого народа действительно идут на пользу всем другим, и его величие действительно возвеличивает все человечество. Таким образом, принцип нравственной обязанности в политике, обнимая собою два другие, есть самый полный, как он же есть и самый определенный и внутренне состоятельный. А для людей нашей веры напомним, что этот принцип есть единственно христианский.

Политика интереса, стремление к своему обогащению и усилению свойственно натуральному человеку — это есть дело языческое, и ста-

новясь на эту почву, христианские народы возвращаются в язычество. Утверждение своей исключительной миссии, обоготворение своей народности есть точка зрения древнеиудейская, и, принимая эту точку зрения, христианские народы впадают в ветхозаветное иудейство.

Давить и поглощать других для собственного насыщения есть дело одного животного инстинкта, дело бесчеловечное и безбожное как для отдельного лица, так и для целого народа. Величаться своим высшим призванием, присваивать себе пред другими особые права и преимущества есть дело гордости и самоутверждения для народа, как и для лица, — дело человеческое, но также нехристианское. Исповедать свой долг, признать свою обязанность есть христианское дело смирения и самопознания, необходимое начало и нравственного подвига и истинной богочеловеческой жизни для народа так же, как и для лица. Здесь все дело решается не своим мнением, а совестью, одинаковой для всех, и потому здесь не может быть самозванцев. Не может здесь быть и лжепророков, ибо проповедь обязанности не предполагает ничего рокового, никакого предопределения: указывать народу его обязанности еще не значит предсказывать его будущую судьбу. Народ, как и отдельное лицо, может исполнить, но может и не исполнить свою обязанность; но и в этом последнем случае обязанность все-таки остается, и указывавший ее не обличается во лжи.

В теперешнем существовании человечества невозможно еще и для народа, и для лица, чтобы всякое удовлетворение материальных нужд и требований самозащиты прямо вытекало из велений нравственного долга. И для народа существуют дела текущей минуты, злоба исторического дня вне прямой связи с его высшими нравственными задачами. Об этой злобе дня мы и не призваны говорить. Но есть великие жизненные вопросы, в разрешении которых народ должен руководиться прежде всего голосом совести, отодвигая на второй план все другие соображения. В этих великих вопросах дело идет о спасении народной души, и тут каждый народ должен думать только о своем долге, не оглядываясь на другие народы, ничего от них не требуя и не ожидая. Не в нашей власти заставить других исполнять их обязанности, но исполнить свою мы можем и должны, и, исполняя ее, мы тем самым послужим и общему вселенскому делу; ибо это в общем деле в истории имеет свое особое служение. Можно сказать, что это служение навязывается народу его историей в виде великих жизненных вопросов, обойти которые он не может. Но он может власть в искушение разрешать эти вопросы не по совести, а по своекорыстным и самолюбивым расчетам. В этом величайшая опасность, предохранять от нея есть долг истинного патриотизма.

Наша история навязала нам три великие вопроса, решением которых мы можем или прославить имя Божие или приблизить Его царствие исполнением Его воли, или же погубить свою народную душу и замедлить дело Божие на земле. Эти вопросы суть: польский (или католический), восточный, или славянский, вопрос и еврейский. Эти три вопроса, в тесной связи между собою, суть лишь разные исторические формы великого спора между Востоком и Западом, которые проходят чрез всю жизнь человечества. К этим трем вопросам сводится вся наша политика, внешняя и внутренняя, не исключая и политического нигилизма с его периодическими злодеяниями, которые стоят в гораздо более близ-

ком отношении к внешней политике, нежели как это обыкновенно думают. С тем же великим спором Востока и Запада связан и другой наш глубокий внутренний недуг — церковный раскол.

Ближайшим образом наша историческая обязанность предстает нам в виде польского вопроса. История связала нас с братским по крови, но враждебным по духу народом, передовая часть которого ненавидит и проклинает нас. В ответ на эту ненависть и на эти проклятия Россия должна делать добро польскому народу. Кое-что ею и сделано. Русское действие в Польше не ограничивалось участием в трех разделах да подавлением двух вооруженных восстаний. В 1814 г. Россия сохранила Польшу от неизбежного онемечения. Если бы на Венском конгрессе полномочный тогда император Александр I думал более о русских, нежели о польских интересах и присоединил бы к России русскую Галицию, а коренную Польшу возвратил бы Пруссии, то теперь, вероятно, нам не было бы надобности много рассуждать о Польше и поляках. Если даже теперь польский элемент в Познани, хотя имеет у себя за спиной шести-миллионную массу наших поляков, избавленных от германизации, все-таки, несмотря на эту опору, не может устоять перед немцами и все более и более поглощается ими, — что же случилось бы, если бы прусские немцы были хозяевами в главной части Польши!

Далее, через полвека после Венского конгресса Россия эмансипацией крестьян освободила и Польшу от того ожесточенного антагонизма между панством и холопами, который в корне подрывал жизненные силы Польши и привел бы польскую народность к конечной гибели. Уже поднявшиеся холопы стали повторять и у нас недавнюю галицинскую резню и готовы были к поголовному истреблению панов, и только вмешательство русской власти остановило это истребление. Если бы оно совершилось, то польская народность, лишенная своего культурного класса, оказалась бы впоследствии совсем обезоруженной пред напором высшей германской культуры, с одной стороны, и влиянием русского элемента — с другой; тогда и пугало обрусения могло бы получить реальный смысл. Но если отсутствие сложившегося культурного класса пагубно для нации, то так же, и еще более пагубно исключительное господство этого класса над бесправным населением. Недаром популярная польская песня спрашивает панов, что у них было в голове, когда они погубили Польшу и себя с нею. Русская власть, спасая польскую шляхту от ярости поднявшихся холопов и вместе с тем давая этим последним гражданскую и экономическую свободу, обеспечила будущность настоящей, не панской только и не холопской, а польской Польши.

Наконец, несмотря на несправедливость и неразумие некоторых отдельных мер, русское управление доставило Польше, по свидетельству даже иностранных писателей, такое социально-экономическое благосостояние, какого она не могла достигнуть ни под прусским, ни под австрийским владычеством.

Итак, тело Польши сохранено и воспитано Россией. И если, тем не менее, польские патриоты скорее согласятся потонуть в Немецком море, нежели искренно примириться с Россией, то значит есть тут более глубокая, духовная причина вражды.

Польша является в Восточной Европе представительницей того духовного начала, которое легло в основу западной истории по духовному

своему существу, польская нация и с нею все католические славяне примыкают к западному миру. Дух сильнее крови; несмотря на кровную антипатию к немцам и кровную близость к русским, представители полонизма скорее согласятся на онемечение, чем на слияние с Россией. Западный европеец, даже протестант, ближе по духу поляку-католику, нежели православный русский. Являясь передовыми борцами западного начала, поляки видят в России враждебный их духовному существу Восток, силу чуждую и темную и при том имеющую притязание на будущность и потому несравненно более опасную, чем, например, турки и мусульманский Восток, совершивший свой круг и явно неспособный ни к какой исторической будущности. Вражда Польши к России является, таким образом, лишь выражением векового спора Запада и Востока, и польский вопрос есть лишь базис великого восточного вопроса. В этом последнем мусульманство играет хотя и весьма важную, но все-таки эпизодическую роль. Когда наша война против Турции превращается в борьбу против западных держав, когда между нами и Царьградом оказывается Вена, когда поляки-католики вступают в турецкие ряды против русского войска, православные сербы в Боснии соединяются с мусульманами против католической Австрии, то тут довольно ясно становится, что главный спор идет не между христианством и исламом, не между славянами и турками, а между европейским Западом, преимущественно католическим, и православною Россией. Ясно становится и значение Польши как авангарда католического Запада против России. За Польшей стоит апостолическое правительство Австрии, а за Австрией стоит Рим.

Как в средние века крестовые походы, начатые против ислама, скоро открыли свою настоящую цель, и западные крестоносцы, представив Иерусалим сарацинам, принялись за разгром Византии и за основание Латинской империи на Востоке, точно так же и в новые времена борьба католического Запада против победоносных турок, борьба, которую сначала с таким рвением вели Австрия и Польша, скоро превратилась в борьбу против России, как только Запад угадал в ней могущественную наследницу Восточной империи. Цель борьбы для западных держав теперь состоит уже не в том, чтобы изгнать турок из Европы, а в том, чтобы, не допустив Россию в Царьград, опять основать новую Латинскую империю на Балканском полуострове под знаменем Австрии, и для этой цели сами турки превращаются из врагов сначала в союзников, а потом в покорное орудие.

Итак, наш восточный вопрос есть спор первого, западного, Рима со вторым, восточным, Римом, политическое представительство которого еще в XV веке перешло к третьему Риму — России.

Не случайно, однако, второй Рим пал, и власть Востока перешла к третьему. Должен ли этот третий Рим быть только повторением Византии, чтобы пасть, как она, или же должен он быть не по числу только, но и по заключению третьим, т.е. представлять собою третье, примиряющее две враждебные силы, начало? Когда в Москве третьему Риму грозила опасность неверно понять свое призвание и явиться исключительно восточным царством во враждебном противополжении себя европейскому Западу. Провидение наложило на него тяжелую и грубую руку Петра Великого. Он беспощадно разбил твердую скорлупу исключительного национализма, замыкавшую в себе зерно русской самобыт-

ности, и смело бросил это зерно на почву всемирной европейской истории. Третий Рим передвинулся из Москвы к Западу, к международному морскому пути. Что реформа Петра Великого могла успешно совершиться и создать новую Россию, это одно уже показывает, что Россия не призвана быть только Востоком, что в великом споре Востока и Запада она не должна стоять на одной стороне, представлять одну из спорящих партий, — что она имеет в этом деле обязанность посредническую и примирительную, должна быть в высшем смысле третейским судью этого спора.

Но в преобразовании Петра Великого Россия имела дело только с внешним образом западной цивилизации, а потому и совершившееся в петербургской России примирение или соединение с Западом есть чисто внешнее и формальное; здесь можно видеть только подготовку путей и внешних способов для действительного примирения. А это примирение неизбежно предстоит для России: без него она не может послужить делу Божию на земле. Задача России есть задача христианская, и русская политика должна быть христианской политикой.

Действительное и внутреннее примирение с Западом состоит не в рабском подчинении западной форме, а в свободном соглашении с тем духовным началом, на котором зиждется жизнь западного мира.

С этой точки зрения в новом свете является и значение для нас Польши. В Польше мы имеем дело не с наружными формами западной цивилизации, которые уже приняты нами, так же как и поляками, а с самим духовным началом всей западной жизни и истории, и мы тем не менее можем обойти это начало, что оно воплощается для нас в виде близкой и тесно с нами связанной народности.

Внешнего примирения с Польшей у нас быть не может. Нельзя сойтись с поляками ни на социальной, ни на государственной почве. На социальной почве примирение, о котором так много говорили, невозможно уже потому, что остается неизвестным, с кем же собственно нам мириться, — ибо в социальном отношении сама Польша представляет непримиренное раздвоение между паннами и холопами, а давая руку этому последнему, должны опять придавить холопа, только что нами избавленного от векового рабства. На государственной почве соглашение с Польшей невозможно потому, что здесь нас встречают со стороны поляков только одни беспредельные и ни с чем не сообразные притязания. Восстановление Польши 1772 г., затем Польши 1667 г., польский Киев, польский Смоленск, польский Тамбов — все эти галлюцинации составляют, пожалуй, естественное патологическое явление, подобно тому как голодный человек, не имея куска хлеба, обыкновенно грезит о роскошных пиршествах. Но голодный, проснувшись, будет благодарен и за кусок хлеба; польские же патриоты удовлетворяются только Польшей своих грез. Может быть, за этими грезами скрывается и то реальное чувство, что самостоятельная Польша в строгих границах польской народности стала бы неизбежной жертвой Германской империи; но вытекают ли отсюда права Польши на Киев и Смоленск — это другой вопрос. Есть иная почва, на которую охотно станет лучшая часть польского народа и на которой мы можем и должны с ними сойтись, — это почва религиозная. И для самих поляков Польша не есть только национальная идея; в ней они находят великую религиозную идею и миссию. И против России поляк так ожесточенно враждует не в качестве поляка и славянина (ибо

тогда ему следовало бы более враждовать против немцев), но в качестве передового бойца великой идеи западного Рима враждует он против России, в которой видит представительницу противоположной идеи восточного Рима. И здесь дело России — показать, что она не есть только представительница Востока, что она есть действительно третий Рим, не исключаяющий первого, а примиряющий собою обоих.

Было славное время, когда на почве христианства под знаменем вселенской церкви оба Рима, и западный, и восточный, соединялись в одной общей задаче — в утверждении христианской истины. Тогда их особенности — особенности восточного и западного характера — не исключали, а восполняли друг друга. Это единство было непрочно, потому что не прошло еще чрез искус самопознания. Оно рушилось. Великий спор Востока и Запада, упраздненный в христианской идее, с еще большею силою возобновился в пределах исторического христианства. Но если разделение церквей было исторически необходимо, то еще более необходимо нравственно для христианства положить конец этому разделению. Христианская и православная страна, не принимавшая участия в начале братоубийственного спора, первая должна его покончить.

Начиная говорить об этом великом для примирения с римскою церковью, я не смею обращаться к совершенным христианам, для которых папа есть только антихрист, осужденный на злую гибель; не смею я говорить с людьми безгрешными и непорочными, которые могут только бросать камень в вавилонскую блудницу. Но я уверен, что в православной России найдется немало и таких людей, которые, в сознании собственных несовершенств и грехов и своего бесконечного удаления от христианского идеала, откроют источник справедливых и доброжелательных чувств даже к антихристу и к вавилонской блуднице. Может быть, даже эти люди найдут для римской церкви в Новом Завете более подходящий прообраз, нежели антихрист и вавилонская блудница. Вспомним, в самом деле, какими важными ошибками и грехами ознаменовал себя тот первоверховный апостол Христов, с именем которого сама римская церковь связывает всю свою силу. Вспомним и высокомерное заявление своего превосходства: "аще и вси соблазнятся, но не аз" — и ревность не по разуму в поднятии меча на защиту Христа, и внезапное малодушие в троекратном отречении от Христа. Вспомним вместе с тем, что тот же апостол, которого, за помышление о человеческом более, чем о Божьем, Христос назвал сатаной и соблазном, — он же за исповедание истинной веры в Сына Божия назван камнем и блаженным, а за пламенную любовь к учителю трижды услышал: "паси овцы мои". Сообразим мы еще и то, что для нас, православных, высшим и безусловно обязательным авторитетом в делах веры и церкви служат доселе семь вселенских соборов, которые все были до разделения церквей, а потому и дело о папстве не могло быть рассмотрено и решено никаким вселенским собором.

В силу всего этого мы воздерживаемся от самовольного осуждения Запада и постараемся расчистить мысленный путь, ведущий к сближению двух христианских миров.

ЕВРЕИ В РОССИИ. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ

...Но действительно ли евреи такие страшные и опасные обманщики или "эксплоататоры", какими их представляют? О евреях все в один голос говорят, что это "племя умное и способное", притом еврей по преимуществу реалист, он быстро схватывает во всяком вопросе самое существенное и любит деньги как средство, которым надеется купить и иначе покупает все, что нужно для его безопасности.

Ум малоросса приятный, но мечтательный, склонен более к поэтическому созерцанию и покою, характер этого народа мало подвижен, медлителен и не предприимчив. В лучшем смысле он выражается тонким, критическим юмором и степенною чинностью. В живом, торговом деле малоросс не может представить никакого сильного отпора энергической натуре еврея, а в ремеслах малоросс вовсе не искусен. О белорусе, как и о литвине, нечего и говорить. Следовательно, нет ничего естественнее, что среди таких людей еврей легко добывается высшего заработка и достигает высшего благосостояния.

Чтобы привести эти положения в большее равновесие, мы видим только одно действительное средство — разредить нынешнюю скученность еврейского населения в ограниченной черте его нынешней постоянной оседлости и бросить часть евреев к великороссам, которые евреев не боятся.

Но предлежит также вопрос: есть ли в действительности такой вред от еврейского обманничества даже при нынешней подневольной скученности евреев в сравнительно тесной черте? Это считается за несомненное, но, однако, есть формула, что на свете все сомнительно. Как судить о еврейском обманничестве: по экономической статистике или по впечатлениям на людей, более одаренных живым даром наблюдения, или, наконец, по сознанию самого простонародья?

Попробуем проследить это. Экономическая статистика сама по себе суха и мертва: по ней трудно сделать живой осмысленный вывод, общесторонне и верно выражающий действительность. Может случиться, что статистика покажет меньший процент нищенства в местности более производительной, но менее трудолюбивой и нравственной, и наоборот. Чтобы руководиться статистическими цифрами, надо обладать хорошим и притом очень многосторонним знанием всех условий быта страны. Иначе, например, если судить по количеству нищих, то наибольшее число их, как известно, падает на долю Москвы, Тулы, Орла и Курска и их губерний, находящихся совсем не в неблагоприятных условиях и притом закрытых для еврейской конкуренции. Кто размножил здесь нищих, присидящих всем святыням московским?

Конечно, не евреи.

В черте же еврейской оседлости нищенство христиан без всякого сравнения менее нищенства московского, где население образцово-живое, или орловского и курского, где общая слава помещает "житницу России". Самые реестровые нищие — промышленники Киево-Печерской лавры, — по преимуществу великорусского происхождения удалившиеся сюда по расчетам своего нищенского промысла.

Составитель этой записки имел немало поводов убедиться в том, сколь небезопасно полагаться на выводы статистики, особенно статистики, составленной теми способами, какими ведется это дело в России. Но и статистика дает показания не в пользу тех, кто думает, что, где живет и действует еврей, там местное христианское простонародье беднее. Напротив, результат получается совершенно противоположный. То же самое подтверждают и живые наблюдения, которые доступны каждому проехавшему хоть раз по России. Стоит только вспомнить деревни малороссийские и великорусские, черную, курную избу орловского или курского мужика и малороссийские хутора. Там опаленная застреха и голый серый взлобок вокруг черной и полуоткрытой избы — здесь цветущая сирень и вишня около белой хаты под густым покровом соломы, чисто уложенной в щетку. Крестьяне малорусские лучше одеты и лучше едят, чем великороссы. Лаптей в Малороссии не знают, а носят кожаные чоботы; плуг возят здесь двумя, тремя парами волов, а не одною клячкою, едва таскающею свои собственные ноги. И при этом, однако, еще малороссийский крестьянин гораздо ленивее великорусского и более его сибарит: он любит спать в просе, ему необходим клуб в корчме, он "не уважает" одну горилку, а "потягает сливняк и запекану, яку и пан пье", его девушка целую зиму изображает собою своего рода прядущую Омфалу, а он вздыхает у ее ног. Она прядет с комфортом не у скаредного дымящего светца, в который воткнута лучина, а у вымоканной жидом свечки, которую приносит девушке вежливый парубок и сам тут же сидит вечер у ног своей Омфалы. Это уже люди, которым доступны и нужны душевные нежности.

По совести говоря, не надо быть особенно зорким и особенно сильным в обобщениях и сравнениях, чтобы не видеть, что малороссийский крестьянин среднего достатка живет лучше, достаточнее и приятнее соответственного положения крестьянина в большинстве мест великой России.

Если сравним наихудшие места Белоруссии, Литвы и Жмуди с тощими пажитями неурожайных мест России или с ее полесьями, то снова и тут получим такой же самый вывод, что в России не лучше. А где действительность показала нам нечто лучшее, то это как раз там, где живет жид. Вреден он или не вреден, но он не помешал этому лучшему, даже несмотря на сравнительно меньшую заботу малороссийского народа о своем благосостоянии.

И так "лучше" живет не один крестьянин, а и другие обыватели. Известно, что здесь лучше живет и городской и местечковый мещанин, а малороссийское духовенство своим благосостоянием далеко превосходит великорусское. Малороссийский сельский священник никогда собственноручно не пашет, не сеет и не молотит и не унижается за грош перед суеверным простолудином. Он не позволяет катать себя по полю, чтобы репа кругла была, и не дает чесать своих волос, чтобы лен зародил

длинный. Малороссийский батюшка ездит не иначе как в бричке с кучером, да иногда еще на четверке.

Человек, имевший случаи наблюдать то, что нами здесь излагается, вероятно, не увидит в нашем описании никакой натяжки и согласится, что все лица, о которых мы упомянули, в Малороссии живут лучше, чем в великой России.

Кроме этих наблюдений, заслуживает внимания и простонародное суждение о вреде, какой приносит своими обманами жид своему христианскому соседу. Суждение это выражено простолюдинами в пословицах и поговорках, которые мы теперь имеем в пользующихся почтением науки "сборниках" Снегирева и Даля.

Народ обстоятельно изучил и категорически расположил, кто в какой мере восхождения именит в его глазах по совершенству в искусстве обманства. Пословица говорит: "мужик сер, но ум у него не чорт съел", а другая: "мужика обманет цыган, цыгана обманет жид; а жид обманет армянин; армянина обманет грек, а грека обманет только один чорт, да и то, если ему Бог попустит".

Жид по этому выводу наблюдательного народного ума только обманливее цыгана, а выше его стоят два несравненно более искусные артиста, — если не считать третьего, т.е. "чорта", так как этот проживает, где хочет, без прописки.

Чтобы заставить народ думать иначе, как он положил в своей пословице, надо его переуверить, что жид обманнее армянина и грека, а это невозможно.

К тому же в июне 1883 года газета "Русь" опубликовала такие сведения, что смешно и говорить о еврейской эксплуатации. Оказывается, что сами малороссы теперь уже боятся не евреев, а немцев, из коих "каждый тяжелее десяти евреев".

Если же еврей, как мы думаем, не может быть уличен в том, что он обессилил и обобрал дозволенный для его обитания край до той нищеты, которой не знают провинции, закрытые для еврея, то, стало быть, огульное обвинение всего еврейства в самом высшем обманщичестве может представляться сомнительным. А тогда факт "эксплуатации" может быть принимаем за непререкаемый только теми, кто не боится ошибок и несправедливости против своего ближнего. Принадлежать к этому разряду людей надо иметь большую отвагу и очень сговорчивую совесть.

Но если еврей совершенно безопасен в отношении религиозном (как совратитель) и, быть может, не более других опасен в отношении экономическом (как эксплуататор), то нет ли достаточных причин оберегать от него великорусское население в отношении нравственном? Не опасен ли он великороссам как растлитель добрых нравов, на коих зиждется самое высшее благосостояние страны?

Заботливое правительство, конечно, должно и об этом подумать. Оно поистине не превысит своих обязанностей, если попечется еще о том, что лучший русский драматург А. Н. Островский назвал "жестокими нравами нашего города". Правительство приобретет себе даже за это общую благодарность.

Посмотрим, какой вред для нравов сделал еврей в тех местах, где он живет; тогда видно станет, чем он способен угрожать в другом месте, куда просится.

Нравы в Малороссии и в Белороссии везде сравнительно много выше великорусских. Это общепризнанный факт, не опровергаемый никем и ничем, ни шаткими и сбивчивыми цифрами уголовной статистики, ни высокими и откровенным словом народной поэзии. Малороссийская звучная песня, как дар лесных дриад, чиста от выражения самых крайних помыслов полового схождения. Мало того, малороссийская песня гнушается бесстыжего срамословия, которым преизобилует народное песнетворчество в России. Малороссийская песня не видит достойного для себя предмета во всем, что не живет в области сердца, а приветает, так сказать, у одной "тесовой кровати", куда сразу манит и здесь вершит любовь песня великорусская. Поэзия, выражающая дух и культ народа в Малороссии, без сомнения, выше, и это отражается во все стороны в верхних и нижних слоях общества. Лермонтов, характеризуя образованную малороссиюнку, говорит: "От дерзкого взора в ней страсти не вспыхнут пожаром, полюбит не скоро, зато не разлюбит уж даром". И, нисходя отсюда разом к низжайшей степени женского падения, отмечает другой факт: нет примера, чтобы малороссийская женщина держала притон разврата. Профессия эта во всей черте еврейской оседлости принадлежит или немцам, или полякам, или же еврейкам, но в сем последнем случае преимущественно крещеным.

Стало быть, еврей не испортил женских нравов своих соседей иного племени. Идем далее. Говорят: "евреи распаивают народ". Обратимся к статистике, и получаем факт, который представляет дело так, что опять рождается сомнение: распаивает ли жид малороссов?

Оказывается, что в великорусских губерниях, где евреи не живут, число судимых за пьянство, равно как и число преступлений, совершенных в пьяном виде, постоянно гораздо более чем число таких же случаев в черте еврейской оседлости. То же самое представляют и цифры смертных случаев от опойства. Они в великороссийских губерниях чаще, чем за Днепром, Вилиею и Вислой. И так стало это не теперь, а точно так истари было.

Возьмем те времена, когда еще не было публицистов, а были только проповедники, и не было повода нарекать на жидов за растление русского народа пьянством. Развертываем дошедшие до нас творения св. Кирилла Туровского в XII веке и что же слышим: святой муж говорит уже увещательные слова против великого на Руси пьянства; обращаемся к другому русскому святому — опять тоже Кириллу (Белозерскому), и этот со слезами проповедует русским унять от "превеликого пьянства", и, к сожалению, слово высокого старца не имеет успеха. Святость его не одолевает хмельного загула, и Кирилл делает краткую, но ужасную отметку:

"Люди ся пропивают, и души гибнут".

Ужасно, но жид в том нимало не повинен. "История церкви" (митрополита Макария, проф. Голубинского и Знаменского), равно как и "История кабаков в России" (Прыжова) представляют длинный ряд свидетельств, как неустанно духовенство старалось остановить своим словом пьянство великорусского народа, но никогда в этом не успевало. Напротив, случались еще и такие беды, что сами гасильники загорались... "Стоглав" встретил уже надобность постановлять, чтобы "священнический и иноческий чин в корчмы не входили, не упивались и не лаляли". Так духовенство, обязанное учить народ словом и примером, само под-

пало общему обвинению в "пьянственном оскотении". Миряне жалуются на учителей, а учителя на народ — на "беззаконников от племени смердя". Об этом говорят живая речь народа, его песни, его сказки и присловья и, наконец, "Стоглав" и другие исторические материалы о лицах белого и черного духовенства, которые были извергаемы или отдаваемы под начало в монастыри. Пьяницы духовного чина прибывали в монастыри в столь большом количестве, что северные обитатели протестовали наконец против такого насыла и молили начальство избавить их от распойных попов и иноков, которые служат вредным примером для монахов, из числа коих им являлись усердные последователи и с ними вместе убегали. Явление — ужасное, но, к несчастью, слишком достоверно засвидетельствованное для того, чтобы в нем возможно было сомневаться. Во все это время жидов тут не было, и как св. Кирилл Белозерский, так и знатные иностранцы, посетившие Россию при Грозном и при Алексее Михайловиче, относили русское распойство прямо к вине народного невежества — к недостатку чистых вкусов и к плохому усвоению христианства, воспринятому только в одной внешности. Перенесение обвинения в народном распойстве на евреев принадлежит самому новейшему времени, когда русские, как бы в каком-то отчаянии, стали искать возможности возложить на кого-нибудь вину своей долгой исторической ошибки. Евреи оказались в этом случае удобными; на них уже возложено много обвинений; почему бы не возложить еще одного, нового? Это и сделали.

Почин в сочинении такого обвинения на евреев принадлежит русским кабатчикам — "целовальникам", а продолжение — тенденциозным газетчикам, которые ныне часто находятся в смешном и жалком противоречии сами с собою. Они путаются в своих усилиях сказать что-нибудь оригинальное и то представляют русское простонародье отменно умным и чистым и внушают, что оно-то именно будто и в силах дать наилучший тон русской жизни, то вдруг забывают свою роль апологетов и признают это же самое учительное простонародье бессильным противостоять жидовскому приглашению пропить у него в шинке за стойкою весь свой светлый ум и последние животы.

Блажен, кто может находить в этом смысл и логику, но справедливый и беспристрастный человек здесь видит только одно суетливое мечтание и пустое разглагольствие, которое дало один видный исторический результат: разграбление евреев. Результат этот, вовсе не желанный правительству, был, однако, приятен некоторым тенденциозным писателям, принявшим на свою часть если не поддерживать погромы, то по крайней мере извинять их с точки зрения какой-то народной Немезиды.

Из многих обвинений против евреев, однако, справедливо то, что евреи в черте своей оседлости во множестве промышляют шинкарством. Чтобы отвергать это, надо иметь тупость или недобросовестность некоторых пристрастных защитников еврейства. Гораздо важнее для дела — рассмотреть причины этой "склонности евреев" к шинкарству, без которой в России как будто не достало бы своих русских кабатчиков и было бы лучше.

Прежде всего стоит уяснить: какое соотношение представляет число евреев-шинкарей к общему числу евреев-ремесленников и промышленников, занимающихся иными делами. Вероятно, если посвятить этому

делу много труда, то можно было бы достичь очень любопытных результатов, которые показали бы, что шинкарей много менее, чем слесарей, пекарей и сапожников. Но труд этот будет очень велик, и мы не располагаем нужными для него материалами. К счастью, и здесь, как и в других случаях, простая беспристрастная наблюдательность дает полную возможность иметь о деле довольно ясные представления.

В любом местечке, где есть пять, шесть шинкарей, — все остальное еврейское население промышляет иными делами; и в этом смысле окольные жители из христиан находят в труде тех евреев значительные удобства не для пьянства. Евреи столярничают, кладут печи, штукатурят, малярят, портняжничают, сапожничают, держат мельницы, пекут булки, куют лошадей, ловят рыбу. О торговле нечего и говорить; враги еврейства утверждают, что "здесь вся торговля в их руках". И это тоже почти правда. Какое же отношение имеют все занятые такими разнообразными делами люди к кабатчикам? Наверно, не иное, как то отношение, какое представляют христиане-кабатчики города Мещовска или Черни к числу прочих обывателей этих городов. Если же в еврейских городках и местечках соотношение это будет даже и другое, т.е. если процент шинкарей здесь выйдет несколько более, то справедливость заставит при этом принять в расчет разность прав и подневольную скученность евреев, при которой иной и рад бы заняться чем иным, но не имеет к тому возможности, ибо в местности, ему дозволенной, есть только один постоянный запрос — на водку.

Христианин не знает этого стеснения; он живет, где хочет, и может легко избрать другое дело, но, однако, и он тоже кабацествует и в этом промысле являет ожесточенную алчность и бессердечие.

Художественная русская литература, до пригнетения ее газетною письменностию, относилась к жизни не только справедливее, но и чутче; и в ней мы встречаем типы таких кабатчиков, перед которыми бледнеет и меркнет вечно осторожный и слабосильный жидок. И это писали не только европейски известные люди из поместного дворянства, но и литераторы, вышедшие сами из русского простонародья (напр., Кольцов и Никитин). Им нельзя было не знать настоящее положение дел в русских селах, городах и пригородах, и что же мы встречаем в их известных произведениях? Русский кабатчик, "как паук", путает единовверного с ним православного христианина и опутывает его до того, что берет у него в залог свиту с плеч и сапоги с ног; топор из-за пояса и долото с рубанком; гуся в пере и барана в шкуре; сжатый сноп с воза и несжатый урожай на корню. Теперь говорят: "надо уважать мужика", но гр. А. Толстой, когда шло такое же учение, спрашивал: "уважать мужика, но какого?" —

Если он не пропьет урожаю,
Я тогда мужика уважаю.

Беда, по словам этого поэта, в том, что:

Русь... испилась, искралася,
Вся изворовалася.

И опять это сделалось без всякого соучастия жида, при одной помощи русских откупщиков и целовальников.

Поэты и прозаики, изображавшие картины русского распойства, не преувеличивали дела, а, напротив, художественная литература наша не выразила многого, ибо она гнушалась простонародности до Пушкина

(в поэзии), до Гоголя (в повествовании) и до Островского (в комедии). А потому вначале в литературе замечался недостаток внимания к сельскому быту, и она впала в ошибочный сентиментализм. Иначе художественная литература отметила бы сцены еще более возмутительные, как, напр., старинное пропойство жен и уступку их во временное пользование за вино и брагу, что, как явствует из дел, еще не совсем вывелось и поныне.

История в этом случае строже и справедливее. Несмотря на все русское небрежение к этой науке, она нам систематизировала страшные материалы для "Истории кабаков в России". Кто хочет знать правду для того, чтобы основательно судить, сколь сведущи некоторые нынешние газетные скорописцы, укоряющие евреев в распойстве русского народа, тот может найти в "Истории кабаков" драгоценные сведения. Там собраны обстоятельные указания: кто именно главным образом был заинтересован в этом распойстве, и кто тому служил, и чем радел ему, и на каком основании.

"Страсть к питве" на Руси была словно прирожденная: пьют крепко уже при Святославе и Ольге: при ней "седоша Древляне пити". Св. князь Владимир публично сознал, что "Руси есть веселие пити", и сам справлял тризны и братчины и почестные пиры. Христианство, которое принял св. Владимир, не изменило его отношения к пиршествам. "Постави князь Владимир церковь в Василеве и сотвори праздник велик, варя 300 провор меду". Некоторые ученые полагают, что этой склонности самого князя к "почестным пирам" Русь в значительной степени обязана тем, что она не сделалась магометанскою. При Тохтамыше "русские упивахуся до великого пьяна". Со временем эту страсть "к питве" захотели было уничтожить — так, при Иване III народу было запрещено употреблять напитки; при его преемнике кн. Василии — отгородили слободу "в наливках", где могли пить и гулять его "поплечники", т. е. сторонники и преданные слуги. Иван Грозный, взяв Казань, где был "ханский кабак", пожелал эксплуатировать русскую охоту к вину в целях государственного фиска, и в Московской Руси является "царев кабаком", а "вольных винщиков" начинают преследовать и "казнить". Новую государственную операцию наряжены были править особые "кабацкие головы", а к самой торговле "во царевом кабаке" приставлены были особые продавцы "крестные целовальнички", т. е. люди клятвою и крестным целованием обязанные не только "верно и мерно продавать вино во царевом кабаке", но и "продавать его довольно", т. е. они обязаны были выпродавать вина как можно больше. Они имели долг и присягу об этом стараться и действительно всячески старались заставлять людей пить, как сказано, "для сбора денег на государя и на веру". Такой же смысл, по существу, имели контракты откупщиков с правительством в 28 великороссийских губерниях в откупное время.

В должность целовальников люди шли не всегда охотно, но часто подневольно. Должность эта была не из приятных, особенно для человека честного и мирного характера. Она представляла опасность с двух сторон: где народ был "распойлив", там он был и "буйлив", — "чинился силен", и присяжных целовальников там бивали и даже совсем убивали, а государево вино выпивали бесплатно; в тех же местностях, где народ был "трезвен и обычаем смирен" или "вина за скудостью не пьют", — там целовальнику "не с кого было донять пропойных денег в государеву

казну". И когда народ к учетному сроку не распил все вино, какое было положено продать в "цареве кабаке", то крестный целовальник являлся за то в ответе. Он приносил повинную и представлял в свое оправдание, что ему досталось продавать вино "в негодном месте меж плохих питухов". Нередко целовальник рассказывал, что, "радея про государево добро, он тех плохих питухов на питье подсевал и подохочивал, а кои упорны явились, тех не щадя и боем неволил". Другие же чины в этом усердии крестному целовальнику помогали приучать народ к пьянству. В таких заботах, как видно из "Истории кабаков", дело не ограничивалось одним "боем", а иногда доходило и "до смертного убийства". И вот тогда, как отмечает Сильвестр в своем Домострое, "множество холопов" стали "пьянствовать с горя", и мужики, женки и девки, "у неволи плаков" (заплакав), начали "красти и лгати, и блясти и в корчме пити и всякое зло чинити".

Сначала народ и духовенство просили "снести царевы кабаки", потому что "подле государева кабака жить не мочно", но потом привыкли и перестали жаловаться.

Удивительно ли после этого, что люди, от природы склонные к пьянству, при таких порядках распились еще сильнее, а те, которым не хотелось пить, стали прилежать сему делу, "заневолю плаков", чтобы только избежать "смертного боя".

Евреи во всей этой печальнейшей истории деморализации в нашем отечестве не имели никакой роли, и распойство русского народа совершилось без малейшего еврейского участия, при одной нравственной неразборчивости и неумелости государственных лиц, которые не нашли в государстве лучших статей дохода, как заимствованный у татар кабак.

<...> Как только при императоре Александре II было дозволено евреям получать не одно медицинское образование в высших школах, а поступать и на другие факультеты университетов и в высшие специальные заведения — все евреи среднего достатка повели детей в русские гимназии. По выражению еврейских недоброжелателей, евреи даже "переполнили русские школы". Никакие примеры и капризы других на евреев не действовали: не только в чисто русских городах, но и в Риге, и в Варшаве, и в Калише евреи без малейших колебаний пошли учиться по-русски и, мало того, получали по русскому языку наилучшие отметки. Учебная реформа, последовавшая при управлении министерством народного просвещения графом Дм. Андр. Толстым, возбудила против себя неудовольствие значительной доли русского общества, но со стороны евреев и она не встретила никакого неудовольствия. Напротив, это не только не уменьшило, но даже еще усилило приток еврейского юношества в классические гимназии. Удостоверяясь из разъяснений обстоятельных людей, что классическая система есть совершеннейшая и высшая форма образования, евреи даже радовались, что дети их усвоят самое лучшее образование. Они видели в этом успокоительный залог, что такое образование уже не может остаться втуне. Верили в это несомненно, да и нельзя было не верить, ибо тогда в тех органах печати, которые считались особенно компетентными по учебным вопросам, прямо и неуклонно указывали, что стране нужны люди классически образованные и что таким людям по преимуществу желаютверить самые важные служебные должности. Евреи проходили факультеты

юридический, математический и историко-филологический, и везде они оказали успехи, иногда весьма выдающиеся. До сих пор можно видеть несколько евреев на государственной службе в высших учреждениях и достаточное число очень способных адвокатов и учителей. Никто из них себя и своего племени ничем из ряда вон унизительным не обеславил. Напротив, в числе судимых или достойных суда за хищение, составляющее, по выражению Св. Синода, болезнь нашего века, не находится ни одного служащего еврея. Есть у нас евреи и профессора, из коих иные крестились в христианство в довольно позднем возрасте, но всем своим духом и симпатиями принадлежавшие родному им и воспитавшему их еврейству, и эти тоже стоят нравственно не ниже людей христианской культуры...

Казалось бы, все это стоило доброго внимания со стороны русских, но вместо того евреи в образованных профессиях снова показались столь же или еще более опасными, как и в шинке! Повторяем — евреев не было в числе достопримечательных служебных хищников, — они не попадались в измене; откуда же к ним пришла эта напасть, извратившая все их расчеты на права образования? В так называемой образованной среде нашлись люди, которые в появлении евреев на службе увидели то самое, что орловские "кулаки" заметили на подвозных трактах к своим рынкам. Еврей учился прилежно, знал, что касалось его предмета, жил не сибаритски и, вникая во всякое дело, обнаруживал способность взять его в руки и "эксплуатировать", т.е. получить с него возможно большую долю нравственной или денежной пользы, которую всякое дело должно принести делателю и без которой, собственно, ничто не должно делаться в большом хозяйстве государства.

Эта способность "эксплуатировать" в мерте лежащие или уходящие из рук статьи подействовала самым неприятным образом на все, что неблагоприятно относится к конкуренции, и исторгла крик негодования из завистливой гортани. Слово "эксплоатация" заменило в новом времени слова времени николаевского: "изолированность" и "ассимиляция". То, чего желал император Николай, по мнению политиков нового времени, выходило вредно. Выходило, что никакой "ассимиляции" не надо, и пусть жид будет по-прежнему как можно более "изолирован", пусть он дохнет в определенной черте и даже, получив высшее образование, бьется в обидных ограничениях, которых чем более, тем лучше. Лучше — это, конечно, для одних людей, желающих как можно менее трудиться и жить барственно, не боясь, что за дело может взяться другой "эксплоататор".

<...> Упованием евреев действительно опять остается один Егова, — один Он, обещавший через Иеремию "не отвергнуть рода Израилева от всех".

Евреи не зовут отмщения Немезиды, они заодно с христианами верят, что "Бог поруган не бывает" (Гал. 6,7), а в том, что делалось в последние годы над еврейством, есть прямое поругание самых священных чувств, возжженных в сердце человека, "эллина же яку иудея". Во время разграбления евреев в Нежине и Балте было указано, что евреи в некоторых случаях "могли бы дать отпор, но не дали его", — русская газета заметила: "еще бы!", т.е. "еще бы" евреи посмели защищаться! — хотя, однако, защищать себя от нападающего насильника

дозволяется и не вменяется в преступление.

Но, может быть, если нельзя защищать себя от побоев, а свое имущество от разграбления, то можно защищать мать, жену или дочь, если их насилуют на глазах их отцов и мужей? Но оказывается, что — тоже нет! И в этом еврей не должен сметь восппротивиться силою произволу христиан, бесчестящих еврейскую женщину...

К стыду русской печати, был случай, что одна распространенная газета, воспроизводя доказанное известие об изнасиловании буйными вместе с полицейскими солдатами двух еврейских женщин и одной девушки, нашла даже цинические шутки для смягчения события и одобрила, что евреи выдержали и это...

Вести себя так, чтобы шутить по поводу таких злодейств, значит — ругаться сердцу человека.

Указываемый нами возмутительный цинизм не оставался без отражения в народной массе: буйная чернь производила последние свои бесчинства над евреями в Ростове в те самые дни, когда коленопреклоненная Москва перед лицом представителей всех европейских держав молилась Всевидящему о благополучии всех людей, над коими помазан царствовать наш нынешний император!..

И были ли это последние дни бесчинства?

Конец ли на этом?

Не будем напрасно и вопрошать о том, на что никто, надеемся, не может дать достоверного ответа, пока положение евреев стоит в нынешней неясности. Но тени на еврейском горизонте сгущаются: говорить о их деле с беспристрастием стало уже не только неудобно, но даже и небезопасно. Защиту евреев в "Московских Ведомостях" г. Каткова представляют нечистою со стороны бескорыстия этого журналиста; о Стасюлевиче прямо напечатано, что у него "жиды взяли пай", а третьему журналисту, Л. Полонскому, за слово в пользу евреев тоже печатно указано, будто он когда-то распространял польские прокламации.

Кто поручится, что завтра человек, имеющий не злое мнение о евреях, не будет таким же образом заподозреваем в секретном изговении фальшивых денег или динамита? Раздражение этим долго тянущимся вопросом дошло до того, что людям, несогласным с жидотрепателями, остается выбирать только между необходимостью умолкнуть или же подвергаться таким инсинуациям, которые само правительство может быть поставлено в необходимость не оставлять без последствий. Даже и автор этого труда стяжал уже себе за свои идеи укоризны. Он мог ожидать встретить деловые поправки и указания, но их не последовало, а явились только сомнения и намеки насчет его способности знать дела и уметь излагать свои мнения.

Автор очень благодарен этим господам за снисхождение, с которым они не бросают, по крайней мере, теней на его денежную честность и политическую благонадежность, и, пользуясь такими преимуществами, он позволил себе еще раз попытаться изложить, что ему известно о евреях, в надежде, что это не будет излишним для суждения об их деле.

Третья, вслед за сим идущая, часть этой записки представит бытовую действительность еврейской жизни, какова она есть, если ее рассматривать без предубеждения и с верною меркою.

<...> Точные определения высшей нравственности гораздо более трудны, чем указания, сделанные по заповедной линии и под нею. Героическое часто зависит от случая, а святое и доброе по природе своей всегда скромно и таится от похвал и шума.

Старая хроника Флавия и самая история осады Иерусалима Титом довольно свидетельствуют, что духу евреев не чужды героизм и отвага, доходившие до изумительного бесстрашия; но там евреи бились за свою государственную независимость. Ныне не в меру строгие суды еврейства часто требуют, чтобы евреи обнаруживали то же самое самоотвержение за интересы других стран, ими обитаемых, и притом без различия — относятся ли эти страны к своим еврейским подданным как матери или как мачехи, и иногда самые недобрые мачехи. Такое требование, разумеется, несправедливо, и оно никогда и никем не будет удовлетворяемо. Но все-таки евреи и в нынешнем своем положении не раз оказывали замечательную преданность государствам, которых они считают себя согражданами. Мы видели еврейских солдат в рядах французской армии в Крыму, и они вели себя там стойко и мужественно; при осаде Парижа прусскими войсками немало еврейских имен сделалось известными по преданности их патриотическому делу Франции, и литература и общество этой страны не только не отрицали заслуги евреев, но даже выставляли это на вид с удовольствием и с признательностью.

В Польше патриоты последнего восстания в своих заграничных органах долго не уставали хвалиться доблестным, с их точки зрения, поведением евреев в эту критическую пору для восставших. Поляки упоминали также и о больших еврейских приношениях деньгами и о личном их участии в рядах повстанцев. А там при дезорганизации сил требовалось много самоотвержения и всегда было мало шансов на победы.

Мы, разумеется, не станем говорить о похвальности этого участия с русской точки зрения, но констатируем этот факт только как доказательство, что еврей способен и к высшей патриотической жертве в соучастии с иноплеменными людьми, среди коих он живет. Надо только, чтобы он не был ими обидно отталкиваем.

Мы думаем, что не иным чем оказался бы еврей и в России на стороне патриотизма русского, если бы последний в своих крайних проявлениях не страдал иногда тою обидною нетерпимостью, которая, с одной стороны, оскорбительна для всякого иноплеменного подданного, а с другой — совершенно бесполезна и даже вредна в государстве.

До чего доходит подобная бестактность, видно из того, что когда недавно один из еврейских органов, выходящих в России, попробовал было представить ряд очерков, свидетельствующих о мужестве и верности долгу воинской чести русских солдат из евреев в русских войнах, то это встречено было насмешками.

Что можно было найти худого в том, что еврейская газета рассказывает что-то о евреях, которые на службе вели себя, как следует вести хорошему солдату? Дай Бог таких, а еврейской газете делает честь, что она напоминает евреям не худые, а хорошие примеры. Кажется, так? Но не тут-то было: воодушевительные примеры были русскою газетою осмеяны и оскорблены самым обидным подозрением.

Так людей не привлекают к себе и не исправляют их, а только отталкивают и портят их еще более.

Подобным же образом встречается насмешками и многое другое со

стороны тех евреев, которые льнут к русским с своим дружелюбием и готовы слиться с ними как можно плотнее во всем. Таких евреев очень много, и кто их не знает.

Если же и есть евреи, которые не любят России, то это понятно: трудно пламенить любовью к тем, кто тебя постоянно отталкивает. Трудно и служить такой стране, которая, призывая евреев к служению, уже вперед предрешает, что их служение бесполезно, а заслуги и самая смерть еврея на военном поле не стоят даже доброго слова. Не обидно ли, что когда русскому солдату напоминают поговорку, что "только плохой солдат не надеется быть генералом", то рядом с ним стоящему в строю солдату-еврею прибавляют: "а ты, брат, жид — до тебя это не касается..."

И затем после такого военного красноречия ведут рядом в огонь битвы обнадеженного русского и обезнадёженного еврея...

Не знаешь, чему более удивляться: этой бестактности или этой несправедливости, каких не позволяют себе люди нигде, кроме как в России.

По-настоящему все это не может вызвать ничего, кроме скрытой и затаенной, но непримиримой злобы... Однако подивимся: таких чувств нет у обиженных русских евреев. Пусть сегодня отнесется Россия к ним как мать, а не как мачеха, и они сегодня же готовы забыть все, что претерпели в своем тяжелом прошлом, и будут ей добрыми сынами.

Если считать за доблесть необязательные добровольные пожертвования на общественные дела воспитания и благотворения, то всем известно, что еврейские капиталисты в делах этого рода занимают в России не последнее место. Однако, по нашему мнению, гораздо большее значение имеет еврейская благотворительность в кругу самого же еврейства. В этом деле всего лучше можно сослаться на многочисленных врагов еврейства, которые всегда и неустанно повторяют одну песнь о том, как "жид жиду пропасть не дает" и "жид жида тянет".

Все это более или менее правда.

Почти невозможно указать другую национальность, где бы сочувствие своим было так велико и деятельно, как в еврействе. Враги евреев говорят: "у них это в крови, у них это в жилах". Да, это совершенно справедливо, и мы можем на этот счет не желать и не разыскивать никаких других свидетельств. Но как вражда способна ослеплять людей и часто заставляет их говорить нелепости, то то же самое случилось и тут.

Недоброжелательные люди ставят в упрек евреям, что их альтруизм ограничивается только средою людей их же племени и не распространяется в равной же мере на других. Один юдофобский орган в Германии недавно поставил казуистический пример: как бы поступил еврей, встретив на чужбине (в Лиссабоне) двух человек, нуждающихся в его помощи, из которых один был бы еврей, а другой не еврей, но только согражданин по государственному подданству. Причем нужды обоих этих евреев были таковы, что путешествующий еврей был в состоянии помочь только одному из них, а не обоим.

"Кого бы из них он выбрал?" — спрашивает юдофобский орган и тут же утвердительно решает, что еврей непременно предпочел бы помочь еврею же. Это с восторгом подхвачено известными русскими органами и

повторено на множество ладов как сильный аргумент против еврейского характера.

Странно слушать и самый этот пример, напоминающий детскую игру о перевозе в одной лодке волка, козы и капусты, но еще страннее внимать тем рацеям, которые разведены по этому поводу.

Во-первых, есть еврей и еврей, и в данном придуманном, частном случае справедливый ум не решился бы утвердительно высказать обобщающее заключение, как непременно поступит каждый еврей. Возможен, конечно, такой оборот, какой придумала фантазия немецкого публициста, — но еще более возможен и иной. Например, еврейский путешественник мог уделить свое пособие просто более достойному участия. Но если бы оба требующие помощи и в этом отношении были выравнены до безразличия, что возможно только в сказках, то еврейский путешественник (олицетворяющий в себе в данном случае все еврейское племя) не поступил бы предосудительно, если бы он отдал предпочтение именно еврею. По крайней мере, так и заставляет нас думать христианский авторитет апостола, указывавшего прежде заботиться "о присных по вере".

Так же надо судить с точки зрения русских патриотов, которые чем крайнее в своих воззрениях на народность, тем настойчивее требуют всяких предпочтений для одних русских. Да, они именно требуют не равноправия, а предпочтений. Такие претензии выражались и столь умными людьми, как покойный Ю. О. Самарин, и многими другими, не идущими с Самариним ни в какие сравнения. Все эти русские писатели требуют "предпочтений" русским за одно их русское происхождение, и никто их за это не осуждает. Но еврею предосудительно любить и жалеть еврея. Почему?.. Или христианский апостол не дело говорил, внушая людям заботиться "о своих" прежде, чем о чужевренных?

Говоря об этом, чувствуешь, как будто ведешь речь с людьми, не ведающими ни Писания, ни силы Божией, объединяющей людей единством веры, крови и языка.

Гневаться на это — все равно, что гневаться на Бога, перстом которого начертаны симпатии в сердцах человеческих.

Но отметим еще нечто иное.

Личному эгоизму одного человека противопоставляется альтруизм. Высшее и совершеннейшее представление альтруизма основательно указывают в учении христианском, повелевающем "любить ближнего, как самого себя". Высота, едва достигаемая, но иногда даже превосходящая меру положенной грани: "умереть за людей", как умер Христос, по-видимому, значит перейти эту грань, — значит любить тех, за кого умираешь, больше, чем самого себя. Однако ученые изыскатели христианства ставили точное обозначение, при котором любовь к ближнему не должна совсем забывать о себе: так, например, никто из любви к ближнему не должен принести в жертву своего человеческого достоинства. Никто не вправе унижить себя усвоением чужих пороков. Евреи это давно знали и кое-что делали, чтобы остерегать своих от многого, что, по их понятиям, нехорошо у иноплеменников. Евреи, например, трудолюбивы, бережливы, чужды мотовства, празднолюбия, лени и пьянства, между тем всеми признано, что эти пороки очень сильно распространены среди многих народов иного племени. Евреи почти повсеместно стараются устранять свои семейства от этого рода соблазнов. Пьянице приятнее,

чтобы с ним пили, игроку — чтобы с ним играли, блуднику — чтобы с ним шли к блуднице; но тешить таких людей податливостью не следует. Однако, к удивлению, такая-то именно осторожность вменяется евреям не в похвалу, а в порицание. Это самое и выставляют, как стимул общности и замкнутости еврейства. Из любви к народам, среди которых евреи живут, они должны усвоить все намеренные слабости их культурных привычек; но такое соревнование не оправдали бы ни христианская мораль, ни экономические выгоды самых народов, требующих такой к себе любви.

К такому альтруизму еврейство не стремится, как не стремилось ни к чему подобному христианство первых трех веков.

Но еврейство составляет немало личностей, склонных к высокому альтруизму, для осуществления идей которого известные лица еврейского происхождения жертвовали собою так же, как и христиане. Люди эти стремились и стремятся к своим целям различными путями, иногда законными, а иногда незаконными, что в последнее время стало очень часто и повсеместно. В первом роде нам известны евреи философы и гуманисты, прославившиеся как благородством своих идей, так и благообразием своей жизни, полной труда и лишений. Во втором, составляющем путь трагических, иногда даже бешеных порывов, ряды альтруистов еще не перечислены. Путь их чаще всего — путь ошибок, но ошибок, вытекающих не из эгоистических побуждений, а из стремлений горячего ума “доставить возможно большее счастье возможно большему числу людей”. Мы говорим теперь о евреях-социалистах. Деятельность их не оправдима с точки зрения разума, умудренного опытом, и преступна перед законами, но она истекает все-таки из побуждений альтруистических, а не эгоистических, и мы ее только в этом смысле и ставим на вид. Кто так поступает — тот не большой эгоист.

При этом еще надо добавить, что евреи сего последнего закала обрекают себя на верную гибель не ради своего еврейского племени, к которому они принадлежат по крови, а, как им думается, ради всего человечества, то есть в числе прочих и за людей тех стран, где не признавали и не хотят признать за евреями равных человеческих прав...

Больше этой жертвы трудно выдумать.

Комментарий

История этого текста, написанного популярнейшим русским классиком и, однако, до сей поры практически читателям неизвестного, выясняется из двух источников: из книги Андрея Лескова “Жизнь Николая Лескова” (М., 1984, т. II, с. 226—228) и из комментариев известного историка и архивиста Юлия Гессена. История такова. После того как на юге России в 1881—1882 гг. прошла волна погромов, царское правительство решило создать для рассмотрения причин происшедшего особую комиссию. Ее возглавил граф К. Пален. Вопрос стоял в следующей плоскости: являются ли погромы ответом “толпы” на эксплуатацию, которой якобы подвергали евреи окружающее население, и, соответственно, надо ли для устранения причины погромов пресечь экономическую деятельность евреев и отгородить их от прочего населения или надо решать еврейскую проблему на путях общего развития народной жизни, вовле-

кая евреев в общегражданский процесс. Таков был контекст.

Стремясь участвовать в работе комиссии Палена и влиять на ее решения, еврейская община Петербурга решила подготовить соответствующие материалы, заказав нескольким писателям, евреям и неевреям, тематические разработки. Лесков был избран в качестве автора по теме "быт и нравы евреев".

Выбор Лескова в качестве автора был неслучаен, хотя и не лишен пикантности: автор "Владычного суда", "Жидовской кувырколлегии" и "Ракушанского меламеда" считался в этом вопросе признанным экспертом, однако не избежал и обвинений в антисемитизме, довольно, впрочем, темных и смутных как по причине их абсурдности, так и потому, что подобные обвинения бывает унизительно опровергать.

В начале 1883 г. к Лескову явился с соответствующим предложением юрист П. Л. Розенберг. Лесков на его предложение согласился и засел за работу. К декабрю того же года он написал очерк "Еврей в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу" объемом около пяти листов. 21 декабря 1883 г. текст был цензурован и отпечатан брошюрой в количестве 50 экземпляров, предназначенных не для продажи, а исключительно для комиссии Палена. Автор указан не был.

На своем личном экземпляре Лесков сделал надпись: "Эту книгу, напечатанную с разрешения министра внутренних дел графа Дм. А. Толстого, написал я, Николай Лесков, а представил ее к печати некий Петр Львович Розенберг, который отмечен ее фиктивным автором". Экземпляр с этой надписью, переданный сыном писателя в архив, впоследствии пропал. Утрачены были практически и все 50 книжек тиража. Однако сведения о тексте проникли в печать: обсуждались и цитировались фрагменты из него в отчетах о работе комиссии. Узкий круг знал и секрет авторства: сохранилось письмо Н. Лескову от Владимира Соловьева, что тот прочел "Еврея в России" и что "по живости, полноте и силе аргументации" считает его лучшим по этому предмету трактатом, какой только знает. Однако сколько-нибудь широкому кругу читателей работа Н. Лескова осталась неизвестной: она не вошла не только ни в одно из прижизненных изданий его сочинений, но и в библиографические указатели его творчества. Русский писатель, выступивший в защиту евреев, остался при своей темной и смутной в этом отношении репутации. В России такое бывает.

Продолжилась эта история треть века спустя. В 1916 г. Юлий Гессен совершенно случайно наткнулся на черновик и беловик анонимной рукописи по еврейскому вопросу (что и привлекло его, так как Гессен был крупнейшим знатоком темы и инициатором "Еврейской энциклопедии"). Вчитавшись, он припомнил что-то близкое в отчетах комиссии Палена. Остальное было вопросом техники: сличив почерк, Гессен убедился, что у него в руках авторский оригинал лесковского очерка. В 1919 г. Гессен издал его в Петроградском государственном издательстве отдельной книжкой, тиражом в 60 тысяч экземпляров, с именем автора Н. С. Лескова на обложке и его портретом. Заголовок очерка в издании Гессена немного исказился: "Евреи в России". Вступительная статья Ю. Гессена увенчивалась справкой "от издательства", удостоверявшей, что "предлагаемая брошюра Н. С. Лескова печатается полностью, без всяких сокращений, несмотря на ее устарелость (написана 35 лет тому назад)".

Однако и это издание не сделало работу Лескова по-настоящему известной. Тираж в 60 тысяч быстро разошелся и исчез с поверхности. С тех пор очерк Лескова не переиздавался. Мои попытки включить фрагменты "Еврея в России" в однотомник публицистики Лескова, который я составлял и комментировал в 1987 г. для издательства "Советская Россия", успеха не имели. Мои попытки просветить на этот счет зарубежных славистов (например, американского профессора М. Фридберга) были встречены улыбками, потому что в США и Канаде работа Лескова издана и не составляет секрета. Таким образом, перед нами встает традиционная задача догнать Америку. Подробнее я эту историю изложил в журнале "Литературное обозрение" № 8 за 1988 г.

Для настоящего издания выбраны фрагменты, которые в наименьшей степени этнографичны и в наибольшей степени актуальны для наших размышлений о межнациональных отношениях. Это не значит, что в других отношениях брошюра Лескова устарела, — она отнюдь не устарела, хотя написана уже более ста лет назад. Но не все сразу. Даже и по выбранным фрагментам читатель может судить о том, какую позицию Лесков занимал в данном вопросе и как он умел защитить свою позицию в обстановке, не менее острой и сложной (я имею в виду национальные отношения), чем нынешняя.

Л. Аннинский

ХРИСТИАНСТВО И АНТИСЕМИТИЗМ

(Религиозная судьба еврейства)

I

Леон Блуа, страстный католик, писал: "Предположите, что окружающие Вас люди постоянно говорят с величайшим презрением о Вашем отце и матери и имеют по отношению к ним лишь унижающие ругательства и сарказмы, каковы были бы Ваши чувства? Но это именно происходит с Господом Иисусом Христом. Забывают или не хотят знать, что наш Бог, ставший человеком, еврей, еврей по преимуществу по природе, что мать его еврейка, цветок еврейской расы, что апостолы были евреями, так же как и все пророки, наконец, что наша священная литургия почерпнута из еврейских книг. Но тогда как выразить чудовищность оскорбления и кощунства, которое представляет собой унижение еврейской расы?" Слова эти обращены главным образом к христианам-антисемитам и должны быть ими услышаны. Поистине поразительно легкомыслие христиан, которые считают возможным быть антисемитами. Христианство по своим человеческим истокам есть религия еврейского типа, т.е. типа мессиански-пророческого. Еврейский народ внес мессиански-пророческий дух в мировое религиозное сознание, этот дух был совершенно чужд греко-римской духовной культуре, как и культура индусской. "Арийский" дух не мессианский и не пророческий, ему чуждо еврейское напряженное чувство истории, чуждо ожидание явления Мессии в истории, прорыва метаистории в историю. Должно быть признано явлением очень знаменательным, что германский антисемитизм превращается в антихристианство. На мир хлынула волна антисемитизма, которая грозит захлестнуть все новые и новые страны и которая опрокидывает гуманитарные теории XIX века. В Германии, Польше, Румынии, Венгрии антисемитизм торжествует. Но он нарастает даже во Франции, наиболее проникнутой гуманитарными идеями, где он потерпел поражение после дрейфусовского дела. Можно указать на такие тревожные симптомы, как появление книги Селина, которая есть настоящий призыв к погрому. Возрастает количество французов, которые не могут примириться с тем, что Леон Блюм еврей, хотя Леон Блюм один из самых честных, идеалистических и культурных политических деятелей Франции. Антисемитизм очень резко проявляется на поверхности политической жизни, о которой мы ежедневно читаем в газетах. Но еврейский вопрос не есть просто вопрос политический, экономический, правовой или культурный. Это вопрос несоизмеримо более глубокий, религиозный вопрос, затрагивающий судьбы человечества. Это ось, вокруг которой вращается религиозная история. Таинственна историческая судьба

ба евреев. Непостижимо самое сохранение этого народа и необъяснимо рационально. С точки зрения обыкновенных исторических объяснений еврейский народ должен был перестать существовать. Ни один народ мира не выдержал бы подобной исторической судьбы. Еврейский народ есть народ истории по преимуществу, он внес в историю человеческого сознания самую категорию исторического. И история была беспощадна к этому народу. Это была история гонений и отрицания элементарных человеческих прав. И после долгой истории, требовавшей страстного напряжения сил для самосохранения, народ этот сохранил свое единственное лицо, и по всему еврейскому рассеянию среди других народов лицо это все узнают и часто ненавидят и проклинают. Ни один народ в мире не пережил бы столь долгого рассеяния и, наверное, потерял бы свое лицо и растворился бы среди других народов. Но по неисповедимым путям Божиим народ этот должен сохраниться до конца времен. Менее всего, конечно, можно было бы объяснить историческую судьбу еврейства с точки зрения материалистического понимания истории. Мы тут прикасаемся к тайне истории.

Еврейский вопрос можно рассматривать с разных точек зрения. Но он имеет особенную важность как вопрос внутренне христианский. Антисемитизм в прошлом был создан главным образом христианами, для которых он наиболее невозможен. В отношении к еврейскому народу на христианах лежит великий грех. Грех этот особенно велик был в средние века, когда феодальные рыцари преследовали и уничтожали евреев, чтобы не платить им долгов. И теперь именно на христианах лежит долг защиты евреев. В Германии это уже происходит. Тут уместно вспомнить имя Вл. Соловьева, который считал защиту евреев с христианской точки зрения одной из важных задач своей жизни. Для нас, христиан, еврейский вопрос совсем не есть вопрос о том, хороши или плохи евреи, а есть вопрос о том, хороши или плохи мы, христиане. Со скорбью приходится сказать, что христиане в этом вопросе оказывались очень плохи, перед высотой христианского сознания они обыкновенно бывали много хуже евреев. Но вопрос о том, хорош ли я, много важнее вопроса о том, хорош ли мой сосед, которого я имею склонность в чем-то обвинять. Христианам и христианским церквям во многом приходится казаться не только в еврейском вопросе, но и в вопросе социальном, в вопросе о войне, в постоянном конформизме по отношению к самому отвратительному государственному строю. Не имеет никакого принципиального значения вопрос о недостатках евреев. Нет нужды отрицать эти недостатки, их много. Есть еврейское самомнение, которое раздражает. Но оно психологически объяснимо: этот народ был унижен другими народами и он себя компенсирует сознанием своей избранности и своей высокой миссии. Так и германский народ, униженный в течение ряда лет после войны, компенсирует себя тем сознанием, что он высшая раса и призван господствовать над миром. Так и пролетариат, самый униженный класс в капиталистическом обществе, компенсирует себя сознанием своего мессианского призвания быть освободителем человечества. Еврейский народ есть народ полярно противоположных свойств, в нем соединяются черты высокие с чертами низкими, жажда социальной справедливости со склонностью к наживе и к капиталистическому накоплению. По поляризованности своей природы русский народ имеет черты сходства с народом еврейским, и он походит на него своим мес-

сианским сознанием. Антисемиты очень любят говорить о том, что Библия свидетельствует о жестоковейности еврейского народа. Но какой народ не был жестоковейным? Не были ли жестоковейными вавилоняне, ассирийцы, египтяне, персы? Не имели ли отвратительных свойств греки, создавшие величайшую в мире культуру? О каждом народе нужно судить по его вершинам, а не по низинам. О немецком народе нужно судить по его великим философам, мистикам, музыкантам, поэтам, а не по прусским юнкерам и лавочникам. И о еврейском народе, народе религиозного призвания, нужно судить по пророкам и апостолам, а не по еврейским ростовщикам. Каждый волен иметь свои национальные симпатии и антипатии. Есть люди, которые не любят немцев, поляков или румын. Тут ничего поделаться нельзя: к любви нельзя принудить и трудно подавить безотчетную антипатию. Но ненависть к целому народу есть грех, есть человекоубийство, и ненавидящий должен нести ответственность. С отношением к евреям вопрос сложнее. Евреи не могут быть названы просто национальностью. Целый ряд признаков нации у еврейства отсутствует и есть признаки, которых у других наций нет. Евреи — народ особой, исключительной религиозной судьбы, избранный народ Божий, и этим определяется трагизм их исторической судьбы. Избранный народ Божий, из которого вышел Мессия и который отверг Мессию, не может иметь исторической судьбы, похожей на судьбу других народов. Этот народ скреплен и навеки объединен не теми свойствами, которые обыкновенно скрепляют и объединяют народы, а исключительностью своей религиозной судьбы. Христиане принуждены признать богоизбранность еврейского народа, этого требует христианское вероучение, они это делают неохотно и часто забывают об этом. Мы живем в эпоху звериного национализма, культа грубой силы, настоящего возврата к язычеству. Происходит процесс обратный христианизации и гуманизации человеческих обществ. Национализм должен был бы быть осужден христианской церковью как ересь, и католическая церковь недалеко от этого осуждения. Но евреи падают жертвой не только этого национализма. Причины антисемитизма глубже. Несомненно, существует мистический страх перед евреями. Этот страх, правда, испытывают обыкновенно люди довольно низкого культурного уровня, которые легко заражаются самыми нелепыми и низкопробными мифами и легендами.

II

Необычайно парадоксальна еврейская судьба: страстное искание земного царства и отсутствие своего государства, которое имеют самые незначительные народы, мессианское сознание избранности народа и презрение и гонение со стороны других народов, отвержение креста как соблазна и распятие этого народа на протяжении всей его истории. Может быть, более всего поразительно, что отвергнувший крест его несет, те же, которые приняли крест, так часто распинали других. Есть несколько типов антисемитизма, которые могут, конечно, соединяться и поддерживать друг друга. Я не буду останавливаться на том эмоционально-обывательском антисемитизме, который играет немалую роль в антисемитских движениях, но не представляет принципиального интереса. С ним связаны насмешки над евреями, изображение комичес-

кого типа еврея, брезгливое отношение к евреям, в отношении которых не хотят допустить человеческого равенства. С этим обыкновено не связывается никакая идеология. Настоящая идеология антисемитизма есть идеология антисемитизма расового, и это самая распространенная форма вражды к евреям. Германия — классическая страна этой идеологии, ее можно найти и у великих немцев, например у Лютера, Фихте, Р. Вегнера. Евреи объявляются расой низшей, отверженной и враждебной всему остальному человечеству. Но при этом эта низшая раса оказывается самой сильной, вечно побеждающей другие расы в свободной конкуренции. С христианской точки зрения расовый антисемитизм совершенно недопустим, он непримиримо сталкивается с христианским универсализмом. Гонения против католиков в Германии вызываюся тем, что католичество универсалистично. Христианство провозгласило ту истину, что нет эллина и нет иудея. Оно обращено ко всему человечеству и ко всякому человеку независимо от расы, национальности, класса и положения человека в обществе. Не только расовый антисемитизм, но и вообще расизм не выдерживает критики с трех точек зрения: с религиозной, моральной и научной. Он недопустим для христианина, который должен видеть в каждом человеке образ и подобие Божье. Не только расизм, но и национализм для христианской совести неприемлем. Но он неприемлем и для общечеловеческого, гуманитарного, морального сознания. Расизм бесчеловечен, отрицает достоинство человека, отрицает ценность человеческой личности и допускает обращение с ней, как с врагом, подлежащим истреблению. Расизм есть самая грубая форма материализма, гораздо более грубая, чем материализм экономический. Расизм есть крайняя форма детерминизма и отрицания свободы духа. Над представителями отверженных рас тяготеет фатум крови, и нет для них спасения. Экономика все-таки принадлежит психической среде, а не физиологии и анатомии, и определение экономикой не есть все-таки определение формой черепа и окраской волос. Расовая идеология представляет собой большую степень дегуманизации, чем классовая пролетарская идеология. С классовой точки зрения человек все-таки может спастись, изменить свое сознание, например усвоив себе марксистское мировоззрение, хотя бы он был дворянин или буржуа по крови, он может даже стать народным комиссаром. Ни Маркс, ни Ленин не были пролетариями. С расовой точки зрения еврею нет спасения, ему не поможет ни принятие христианства, ни даже усвоение себе национал-социалистического мировоззрения, над ним тяготеет фатум крови. Но расизм несостоятелен и с чисто научной точки зрения. Современная антропология считает весьма сомнительным самое понятие расы. Расизм относится к области мифологии, а не науки. Самого существования арийской расы современная наука не признает. Никаких чистых рас не существует. Раса есть категория зоологическая, а не антропологическая, преэволюционная, а не историческая. История знает лишь национальности, которые представляют собой результат сложного смешения крови. Избранная арийская раса есть миф, созданный Гобино, который был замечательным художником и тонким мыслителем, обосновывавшим не антисемитизм, а аристократизм, но как ученый-антрополог он мало стоит. Избранная раса есть такой же миф, как и избранный класс. Но миф может быть очень действенным, может заключать в себе взрывчатую динамическую энергию и двигать массами, которые мало интересуются научной истиной и вообще истиной.

Мы живем в очень мифотворческую эпоху, но характер мифов довольно низменный. Единственный серьезный расизм, существовавший в истории, есть расизм еврейский. Соединение религии с кровью и национальностью, вера в избранность народа, охранение чистоты расы — все это древнееврейского происхождения, внесено евреями. Не знаю, замечают ли германские расисты, что они подражают евреям. В расизме как раз нет ничего "арийского", "арийцы" индусские и греческие были более склонны к индивидуализму. Но есть разница между еврейским и германским расизмом. Еврейский расизм был универсально-мессианским, он вынашивал универсальную религиозную истину. Германский же расизм есть агрессивный, мирозавоевательный партикуляризм. Расизм сейчас означает христианизацию и дегуманизацию, возврат к варварству и язычеству.

Есть также тип антисемитизма экономического и политического. Политика тут является орудием экономики. Этот тип антисемитизма носит довольно низменный характер, он связан с конкуренцией и борьбой за преобладание. Евреев обвиняют в том, что они очень успешно спекулируют и наживаются, побеждая другие народы в экономической конкуренции. Но у обвинителей чувствуется желание самим спекулировать более успешно, чем спекулируют евреи. Ненависть к евреям часто бывает исканием козла отпущения. Когда люди чувствуют себя несчастными и связывают свои личные несчастья с несчастьями историческими, то они ищут виновника, на которого можно было бы все несчастья свалить. Это не делает чести человеческой природе, но человек чувствует успокоение и испытывает удовлетворение, когда виновник найден и его можно ненавидеть и ему мстить. Нет ничего легче, как убедить людей низкого уровня сознательности, что во всем виноваты евреи. Эмоциональная почва всегда готова для создания мифа о мировом еврейском заговоре, о тайных силах "жидо-масонства" и пр. Я считаю ниже своего достоинства опровергать "протоколы сионских мудрецов". Для всякого не потерявшего элементарного психологического чутья ясно при чтении этого низкопробного документа, что он представляет наглухо фальсификацию ненавистников еврейства. К тому же можно считать доказанным, что документ этот сфабрикован в департаменте полиции. Он предначинан для уровня чайных "союза русского народа", этих отбросов русского народа. К стыду нашему нужно сказать, что в эмиграции, которая почитает себя культурным слоем, "союз русского народа" подымает голову, мыслит и судит о всякого рода мировых вопросах. Когда мне приходится встречаться с людьми, которые ищут виновника всех несчастий и готовы видеть их в евреях, масонах и пр., то на вопрос, кто же виноват, я даю просто ответ: как кто виноват, ясно кто, ты и я, мы и есть главные виновники. И такое отыскание виновника представляется мне наиболее христианским. Есть что-то унижительное в том, что в страхе и ненависти к евреям их считают очень сильными, себя же очень слабыми, неспособными выдержать свободной борьбы с евреями. Русские склонны были считать себя очень слабыми и бессильными в борьбе, когда за ними стояло огромное государство с войском, жандармерией и полицией, евреев же считали очень сильными и непобедимыми в борьбе, когда они лишены были элементарных человеческих прав и преследовались. Еврейский погром не только греховен и бесчеловечен, но он есть показатель страшной слабости и неспособности. В основе антисемитизма лежит бездарность. Когда изъявляют претензию на то, что Эйнштейн,

открывший закон относительности, еврей, что еврей Фрейд, еврей Бергсон, то это есть претензии бездарности. В этом есть что-то жалкое. Есть только один способ борьбы против того, что евреи играют большую роль в науке и философии: делайте сами великие открытия, будьте великими учеными и философами. Борьбаться с преобладанием евреев в культуре можно только собственным творчеством культуры. Это область свободы. Свобода есть испытание силы. И унижительно думать, что свобода всегда оказывается благоприятной для евреев и неблагоприятной для неевреев.

Нужно остановиться еще на одном обвинении против евреев. Их обвиняют в том, что они создали капитализм и социализм. Но и для сторонников капитализма, и для сторонников социализма, казалось бы, желательно предоставить и "арийцам" честь создания чего-либо, нельзя же все уступить евреям. Оказывается, что евреи сделали все научные открытия, были замечательными философами, создали капиталистическую промышленность, создали мировое социалистическое движение, борющееся за справедливость и за улучшение положения трудящихся, в их руках находится все общественное мнение, мировая пресса и пр. Сознаться, что в качестве "арийца" я чувствую себя обиженным и не согласен до такой степени все предоставить евреям. Остановлюсь на создании евреями капитализма и социализма. Прежде всего если это есть обвинение, то оно не может исходить от одного лица. Для сторонников капитализма создание евреями капитализма есть заслуга евреев, как для сторонника социализма создание евреями социализма есть их заслуга. Нужно выбрать обвинение. Что евреи играли преобладающую роль в создании капитализма, это есть тезис известной книги Зомбарта. Бесспорно, евреи играли немалую роль в этом процессе, бесспорно, в их руках сосредоточивались большие капиталы. Этому способствовали выработанные историей свойства евреев. В средние века евреи занимались ростовщичеством, единственным занятием, которое им было предоставлено. Еврейский народ создал тип ростовщика и банкира, но он же создал тип идеалиста, беззаветно преданного идее, бедняка, живущего исключительно высшими интересами. Но "арийцы" также руку приложили к созданию капитализма и капиталистической эксплуатации. Европейский капитализм зародился у купцов Флоренции. Обвиняющие евреев в создании капитализма обыкновенно не бывают противниками капитализма, они просто хотели бы быть более сильными в капиталистической конкуренции, иметь больше капиталов, чем евреи. Поразительно, что К. Маркс, еврей и социалист, был в известном смысле антисемит. В своей статье по еврейскому вопросу, которая многих смущает, он признал евреев носителями мировой капиталистической эксплуатации. Революционный антисемитизм Маркса между прочим опровергает легенду о мировом еврейском заговоре. Маркс и Ротшильд — оба евреи, непримиримые враги и в одном заговоре участвовать не могут. Маркс боролся против власти капитала, в том числе и еврейского капитала. Другое обвинение евреев в том, что они создатели социализма и главные участники революционных социалистических движений, очевидно, может исходить лишь от людей, которые не гнушаются капитализмом и хотели бы сохранить капиталистический строй. Для русских антисемитов обвинение это сводится к тому, что русская коммунистическая революция создана евреями. Фактически это неверно. Ленин не еврей, не евреи и многие другие вожди ре-

волюции, не были еврейскими огромные рабоче-крестьянские массы, давшие победу революции. Но евреи, конечно, играли не малую роль в революции и ее подготовке. В революциях всегда будут играть большую роль угнетенные, угнетенные национальности и угнетенные классы. Пролетариат всегда активно участвовал в революциях. Это заслуга евреев, что они принимали участие в борьбе за более справедливый социальный строй. Но обвинения против евреев в конце концов упираются в одно главное: евреи стремятся к мировому могуществу, к мировому царству. Это обвинение имело бы нравственный смысл в устах тех, которые сами не стремятся к могуществу и не хотят могущественного царства. Но "арийцы" и арийцы-христиане, исповедовавшие религию, которая призвала к царству не от мира сего, всегда стремились к могуществу и создавали мировые царства. Евреи не имели своего царства, не только мирового, но и самого малого, христиане же имели могущественные царства и стремились к экспансии и владычеству.

Перехожу к типу антисемитизма религиозного, самому серьезному, единственному заслуживающему рассмотрения. Христиане бывали антисемитами главным образом по мотивам религиозным. Евреи признавались расой отверженной и проклятой не потому, что это низшая раса по крови, враждебная всему остальному человечеству, а потому, что они отвергли Христа. Религиозный антисемитизм есть в сущности антиюдаизм и антитапалмудизм. Христианская религия действительно враждебна еврейской религии, как она кристаллизовалась после того, как Христос не был признан ожидаемым евреями Мессией. Юдаизм до Христа и юдаизм после Христа — явления духовно различные. Есть глубокая парадоксальность в том, что явление Христа, т. е. боговоплощение и боговочеловечение, совершилось в недрах еврейского народа. Евреи с большим трудом могли принять боговочеловечение, это было легче для язычников. Бог стал человеком — это представлялось евреям кощунством, посягательством на величие и трансцендентность Бога. Для древнего еврейского сознания Бог все время вмещивается в человеческую жизнь, вплоть до мелочей, но никогда не соединяется и не сливается с человеком, не принимает человеческого образа. Тут пропасть между христианским и юдаистическим сознанием. Христианство есть религия Богочеловечества и религия Тринитарная. Юдаизм же есть чистый монотеизм. Главное религиозное обвинение, которое евреи выдвигают против христианства, — это что христианство есть измена монотеизму. Вместо единого Бога является Троица. Христиане основали свою религию на том, что в истории явился человек, который назвал себя Богом, сыном Божиим. Для закостенелого юдаистического сознания это было кощунством. Человек не может быть Богом, человек может быть пророком Божиим, Мессией, но не Богом. И тот не настоящий Мессия, кто назвал себя Богом. В этом завязка мировой религиозной трагедии. У язычников было много богочеловеков или человекобогов, боги были имманентны космической и человеческой жизни. Никакой трудности не было для языческого сознания принять боговочеловечение, это соответствовало художественной образности языческого созерцания мира. Но для евреев это был ужас. Никто не мог увидеть лицо Бога и остаться в живых. А тут вдруг говорят, что Бог имеет человеческое лицо. Распятый Бог есть величайший соблазн для евреев. Бог может быть только великим и могущественным. Богоуничжение представлялось кощунством, изме-

ной древней вере в величие и славу Бога. Такова затвердевшая почва еврейских религиозных верований, из нее выросло отвержение Христа. И вот на протяжении всей христианской истории раздаются обвинения, что евреи распяли Христа. После этого на еврейском народе лежит проклятие. Еврейский народ сам себя проклинал, он согласился на то, чтобы кровь Христа была на нем и на его детях. Он принял на себя ответственность. Этим воспользовались враги еврейства. Христос был отвергнут евреями, потому что он не оказался Мессией, который должен осуществить царство Израиля, а оказался каким-то новым Богом, Богом страдающим и униженным, проповедующим царство не от мира сего. Евреи распяли Христа, сына Божьего, в которого верит весь христианский мир. Таково обвинение. Но ведь евреи же первые и признали Христа. Апостолы были евреями, еврейской была первая христианская община. Почему же за это не восхваляют евреев? Еврейский народ кричал: "Распни, распни Его". Но все народы имеют непреодолимую склонность распинать своих пророков, учителей и великих людей. Пророков всегда и повсюду побивали камнями. Греки отравили Сократа, величайшего из своих сынов. Неужели проклинать за это греческий народ? И не только евреи распяли Христа. Христиане или называвшие себя христианами в течение долгой истории своими делами распинали Христа, распинали и своим антисемитизмом, распинали своей ненавистью и своими насилиями, своими услугами сильным мира сего, своими изменами и своим искажением Христовой истины во имя своих интересов. "Арийцы" также отвергли и отвергают Христа. И делают это во имя своего царства. И лучше, когда прямо и открыто отвергают Христа, чем когда прикрываются именем Христа для оборудования дел своего царства. Когда проклинают и гонят евреев за то, что они распяли Христа, то явно стоят на точке зрения родовой мести, которая была очень свойственна древним народам, в том числе и народу еврейскому. Но родовая месть совершенно неприемлема для христианского сознания, она совершенно противоречит христианской идее личности, личного достоинства и личной ответственности. Да и христианское сознание не допускает никакой мести, ни личной, ни родовой. Мстительные чувства греховны, и в них подобает каяться. Род, кровь, месть — все это совершенно чуждо чистому христианству и приносится в него извне, от древнего язычества.

III

С еврейством связана историософическая тема двойного хилизма. Что царство Божье исключительно по ту сторону, не от мира сего или его можно ждать и готовить также по сию сторону, на этой земле? Христос сказал: "Царство Мое не от мира сего". Это обыкновенно объясняли так, чтобы можно было не делать никаких усилий для осуществления царства Божьего в мире сем. Пусть мир сей принадлежит князю мира сего, хотя странным образом этот князь мира сего очень почитался христианами и на этом основывалось христианское государство, в котором никакой христианской правды не осуществлялось. Но слова Христа можно понимать так, что царство Божье не походит на царства этого мира, что основы его иные, правда его противоположна закону этого мира. Это совсем не значит, что христиане должны подчиняться князю мира сего и не долж-

ны осуществлять правду царства Божьего, т.е. изменять этот мир. Жак Маритен, вождь французского томизма и защитник христианского интегрального гуманизма, написал замечательную статью о еврействе, напечатанную в сборнике "Les Juifs". Он высказывает интересную мысль о разделении двух миссий. Христиане приняли сверхъестественную истину христианства, истину о небе, но очень мало делали для осуществления правды в социальной жизни людей, не применяли своей истины к обществу. Евреи же не приняли сверхъестественной истины христианства, но были носителями истины о земле, правды в социальной жизни людей. И действительно, идея социальной справедливости была внесена в человеческое сознание главным образом еврейством, "арийцы" легко примирились с социальной несправедливостью. В Индии был создан режим каст, санкционированный религиозным сознанием. В Греции величайшие философы не подымались до осуждения рабства. Древнееврейские пророки были первыми, требовавшими правды, справедливости в социальных отношениях людей, они защищали бедных и угнетенных. Библия повествует о том, что происходил периодический раздел богатств, чтобы богатства не сосредоточивались в одних руках и не было резкого различия между богатыми и бедными. Евреи же принимали активное участие в мировом социалистическом движении, направленном против власти капитала. Еврейство стоит под двойным знаком — денег и социальной справедливости. Христиане любят говорить, что царство Божье неосуществимо без креста. И христиане свято правы. Все на нашей грешной земле должно быть вознесено на кресте перед вхождением в царство Божье. Не правы они только, когда противопоставляют эту великую истину всякой попытке осуществить правду Христову и на земле, в социальных отношениях людей, всякому исканию царства Божья и на нашей грешной земле. Беда в том, что христиане, принимая крест, совсем не пытались осуществить правду Христову в социальной жизни, совсем не стремились к царству Божьему, хотя, конечно, окончательное осуществление царства Божья в этом мире невозможно и предполагает преобразование мира, новое небо и новую землю. При этом представители исторического христианства, т.е. приспособленного к условиям этого мира, совсем не гнушались царством этого мира, царством кесаря. Наоборот, они признавали царство кесаря своим, сакрализировали его. И это было царством кесаря наиболее далеким и от христианской правды, и от правды просто человеческой, не знавшим справедливости и человечности. Такими были в прошлом "христианские государства", христианские теократии, восточные и западные.

Обычное возражение евреев против христианства заключается в том, что христианство нереализуемо и христиане его никогда не реализовали. Еврейская же религия реализуема, и евреи ее реализовали. Христианство заключает в себе столь возвышенные заповеди, что они оказываются не соответствующими человеческой природе. Особенно нереализуемо и непрактично оказывается христианство в отношении к социальной жизни, которая у христиан всегда оказывалась непохожей на то, к чему призывал Христос. На этом обычном возражении особенно настаивал Сальвадор, выдающийся французский еврейский мыслитель и ученый середины XIX века, написавший одну из первых жизней Иисуса Христа. Очень интересно формулирует различие между юдаизмом и христианством Розенцвейг, замечательный еврейский религиозный философ, недавно умер-

ший, который переводил с Мартином Бубером Библию на немецкий язык. Он говорит, что еврей по религии своей призван оставаться в еврейском мире, в котором он родился, и только возвышать и совершенствовать свое еврейство, от него не требуется отречения от своей природы. Именно поэтому еврейская вера реализуема. Христианин же по своей природе язычник (обычный взгляд евреев). Чтобы реализовать христианскую веру, он должен уйти из своего мира, отрицать свою природу, отречься от своего природного язычества. С этим связана трудная реализуемость христианства. При этом оказывается, что только евреи не язычники по крови. Розенцвейг, делая это противоположение, заключает отсюда о преимуществе юдаизма. Я же думаю, что это есть преимущество христианства. Божественное откровение приходит из иного мира, и оно трудно для этого мира, оно требует движения по линии наибольшего сопротивления. Но христиане сделали все, чтобы противники христианства признали его религией нереализуемой. Они страшно злоупотребили этой нереализуемостью христианства на земле, успокоили себя идеей страшной трудности. Христиане сделали самые дурные выводы из учения о греховности человеческой природы. Это можно выразить так, что смирились перед грехом и создали систему приспособления к греху. Константин Леонтьев, мыслитель очень острый и искренний, в этом отношении особенно поучителен. Он свел христианство к потустороннему спасению души, к тому, что он сам называл трансцендентным эгоизмом, и был рад тому, что христианская правда никогда не может осуществиться на земле, ибо это осуществление противоречило его языческой эстетике. В терминологии Розенцвейга можно было бы сказать, что К. Леонтьев остался в своем природном языческом мире и только в отношении к потустороннему личному спасению души он хотел путем монашества и аскезы преодолеть эту свою языческую природу. Но все эти обвинения относятся к христианам, а не к христианству.

IV

Разрешим ли еврейский вопрос в пределах истории? Это вопрос трагический. Он неразрешим просто путем ассимиляции. В это разрешение верили в XIX веке, и это делало честь гуманности века. Но мы живем совсем не в гуманном веке, и события нашего времени дают мало надежды на разрешение еврейского вопроса путем слияния и растворения евреев в других народах. Да и это означало бы исчезновение еврейства. Не много надежды также на разрешение еврейского вопроса путем образования самостоятельного еврейского государства, т.е. путем сионизма. И на собственной древней земле евреи испытывают преследования. Да и такое решение представляется противоположным мессианскому сознанию еврейского народа. Еврейский народ остается народом-странником. Можно было бы сказать, что судьба еврейского народа эсхатологическая, она разрешима лишь в перспективе конца времен. Но это несколько не снимает с христиан обязанности христианского и человеческого отношения к евреям. У Апостола Павла есть таинственные слова о том, что весь Израиль спасается. Эти слова разно толкуются, ибо под Израилем понимается не только еврейский народ, но и народ христианский, т.е. Новый Израиль. Но очень вероятно, что Апостол Павел имел в виду обращение

евреев в христианство и особенное значение этого обращения. Мы живем в эпоху не только зверского антисемитизма, но и все увеличивающегося количества обращений евреев в христианство. Для расовых антисемитов этот вопрос не интересен, для них материальный факт крови важнее духовного факта веры. Но религиозные антисемиты могут видеть единственное разрешение еврейского вопроса в обращении еврейского народа в христианство. В этом, с моей точки зрения, есть большая правда. Но вместе с тем требование такого разрешения еврейского вопроса может быть морально двусмысленным и даже ложным. Если христиане-антисемиты, приставив нож к горлу, требуют от евреев обращения в христианство, при несогласии же евреев обратиться считают естественным погром, то это есть моральное безобразие, ничего общего с христианством не имеющее. Почему же не требовать обращения в христианство от разных "арийских" народов, которые совершенно отпали от христианства или держатся за совершенно внешнее христианство? Да и обращение в христианство есть факт глубоко личный, и вряд ли в будущем можно будет говорить о целых народах, как христианских, так и нехристианских. Для обращения евреев в христианство очень важно, чтобы сами христиане обратились в христианство, т.е. стали христианами не формальными, а реальными. Ненавидящие и распинающие не могут быть названы христианами, сколько бы они ни били поклонов. Сами христиане являются ведь главным препятствием и для обращения в христианство нехристианского Востока, индусов и китайцев. Состояние христианского мира с войнами, национальной ненавистью, колониальной политикой, угнетением трудящихся классов есть великий соблазн. Как раз самые правые, самые ортодоксальные, почитающие себя наиболее благочестивыми христиане являются сейчас наибольшим соблазном для малых сих. Для евреев между ними и Христом стоят христиане и заслоняют образ Христа. Евреи могут признать Христа своим Мессией, такое движение есть внутри еврейства, могут признать роковой религиозно-исторической ошибкой отвержение Христа. Но тогда они признают Мессию Распятого и через Мессию Распятого признают Бога Униженного.

Формы, которые принимает современный антисемитизм с христианской точки зрения есть приговор над антисемитизмом. Это есть заслуга германского расизма, который имеет в Германии глубокие, но совершенно не христианские корни. Гораздо хуже православный антисемитизм, например, в Румынии, он компрометирует христианство и вряд ли заслуживает серьезного опровержения. Антисемитизм неизбежно должен превратиться в антихристианство, должен выявить свою антихристианскую природу, и это сейчас происходит. Этому соответствует процесс очищения в самом христианстве, освобождения христианской истины от тысячелетних наслоений, связанных с приспособлением к господствующим формам государства, к социальным интересам господствующих классов, к социальной обыденности, к низкой ступени сознания и культуры, с использованием христианства для очень земных целей. Этот процесс очищения христианства, который отчасти связан с тем, что христиане сами стали гонимыми, приводит к обнаружению как бы двух христианств — старого христианства, защищающего искажения христианства, и нового христианства, освобождающего от этого искажения и желающего быть верным Христу и евангельскому откровению о царстве Божьем. Настоящие, не формальные, не номинальные, не условные, не условно-ритори-

ческие христиане всегда будут меньшинством. "Христианского государства", которое было великой ложью и искажением христианства, больше не будет. Христиане будут бороться духовно и потому смогут иметь внутреннее влияние, которое было утеряно, смогут убеждать. Христианам прежде всего подобает защищать правду, а не силу, дающую им возможность процветать в мире. Именно христианам подобает защищать достоинство человека, ценность человеческого лица, всякого человеческого лица, независимо от расы, национальности, класса, положения в обществе. Именно на человека, на человеческое лицо, на свободу человеческого духа посягает со всех сторон мир. Посягает и антисемитическое движение, которое за часть человечества отрицает человеческое достоинство и человеческие права. Еврейский вопрос есть испытание христианской совести и христианской духовной силы.

В мире всегда были и сейчас есть две расы, и это явление рас важнее всех остальных делений. Есть распинающие и распинаемые, угнетающие и угнетенные, ненавидящие и ненавидимые, причиняющие страдание и страдающие, гонители и гонимые. Не требует объяснения, на чьей стороне должны быть настоящие христиане. Роли тут могут меняться в истории. Сейчас христиане делаются гонимыми, как были ими в первые века. Сейчас и евреи делаются вновь гонимыми, как бывали уже не раз в истории. Об этом необходимо задуматься. Русские антисемиты, живущие в состоянии аффекта и одержимые маниакальной идеей, говорят, что евреи правят сейчас Россией и гонят там христиан. Это фактически неверно. Совсем не евреи по преимуществу стояли во главе воинствующего безбожия, русские играли в этом очень большую роль. Я даже думаю, что существует русский воинствующий атеизм как явление специфически русское. Русский барин-анархист Бакунин был его крайним и характерным выразителем. Таков же был Ленин. Достоевский именно о русском атеизме, о его внутренней экзистенциальной диалектике, сделал великие открытия. Неверно и то, что Россией правят евреи. Главные правители не евреи, видные евреи-коммунисты расстреляны или сидят в тюрьмах, Троцкий есть главный предмет ненависти. Евреи играли немалую роль в революции, они составляли существенный элемент в революционной интеллигенции, это совершенно естественно, и определялось их угнетенным положением. Что евреи боролись за свободу, я считаю их заслугой. Что и евреи прибегли к террору и гонениям, я считаю не специфической особенностью евреев, а специфической особенностью (очень отвратительной) революции на известной стадии ее развития. В терроре якобинцев ведь евреи не играли никакой роли. Евреи же наполняли собой и эмиграцию. Я вспоминаю, что в годы моего пребывания в Советской России, в разгар коммунистической революции, еврей, хозяин дома, в котором я жил, при встрече со мной часто говорил: "Какая несправедливость, вы не будете отвечать за то, что Ленин русский, я же буду отвечать за то, что Троцкий еврей". Потом ему удалось уехать в Палестину. Я же согласен взять на себя ответственность за Ленина. Печальнее всего, что сожаления и факты не существуют для тех, мышление которых определяется *ressentiment*, аффектами и маниакальными идеями. Более всего тут нужно духовное излечение.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО УЛЬЯНОВУ-ЛЕНИНУ*

Les hommes de génie sont des météores destinés à brûler pour éclairer leur siècle.

*Наполеон Бонапарт
на о-ве Св. Елены*

Прежде всего я хотел бы, чтоб это письмо дошло до Вас. За день до того, как я написал его, у меня произошла встреча с рабочим В.М-дзе. Вспоминали время, когда мы, эмигранты из России и Грузии, собирались в Женеве на рю Каруж, в маленькой столовой, где я не однажды видел Вас. А В.М-дзе обнаружил в своей записной книжке Ваш прежний адрес. Эта деталь напомнила мне, что, хотя нынешние политические события сделали Вас всемирно известным, Вы все еще старый революционер. И письмо это хотелось послать по женевскому адресу. В Швейцарии ведь и ныне хорошая почта, и я подумал: адресата найдут.

Я хочу поговорить с Вами, и это с моей стороны не то желание, какое побуждает безвестных людей обращаться к знаменитостям. Сегодня седьмое мая — день грузинской поэзии и годовщина русско-грузинского договора. Во мне говорит грузинский писатель, говорит боль грузинского народа.

Даже идеологически нам с Вами не трудно будет найти общий язык. Если Ваш путь к принципу равноправия людей проходил через Гегеля, Прудона и Маркса, то мой шел от Блаженного Августина через ту мистическую свадьбу Святого Франциска с госпожой Бедностью, что принадлежит к таким же драгоценным документам общечеловеческой нравственности, каким служит для Вас "Коммунистический манифест". И политически между нами не слишком большая дистанция, если правда то, что Вы порицаете некоторых коммунистических русификаторов; именем коммунизма проводящих централизаторскую политику Великой России.

¹ Гамсахурдиа Константинэ (1893—1975) — один из наиболее известных грузинских писателей XX в. Основные события его жизни выразительно отображены в "Краткой автобиографии" (Советские писатели. Автобиографии, т. III. М., 1966). Высокообразованный человек, многими нитями связанный и с европейской, и с русской, и с восточной культурами, Гамсахурдиа с 1918 г. в центре грузинского литературного движения (основатель, издатель, соредатор ряда журналов и газет). Независим в своих политических убеждениях, хотя долгое время был близок к социалистам-федералистам: пестрой по составу партии, которая, начавшись с чисто интеллигентского объединения 1900-х годов, впитала затем выходцев из разных слоев и претерпела целую серию расколов; выступала за самостоятельность (автономию) Грузии в рамках России как федеративного государства. После обретения Грузией независимости Гамсахурдиа вышел из партии, решив вообще "удалиться от политической борьбы". "Я публиковался и публикуюсь в газете "Социалист-федералист"... как грузинский писатель", — заявил он в разгар полемики вокруг его "Открытого письма" Ульянову-Ленину.

* На грузинском языке письмо опубликовано в газете "Социалист-федералист" 7 мая 1921 г.

Надо признать, что русско-грузинские отношения никогда не были такими напряженными, как сегодня, несмотря на то что Ваша Красная Армия пришла в Грузию, именуя себя "освободительницей". Но и сто лет назад Грузия видела войско Александра I в роли освободителя; тогда русские помогли грузинам в их многовековой борьбе. В те времена Россия призвана была исполнить великую культурно-историческую миссию на Востоке. Полуевропейская монархия боролась с тиранической Персией и Турцией. Россия развернула против мусульманских стран наступление, которое Византия именем западной цивилизации завещала австрийским Габсбургам и русским Романовым. Действия Грузии и России в этом пункте соприкоснулись. Теперь ясно, что политика Ираклия II была тогда единственно возможной. Однако русофилам XVIII в. вскружила голову идея освобождения Россией маленьких христианских национальностей.

Трактат 1783 г. подразумевал, что Грузия окажется в орбите Великой России, но дело не ограничилось указанной орбитой². В течение ста лет политика Великой России вместе с упразднением самостоятельности Грузии принесла ей столько зла, что даже маститый грузинский космополит, который на протяжении тридцати лет своей деятельности отвергал национальный момент, в старости потерял покой и оказался вынужденным заявить миру, что единственной возможностью для Грузии является европейская ориентация. Этим старцем был Ной Жордания³, который как политическая фигура является полным антиподом другого великого грузинского политика — Ираклия II.

Феодальная Грузия устами последнего признала необходимость русской ориентации: Через сто лет Ваш бывший партийный коллега и посевший революционер от имени демократии отверг ориентацию на Россию. А Ной Жордания был историческим деятелем русской же за-

² Имеется в виду Георгиевский трактат 1783 г. между Грузией и Россией, заключенный по инициативе Ираклия II (1702—1798). Согласно договору, Грузия переходила под протекторат России, отказываясь от самостоятельности внешней политики и обязываясь служить России своими войсками. В свою очередь, Россия гарантировала целостность владений Ираклия II и взяла на себя обязанность защищать Грузию в случае войны. Практических результатов договор, однако, не имел. Во время нападения персов (1795) Россия не пришла на помощь Грузии. Тифлис был разграблен и разрушен. После смерти Ираклия II переговоры возобновились: в обмен на реальную помощь от грузин требовался отказ от суверенитета. В 1801 г. Грузия была присоединена к России и лишена самостоятельной государственности, вследствие чего Георгиевский трактат утратил силу; даже упоминание о нем считалось крамолой.

³ Жордания Ной (1868—1953) — один из основоположников грузинской социал-демократии, видный деятель РСДРП. Принадлежал к меньшевизму, но не был его ортодоксальным представителем, что, в частности, сказалось и на отношениях между ним и Лениным. В Грузии стремился к консолидации сторонников национальной независимости. Став главой Грузинской республики, он вынужден был сообразоваться с предельно неблагоприятными внешними условиями, с давлением разнородных сил изнутри. Указание Гамсахурдия на "европейскую ориентацию" Жордания относится, вероятно, к его высказыванию в Учредительном собрании Грузии 14 января 1920 г.: "Наш путь идет к Европе, путь России — к Азии. Знаю, что враги скажут, что мы сторонники империализма, поэтому я должен решительно заявить, что предпочитаю империализм Запада фанатикам Востока" (цит. по: Ма х а р а д з е Н.Б. Победа социалистической революции в Грузии. Тбилиси, 1965, с. 332).

калки. Ведь и меньшевизм, и большевизм — отпрыски русского сознания. Интеллектуальным хабитусом Жордания была русская идеология *par excellence*. Но на протяжении ста лет насаждаемое Россией в Грузии зло, уничтожение грузинского государственного аппарата, систематическое гонение на грузинский язык вынудили Грузию исключить себя из сферы русской политики.

Старая Россия не хотела равноправного сотрудничества с малыми народами. Основа этой людоедской политики — цветом великорусской культуры затмить все нерусские оттенки. Этнические и культурные цветы малых народностей России должны были померкнуть перед сиянием будущего всемирного славянского государства графов Бобринских и Пуришкевичей. Эта политика, не стесняясь, воздвигала храмы русского стиля и русские школы, тысячами слала на окраины русификаторов-растлителей, и все для того, чтобы неславянский штриховке не было места на географической карте. Эта "третья римская" империя была сильнейшей из всех империй, которые вообще помнит мир. Но она раскололась как глиняный идол. Из орбиты русской политики ушли Польша, Украина, Финляндия, Грузия и все неславянские единицы — никто не возмел желанья сотрудничать с неблагодарной Россией.

Если сто лет назад Россия освободила нас от насилия Турции и Персии, то сегодня войско той же России, изменившее свою окраску, "освободило" грузинский народ от контрреволюционеров. Этим лозунгом воспользовались находившиеся в Тбилиси русские контрреволюционеры и дашнаковцы — они-то и объявили весь грузинский народ контрреволюционным. Вы понимаете, что объявить народ контрреволюционным абсурдно: это *contradictio in adjecto*.

Лучшая грузинская молодежь пролила свою кровь ради низвержения русской монархии. И та же молодежь внесла революционное пламя в Персию. В конце концов, кто смеет отрицать результаты и значение борьбы, которую Грузия вела против ваших вчерашних врагов, против черных генералов России?!

Старая Россия после нарушения трактата 1783 г. все же оставила незатронутыми — еще на несколько десятилетий — некоторые атрибуты грузинской государственности. Ныне же не прошло двух месяцев, и Красная Армия уничтожает у нас такие основные атрибуты государственности, как границы, железную дорогу⁴, и кому неизвестно, что сегодня

⁴ Вопрос об объединении железных дорог Закавказья в единую сеть встал еще до окончания военных операций XI Красной Армии по овладению Грузией. Его инициатором был Орджоникидзе, который возглавлял тогда Кавбюро ЦК РКП (б). При окончательном решении вопроса выявились разногласия. На стороне Орджоникидзе были ревкомы и ЦК компартий Азербайджана и Армении. Противоположную позицию занимали грузинские коммунисты Ш. Элиава и А. Сванидзе, подчеркивавшие политический аспект вопроса — связь его с проблемой национальной независимости. Победили, однако, сторонники объединения. 16 апреля 1921 г. представителями РСФСР и закавказских республик было подписано соглашение о ликвидации республиканских железнодорожных сетей и создании единой Закавказской сети с общим руководством. Эта единая сеть в свою очередь становилась составной частью общей сети РСФСР, по образцу которой устанавливались структура и управление дорогами. (См.: Образование и развитие СССР как союзного государства. Сборник законодательных и других нормативных актов. М., 1972; Х а р м а н д а р я н С.В. Ленин и становление Закавказской федерации 1921—1923 гг. Ереван, 1969).

грузинский язык практически не является в Грузии государственным языком. Сегодня наши кавказские "друзья", скрывающиеся под коммунистической маской, тщатся превратить Тбилиси в резиденцию Закавказья, а Тбилисский университет — в университет Закавказья.

Сто лет назад великодержавная Россия стремилась использовать грузинский народ в качестве союзника для достижения сложнейших целей своей восточной политики. Но она смогла проявить достаточно политического такта, чтобы не превращать своего естественного союзника во врага. Теперь Россия в более широких масштабах проводит мировую политику. На Грузию хотят возложить достаточно сложные обязанности: Грузия и Тбилиси призваны стать базой операций, которые требуются для коммунизации Востока. Кто не знает, что в Грузии сегодня больше коммунистов, чем их насчитывает регистрация грузинской компартии. Но они как грузинские патриоты не будут сотрудничать с Красной Россией до тех пор, пока суверенность Грузии останется только декларацией.

В прошлом году в берлинском "Тагеблат" один немецкий писатель опубликовал маленькую историческую аналогию: Ленин и Петр Великий. Я против такого сопоставления. Я думаю, что, когда Вы завершите возложенную на Вас миссию, логика истории призовет сопоставить Вас с Наполеоном Бонапартом.

Вы говорите — коммунизм не должен иметь границ.

А Наполеон — империя будет иметь границы там, где всходит и заходит солнце.

Вы оба — абсолютные гении двух великих революций.

Мировая историческая задача Наполеона исчерпывается двумя главными пунктами: низложение мирового господства Англии и создание одного великого всемирного государства — конфедерации Европы. В этом последнем Наполеон не допускал этнических различий и оттенков. Генерал Бонапарт хотел радикализации Европы. А Вы — как Азии, так и Европы. Безусловно, Вы более радикальны.

Эти цели сближают Вас с корсиканцем Бонапартом, но параллельность целей вовсе не обязывает к тому, чтобы вы оба стали жертвой одной и той же фатальной ошибки.

Неужели сегодня не стало явным для всех, что больше нельзя стирать национальные нюансы и цвета?

Понятно, что этого не могли осознать Клемансо, Вильсон, Ллойд Джордж. Поэтому Версальский мир так запутал национальные проблемы, что европейские народы еще десятилетиями будут проливать кровь до тех пор пока не установится настоящая мир во вселенной. Неразрешенной осталась судьба Ирландии, Шотландии, Эльзаса, Индии, Аравии и народов Передней Азии. Поэтому в XX в. Ирландии понадобилось необъяснимое политическое мученичество Мак Свиная⁵.

Поскольку русский коммунизм противоположен политической идеологии Антанты, то левая Россия должна понять, что в XX в. искоренять национальные отличия недопустимо. Жертвой этого стал На-

⁵ Мак Свиной (или Суини, Mc Swiney) Тиренс (1879—1920) — один из лидеров ирландского национального движения. В 1918 г. командовал бригадой ИРА в г. Корке. В 1920 г. был избран лорд-мэром Корка. В том же году арестован британскими властями. В тюрьме объявил голодовку, которая продолжалась 74 дня и окончилась его смертью.

полеон — самая трагическая личность мировой истории.

Перечитываю его дневник, написанный на о-ве Св. Елены. Вероятно, там осознал он свою неправоту.

Где находится центральный пункт его ошибок?

Развитие Западной Европы — начиная с крушения Священной Римской империи германской нацией — характеризуется борьбой за национальное государство. Жертвой идеи национального государства была мировая империя Габсбургов. Этого не смог увидеть Наполеон. Он так увлекся борьбой против сынов Альбиона, что поставил целью сосредоточить всю Европу вокруг французского трехцветного знамени и Парижа.

Если гении — это метеоры, которым суждено, сгорая, осветить свой век, то пусть до сознания всех дойдет напутствие демона века. Пусть прочтут строки, написанные Наполеоном во время мученичества на Святой Елене: "Будущие поколения осудят нас".

В Грузии два поколения стали жертвой идеи возрождения национальной личности, давимой грубой рукой старой России, жертвой борьбы за национальное государство. Никто не сможет отрицать, что сегодня в Тбилиси хотят повторить старые ошибки — прибегая к Вашей терминологии, употребить "русский шаблон". Если Россия левых заинтересована, чтобы Грузия оказалась в орбите политики России, этим путем она такой цели не достигнет.

Меня как грузинского патриота вовсе не пугает то, что сегодня происходит в Тбилиси.

Гарантией независимости Грузии я никогда не считал те импрессионистически сфабрикованные ноты, которые приходили в Тбилиси из Парижа и Лондона во время демократического правительства "фактически" и "де-юре" признаваемой Грузии. Гарантией не считал я и те патетические речи, которыми угощали нас на банкетах дипломаты Антанты.

Единственная гарантия нашей независимости была, есть и будет обитать в сознании самого грузинского народа, так как основа всякого освобождения в осознании самой свободы. У грузинского народа есть такое осознание. Скажите и напишите об этом тем политикам, которые в Тбилиси оказывают плохую услугу коммунистической России.

У личности и нации можно отнять все, только сознание свободы отнять невозможно. Уверяю: быть может, Грузия не возвысилась еще до такого политического и культурного развития, как Ирландия, но в Кэзментах⁶ и Мак Свинях не будет недостатка в Грузии до тех пор, пока до конца не будет обеспечена ее политическая независимость.

⁶ Кэзмент (Casement) Роджер Дэвид (1864—1916) — известный деятель освободительного движения в Ирландии. После первой неудачной попытки привлечь на сторону национального движения Германию (1914) пытался в 1915 г. сформировать в США бригаду из военнопленных ирландцев, но снова потерпел неудачу. Не веря (без поддержки извне) в успех ирландского восстания, намечавшегося на пасху 1916 г., тем не менее сделал все от него зависящее для вооружения повстанцев. Однако судно, груженное оружием, было перехвачено англичанами. Сам Кэзмент, направлявшийся в Ирландию на немецкой подводной лодке, в месте высадки был арестован. Приговорен к смертной казни и повешен в Лондоне 3 августа 1916 г.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ДИАЛОГ

(По поводу письма К. Гамсахурдиа В. И. Ленину)

Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное "сразу", одновременно...

К. Маркс и Ф. Энгельс

Я хочу, чтобы ветер культуры всех стран как можно свободнее веял у моего дома. Но я не хочу, чтобы он сбил меня с ног. Я не хочу жить в домах как незваный гость, как нищий или раб...

Ганди

Человек обращается к человеку во всеуслышание. Не с мольбой, хотя его знобит от беды, надвинувшейся на его землю и грозящей его народу едва ли не худшим — утратой себя, хотя в качестве гласа этого народа он не больше чем один из "малых сих" перед лицом другого человека, во власти которого, особой власти, превышающей и право и штык, уже сегодня находятся миллионы, а завтра будут миллиарды людей (пишущий надеется, мало того — он убежден: так будет!). И тем не менее его письмо — не мольба, не коленопреклонение, а призыв к диалогу. К диалогу равных. К вхождению словом в "ничейную" зону с зыбкими границами или, вернее, без всяких границ, ибо есть ли такие границы у человечества?! И потому в аргументах рядом, на одинаковых правах, эмигрантское мимолетное знакомство, адрес, застрявший в записной книжке, и вся человеческая история, самое всеобщее в ней — ошибки. Ошибки великих людей и целых эпох. Лишь они, эти ошибки-уроки, ошибки-память, не знают ограничений во времени и во владении. Каждый — наследник, если сумеет стать им.

Что это: запоздалая наивность или преждевременная мудрость? Начинаящий грузинский писатель обращается к "абсолютному гению" революции в предположении, что он будет не только услышан, но и понят. И отчего бы не сбиться этому? Разве Ульянов-Ленин не ставит своей целью сделать независимыми все народы, разрушив все империи, начиная с Российской?! И разве не пришел час облечь послеоктябрьские декреты и импровизации, сулящие мировое раскрепощение, в твердые формы закона и человеческого обычая? К тому же история уже испытала, а испытыв, откорректировала его (Ленина) замысел. Отодвинув от пре-

делов Советской России агрессию Антанты, она "отодвинула" одновременно и расчеты на европейские Советы, на огосударствление левого рабочего сдвига, надежду на скорое и непосредственное слияние различных очагов революции в единый социалистический континент. Во имя этой надежды велась еще вчера война с Польшей, и военная неудача там — первый надлом внутри. Надлом в замысле и надлом в человеке. И даже если только в единственном, в том, к кому адресуется Константинэ Гамсахурдиа, могло ли это остаться без последствий, затрагивающих и тех, кто вступил в революцию, как в собственный дом, и тех, кого она втащила в себя, запретив возврат назад?!

Герберт Уэллс, посетивший незадолго до начала грузинской одиссеи обе столицы России, заметил перемены в людях, еще совсем недавно называвших точную дату окончательного торжества коммунизма (к лету 1920 года!) ¹. "Я ясно видел, что многие большевики /.../ начинают с ужасом понимать: то, что в действительности произошло, на самом деле — вовсе не обещанная Марксом социальная революция, и речь идет не столько о том, что они захватили государственную власть, сколько о том, что они оказались на борту брошенного корабля". Мысль эту Уэллс находит здоровой и обнадеживающей. Но вот вопрос: куда направят этот корабль те, кто у рулевого колеса? Уэллс разговаривает с Зиновьевым, затем смотрит заснятый на пленку съезд народов Востока, который Коминтерн собрал в только что советизированном Баку, опорном пункте овладения всем Закавказьем, — с выходом идей и людей в окрестную и дальнюю Азию. "Этот фильм следует демонстрировать с осторожностью и только совершеннолетним". "Один из самых эффектных номеров этого замечательного /.../ фильма — танец, исполненный джентельменом из окрестностей Баку. В отороченной мехом куртке, папахе и сапогах, он стремительно и искусно танцует что-то вроде чечетки. Вынув два кинжала, он берет их в зубы и устанавливает на них два других, лезвия которых оказываются в опасном соседстве с его носом. Наконец, он кладет себе на лоб пятый кинжал, продолжая с тем же искусством отбивать чечетку в такт типичной восточной мелодии. /.../ Сейчас в хранящейся у меня свернутой в рулон копии фильма он ожидает подходящего случая, чтобы снова пуститься в пляс. Я пытался установить, был ли он типичным азиатским пролетарием или символизировал нечто иное, но так и не добился ясности".

Разумеется, не судьба старого британского господства тревожила "эволюционного коллективиста" Герберта Уэллса. Его страшила одинокая большевистская Россия, которую блокада со стороны Запада "загонит" в степи и принудит "взяться за нож". "Снова, как тысячу лет назад, на огромной равнине, до берегов Днестра и Немана, всадник будет грабить крестьянина и крестьянин подстерегать всадника. Города превратятся в груды развалин среди безлюдной пустыни, железнодорожные пути — в ржавый лом, пароходы исчезнут с затихших рек..." (и Максима Горького, у которого жил Уэллс, одолело, после просмотра бакинского фильма, "кошмарное видение — Россия, уходящая на Восток") ².

По всему видно, что не эти призраки во плоти посещали тогда тридцатилетнего Константинэ Гамсахурдиа. У него свои всадники Апокалипсиса: в ряд с царским карателем, погубившим отца — столбового дворянина, отказавшегося предать бунтующих детей, еще один "озверевший", что на улицах германских городов охотился в 1914-м за ненавистным

иностранцем. Кому в этом Апокалипсисе быть третьим “на коне”? Нет ответа наперед. Еще и вопрос не вполне созрел. Студент-эмигрант, интернированный в замке Исманинг (где в сохранности следы Наполеона Бонапарта), сближается с товарищами по несчастью — сорбонскими и оксфордскими профессорами. Общие запросы, общие кумиры: Шопенгауэр, Ницше, Бергсон. Философский запой не препятствует вживанию в Образ — в универсум Толстого, Бальзака, Томаса Манна. В этой реторте вскипали мысли и чувства, родственные всей той европейской культуре, которая (на переломе веков и эпох) усомнилась не только во всемогуществе Запада, но и в ее праве охватить, исчерпать собою Мир... “Однажды, поздней ночью, привели свыше ста негров. Они были одеты в лохмотья, дрожали от холода. Пленные французы, англичане и бельгийцы отказались поселить их около себя. Только профессор Эмери, Багир, я и поляки согласились приютить этих несчастных”³.

От братства гонимых и травимых, от тяги к сближению цивилизаций, от внутреннего вето на расовую нетерпимость — шаг к признанию разрушителя и преобразователя, более радикального, чем былой император французов. Ведь Ленин тоже европеец, схватившийся по-своему с “европоцентризмом” и вместе с тем далекий от всякой скифомании, — русский европеец, впитавший старое русское различие и уже тем отличающийся не только от тех, у кого “на лбу новые кокарды, а в сердце границы старой России”⁴. Что-то выделяет его из действительных единомышленников. Веры ли у него больше — в достижимость неподдельного равноправия людей и народов или трезвости, точной прикидки: что, когда, как делать, чтобы прорвался, до конца и навсегда, заколдованный круг России — евразийской империи и место неотъемлемого от этого особого имперства бесформенного и безмолвствующего “народа” — пьедестала абсолютной власти (два лика: бунтующий холоп и зверь опричник) заняли те же “наинизшие низы”, но уже в ином *мировом* качестве: самоосвобождающиеся от рабства, себя поднимающие (организацией! властью!) к признанию и осознанию суверенности всех, кого империя примучила, втянула в свои пределы?! Либо сильна все же не эта вера сама по себе и даже не сама по себе его трезвость, а воля: воля, направленная на то, чтобы во имя буквального Мира—человечества перешагнуть через преграды, сотворенные не только своекорыстием имущих, но и себялюбием вперед ушедших наций, их приверженностью к политическим формам, сросшимся и с предрассудками “избранничества”, и с тем высоким (выше в Новое время нет), что добыли века культурной выработки европейского человека?! Так этой ли верой и этой ли волей, жесткой и жестокой от масштаба, от пересечения разновеликих задач, отличается он, Ленин, от ближних к нему, или все-таки — силой, чтобы самому остановиться и задержать остальных на пороге необратимого, неоправимого: всеобщей ломки, мировой схватки, после которых быть единому голому человеку на единственной голой Земле?!

В вопросе — тревоги и сомнения сегодняшнего дня. За спину опыт трагических десятилетий. Но разве у того, что ныне вершит судьбами всех континентов, нет своей родословной, тягущей разные ответы, разные “проекты” их, отодвинутые, перелицованные, проверенные и перечеркнутые событиями и людьми?! Как узнать, минув историю, — сравнение, меру? Кто-то тогда и после сопоставляет Ленина с Робеспьером и 1793-го, и 1794-го. Кому-то видится Кромвель с его прижизненной и загробной

судьбой. У Гамсахурдиа же пробным камнем Наполеон, но не молодой, восходящий, герой Тулона и Аркольского моста, и даже не автор Кодекса, усмиривший "безумную" Францию и обновивший (ею) без малого всю континентальную Европу, а тот трагический пленник, который на рубеже смерти сумел исчислить величину совершенных им непоправимых ошибок. Неужто ж гению XX века не дано превзойти и в этом, и этим: своевременным мужеством предупреждения гибельных всемирных ошибок?!

Нет, еще не все потеряно. Не все потеряно Россией Мира, а стало быть, и Грузией. Правда, вновь набегали гонители грузинского языка и грузинской государственности. Вот уже на страницах тифлисского коммунистического официоза автор "Открытого письма" уличается во всех смертных грехах, из коих приравнивание Ленина к Наполеону, а Красной Армии к войскам Александра I — наименьшие, ибо есть еще приверженность к национальным границам, а стало быть, жажда межнациональной резни. Вот уже "Батумские известия" прикрепляют этикетки: "контрреволюционер", "белогвардеец", "черный чародей", "мистический реакционер". Но Гамсахурдиа не сдается. Он продолжает звать к открытому и равноправному разговору. Он настаивает: освобождение — мнимость и обман, если результатом является уничтожение будто бы только атрибутов независимости (без атрибутов нет независимости!). Он не делает при этом исключений ни для западных властителей, победивших в четырехлетней войне, ни для низвергнутого "социалиста" Керенского (кавычки у Гамсахурдиа, знающего, что лицемерные защитники не многим лучше открытых насильников). Писатель взывает и к чувствам, и к здравому смыслу. "Грузией называется страна, где служба и молитва происходят на грузинском языке", — ставит он слова из древнего жития эпитафией к "Ответу" анониму из "Правды Грузии". И одновременно увещевает, иронизируя: "Нам говорят, что ради экономии времени правление грузинской железной дороги должно быть подчинено Москве. Точно так же рассуждали ревизоры старой России... Не лучше ли в Петрограде составлять график движения поезда Батуми — Тбилиси? /.../ Я думаю, мы не смогли бы обучить европейцев экономии времени. Если бы эта экономия была решающим фактором, то швейцарцы свою железную дорогу соединили бы напрямик с Берлином и Парижем, ведь путешествующий из Берлина в Париж должен дважды делать пересадку на границах Швейцарии".

Вот он — критерий в житейских делах и вместе с тем их сокровенная суть: нетленность нации. Действенность и человечность этноса! Совместимы ли? Гамсахурдиа не обсуждает этого вопроса — по крайней мере с оппонентом, "который не хочет или не может подписаться под своей статьей". Он брезгливо отводит обвинение в националистическом людоедстве. У них, грузин (замечает он), нет даже эквивалента слову "резня", "погром". "Если бы я относил резню и погромы к надлежащим средствам, я не писал бы письмо Ленину, а шел бы той дорогой, по которой шли в старой России Пуришкевич и его собратья. Именно они придумали это слово и пролили в разных уголках России кровь тысяч евреев". Он предупреждает: "Грузия — страна политического радикализма, где даже священники и их сыновья становятся в первый революционный ряд". "Когда между двумя мужчинами возникает разговор о мужестве, положено, чтоб у обоих было равное оружие /.../. Господь захотел, чтобы

моим оружием было перо. Но если настанут такие темные времена, когда перо и разум утратят значение, то и в употреблении другого оружия, может статься, я не уступлю таким, как вы". И снова: "Я пишу и работаю в советской Грузии, и когда вижу, что в нынешнее время Грузии требуются правда и свет истины, то я выскажу эту правду, если даже меня ждет виселица".

Он предупреждает, но не грозит. Не пустые слова: я *работаю* в советской Грузии. Он страдает оттого, что соплеменники расколоты на враждующие станы, он жаждет примирения грузинских большевиков с грузинами же других убеждений и политических пристрастий, и вновь обнаруживает союзника в Ленине: разве последний в своей "исторической, полной братерства депеше" не потребовал от изготовившихся к вторжению в Грузию кавказских коммунистических лидеров искать и найти компромисс для блока с Ноем Жордания и родственными ему. (Сравнением заостряет свое напоминание о той "депеше": "Когда красноармейцы гнали Врангеля из Крыма, Ленин не просил его: остановись, договоримся"⁵.) Константинэ Гамсахурдиа воздаёт должное и "маститому грузинскому космополиту", не скрывая, впрочем, что многое разделяло и разделяет его и Жордания — отличие не столько в мировоззрении, сколько в том, что касается наиболее тяжкого и неотложно общего: сохранения демократической независимой Грузии в условиях, исключающих самозамыкание и даже нейтралитет. Два главных довода в пользу принятия совершившегося. Первый прост и определен: не так важна форма государства, как то, чтобы оно *было* — в своих непререкаемых границах. "Безграничны только мир и небесная сфера". Но именно в этих сферах отрезившийся от узкопартийной политики писатель ищет место для суверенной единой родины. "Лишь дилетанты думают, что Бонапарт был авантюристом, жаждавшим одной только крови". Почему же их, дилетантов, задевает — до самого нутра — эта параллель с Лениным? Ведь она во славу... И даже не личности, а идеи, которая ведет за собой личность и дает ей силу вести других: коммунизм не должен иметь границ. Коммунизм не должен, нация — безусловно должна. Этнос органичен человечеству, как часть целому. А новая Россия более всего нова как раз устремленностью к этому целому. И если география и история приговаривают Грузию служить опорным пунктом "коммунизации" Азии, то стоит ли уклоняться, противопоставляя участь миссии? В глазах Гамсахурдиа и то и другое — судьба. Суверенность Грузии недостижима вне России, самоопределяющейся в человечестве, но точно так же и мировому лидеру этой России бесполезно рассчитывать на лишенную почвы Грузию. Независимость и "многоцветность" двуедини. Не сбьются им — и расплатой придет российская Ирландия.

А не дипломатничает ли этот Константинэ Гамсахурдиа, призывающий в советники тень царя Ираклия? Или, напротив, его планетарный замах, его национальный гигантизм — от эфемерных упований и интеллектуальных игр узников замка Исманинг? В одном, кажется, он не ошибся: и эта дипломатия, и этот гигантизм делают его желанным собеседником Ульянова-Ленина... Симптоматика дат: "Открытое письмо" напечатано на родном языке автора в тот же день, как предметом гласности стало обращение Ленина "Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики"⁶. В

его тексте и Гамсахурдия, и рассуждающие одинаково с ним, не могли не заметить немало знакомого и кровного. Снова и еще резче, чем прежде, — призыв, требование: не торопиться, не копировать. Вообще — никаких шаблонов. Постепенность, мягкость! Уступки, уступки: мелким буржуа, интеллигентам, особенно же крестьянам! Иные условия — иная тактика. А может, и больше, чем тактика?

За кадром — события с поразительной кучностью (считанные месяцы, недели), разные происхождением, "сферой", рисунком, образующие в целом нервный узел истории. Одна ножка циркуля — осень 1920-го. Еще уже — до дня: 14 августа. Красные "почти" в Варшаве, "почти" у ворот Германии, Версальской системе "почти" конец. Затем — "чудо на Висле", откат. Поражение, равносильное катастрофе. "Штык будет хорош, если надо будет помочь определенной революции, но для нащупывания положения в той или иной стране у нас имеется другое орудие — марксизм, и для этого нам не надо посылать красноармейцев" — в споре за закрытой дверью всероссийской партконференции тонко вибрирующий Радек оппонирует Ленину, разумеется не ставя под сомнение самый принцип ("*мировая революция есть именно мировая революция*", а не корзинка с перегородками, где каждый отдел известен"). Радеку — Бухарин: неверно, что каждому коммунисту ясна допустимость прощупывающего штыка. Есть и такие, что говорят: "Разве лучше для нас, если бы вдобавок к Советской России у нас была бы Советская Польша. Этим самым мы поставили бы на борьбу всех противников. Вот грубая аргументация, которая исходит из коммунистических рядов. Она яйца выеденного не стоит". В поддержку Бухарину — Сталин: "...наш ЦК не был бы революционным ЦК, если бы принял другую политику". Быть ли замеченным в этой расправе цекистов скромному председателю Казанского губисполкома И. И. Ходоровскому: "Меня чрезвычайно удивляет, что здесь говорилось о прощупывании Польши, Франции, Англии и ни разу не говорилось о прощупывании самой России"⁷.

Россия прощупалась вскоре — отозвалась мятежами, ширящимся крестьянским сопротивлением военному коммунизму, "вольтерами" питерских рабочих, открытым выступлением против продрозверстки посланцев промышленного центра России. Вторая ножка циркуля — Кронштадт, 28 февраля — 18 марта 1921 г. Стихийный импровизированный взрыв, вобравший в себя усталость и горечь, распад вместе с мечтой, самое неотложное из глубинного российского рядом с тем, чему еще долго зреть. Кронштадт, покусившийся на "третью революцию", нутром знавший, чего он не хочет, и даже нутром не догадывавшийся, как добиться желаемого, чтобы было без крови, без "контрреволюции справа и слева"... Внезапно свалившееся событие, самая внезапность которого, внезапность для власти, внезапность и в Петрограде, и в Кремле, — симптом и порог.

Жухлые листья тогдашней "Правды". Первое упоминание — лишь на четвертый день. "Правительственное сообщение" (подписи — Ленин, Троцкий): "новый белогвардейский заговор"; рука Франции; задержаны "заведомые шпионы"; командой мятежного линкора принята "черносотенно-эсеровская резолюция". Односторонность информации? Через день и через два — то же. И лишь позже мельком оброненная фраза: *кронштадтская беда*. Но общая ли? Объединяющая ли побежденных с

победителями? Рядовой правдист, по всему видно, так не думал, слова же "трагедия" не вымолвил никто, ни тогда, ни потом, — никто в лагере диктатуры пролетариата, в большевистской среде⁸. Что это — каноническая "логика классовой борьбы"? Или еще и простирая мысли, онемевшей на слова-понятия для непривычного, неукладывающегося?.. Герценом названный — простор отсутствия, когда пафос и фанатизм будто безмерной возможности убивают собственную меру — цель (перед глазами русского эмигранта люди, эпоха: 1793—1848 гг.), — не к его ли наследникам-соотечественникам, не к этим ли непредсказанным новым людям пришел теперь этот образ-призрак? Не к Ленину ли, сотворившему чудо победившей и себя укореняющей революции, не к нему ли, совсем недавно произнесшему — юбилейное — о "зазнавшейся партии" (положении "глупом, позорном и смешном", но не добавил: страшном, самоубийственном, творящем кровь)?! Простор отсутствия — и впрямь не его ли? Только нашедшего, что делать с революцией, чем продолжить ее, сократив "на десять лет" голод и холод, оттеснив их хозяйствованием без словесов политики, и электрификацией, и посевками: "государственным принуждением" крестьянина к рачительности, к продуктивности, к достатку без рынка, без малых и великих Сухаревков, — все рассчитал, уверенный: это решение — единственное, доступное и достойное, не требующее отступить от того равенства, что уже налицо, от только достигшей своего пика бесплатности, от коммунистических начатков, входящих в нравы, в быт.

Все, казалось, обдумал, взвесил. Отстранял возражения, уверенный в совместимости *развития* (хозяйства, культуры) и *продуктообмена*, столь же всеохватного, столь же отвечающего нужде нынешней, как и завтрашнему дню. (Тотчас по выходе "Экономики переходного периода" Н. И. Бухарина вчитывался, откликаясь не только пометками несоответствия мыслей, но также — и все чаще к финишу — энергическими знаками согласия. В бухаринском пафосе-выводе: с точки зрения большого исторического масштаба "пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи", этим-то она, диктатура пролетариата, как раз и "начинает вновь собирать человечество", — отчеркнул строки, взывающие к "выработке", к "вновь собираемому" человечеству, и отозвался на них возгласами на полях: "Именно!", "оч/ень/ хорошо!"⁹.) Конец мая 1920 г., но разве иное написал бы осенью, сразу после польского фиаско? Не забывал о многоукладности, экономическом лоскутном одеяле, остро полемизировал с тем же Бухариным по поводу особой — "коммунистической культуры" (сомневался, отвергал), но признать за путь свободную торговлю, за непрменный хотя бы отрезок всечеловеческой столбовой дороги не согласился бы, подчиняясь теории, какая изнутри него надзирала за его же хватким, прозорливым практицизмом... И в самом деле — долго ли "десять лет" до однородного основания, до всероссийского человеческого общежития, а может, и шире, чем всероссийского, ведь Европа по-прежнему "беременна революцией", а на подходе миллионный Восток!

Отступить все-таки пришлось. Сразу. Прыжком. К продналогу, к свободе оборота, а дальше... что дальше? И как отступить, не отступая от

себя и от искомого Мира? Даже не как, а куда? Главный *его* вопрос: куда?

Ибо "простор отсутствия" — не вакуум просто, а строй. Военно-коммунистический строй. Он — и партия, "военно-коммунистическая" партия, ибо именно такой выросла она в правящую, и уже не в одних столицах, но в любой глухомани, едва ли не в каждой деревушке. И это ей вызовом — Кронштадт. Взятый силой, а теперь входящий извне внутрь, вбирающий в себя и ближнее, и дальнее. Ближнее — Россия, открываемая заново: "предысторическая" Россия, Россия, не приемлющая коммунизм "на основе общей нищеты"¹⁰. Что делать с ней? И быть ли самим — Россией?.. Ключевая передовица "Правды" кронштадтских дней (№ 49, 5 марта): *Две программы*. Название — отказ от примитива первоначальной версии в пользу иначе заостренной той же. Читаем: "Их" (кронштадтцев) программа "даже если бы она чудом осуществилась, то не продержалась бы и месяца, ибо сразу оказалось бы, что нужда и нищета возросли, да вдобавок появился бы громадный гнет; рабочие клубы, дома отдыха (!—*М.Г.*), союзы громилась бы. Неизбежно начался бы ряд новых восстаний и пришлось снова бы брать власть, то есть проделывать всю историю сначала. Все классы обессилели бы... Россия распалась бы... Это был бы *конец России*". И ответом на эту "их" программу — собственная: "Мы за порядок". "Мы — за то, чтобы, укрепляя наши силы, вопреки проiscaм, предательству и измене парижских учредителей, достать из-за границы плуги, машины, косы для крестьянина, предметы городской промышленности для всех трудящихся. /.../ Мы за дело". "Мы — за то, чтобы Россия не была из кусочков, распавшихся, растерзанных. /.../ Мы — за великую страну, которой правит рабочий класс".

Итак, спор с Россией — из-за России. Но теперь не с вчерашними хозяевами империи. Теперь — спор со своими бунтующими "низами", кого можно карать, уничтожая в одиночку или каждого десятого, но кого — живьем — нельзя вычеркнуть из истории, перевернувшей страницу. Спор о "порядке", о "деле", о единстве (чем и кем добиться, чтобы новая Россия одолела распад, не осталась бы агломерацией "растерзанных кусочков"?). Выспоришь ли все это оружием? Кровавой кронштадтской межой отмерено — нет. Оружием не выпоришь. А мыслью? Спор мыслью? Входит ли он в расчет? Не в прежний, "военно-коммунистический", а в вовсе иной — нэповский расчет и проект? И кому в этом споре дать (или не дать!) слово: и от имени той, хлебородной, коренной России, что заявила себя вчера Кронштадтом, и от той "многоцветной", какой по сути своей не дано заявить себя чем-то равнозначным, одинаковым "да", либо одинаковым "нет"?.. Какое же слово ждать от страны (ибо это — страна), в которой Советская власть окончательно утвердилась в тот же день, когда пал Кронштадт, от страны, где "служба и молитва происходят на грузинском языке"?

... Вот они — друг против друга: Константинз Гамсахурдиа и его женевский знакомец. Пришло ли в голову первому, что его собеседник — "кремлевский мечтатель"? Напротив, тот, вероятно, счел Гамсахурдиа утопистом. Прямо от этноса, от нации к Миру — человечеству? Так оно, уважаемый, не выйдет. Есть еще — и выше того — классы и классовая борьба: и не только на мировой арене (тут особого спору нет), но внутри каждой нации. ("... Как ни важен национальный мир

между рабочими и крестьянами национальностей Кавказа, а еще несравненно важнее удержать и развить Советскую власть как переход к социализму" — первое, что курсивом в ленинском обращении к "товарищам коммунистам".) Однако все же не здесь сильнее всего споткнулись, не на этом месте разошлись. И даже не на отношении Грузии к ближайшим соседям. Споткнулись все-таки на России, на той самой, которой быть и оставаться Россией.

Ленин показал только полученную им книжку Уэллса. Подтрунили вдвоем над автором, над его кошмаром. *Не Россия, уходящая на Восток, а Россия, приходящая на Восток*, — кто из них сказал это (в ответ Уэллсу)? Мог и тот, и другой, и даже в один голос оба. Однако какой ей быть, России, чтобы пришла желанной? И опять согласились: империю мало отменить, ее надо изжить. Сверху и снизу. Добровольность в совместности, подчеркнул Ленин, и никаких обязательств, вытекающих из принадлежности к бывшей империи. Договор о союзе — не на один лишь момент, а надолго. Так? Гамсахурдиа просит уточнений. Добровольность, именно — добрая воля, какая и на бумаге, и в уме и сердце — это прекрасно, но что послужит залогом? И есть ли у народа залог надежней, чем сознание собственной, от народа исходящей и народу принадлежащей свободы? Сознание это и еще — ничем не ограниченная извне возможность распоряжаться собою и в большом и в малом... У Ленина ироническая улыбка. Он просит собеседника вспомнить недавние времена меньшевистской республики. Сумело ли это самое сознание уберечь ее от собственной несвободы: распрей, конфликтов, войн между нациями, захватов соседних земель — себе на пагубу? Что же, говорит Гамсахурдиа, заколодованный круг. Все дурное и все хорошее — в человеке. Будем же надеяться на хорошее и опираться на него. Но ведь и хорошее надо высвободить (это Ленин). В рай палкой не загонишь (это писатель). И пауза после реплики первого: а из ада дубиной стоит?

Но вот Гамсахурдиа касается самого больного пункта — людей, в руках коих власть. Россия, приходящая на Восток, — цель общая, однако кем она придет и уже пришла? Кем: освободителем без задней мысли или новым колонизатором, унификатором, насильником? Ленин мрачнеет. Он требует доказательств (имена, факты). Писатель демонстрирует батумскую газету — заголовок редакторской статьи по поводу его "Открытого письма": "Дикий вопль шовинизма". Он рассказывает о виденном и услышанном: о вторжении московских ведомств, о диктаторах-наставниках, не говорящих по-грузински, и о кавказских наместниках, которые хотели бы в считанные недели упразднить нации. Да, признает Ленин, Махарадзе сообщал нечто похожее¹¹. Предсовнаркома не стесняется в выражениях — по адресу примазавшихся. Гамсахурдиа недоумевает: разве Орджоникидзе примазавшийся, а не самый что ни на есть единоверный? Ленин отшучивается: так он же ваш, единокровный. В ответ жесткое: нет, он не грузин. Не первый из квазинаших, для кого Грузия — разменная монета, не больше, чем поприще, чем фрагмент России, уже не империи, но какой вместо? (Вот он, самый главный, самый больной "пункт"...). Ответом на ответ — еще жестче: ах, он не ваш, так кто же *ваши* — беглые правители, отставные любовники Антанты?! Так, может, выписать либерального лорда, чтоб стал во главе, а вам тогда чем: крошечной Индией на побегушках у других великих?

Молчание. Разрядка. Перебор (про себя) пунктов согласия. Писа-

тель – едва ли не на пальцах: вселенский размах (у революции – той, что есть) и он, Ульянов-Ленин, воплощением ее, он и его солдаты, с которыми разговаривал на тифлиссских улицах, отметив, как гордится каждый из них обретенным достоинством (“я – человек”), – нет, главный шанс все-таки не потерян, грузинское дело еще не погребено...Собеседник же, быстрой ассоциацией сочленив Швейцарию, что когда-то приютила разноплеменных российских эмигрантов, с Швейцарией же – той, что для себя: мирной, равновесной. В такую уместилась ли бы гордая, непокладистая Грузия, уже вкусившая от независимости и кровью – своей и чужой – заплатившая за неудачу?! И еще ассоциация – русский XIX, а в нем Польша: не просто окраина, не только цивилизованная колония, а еще и постоянный вызов, укор совести, напоминание – не быть русским свободными, пока несвободна она, Польша, и пока ее несвободой питается темное, зверское: ненависть всех ко всем... Так не этим ли вызовом, укором ныне, хотя по-другому, Грузия?!

Вслух (Ленин) : а почему б не договориться нам? И без всякой иронии – договор же всегда уступка, и если равный, то с двух сторон. Вы, грузины, кусочек от суверенности, да и не просто в уступку, а дела нужного, выгодного; хозяйственное объединение Закавказья – это ведь и регулярный обмен (нефть же вам до зарезу) , и мировую экономику вход – для себя, для нас (внешнеторговским прикрытием), а сверх того и всему итогом: Грузия – мост, прочный, надежный мост в Азию; сами же считаете – нужнее, сокровеннее дела нет. Ну а “наместника”, как изволите изъясняться, можно и погибче, поделikatней. Вот и к единству приблизимся. Единством России – к единству всех на свете без малейшего изыятия – и без малейшего покушения на право выбрать собственную форму совместно завоеванной и неподложной свободы, в этом суть – *неподложной*. Ну, как – кусочек на кусище? Договорились?

Вслух (писатель) : соблазнительно, но вот сомнение. Объединение закавказское, университет – закавказский, мост – закавказский.. и язык тоже? Закавказский язык? На нем командовать – на нем же думать? И колыбельную на нем?! А столетия, что, в нем, в языке, тоже побоку? И дружбы, и вражды в однодненье забыть? Единства-то вроде больше, но этому единству дня не прожить без арбитра. И кому же стать снова этим арбитром, как не России – великорусской, если даже станет разговаривать на иных языках... Язык без этноса – человек вне культуры. Безязыкий – безликий. Безликий – способный на любое. И человек, и Россия.

Снова вслух (Ленин) – извлекая сокровенное, вслушиваясь в реплики собеседника: так-то оно так, насчет языка вполне согласен! И все же не так. В главном, решающем не так. Путь-то к человечеству двусторонний. Не только от “части” к “целому”, но и наоборот. Очень существенное это – наоборот! А кроме желания, есть еще и необходимость. Наша, наша с вами необходимость – Россия. Не весь Мир она, но пока... Мир! (Надолго ли?) Не знаю . В перманентное пионерство не верю, сам предсказывал весной 1920-го: как победит рабочий Запад, заново станем отсталыми, социалистически отсталыми! (И теперь, в 21-м, также?) Не совсем так. Ведь та *отсталость заново* была бы как раз на прямом пути: от нас к Европе, от Европы снова к нам, и дальше, дальше. Прямого же пути, как видите, нет. Не вытанцевалось. Все кругом не то, что в 1917-м, 18-м, 19-м. Теперь об ином речь: об отсрочке, растущей в *элоху*. О “пере-

вернутом" ходе: вперед... к азам цивилизации, без коих не сдвинуть с места человеческие миллионы — и внутри и вовне. (Стало быть, не по Марксу пошло?) Нет — по Марксу! В целом и в последнем счете — по Марксу! И все, что делаем, отклоняясь, — не больше чем детали. Потомки так и скажут: детали (и нэп ваш?). И нэп!.. Но пока *решают детали*. Решают: удержимся или нет. (Россией? "Единой, неделимой"?) Да, Россией. Только о двух головах она: российская Россия и Россия всемирная. (Двуликий Янус? Так это, помнится, Вы всегда на Рю Каруж с крестьянином связывали, от этого, как от печки, танцую...) Что же, в некотором смысле обе головы — мужицкие. Всемирная Россия — разве не тот русский мужик, который в обмен на Декрет о земле поддержал нас штыком и с которым теперь помирились на новой почве? И разве не она, всемирная Россия, в том восточном мужике, близком и далеком, в том, какого еще надо разбудить, подвигнуть к освобождающему действию? (И потому — осторожность?) Разумеется. Сломить ли иначе недоверие "туземцев" к любому белому — человеку ли, слову ли? Осторожность и — смелость. Не делать жупела из отсталости, из незрелости. (А внутри? Разве не *всемирная* отсталость — великодержавие?) Конечно, из всех наследств — хуже нет. Но справимся. Справимся... если российской Россией — реальной, сильной, только сильная реальна! — если ею поддержим Россию всемирную. *Внутри себя — всемирную*. (Weltpolitik, как говорили немцы? Термин-то, согласитесь, с дурным запахом...) Волков бояться — в лес не ходить. Да, наша Weltpolitik новая, необъезженная. Та, что начинается дома — и возвращается домой: передышкой, в источниках которой не только воспоминания закордонных недругов об источке интервенции, но и неумолимости мирового хозяйства, да еще пацифизм буржуазный, его тоже не упустить, союзник-то он не союзник, но и не враг. (А коммунизм мировой — в отставку, чтобы не пугал?) Напротив. Он — в основе. Он — в людях, способных видеть дальше дня сегодняшнего. Он — дисциплиною ума, мужеством "постепенновщины". Он — у тех, кто у власти и кто способен присмотреть за властвующими; вот этим, себя образумившим коммунизмом и удержаться, не теряя, разумеется, истинных друзей "там", мало того — умножая их выходом за первоначальный, узкий, резко очерченный предел. И так, собственным обновленным неравенством — к равенству всех! (И нэпом обручиться с азиатской, иноплеменной госпожой Бедностью?!) Архаично звучит, но близко к замыслу. Можно и так, только о России не забывая. Ведь нэп наш — это и нэповская Россия, ни на что прежнее не похожая. Ею — *этой* Россией — и уберечь хрупкую, ускользающую мировую революцию... (Мировую — в одной стране?) На том стоим. И оттого никакой третьей революции внутри, ни правой, ни левой, ни "истинно коммунистической"! (Так ведь это, простите, Кронштадт навыворот?) Не спорю. Мятежного Кронштадта нет, а урок жив. "Анти-Кронштадт"? Согласен. И даже на собственный, пролетарский, коммунистический Термидор согласен...

И снова вслух писатель — с самым крайним сомнением (и уже тот, что за столом, — в репликах, но реже, реже...): боюсь и не скрываю этого. Боюсь, с детства, всего двуглавого. Двуглавою России — старой, новой. И вашей — двуглавою утопии боюсь. Какому клюву ее быть острее — российскому или всемирному? И не заклюют ли врозь, а то и вместе этнос: живой, теплый? Впрочем, он за себя постоит, он сквозь все прой-

дет, но какой ценой? (А полагаете, этнос — “нетленный” вегетарианец? В белоснежных ризах? И крови не жаждет?) Этому спору — века. Но — спору! Спору! Вы же хотите бесспорного. Бесспорной России. Бесспорного Закавказья. Бесспорного коммунистического человечества. (О нет, уважаемый Гамсахурдиа. И в Женеве, помните, только и спорили, и после, по сей день. Не хватит ли? Не растеряем ли в спорах то, что обрели?!) Да способна ли одна-единственная — Ваша — мысль опспорить самое себя, даже если б “отспорила” право думать за всех? Ежели она одна, одна надолго, то и ей нет спасения — самого буквального спасения: в человеке, в личности, без которой ни слова, ни звука, и разве не этому доказательством летопись культуры — с вечными вершинами, к которым, однако, дорога — вся — в человеческих костях?! (Ну зачем такие страхи, повремените, и к вершинам вернемся, непременно самым образом и скоро, а сейчас азы, азы культуры, вчера еще недоступные человеческой толще, — вот что нужно, вот без чего пропадем, и, кстати, от самих же пробужденных, от этноса “без азов”, и пропадем, костей не собравши...) Не смею оспаривать. Как писатель нуждаюсь в читателе. И не лишен также чувства реального. Не сразу — в человечество? Согласен. Переходы, перегоны... Но не застрять бы. Не застрять бы и не погибнуть бы — в единой России, с единой властью, единой свежеспеченными ревнителями единства, для которых по-прежнему Мир не больше чем продление России же, чем ее, России, поприще? Вот говорите Вы: “образумившийся коммунизм”. Он-де и в тех, кто у власти, и в тех, кто призван присмотреть за властвующими. Вроде бы и возразить нечего, почему б не так? Но откуда *присмотр*, из каких корней? Корни, корни — вот она загадка. А для Вас — загадка ли?.. Не приходит ли ночным кошмаром к Вам Place de la Concorde? Ведь гильотина не знала отдыха ни перед Термидором, ни даже после. Или рассчитываете отсечениями загадя предотвратить кровь без берегов, Террор как эпоху?

...На этом ли оборвался разговор, не смеем судить, поскольку не было его. Не было, но мог бы быть, и не просто разговор, а встреча взаимно заинтересованных? Или тогда, в 1921-м, еще не было места и этому диалогу, и иные слова, иные мысли в нем бы еще не выговорились. Не много времени до рокового рубежа 1922 — 23-го, а дистанция велика. Судьбами людей проявляются возможности — и невозможности истории. Писателю, “черному чародею”, уготованы (спустя пять лет) Соловки, а “абсолютному гению революции” еще раньше — небытие при жизни, немой пролог смерти, а затем и посмертное небытие — в почитаниях, в преклонениях, и в почитающих и в преемниках — диадах, взаимоненавистниках, кандидатах в “бессмертные” и в мертвецы.

И несбывшийся диалог — сигнал оттуда, из этого — его — небытия. И уже не одной лишь грузинской беды сигнал. Не ее одной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ “...Мы с уверенностью говорим, что трудности преодолеем, что этот июль — последний тяжелый июль, а следующий июль мы встретим победой международной Советской республики, — и эта победа будет полная и неотъемлемая” (из доклада Ленина на Московской конференции РКП/б/ 12 июля 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 89).

² Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958, с. 44, 48. Съезд народов Востока с участием делегатов Индии, Египта, Турции, Персии, Афганистана и ряда других

стран проходил в Баку в начале сентября 1920 г. под эгидой Коминтерна; решение о созыве его было принято Политбюро ЦК РКП (б) 29 июня 1920 г.

³ Гамсахурдиа К. С. Краткая автобиография. — В кн.: Советские писатели. Автобиографии. М., 1966, т. 3, с. 156. (Проф. А. Эмери — известный санскритолог, Расул Багир — студент-лезгин.)

⁴ Из статьи К. Гамсахурдиа "Кто шовинист?" ("Социал-федералист", 28 мая 1921 г., № 72). Как и предшествовавшая ей, статья "Ответ" (там же, 15 мая 1921 г., № 62) являлась защитой автора от нападок коммунистической прессы ("Правда Грузии", "Батумские известия") после публикации им письма Ленину. Указанные статьи К. Гамсахурдиа послужили нам опорой для общего резюме его взглядов. Все дальнейшие цитаты — оттуда.

⁵ Под "депешей" подразумевается письмо Ленина Г. Орджоникидзе, датированное 2 марта, переданное в Тифлисе по телефону 3 марта 1921 г. Спустя три дня оно было с незначительными сокращениями опубликовано в "Правде Грузии". В письме, в частности, говорилось: "Гигантски важно искать приемлемого компромисса для блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками, кои еще до восстания не были абсолютно враждебны к мысли о советском строе в Грузии на известных условиях" (Полн. собр. соч., т. 42, с. 367). Сейчас нелегко установить, какими соображениями руководствовался Ленин, давая это указание в момент, когда столица Грузии уже была занята Красной Армией, а меньшевистское правительство переехало в Кутаиси. Факты, непосредственно относящиеся к данному моменту, следует ввести в более широкую рамку, приняв за исходный пункт договор между РСФСР и Грузинской республикой, заключенный 7 мая 1920 г. Буквально накануне его Кавказский фронт, спеша развить успех — установление Советской власти в Азербайджане (28 апреля), изготавился к прыжку в Грузию. Телеграммы Орджоникидзе Ленину и Сталину: от 3 мая — "Все учено и выполняется", от 4 мая — "...Не позже 12 надеемся быть в Тифлисе./.../ Пройдет блестяще". Из Москвы — запрет (6 мая поляки взяли Киев, Англия угрожала прямыми действиями). Договором 7 мая 1920 г. были установлены дипломатические отношения между двумя странами. РСФСР безоговорочно признавала независимость Грузинской республики, отказываясь от всякого вмешательства в ее внутренние дела. Грузия же обязывалась разоружить и интернировать враждебные РСФСР воинские части, амнистировать лиц, "совершивших деяния в пользу РСФСР или в пользу коммунистической партии" и др. Дополнительным соглашением устанавливался арбитраж Москвы в вопросе о "спорных местностях" между Азербайджаном и Грузией (смешанная комиссия под председательством представителя РСФСР). "Особое секретное соглашение" легализовало грузинскую компартию. Однако последующие события, как в Закавказье, так и в Советской России, опрокинули этот мир. Главные из них: дашнакско-кемалистская война, закончившаяся, с одной стороны, турецкой оккупацией подавляющей части Армении, а с другой — провозглашением в Армении Советской власти (конец ноября — начало декабря 1920 г.); международные отношения, в которые активно вписывались кавказские дела, были крайне сложны и переменчивы: Москва добивалась освобождения армянских земель и одновременно стремилась к союзу с Анкарой, снабжая кемалистов оружием и золотом. Не меньшую, если не большую, роль играло настойчивое стремление РСФСР прорвать экономическую блокаду, прежде всего замирением с Англией. Переговоры шли долго и трудно, хотя уже летом 1920 г. советской стороной был принят предложенный англичанами "базис соглашения", предусматривавший взаимное воздержание от враждебных действий, включая "официальную пропаганду" ("... в частности, Советское правительство будет воздерживаться от всякой попытки... содействовать народам Азии" в акциях, направленных "против британских интересов или Британской империи"). В декабрьских переговорах с Л. Красным Ллойд-Джордж настаивал на упоминании Малой Азии, Персии, Афганистана и Индии и уступил лишь "упоминание Кавказа". Соглашение, правда, не было достигнуто тогда (торговый договор подписан только 16 марта 1921 г.), но можно считать, что с рубежа 1920 — 1921 гг. любая коллизия могла способствовать

военно-политической развязке на Кавказе. Существенную роль играли события в самой Грузии, нарастающий кризис меньшевистского режима: его социальная политика, ущемлявшая интересы значительной части крестьян, экспансионизм по отношению к соседям. ("Конечно, присоединение к нашей республике районов с чужеродным населением, было нашей ошибкой, но этого требовали наши стратеги для защиты границ," — писал, уже будучи эмигрантом, Ной Жордания.) Выбор момента и формы решения грузинской судьбы определились в конечном счете взаимодействием Кавбюро ЦК РКП (б), "серого кардинала" Сталина, из-за кулис поощрявшего наступательный энтузиазм кавказских партийных лидеров, и Политбюро ЦК РКП (б) (в первую очередь Ленина). Жордания-мемуарист называет две тенденции: "Одна — политическая, соседская, вторая — империалистическая"; последнюю, по его словам, представляли Троцкий и Сталин. Персональный расклад на самом деле был иной, менялся и соотношение сил в советских верхах. Нажим со стороны Кавбюро (решительный меморандум в ЦК от 2 января 1921г.) был открыто поддержан Сталиным, заручившимся поддержкой Чичерина, которая обуславливалась катастрофическим положением Армянской ССР из-за продолжающейся турецкой оккупации и препятствий, которые Грузия (сама находившаяся в тяжелом экономическом положении) чинила транзиту продовольствия и нефти в Армению. Сведения о готовящемся англичанами захвате Батуми также склоняли наркома иностранных дел к альянсу со Сталиным. Троцкий, отодвинутый от решения вопроса, оспаривал эту радикальную установку, считая, что победа над Врангелем и мир с Польшей позволят осуществить постепенную советизацию Грузии. К этому склонялись также Л. Каменев, Н. Крестинский. 24 января Сталин предъявил ультиматум ЦК ("Я требую ответа в течение шести часов"). Ленин, видимо, колебался. 26 января Пленум ЦК принял предложенную им резолюцию, которая обязывала НКВД "оттягивать разрыв с Грузией", вместе с тем "запрашивала" Кавфронт о военной готовности "на случай немедленной или близкой войны с Грузией" ввиду "крайнего обнагления" последней. Троцкому, Чичерину и Сталину была поручена формула "запроса" — исход, в сущности, был предрешен. 31 января Троцкий обращается в Политбюро с обвинением кавказских коммунистов в форсировании конфликта ("Между тем всякий шаг с нашей стороны в этом направлении был бы величайшим преступлением"). Разногласия и колебания продолжались еще некоторое время с общей направленностью на открытое вмешательство. Восстание в ранее отторгнутых Грузией районах с преобладающим армянским населением послужило убедительным основанием для него. Жордания, который располагал информацией о готовящемся, пытался предотвратить развязку. "Может быть, мы согласимся на все, кроме одного, отказа от нашей независимости и национального суверенитета", — заявил он еще в конце 1920 г. В разгар наступления XI Красной Армии он обратился по радио к Ленину и Троцкому с просьбой о приостановке военных действий ради переговоров. Не исключено, что Ленин еще хотел пойти навстречу этому предложению. "...Мы приложим все свои старания, чтобы потушить пожар, который вспыхнул на Кавказе", — говорил он на Пленуме Моссовета 28 февраля, назвав происходящее "страшным восстанием". Неизвестно, какие именно директивы дал Ленин А. Енукидзе и А. Сванидзе, направленным для ведения переговоров, и в какой степени эти директивы реализовались еще раньше обращением ревкома Грузии (28 февраля) к бывшему правительству: "Признайте проигранным свое дело... Подчинитесь Советскому правительству Грузии, которое, вступив в Грузию, предаст забвению все прошлые преступления своих врагов и которое готово поступить таким же образом и по отношению к вам". Хотя ревком телеграфировал Ленину 8 марта (дата опубликования в "Правде Грузии"): "Стремиться к соглашению с Жордания и другими группами меньшевиков мы будем", заявление это, будь даже оно вполне искренним, не могло привести к какой-либо политической коалиции, что и подтвердили переговоры, которые М. Орахелашвили от имени ревкома Грузии (при участии Енукидзе и Сванидзе) вел с меньшевистским правительством (в лице Г. Лордкипанидзе). День подписания соглашения о прекращении военных действий и совместных усилиях в защите Батуми от "внеш-

них врагов" — турок (18 марта) совпал с концом существования обособленной Грузии. — См.: Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 54, с. 437; т. 52, с. 71, 365—366; т. 42, с. 357; Хармандарян С. В. Ленин и становление Закавказской Федерации. 1921—1923. Ереван, 1969; Ключников В. В., Сабанин А. В. Международная политика нового времени в договорах, нотах и декларациях, ч. III, вып. I М., 1928; "Документы внешней политики СССР", т. 3. М., 1959; Тускег Роберт С. Stalin as revolutionary. 1879—1929. N. Y., 1973; Жордания Н. Моя жизнь. Stanford, Col., 1968; "Борьба за победу советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917—1921 гг.)". Тбилиси, 1958; "Революционные комитеты Грузии в борьбе за установление и упрочение Советской власти (февраль 1921 г. — март 1922 г.)". Сборник документов и материалов. Сухуми, 1963.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 198—200. Обращение датировано 14 апреля 1921 г. Написано после свидания Ленина с А. Ф. Мясникяном, назначенным главой правительства Советской Армении, накануне его отъезда из Москвы. В "Правде Грузии" опубликовано, однако, лишь 8 мая. Есть сведения, что 2 мая Мясникян информировал о письме Ленина Кавбюро.

⁷ "Девятая конференция РКП/б/. Сентябрь 1920 года. Протоколы". М., 1972, с. 36, 37, 57, 61, 55. В 1920 г. протоколы этой конференции были изданы в урезанном виде. Не полностью изданы они в 1972 г., в частности выступления Ленина даны не в стенографической записи, а по краткому газетному изложению.

⁸ Характерная статья Л. Д. Троцкого "Шумиха вокруг Кронштадта", написанная им спустя 17 лет после восстания. Самое восстание рассматривается как одно из рядовых проявлений "мелкобуржуазной контрреволюции": "От длинного ряда других /.../ движений и восстаний Кронштадт отличается только большей внешней эффективностью". Воспроизводится неточная версия основного лозунга восставших: "Советы без коммунистов", в то время как их действительным лозунгом было: "Власть Советам, а не партиям" (милюковская интерпретация лозунга была прочно приклеена к восставшим тогда же и с определенной политической целью — прямого отождествления их с "белогвардейщиной". Троцкий, конечно же, знал о фальсификации, но считал более удобным держаться укоренившегося взгляда). Единственная уступка духу времени — риторический вопрос: "Неужели же пролетарская революция, только потому, что она совершила политическую ошибку (задержка с нэпом. — М. Г.), должна была в наказании самой себе прибегнуть к самоубийству?". И в заключение: "Сегодняшние споры вокруг Кронштадта располагаются по тем же классовым осям, что и само /.../ восстание, когда реакционная часть матросов пыталась опрокинуть пролетарскую диктатуру". — "Бюллетень оппозиции", № 66—67, май-июнь 1938, с. 22—26.

⁹ Ленинский сборник, XI, с. 396.

¹⁰ Выражение Н. И. Бухарина. Дословно: "...военная система на основе общей нищеты". — "Десятый съезд РКП (б). Март 1921 года". М., 1933, с. 280.

¹¹ Из письма Ф. Махарадзе, председателя ревкома Грузии, направленного Ленину 1 марта 1921 г.: "Есть еще одно обстоятельство, на которое я должен обратить Ваше внимание. Мы, грузинские коммунисты, были и остаемся наиболее последовательными централистами — по сравнению с коммунистами из других окраинных народностей. Да притом же мы отлично понимаем и сознаем, что без Советской России в данный момент не существовать ни одной из этих малых или даже больших советских республик. Говорю это вот почему. Я уже вижу, что из разных "центров" и "главков" к нам уже летят бесчисленные "главно" и "особоуполномоченные" представители с сногшибательными мандатами. Нечего говорить о том, что мы будем относиться к ним очень критически. Конечно, поскольку мы будем иметь дело с действительно опытными, действительно полезными работниками, они найдут в нас всяческую поддержку и содействие, но постольку (поскольку? — М. Г.) мы будем иметь дело лишь с авантюристами и преступными элементами, мы будем их в лучшем случае выпроваживать" ("Ревкомы Грузии...", с. 33). Ленин реагировал запретом посылать в Грузию представителей центра без разрешения Малого Совнаркома (Ленинский сборник, XXXVI, с. 207).

НУЖЕН НАРОДОВЕДЧЕСКИЙ ЛИКБЕЗ

Интервью с народоведом Исидором Левиным

Народ — непонятное слово
И зря введено в оборот, —
Гляжу на того, на другого
И вижу людей, не народ.
Несхожие, разные люди —
И праведник тут и злодей,
И я не по праздной причуде
Людьми называю людей.

М. Петровых

— Д-р Исидор Левин, Вы недавно стали лауреатом премии Питре Интернационального центра этноистории в Палермо (Италия). Однако из Ваших книг по сказкам Кавказа, Армении, Таджикистана, из других работ видно, что Вы противник этнической концепции истории культуры. Нет ли здесь противоречия? Каковы Ваши взгляды на "этнос"?

— Вероятно, именно мои выступления против этнизма и привели международное жюри к неожиданному и лестному для меня решению. Ведь ценность имеют лишь те теории, которые перечат общепринятым... В кратком интервью я смогу лишь сформулировать, но не доказать свое скептическое отношение к ипостаси "этноса". Большую часть моих семидесяти лет жизни я занимался изучением — осторожно: тут строгая формулировка! — явлений культуры в их размещении в пространстве, распределении во времени, расслоении в обществе, их психической обусловленности и функции. Этот методологически единый динамический комплекс, как слышите, не содержит этноса ни в качестве носителя, ни генератора изучаемых феноменов, включающих жильё, одежду, пищу, труд и развлечения, знания и верования, поведение и фольклор. В Европе эту науку именуют народоведением, разумея "народ" как население. Исследуя главным образом сказочные сюжеты глобально, я убедился в том, что словесный репертуар ныне вообще качественно нечленим, ни по языкам, ни по нациям. Сказки — это не исключение. Перечисленные явления культуры региональны и эпохальны, а вовсе не этничны, хотя это подчас так кажется и даже интерпретируется из-за отсутствия объективных сведений вообще или субъективной эрудиции в частности. Категория "этнос" (и стыдливые синонимы по эволюционистским рангам) появилась в науке о культуре как социально-исторически понятная рабочая гипотеза, которую как аксиому стали насаждать более или менее откровенными политическими средствами.

"Национальность", "этнос" служат многим не столько ключевым понятием, сколько "фомкой" для вскрытия замкнутых недоказанными

теоремами проблем. Мнение об этнизме культуры, о ее сугубо национальном или чисто классовом происхождении — это всего лишь компонент все еще расхожей идеологии, доставшейся нам от донаучного прошлого. Представление, что Земля населена ныне такими-то расами, нациями или, говоря более архаично, но и модно, "этнотами", далее, что каждая нация как ипостась награждена собственным языком, специфической психикой и отсюда — своеобразной культурой, неповторимым фольклором и вообще неподдельным уникальным искусством, многими другими добродетелями, что в силу своего всегда великого прошлого и замечательных корней имеет право на столь же превосходное, обязательно коллективное будущее ее чистых чад, для чего ей, т.е. им, требуется крепко огражденный резерват, сиречь непроницаемая государственная и, стало быть, "священная граница", — все эти и некоторые другие популярные постулаты, составляющие этнизм, есть суезнание, т.е. уже преодоленное передовыми учеными школьное знание.

Став символом веры властей и/или тех, кто к власти стремится, войдя в канон идеологических мировоззрений, а то и партийных уставов и государственных конституций, школьная мудрость прошлого, ее ошибочные догмы приобрели подчас огромную как созидательную, так и разрушительную силу, присущую разве что истинным законам природы. Но если законами природы власть, поддерживаемая услужливыми учеными, нередко легкомысленно пренебрегает, то сомнительной концепцией этнизма она продолжает дорожить. Ею пытаются легко объяснить свои достижения и промахи в так называемом культурном строительстве. Поэтому трудно избавиться от этноцентристского мышления как ведущих культуроведов, так и, наоборот, лиц, ведающих культурой по службе. Уж больно удобно старое мышление...

— Если "этнос", по-Вашему, всего лишь ученая конструкция или фикция, то чем объясняются явные межэтнические конфликты, увя реальные?

— Да, они кровно реальны, но тем не менее фиктивны. Я же назвал причины, в силу коих фикции или, вернее, гипотезы могут повлечь за собой вполне ощутимые последствия, особенно если стараться извлечь из них обдуманно или, что еще опаснее, бездумно, эмоционально обоснование, а чаще оправдание каких-то действий, вплоть до военных, т.е. кровавых. Есть столкновение, но этнично ли оно? Ошибочная интерпретация конфликта может вторично найти подтверждение, превратившись в мотивацию напряженности. Это, кстати, испытанный психологический механизм действия демагогической рационализации. Известно, что участники любого конфликта всегда склонны объяснить его "естественно", а с некоторых пор и "исторически". Этнизм аргументации — это важный симптом, но это следствие так называемой в психологии *регрессии*. Это следствие сознания, пресыщенного безответственными учебниками, а не причина.

— Вы, кажется, склонны считать этничность межэтнических конфликтов чем-то вроде формы, подобно тому как Энгельс считал войны на религиозной почве лишь формой выражения иных противоречий?

— Это удачное сравнение! Но "формой выражения" пренебрегать не надо. Участники религиозных войн были все же посвящены в тонкости богословия, они имели свободный выбор. С участниками "этнических", как, впрочем, и идеологических, споров ныне дело обстоит хуже.

Воители плохо информированы, а этнизм мотивации предрешает альтернативы: кто не с ними, тот предатель своей нации и т.д. Ведь в той напряженности, которую Вы имеете в виду, тоже звучат религиозные мотивы. Мне доводилось опрашивать жителей Армении и Азербайджана насчет их информированности в учении религий этих стран. Никто из опрошенных не смог вразумительно разъяснить ни вероучения Армянской церкви, ни расхождения суннитов и шиитов; одни не читали Библии, другие не читали Корана. Между тем территориальный спор, как мы слышали, принимал подчас и религиозную мотивацию. Дело не в вероучении и не в этносе, т.е. не в разности языка и обрядов при рождении и смерти. На средствах выражения возникшей по другим причинам напряженности сказываются стереотипы мышления. В наше время астрономия далеко ушла от народной астрономии, разительны отличия современной биологии от устарелой, средневековой. Наряду с лингвистикой академической все еще бытует "народная этимология", фантастически, наивно объясняющая названия предметов. Ее всерьез уже не принимают, хотя и это любопытное свидетельство. Есть, однако, и "народная этнология", описывающая и толкующая свойства "народов". Бывает, что "народная медицина" приносит пользу, "народная же этнология" причиняла лишь вред. Средства выражения упомянутых конфликтов восходят к "народной этнологии". К сожалению, советская академическая наука об "этносах" остается, в сущности, весьма близкой к народной...

— В чем же истинная причина кризиса и почему, по Вашему мнению, он выражен этнически?

— Суть современного возраста есть желание, потребность кем-то быть, но не став им. Поясню. Чтобы стать мастером, не говоря уже, чтобы стать ученым-народоведом, необходимо много работать над собой, ибо "народ" — в каждом человеке, а народные представления о народах нужно как можно раньше преодолеть. Чтобы кем-то стать, надо трудиться всю жизнь, даже с дипломами в кармане, надо овладевать умениями и накапливать знания, сомневаться, перепроверять и совершенствовать их и значит "кем-то стать". Но кем-то быть, например "сыном своего народа", не став им, можно куда легче: достаточно усвоить, как говорится, с молоком матери родной язык и ту же "народную этнологию", подкрепленную славословием этнографов, преподаваемым школьными учебниками, фольклоризмом романтической литературы, — и вот уже готова духовная основа для претензий, скорее симулирующих, нежели стимулирующих цель в жизни. По логике вещей цель устремляет вперед, в будущее, между тем как претензии известного рода ориентированы в далекое прошлое предков и/или поставлены в причинную зависимость от собственного происхождения...

— Вы заостряете внимание на индивидуально-психологическом аспекте социального, экономического кризиса, между тем всякое движение охватывает группы людей...

— В данном случае речь идет о группе еще не индивидуализованных индивидов, которых объединяет возраст и социальное положение. Значение психики здесь велико. Стремление кем-то быть, получить признание свойственно молодежи. Потому-то они легче всего подвергаются идеологическим злоупотреблениям, манипулированию на легком пути к облюбованному месту в жизни. В XIX в. романтические "младодвижения"

питались идеями национального суверенитета, т.е. идеализацией государственности, а кое-где молодые люди вдохновлялись не этноцентризмом, а европоцентризмом, американизмом, короче, отрицанием всего унаследованного, воюя за революционный космополитизм. Впрочем, можно эти вещи назвать и иначе. Если раньше консерваторы, обладая реальной властью, игнорировали молодежь, то в XX в., наоборот, они же с нею заигрывали. Это проявилось с особой силой в Германии при Гитлере и в Китае при Мао, при всей разности их отношения к этнизму. В наше время этнизм — это детская болезнь правизны, но зараза пришла от старых левацких хроников, которые, будучи молодыми, заболели детской же болезнью левизны с ее национальным нигилизмом и криптошовинизмом 20–30-х годов. Возрастной характер этих явлений очевиден, они включают агрессию и весь спектр фашизма.

С этносом дело обстоит так, как с давлением атмосферы. Воздух давит на голову сильно, но если человек начинает этот вес ощущать, то это патология. Мой учитель, народовед Вальтер Андерсон, изучал вспышки “марсианской паники”, это когда панически боятся, что на голову падет планета. Падение кометы на Землю возможно, но от ожидания свершения этой возможности страдают обычно лишь душевнобольные. Однако их лечат не уроками по астрономии. Впрочем, учившийся физике небесных тел в случае заболевания страхом найдет себе иное пугало, чем метеор... Здесь есть над чем подумать. Если бы школьное образование развеяло гипотезу этнизма, молодые люди в Советском Союзе приобрели бы иммунитет к некоторым детским душевным заболеваниям. К сожалению, до сих пор все делалось для того, хотя и по-разному, чтобы иммунитет против многих заблуждений оказался слабым. Вероятно, в надежде на успех манипулирования и индоктринирования молодежи в желанном духе. Это “воспитание” повторялось в течение многих поколений. В результате — духовный СПИД и запоздалая зрелость. Молодость в конце концов проходит, а молодежь как группа вечна, и “этническая напряженность” с нею всегда была связана. Очень редко встречаются люди, вполне свободные от этнических заблуждений, иммунные от национальных предрассудков, от ощущения неполноценности или же компенсирующей спеси.

— *Есть ли положительный опыт лечения этого недуга?*

— Да, есть, и именно там, где этнизм достиг самого уродливого апогея. В немецком народоведении уже завершилась ревизия националистических, или этнических, концепций, унаследованных от XIX в. и усиленных в 30 — 40-е годы XX столетия при Гитлере. Это случилось и в школьной практике ФРГ. К сожалению, те же самые романтические теории XIX в. все еще держатся в советских школах и вузах наряду с противоположными декларациями, лишеными воспитательной силы. Я недавно слышал на сей печальный предмет учебные пособия по народоведческим дисциплинам. В Мюнхене в 1986 г. осенью состоялся конгресс, посвященный всецело фашизму в народоведении. Как ни странно, но многое из того, что там разоблачали как фашизм, внедряется еще как научная доктрина в программах для советских вузов. Попытки разоблачать в этом параллелизме на совещаниях под эгидой ИМЛИ—ИРЛИ, Совета по фольклору при АН СССР сплошь и рядом срывались. О перестройке в этой отрасли нет и речи. Вот вам другой пример. Мне дали на рецензию перевод на немецкий язык большой книги по народному

искусству СССР, подготовленной на экспорт издательством "Аврора" в Ленинграде. Я предупредил издателей, что этот парадный труд будет воспринят немцами как апология идей, насаждавшихся в нацистской Германии народоведческим отделом "Наследие предков" при рейхсфюрере СС Гиммлере. Тем не менее книга вышла, а в "Авроре" даже не удосужились обсудить вопиющие факты. Не удивительно, что такие издания ряда советских институтов бросили тень на советских народоведов, пишущих о народном искусстве. Как видите, есть опыт, что опыт ничему не учит.

— *Наша беседа склонилась от теории к практике. Как Вы относитесь к прикладной науке, какова она применительно к народоведению?*

— Есть прикладное народоведение. Это истораживает ученых. Мне кажется, что не надо опасаться прикладной науки. Она бывает полезна и для теории. Так, например, в физике, химии, биологии. Однако в области культуры: практика, пожалуй, всегда поддерживала заблуждения ученых. Так, советские этнографы, в сущности, всегда обслуживали спускаемые сверху доктрины или же подымали наверх угодные этнические постулаты. Теоретические рассуждения, как правило, носили комментаторский характер, то были экзегезы различных постановлений, ныне уже официально отмененных, но конфиденциально остающихся в обиходе этнографов и фольклористов. Миллионы (а старыми деньгами времен XIX съезда ВКП (б) — миллиарды) рублей потрачены на решение теоретически безнадежной и практически бесполезной проблемы "этногенеза". Академические учреждения вообще покровительствовали этнографизму и фольклоризму, выдавая эту обратную связь, реализацию указаний за подтверждение своих концепций. Такое же пристало серьезным ученым. Прочтите тома московского журнала "Советская этнография" и аналогичные провинциальные издания: нигде нет и намека на возможность появления напряженности или даже тени недовольства на национальной почве в СССР! Наоборот, из года в год внушалась мысль о полном благополучии, а заодно — что проповедываемая учреждениями доктрина всегда была абсолютно правильной и только марксистско-ленинской, что подкреплялось дежурной цитатой... Есть такая игрушка, она называется "Ванька-встанька". Она удивляет детей. Поскольку круглая нижняя часть в человекообразной болванке тяжелее головы, то, как Ваньку ни ставь, он всегда встанет головой, поднятой вверх. В этом образе карикатурист мог бы наглядно воплотить этнизм как теорию или религию всей огромной иерархии сферы культуроведческого обслуживания. Большим кораблям — большое плавание, им свойственно непотопляемость. Вот пример: одним и тем же научным сотрудникам и пропагандистам на моей памяти доводилось за время своей службы, согласно плану, щедро оплаченному, разоблачать, клеймить позором обычай носить венчальное кольцо, а позже восхвалять этот обычай. Не гнушались и сочинением сценариев для "новых обрядов", заявляли о "рождении традиции", уповая на диригизм, на силу приказа. Многие из обвинителей в национализме всех и вся вдруг переходили в присяжные его защитники. Какая уж тут наука! Да и не удивительно. Количество — оставим в стороне содержание и качество, — т.е. объем знаний, преподаваемых в вузах по специальности "этнография и фольклор", ничтожен сравнительно чуть ли не с любой дисциплиной. В результате так называемые "природные носители" этой информации легко получают

дипломы специалистов, к которым, чего доброго, власти могут теперь обратиться за рекомендациями по делам национальностей. Это похоже на то, как если бы всякого говорящего на родном языке стали бы считать языковедом или роженицу – биологом. Легко догадаться, что хирурга с подобным объемом знаний не стали бы допускать к операции, даже если он сам перенес операцию. Между тем именно со столь мизерным научным и житейским багажом многие люди отправляются в этнографические экспедиции... Они не только собирают, но и насаждают удобную им информацию. Я хочу сказать, что к этнической напряженности так или иначе причастны также этнографы, прежде всего те, кто их учил, наставлял и снаряжал. Расовые, этнические, национальные столкновения – это результат, между прочим, не только “народной этнологии”, но и “прикладной этнографии”, следствие деятельности и бездеятельности очень многих академических служащих.

– Соглашусь с Вами, что школы, вузы должны перестроить самый подход к национальной проблеме. Какая прикладная, практическая задача смогла бы, по Вашему мнению, перестроить теорию? Ведь Вы дали понять, что прикладные проблемы способны вывать теоретиков из застоя и дать им материальные средства. Не так ли?

– Есть такая задача, и найдутся средства также для теоретического обеспечения ее решения. Это дело презентации культуры, т.е. вопрос о том: где? что? почему? как? Надо предоставлять желающим возможность ознакомиться с жизнью населения в прошлом и настоящем. Все это познавательски важное дело документации, пожалуй, создания образа, местности и облика ее народонаселения, хотя бы в восприятии миллионов советских и зарубежных туристов, лишено солидной, теоретической и практической концепции. Дело презентации культуры, приносящее большую денежную прибыль, дано на откуп туристическим организациям, что оборачивается духовным убытком, упущенными возможностями просвещения миллионов любознательных людей... Мне доводилось знакомиться с предписанными разработками так называемых импровизированных, свободных бесед экскурсоводов, я интересовался восприятием, ожидаемым их авторами влиянием этих бесед на умы, алчущие информации. Оказалось, что, к сожалению, слишком часто экскурсии, как и школа – ведь гиды нередко по совместительству те же учителя истории, – создают тенденциозную, потому сомнительную, в лучшем случае лубочную о прошлом и плакатную о настоящем, картину местной истории культуры. Все это идет от некомпетентности. Этому должным образом не учат в вузах. Многие из того, что высочайше утверждено нужным демонстрировать туристам как местное, народное, даже национальное достояние, представляет собой мистификацию “этнической специфики” вроде китайской “матрешки”, других сувениров, плясок и песен, ряженных в так называемых “национальных” костюмах. Если дачу рекомендаций по презентации культуры поручить хозрасчетному НИИ из честных не скомпрометировавших себя ученых, желающих учиться и работать коллективно, а маленькую долю доходов от туризма направить в законном порядке народоведению, можно было бы повсеместно продвинуть науку и начать изживать халтуру. За рубежом научным обеспечением туризма уже давно занимаются некоторые солидные университетские институты народоведения. Ничего зазорного для ученых в этом нет. Давно пора перестроить устарелую концепцию, не побоюсь

сказать, литургическую концепцию музеев этнографии и краеведения. С большими централизованными государственными музеями с ходу ничего не поделаешь, да и над ними ученая иерархия наподобие православной церкви. Там ревизия научных основ воспринимается как ересь. Однако децентрализованные музеи краеведения из их убогого застоя вывести можно. В свое время в угоду политическому централизму и этноцентризму было разрушено здоровое в своей географической, экологической основе краеведение, заподозренное в сепаратистском местном патриотизме, в ностальгии и чрезмерной симпатии к крестьянскому и/или мещанскому быту.

Краеведческое движение можно возродить. Настало время, а главное, стало возможным, т.е. безопасным, предложить краеведам новую концепцию презентации местной культуры. Прикладное народоведение могло бы способствовать профилактике так называемых ныне "этнических конфликтов". Между тем краеведческие музеи, любители старины, экскурсоводы и лекторы напряженность нередко поощряют, например на Кавказе, когда история завоевания края изображается с позиций откровенного царского империализма, а местный быт населения подается либо с умилением как экзотика, либо оценивается критически с позиций европейских стандартов, к тому же современных...

— Что же могут ученые-народоведы, социологи сделать для снятия напряженности между народами?

— Прежде всего честно заблуждавшимся ученым следовало бы покаяться в своих ошибках, а цинично заблуждавших надо отпустить на покаяние. Всем надо воздерживаться от поддержки тенденций, могущих усилить напряженность и усугубить недопонимание процессов культуры. Затем необходимо просветить просветителей: учителей, лекторов, экскурсоводов, журналистов, всех так называемых культработников, чтобы они сами лучше поняли культуру и культы. Ученым следовало бы активно просвещать активистов и лидеров некоторых объединений, сложившихся, казалось бы, на этнической, национальной основе, от последних же стоило бы требовать специальный образовательный ценз, что ли, публичный экзамен, хотя бы по истории родной культуры. Требуют же от водителей самоходов, лодок, от проводников в горах достоверных знаний и умений. Неужели организатором союзов, объявляющих целью "возродить и развить национальную культуру", может стать всякий без надлежащих знаний? Пора избавить практикующих идеологов и строителей культуры от устарелых этноцентристских доктрин в разных сферах общественной жизни. В отдаленном прошлом, на заре народоведческой науки, о народе, о культуре населения высказывались "эксперты": помещики, фабриканты, священники и миссионеры. Позже стали давать слово никем не уполномоченным "представителям", возник культ соблазнительных, а может, и соблазненных "информаторов" и "сказителей" и иных "выходцев из народа", из уст этих лиц записывали "чаяния и ожидания" всего народа. В мировой науке уже перешли к репрезентативному опросу населения. Не прибегая к прямым опросам, можно демоскопическими средствами узнать подлинное состояние пресловутых межэтнических отношений. Можно получить и дать доказуемое представление о настроениях и взглядах людей насчет своего и чужого гипотетического "этноса", о "национальных чертах характера", о столь искомым ныне "корнях", своих и чужих. Тщательно добытую

информацию эту надо документировать, затем широко освещать и результаты ее систематического анализа периодически подвергать дискуссии.

Легко можно бы провести разовую диагностическую акцию в учебных заведениях и положить начало документационным центрам культуры населения. Этот материал помог бы конкретному обучению терпимости и расширению кругозора населения, что сделало бы эффективней воспитание и удовлетворение культурных потребностей. Важно дать людям возможность распознать свои настроения, узнать также о чужих мнениях, между прочим, по "национальному вопросу" в ясных формулировках. Тем самым через толщу мистики будет пробит путь к самопознанию. Гораздо труднее и действеннее объяснить себе и другим скрытые истоки и подлинные причины этих и многих других убеждений. Лишь это приведет к преодолению иллюзий, которые созревают из иррациональной, несознательной сферы каждого человека в пору молодости. Просветлением по своей природе темной эмоциональной сферы можно добиться рациональной, интеллигентной мотивации поведения вместо импульсивной или рационализованной. Это задача педагогическая или даже терапевтическая. Слабость усилий воспитания в духе так называемого пролетарского интернационализма, как и христианского братства, вообще гуманизма, обусловлена тем, что проповедники обращают, пусть и правильные, слова лишь к сознанию, тогда как убеждения, приводящие к действиям, отнюдь не всегда вербализуемы. Там, где требуются психологические средства, бессильны бывают логические аргументы. Известно, что нынешние антагонисты, получив идентичное, психологически беспомощное образование, прибегают, как правило, к квазинаучным аргументам не столь экономическому — поскольку этой науки в школах нет, — сколь исторического, даже археологического свойства, сознательно или, что опаснее, несознательно эксплуатируя накопившееся суезнание, а то и суеверие, пестуя свой или чужой шовинизм. Это издержки еще просветительского сциентизма прошлого века, когда Галилеем и Дарвином били по Библии. На упразднение частной собственности на орудия производства возлагалась надежда, причем научно не вызывавшая сомнений, что полностью исчезнет почва для межлюдской вражды и тем более для группового антагонизма, легко упраздняемого государством. Это было вполне логично, но не психологично. Группы, а главное, чувство принадлежности к ним, образуются и по другим признакам, имеющим симптоматическое, вторичное значение. Люди стремятся организовать, отождествиться по языку, которого не знают, по корням, которых не имеют, по религии, в которую не верят, по другим гипотезам и ипостасям, т.е. по отвечающим их настроениям убеждениям, подкрепляемым именно историческими аргументами. Велик соблазн лечить недуги современности уроками честной истории. Это такая же иллюзия, как надежда писателей, в частности постановщиков военных фильмов, что они послужат миру или что молодой зритель обязательно отождествит себя с подпольщиком-антифашистом, а не с эсэзовцем, с жертвой, а не с палачом, что гораздо естественней...

Появление в Ленинграде пока "потешных" поклонников Гитлера — доказательство психологических просчетов советского кино. И то и другое опять же следствие, а не причина. Щелкая по барометру, указывающему на бурю, погоду к лучшему не изменить. Заклинания вроде

“Морального кодекса”, как и любой призыв в лоб, равноценен в деле оздоровления общества выстрелу в затылок, широко и долго практиковавшемуся с этой благородной и “научной” целью.

Этноцентристское мышление нескольких поколений государственных, политических деятелей стилизовало нации как субъекты истории и общественной жизни, нации создавались там, где их вообще не было. Потоки привилегий были пущены по национальным каналам, укрепленным частоколами законов, освященных догматикой суезнания. Не приходится удивляться, что и нарастающее недовольство потекло по тем же руслам. Снять частоколы и выравнять почву — посильное дело властей. Ученым, как и всем людям, нужно узнать правду. Нужно поставить диагноз как можно большему числу индивидов, так как именно они склонны к интеграции с себе подобными. Надо хорошо изучить группобразующие обстоятельства, не мистифицировать их. Нельзя ученым злоупотреблять этими знаниями для манипуляций межлюдскими отношениями, как это бывало до сих пор с обществоведами. Наоборот, надо сделать все возможное, чтобы дать людям ясное видение многообразия народонаселения страны и мира, памятуя, что без честного образа подоплеки своего национального или другого отождествления от члена любой группы можно опасаться взрыва махрового безобразия.

— Как Вы смотрите в этой связи на религиозные объединения? Может ли церковь подавить национализм?

— Смотря какая церковь, и какая религия, и при какой иерархии... Может, если захочет. Православные высшие иерархи высоко ценят свою борьбу за мир. Очень хорошо, что религиозные объединения никому пока не объявляли здесь священной войны. К сожалению, иерархи по разным причинам удовлетворяются вполне формальной принадлежностью паствы к своему вероисповеданию. Опыт показывает, что даже религия приобретает государственный, следовательно, и национальный характер. Эта опасность известна хотя бы по опыту второй мировой войны. Церкви СССР так еще и не осудили свои действия и/или бездействие в тяжелые времена испытаний. Печальный факт. Церкви теперь займутся реабилитированными жертвами в своих рядах. Когда же наступит время помолиться за душу жертв политики нетерпимости бывшей государственной русской церкви? Воинствующий национализм в наше время нередко облачен религиозными атрибутами. Здесь ученые могут помочь, прежде всего теологи, коих не слышно в наших краях.

По национальному вопросу, давно объявленному решенным, как и по вопросам религии, в советской науке, строго говоря, заделов для правильного ответа и для руководства к действию, увы, нет. Нужен букварь, народоведческий ликбез.

*Январь 1989
Интервью брал
Н. Шабуров*

ЦЕРКОВЬ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ И ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Историк Николай Шабуров беседует со священником
Марком Смирновым

Н.Ш.: Прежде чем перейти к главной теме — теме межнациональных отношений, — давайте начнем с более общей проблемы: отношение русской православной церкви к изменениям в нашей стране вообще, как они были встречены?

М.С.: Перестройка, гласность, демократизация обрушились на Церковь так неожиданно, а ее ответная реакция — растерянность, медлительность, неспособность к действию — так очевидна, что говорить о какой-либо ее готовности к этим процессам, по-видимому, нельзя.

Но ведь и все наше общество, мы сами всегда ли в последние годы оказывались на уровне тех стремительных перемен, которые называем обновлением? Вспомним. В 1985 г. мы и представить не могли, что всплывут из небытия имена забытые и возникнут имена новые; что на наших глазах произойдут такие события, как издание всех произведений Солженицына, как посещение Москвы Синаевским, пусть краткое, вызванное горькой причиной — смертью его сотоварища и первого, можно сказать, диссидента Юлия Даниэля. Но все-таки это случилось, как и многое другое, что вторглось в нашу действительность, поселив в нас смятение. До сих пор мы ощущаем некоторую заторможенность, некий психологический шок.

Что же говорить о Церкви, которая тихо-мирно существовала, находясь в обое общественной жизни. Ей казалось, что это спокойствие может продолжаться еще очень долго, без каких-либо перемен.

Н.Ш.: Можно ли в таком случае сказать, что наряду с радостным принятием того, что происходит в Церкви, ощущается и чувство некоторого дискомфорта?

М.С.: Да, безусловно. Дело в том, что Церковь внезапно оказалась объектом внимания средств массовой информации. Христианская интеллигенция пристально вглядывается в страницы "Журнала Московской патриархии" и уже не удовлетворяется уклончивыми ответами иерархов на пресс-конференциях, хочет понять, кто управляет Церковью, какая связь существует между иерархами и паствой. На все эти и другие вопросы от Церкви ждут ответов. В стране идет гласное и открытое обсуждение проблем сталинизма. А Церковь внезапно оказывается косноязычной, почти безгласной. И только под самый занавес 1988 г. митрополит Ювеналий как бы между прочим сообщил в программе "Взгляд", что создана комиссия, которая будет собирать информацию о жертвах репрессий, которые понесла также и Церковь.

Такого рода молчаливость объясняется, скорее всего, неуверенностью в завтрашнем дне, привычкой быть предельно осторожными,

чтобы, не дай Бог, не испортить отношения с властью имущими. Может быть, это и предусмотрительность: а вдруг не сегодня завтра что-то вновь изменится, придет новый лидер. И что тогда?

Н.Ш.: Наше общество сейчас сильно поляризовано, в нем существует довольно значительное консервативное крыло. Имеется ли такое крыло в Церкви?

М.С.: Да, разумеется. Но прежде чем говорить об этом, надо сказать о предыстории. Первые годы революции привели Церковь к конфликту с новой властью, которая практически довела ее к концу 30-х годов почти до полного исчезновения. Но Церковь неожиданно выжила, однако не благодаря своей стойкости, как это было в Польше и в других странах Восточной Европы после войны, а по милости "всемогущего самодержца". Сталин, осуществляя свои великодержавные концепции, со временем увидел в Церкви институт, способный помочь претворить в жизнь его имперские амбиции, упрочить его культ. И Русская православная церковь активно приспособилась к реальности сталинской эпохи, стала фактически приложением государственно-бюрократического аппарата. Она прославляла Сталина как богоданного мужа и объявляла "идеалом всякого человека". Выполняя эту отнюдь не религиозную функцию, Церковь перестала чувствовать разницу между венчанным на царство самодержцем, который являлся главой не только государства, но и Церкви, и диктатором, захватившим власть в качестве лидера партии и правительства.

Н.Ш.: Отец Марк, уже давно идут споры об истоках катастрофы, которую претерпела наша страна в 20-м столетии. Имеются две основные концепции. Согласно одной из них, предоставленной, в частности, статьей А. Ципко "Истоки сталинизма", вина за эту катастрофу лежит в первую очередь на идеологии, согласно же другой — она отражена в известной статье И. Клямкина, — корень зла заключается в некоторых традициях русской истории и русской государственности. Что Вы думаете по этому поводу? И какова роль Церкви в том, что произошло?

М.С.: Я считаю, что Православная церковь несет ответственность за катастрофу, о которой Вы говорите. Дело в том, что в христианстве заложено все, вплоть до утопического коммунизма. Хотя, наверное, и коммунистам, и антикоммунистам не нравится, когда говорят о преемственности идей коммунизма по отношению к христианству. Однако, по моему мнению, христианство во многом породило коммунистическую идеологию, и не только лучшее в ней, но и худшее, а именно тоталитаризм. Церковь, претендуя на тотальное господство в обществе, послужила во многом моделью позднейших авторитарных, но уже антихристианских идей. Русская церковь в свое время выступала как союзник самодержавия и боролась против самых передовых общественных идей. Поэтому с падением монархии Церковь также была обречена на падение. Борьба власти с Церковью в 20–30-е годы была столь кровавой потому, что Церковь, с одной стороны, являлась образцом для подражания для новой власти, а с другой стороны, претендовала на существование.

Н.Ш.: Но не хотите же Вы сказать, что христианская идея обязательно порождает тоталитаризм?

М.С.: Нет, конечно. Я не хотел бы быть понятым таким образом. Но Церковь может, как это уже было в истории, превратиться в некую

форму тоталитарного господства. В этом опасность теократии. Если власть захватят религиозные фанатики вроде какого-нибудь православного Хомейни, то, кто знает, не погонят ли людей в церковь строем, не заставят ли приносить на службу справки об обязательной исповеди и причащении, как это было в Российской Империи. Ведь до сих пор православный человек живет прошлым и у значительного количества верующих существует дикая смесь идей, где уживаются и монархизм, и юдофобия, и жажда теократии, и ностальгия по дореволюционному прошлому.

Н.Ш.: В связи с тем, что Вы сказали, я хочу спросить, есть ли в Церкви сталинисты?

М.С.: Да, есть. И их существование закономерно. Для тех, кто тяготеет к сильной власти, Сталин по-прежнему очень симпатичен. Они считают Сталина чуть ли не благодетелем православия, который, будучи гонителем Церкви, Юлианом Отступником, вдруг обернулся Константином Великим. И благодаря ему Церковь из гонимой превратилась в гонительницу.

Н.Ш.: Что Вы имеете в виду?

М.С.: Я имею в виду униатскую проблему на Украине. Ведь вы хотели коснуться и этого вопроса? Сталин, выступив продолжателем политики Николая I, уничтожил при помощи органов внутренних дел Украинскую греко-католическую церковь. И в этом ему активно помогала Русская православная церковь. При ее содействии был проведен так называемый Львовский Собор 1946 г., на котором не было ни одного униатского епископа, законного представителя Католической церкви. Его результатом явилось насильственное присоединение украинских католиков к Русской церкви. При этом многие верующие украинцы — миряне, духовенство — были репрессированы. До недавнего времени униатские общины находились на нелегальном положении. Представители Московского Патриархата на Украине крайне отрицательно относились в возможности легализации Греко-католической церкви. Эта позиция, как показала практика, чревата трагическими последствиями. Ведь украинские католики не без основания винят русских православных людей в том, что они принесли им ущемление духовной свободы, да и само православие стало восприниматься ими как государственная церковь, ничем не отличающаяся от дореволюционного православия, названного А. Герценом "секущим православием"¹. Я полагаю, что Церковь должна покаяться в этой вине, а не только призывать к покаянию других. Но дело не только в униатской проблеме. Ведь демократия предполагает, что ни одна конфессия не должна быть выделена, что все мировоззренческие позиции имеют право на существование. Необходимо радикально изменить модель отношений Церкви и государства.

Н.Ш.: Есть ли в Церкви силы, которые готовы к этому?

М.С.: Я думаю, что есть, но они не очень многочисленны. Вероятно, мы еще очень долго будем переживать процесс медленных изменений. Огромное значение, конечно, имеет диалог между Церковью и государством, что важно прежде всего для самой Церкви, для приобретения ею общественного лица.

¹ Герцен А. И. Секущее православие. — Собр. соч. в 30 томах. М., т. 13, с. 364 — 365, а также с. 390 — 391. В статье Герцена рассказывается о карательных акциях против униатов, предпринимавшихся царизмом при поддержке Православной церкви.

Н.Ш.: А не кажется ли Вам, что более важен диалог между Церковью и обществом? Ведь они еще до революции были отделены друг от друга непроходимой стеной.

М.С.: Вы правы, конечно. Но, как Вы сами заметили, наше общество очень поляризовано. И вопрос заключается в том, какое общественное течение будет влиять на Церковь и на кого в свою очередь будет влиять Церковь. По-видимому, существует некое взаимное влияние между определенными течениями в Церкви и, скажем, Союзом писателей Российской Федерации или журналом "Наш современник". Их объединяет антизападничество, враждебность, в частности к западной культуре и к рок-музыке, ностальгия по дореволюционному прошлому. В целом же будущее Церкви тесно связано с перспективами развития всего нашего общества.

Н.Ш.: Православие в своем развитии оказалось связано с различными структурами, которые в общем не имеют прямого отношения к христианству. Вы уже говорили о связи с идеей монархии. Есть и некоторые другие идеи, которые в массовом сознании очень тесно связаны с православием. Это, в частности, так называемая "русская идея", идея о русском народе как народе-богоносце. В какой степени эта идея является церковной?

М.С.: Вероятно, идея русского народа как народа-богоносца заимствована, ибо всякий национальный мессианизм связан с ветхозаветной идеей избранного народа — народа Израиля. Так что некоторая связь с церковной традицией здесь имеется. Но русская идея восходит не только к Ветхому Завету, но и к некоторым византийским концепциям. Византия претендовала на роль второго Рима, а Москва, по утверждению старца Филофея, — это третий Рим.

Н.Ш.: Как Вы полагаете, возможно ли представить Православие, освободившееся и от монархического компонента, и от идей национального мессианизма?

М.С.: Даже очень легко. Возьмите Финляндскую православную церковь или Японскую православную церковь. Значит, все-таки возможно православие без национального мессианизма и идеи богоизбранности.

Н.Ш.: В грузинском православии также отсутствуют подобные идеи.

М.С.: Конечно. Вряд ли найдется какой-нибудь грузин, который будет проповедовать, что именно грузинский народ — богоносец. Богоносцем должен стать любой христианин, а тем более любой христианский народ, любая церковь, которая претендует на приобщение к христианскому учению, к проповеди Христа. Поэтому в национальном мессианстве присутствует момент некой исключительности, какой-то претензии: именно мы, и только мы, несем это избранничество, мы богоносцы, а все остальные не богоносцы.

Н.Ш.: В какой степени для Вас понятие "православие" совпадает с понятием "христианство"?

М.С.: Я бы подчеркнул, что православие — это только часть христианства. Прежде всего христианство, а потом все остальное. Мы не можем ради своего православия отказаться от христианства. Если мы называем себя православными, то потому только, что мы стремимся правильно славить Христа, т. е. быть верными Ему, жить согласно Его учению.

Н.Ш.: То есть “православный” — это прилагательное к существительному “христианин”, а не самостоятельное понятие? Вероятно, следует помнить, что эти слова неразрывно связаны и правильным словоупотреблением является “православный христианин”.

М.С.: Да. Я христианин и не догматизирую национальный опыт. И русский опыт христианства, и польский, и эфиопский по-своему чрезвычайно богаты и заслуживают самого пристального внимания. Но они являются лишь модусами одной вечной истины, которая во времени раскрывается и воплощается, однако не исчерпывается этими модусами.

Н.Ш.: Христианство — это универсальная религия, обращавшаяся ко всем людям вне зависимости от их социального положения и этнической принадлежности. Имеется ли, по Вашему мнению, связь между христианством и идеями космополитизма?

М.С.: Космополитизм — идея светская, но, как все светское в нашей жизни, уходит своими корнями в христианское, религиозное, сакральное. Пропаганда идей космополитизма — равенства наций, близости культур, ценности человеческой жизни — чрезвычайно важна. Но она должна иметь и религиозную, христианскую почву. Ведь все люди едины, и Земля является нашим общим домом, поскольку мы являемся творениями Бога, равны перед Богом и ответственны перед Ним. Христианство, суть которого в проповеди терпимости, милосердия, любви к ближнему, прямо говорит о единстве всех людей. Напомню известные слова апостола Павла: “Нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос”. Космополитизм основывается на христианской идее экуменизма.

Н.Ш.: Я полагаю, что часто встречающееся мнение о несовместимости христианства и космополитизма проистекает из превратного представления и о том, и о другом.

М.С.: Несомненно. Надо еще иметь в виду, что когда мы слышим слово “космополитизм”, то невольно вспоминаем конец 40-х годов, когда космополиты клеймились как злейшие враги народа наряду с генетиками, кибернетиками и пр.

Н.Ш.: К сожалению, понятие “космополитизм” до сих пор не реабилитировано.

М.С.: Вы правы. Будем говорить откровенно. Когда Сталин и его приспешники чернили космополитизм, все прекрасно понимали, что речь идет не о каком-то отвлеченном понятии, а о деятелях культуры — евреях по национальности. И по сию пору космополитизм вызывает кое у кого синдром сионистско-масонской опасности. Это — мифологема, хотя и порожденная в прошлом столетии, но до сих пор питающая болезненное воображение нашего обывателя. Печально, что некоторая ностальгия по прошлому, присущая нашему коллективному русскому сознанию, обращена не к лучшим традициям нашей истории, нашего дореволюционного общества, не к идеям лучших отечественных мыслителей, а к примитивным легендам вроде мифа о жидомасонском заговоре. Отсюда попытки свалить на евреев вину за все беды России, начиная от бедности дореволюционного крестьянства и кончая самой революцией, якобы совершенной евреями, уничтожением церквей и монастырей. Отсюда страх того, что евреи и сегодня при помощи ЦРУ или Еврейского агентства собираются разрушить наши устои.

Н.Ш.: Отец Марк, что Вы можете сказать по поводу распространен-

ной в обывательской среде точки зрения об обязательном сочетании православия с антисемитизмом?

М.С.: Это печальное недоразумение. Но, к сожалению, многое этому способствует. Еще до революции еврейские погромы почему-то ассоциировались с Церковью. Однако Церковь никогда не поддерживала погромы. Черносотенство было лишь окрашено в цвета православия.

Н.Ш.: Мне приходилось читать богословские журналы начала века, и должен сказать, что там довольно сильны антисемитские мотивы, в частности в трудах таких известных богословов, как Бронзов и Глубоковский. Так что какая-то традиция церковного антисемитизма имеется.

М.С.: Именно поэтому такие христианские мыслители, как Владимир Соловьев и Николай Бердяев, выступали в защиту евреев. Церковный антисемитизм, конечно, существовал, но он не доходил до проповеди зоологической ненависти, являясь следствием веками сложившейся неприязни христиан к евреям. Эта неприязнь связана с тем, что Церковь возлагала на еврейский народ вину за смерть Христа. Это, конечно, было большой ошибкой. Поэтому сейчас на Западе и католики, и протестанты подчеркивают вину христиан перед евреями. Поэтому же II Ватиканский Собор снял с еврейского народа обвинение в распятии Христа. Церковь на Западе, кроме того, канонизировала ряд христиан еврейского происхождения.

Н.Ш.: Как Вы считаете, можно ли ожидать в ближайшем будущем и от Русской церкви заявление о невинности еврейского народа в распятии Христа?

М.С.: Боюсь, что нет. Это было бы слишком хорошо. Среди православных верующих, среди духовенства существует синдром заговора ("Осторожно, сионизм!" — как в свое время провозглашала брошюра, пользовавшаяся популярностью у любителей поговорить о еврейской опасности). Я не хочу сказать, что в Церкви есть люди, которые призывают к погромам. Я верю, что христианские чувства и гуманность в них сильнее, чем некоторая мыслительная способность видеть в евреях опасность или рассуждать о том, что они якобы виноваты в трагедии Русской церкви.

Н.Ш.: Принято винить евреев в эксцессах русской революции. Насколько это оправдано?

М.С.: Нельзя же сваливать на весь народ преступления Кагановича или деятелей ГУЛАГа вроде Френкеля. Вряд ли кому-нибудь придет в голову, что действия Дзержинского против православного духовенства связаны с его польским происхождением.

Н.Ш.: Я думаю, что в Кагановиче было не больше от иудаизма, чем у Дзержинского — от католицизма. У меня к Вам еще один вопрос, связанный с иудаизмом. У некоторых литераторов можно встретить суждение о непроходимой пропасти между Ветхим и Новым Заветами. Ветхий Завет якобы всецело проникнут идеей исключительности евреев, пренебрежением к другим народам, чуть ли не расизмом. К христианству же имеет отношение только Новый Завет, идеи которого абсолютно противоположны ветхозаветным. Иисус Христос также не имеет никакого отношения к иудейской традиции. Кроме того, утверждается, что западное христианство, в особенности кальвинизм, является наследником Ветхого Завета, а восточное христианство почти не затронуто вет-

хозаветным влиянием.

М.С.: Это не выдерживает критики. Новый Завет стоит на фундаменте Ветхого и не мог бы без него существовать. В Евангелиях имеется большое количество ветхозаветных цитат, и сама проповедь Иисуса построена на основе иудейской традиции. Вместе с тем дух учения Христа, дух Нового Завета революционен по отношению к Ветхому Завету. Христос очищает ветхозаветное учение от всего иудейски-законнического и бесчеловечного в законе Моисея. Проповедь Христа, евангельское учение неповторимы и уникальны, но это не означает, что можно оторвать Новый Завет от Ветхого. Между прочим, германские национал-социалисты также пытались рассматривать Иисуса Христа вне его иудейского происхождения. Курьезно, что среди отечественных экстремистов из общества "Память" бытует и прямо противоположная точка зрения: христианство отрицается в качестве еврейской религии и объявляется, что для русской души больше всего подходит язычество. Неправильным я считаю и утверждение о несвязанности православия с ветхозаветной традицией. По моему мнению, как раз в православии имеется очень много ветхозаветного.

Н.Ш.: Сборник, в котором будет опубликована наша беседа, посвящен проблемам межэтнических отношений в СССР. Что Вы думаете о нынешней ситуации в этой сфере?

М.С.: Хорошо, если бы этот сборник имел продолжение, стал регулярно издающимся альманахом. Издание, в котором поднимались бы вопросы национальных и межконфессиональных отношений, крайне необходимо. Но у меня нет иллюзий. Я не думаю, что все одинаково хорошо примут сборник. Не исключено, что кое-кто объявит его упором мифической еврейско-сионистско-масонской партии. Не секрет, что даже Д. С. Лихачева объявляют масоном. Но что поделаешь? Вспомним датского короля, который во время оккупации, когда нацисты преследовали евреев, вышел на улицу с желтой шестиконечной звездой на груди. Надо быть готовым к тому, что впереди нас ожидает много трудностей. Но всегда здоровое, светлое живет. И будем надеяться на победу разумного и вечного... Сборник сможет объединить вокруг себя людей, которые увидят в нем возможность оппозиции националистическим идеям. Ведь необходимо объединять людей доброй воли. Поэтому я в свое время и созвал в редакции "Московских новостей" "круглый стол" представителей разных религий, разных мировоззрений. Чем больше будет такого рода "круглых столов", органов печати, клубов, тем лучше. Необходимо сохранить и продолжить благородную традицию русской интеллигенции, которая всегда выступала на стороне гонимых, всегда заступалась за меньшинство, всегда боролась против притеснения малых народов. Мы почему-то брали из дореволюционного прошлого, как правило, худшее, а лучшее оказалось за бортом нашего корабля. А нам еще плыть и плыть по волнам житейского моря — до пристани очень далеко. Поэтому давайте все-таки вспомним и о другом багаже. Честный русский человек всегда стоял на таких позициях. И надо дать людям возможность воспитываться на положительных примерах, а не на квасном патриотизме.

И в заключение я хочу сказать, что Церковь, обновившись, может сыграть позитивную роль в оздоровлении нашего общества. У христианства есть великий шанс быть актуальным и необходимым общест-

ву в самых разных социально-политических моделях. Бескультурию в вопросах этики межнациональных и межконфессиональных отношений следует противопоставить национальный, религиозный и культурный плюрализм. В нашем многонациональном обществе должны жить вместе и православные, и протестанты, и старообрядцы, и католики, и иудеи, и мусульмане, и неверующие.

Н.Ш.: Ну что же, я надеюсь, что наша беседа также послужит не разделению, а объединению.

РУССКИЕ ДОМА

Беседа Михаила Гефтера и Глеба Павловского

Дом Евразия

— Я хотел бы задать Вам сразу вопрос, важный для каждого из нас в отдельности — и для нас обоих, как для всех в этой стране, которая, мучительно ища сегодня свое лицо, отступает перед ликами, являющимися из ее недр.

Вопрос таков: кто мы?

— Уже в самом названии нашем какая-то трудность — “советский народ”, “советские люди”: что это, национальность или верноподданство? Будучи французом, вы можете быть коммунистом, монархистом или католиком, кем угодно; Франция может переменить строй — и останется Францией. А мы — “советские” и обязаны ими оставаться. Мы, выходит, никогда не смеем стать другими? Мы — русские, эстонцы, таджики — навечно приписаны к идеологическому этнониму?

Англичанин может быть лейбористом или консерватором, но не может быть “антибританцем”. А мы, что ни шаг, попадали в “антисоветчики”. Следовательно, наше имя таково, что запрещает нам смену состояний. Наше имя исключает выбор, оно лишено и лишает нас суверенности. Практической суверенности, доходящей до решения основных вопросов человеческого существования.

Вот почему Ленин требовал “Союза Советских Республик Европы и Азии”, определения, заставляющего признавать, что в договоре участвуют разные цивилизации. Его определение государства *многоцивилизационно*. А “советский человек” — аноним, причем идеологизированный аноним. Страшная сила! И это также наследие Сталина. И теперь, чтобы советскому народу приобрести “новое мышление”, а проще сказать — полную суверенность в своей стране, ему надо перестать быть единым народом, а стать тем, чем он скрыто является: содружеством народов, стран и цивилизаций, наделенных легальными правами и возможностями вступать в отношения между собой и с другими.

— *Из поля зрения у нас ушла сталинская борьба с многоцивилизационной Россией — не только с крестьянством, верой или традицией, а с тем симбиозом российских земель, упраздненным еще до коллективизации, в ходе так называемой “административно-территориальной реформы” 1923 — 1929 гг. Это была Россия земель и земств, местных учреждений, краев — и краеведческих обществ, волостей — и волостных властей, наиболее приближенных к человеку и к его быту. Были местные республики, были религиозно-трудовые коммуны — все это стерто с карты, как ластиком. И поразительно, что сегодня мы как бы принимаем сталинскую карту страны за основу перестройки, принимаем за данность этот унифицированно-безличный массив. Иногда мне кажется, что и со-*

временный либерал предпочитает такое стертое состояние общества, как белый ватман для своих реформ-иероглифов. Этокое бюрократическое эсперанто...

— Сталинская система — это паровой коток, сильнейшая из унификаций нашего столетия. Человек, находясь внутри этой системы, чем-то в равной мере повсюду наделен распоряжением власти и повсюду в равной степени чего-то лишен — и может быть немедленно лишен всего сразу. Тоже повсюду и в равной степени... Эта система распоряжения человеческими судьбами выравнивает все местные обстоятельства и условия. Ради этого она упразднила, сравняла с землей три России: старую, многоземельную, естественную — рухнувшую имперскую — и новую, многоукладную, фрагментарную "нэповскую Россию".

Для сталинского наследства (а устройство власти в нашей сверхдержаве — бесспорное наследство Сталина) наиболее характерно, специфично и более всего выражено *могущество за счет развития*.

То есть развитие, разумеется, само есть источник этого могущества, питающегося изнутри и извне всеми достижениями человеческих сил и ума. Но вот утилизация внутреннего развития, введение его в русло могущества, обедняет и оголяет это развитие, вплоть до известного уже человекоуничтожения в демографически необозримых размерах.

Результатом, однако, является наша мировая держава — такая, какой до войны вообще не было. И теперь, в сущности, речь должна идти о том, чтобы снова вернуть на первый план развитие, соподчинив ему все инструменты, всю инфраструктуру могущества. Нам надо стать *мировой державой для себя*.

— *Это похоже на "новый советский изоляционизм"...*

— Я думаю, мы еще не привыкли к мысли, что надолго заняты собственным домом. И чем глубже мы будем влезать в работу по переоборудованию дома, в котором мы живем, тем легче будет положение других людей. Это, конечно, не значит, что я призываю к абсолютному изоляционизму, но я отдаю приоритет восстановлению собственного дома. Нам предстоит период, когда, выходя из-под власти сталинской унификации и всего, что с нею связано, мы должны будем пережить времена внутренних трудностей, раздоров, появления импровизированных лидеров, неумных или совсем дурных страстей, но мы должны найти демократический способ преодоления этих трудностей.

Престарелый английский политик Каллагэн, который сам был во многих правительствах, даже был премьер-министром, заметил в наш адрес: если вы не собираетесь пройти фазу ухудшения положения, сопровождаемого всем, что "полагается" при ухудшениях, — вам не стоит делать капиталовложения в перестройку! А мы из каждой следующей кризисной ситуации выходим все хуже: сказывается отсутствие солидарно вырабатываемых механизмов разрешения кризисных ситуаций.

Сейчас совпало во времени два момента: агония сталинского массива (который сам по себе, разумеется, уходит корнями в глубочайшее наше прошлое) — и кризис самой перестройки.

То, что происходит в последних кризисах, — это уже не просто агония сталинизма, это же и кризис перестройки, ее "институтов", кризис гласности, кризис демократии.

Итогом может быть либо катастрофа — либо выход на действительные источники развития. Но источник развития в нашем случае бес-

прецедентен именно потому, что он, по определению, должен находиться внутри страны, в нас самих. Возьмите такую страну, как и мы, суперэтнос: Бразилию, где одна треть населения фактически кормит две трети других. Но у нас нет этой трети и нет места для этой трети! У нас только складывается то, что я назвал бы *сектором суверенизации* — кооперативная экономика, полугосударственные структуры, национальные трудовые сообщества, — и всему этому необходимо легальное разнообразие. А загоняя новое в унифицированный социум власти, мы приближаем конец. Ибо в этой системе условиями лояльности являются халтура, показуха и безъязыкий, вымирающий мозг.

Я думаю, мы нечаянно близки сегодня к тому, что было в голове Ленина перед тем, как он умирал, — “опасно” близки к тому, над чем он тщетно бился. Он чувствовал тогда, что проблема Союза Республик — не отдельная проблема, а генеральная, которая вбирает в себя и экономические проблемы, и социальные, и политические. Вот что сегодня страшными толчками выходит наружу. Но и здесь все увязано с вещами экономическими. Проблема в том, что все радикальные и мыслящие люди ищут одно-единственное решение для всех в стране! А задача состоит в том, чтобы найти модель интегрального развития, которая бы была ориентирована на различия, на разные подходы, на местные условия, несовпадающие традиции и обстоятельства, различия цивилизаций, не говоря уж о климатах, ресурсах, местных отношениях к труду и собственности...

Это нервный узел всех проблем. И всякая попытка вторгнуться в него слепо сокрушит все и вся. Это, если хотите, “урок Хрущева”: именно попытку найти всему одно решение он довел до полного абсурда, чем очень подготовил свое падение.

— Причины и обстоятельства падения Хрущева в последнее время достаточно хорошо описаны — в том числе и Вами в “Судьбе Хрущева”. Мне неясно, однако, поможет ли нам Никита Сергеевич выйти к теме России...

— У хрущевского перелома, у хрущевской эскапады, кроме прочего, был очень короткий генезис: в лучшем случае Хрущев вел отсчет от своих двадцатых-тридцатых. Эта куцая родословная кажется мне одним из слагаемых хрущевского фиаско. Сейчас, по мере того как нарастают проблемные кризисы перестройки и рамки ее мучительно раздвигаются, захватывая разные стороны многих и многих жизней, начинает происходить углубление генезиса, пока неприметное. И в генезис этот втягиваются те времена, которые как будто в наших прямых предшественниках еще недавно не числились, — втягиваются напрямую!

Все люди прошлого оказываются у нас за спиной, как в фильме Абуладзе! И не только в метафизическом ощущении, но и в смысле реальных проблем — их состава, объема, способа решения. Оказывается, прошлое нам не чужое.

Может быть, мы действительно подошли к тому, что диахрония исторического прошлого России сейчас развертывается в синхронию? Многие становятся одновременным для нас, о чем мы вчера и не задумывались: реформа Александра, Петр и даже Смута! По мере продвижения, если это продвижение будет, генезис его должен входить в глубь времени, основание его должно расширяться...

— Когда-то, в середине тысячелетия, которое сейчас кончается, Рос-

сия собиралась на восточной границе христианского мира с двояким обличьем: страны, не причастной Западу — и не могущей отвлечься от него, вечно обращенной к Западу своими идеалами, мечтами, страхами... С тех пор донныне мы ощущаем себя Европой — и оспариваем все европейское. Правда, сегодня мы спорим с Западом все неуверенней.

— Да, русский образ Мира тревожен. Россия с самого начала формируется как продукт мирового исторического процесса, обобщенного европейским Западом. В свою очередь сама Европа становится целым, очерченная становящейся целым Россией. Империи колониального типа складывались совершенно иначе, чем Россия: метрополии и отдельные от них колонии. Тут же царство-империя представляло собой сплошную территорию, в которой старые образы жизни и этносы перемежались с массовой русской, в том числе и вольной, колонизацией. Иногда эту колонизацию стимулировала центральная власть, часто власть сама шла по следам этой колонизации...

Конечно, можно сказать: что здесь оригинального? Ведь Россия — Европа плюс Азия. Это и так, и не вполне так. Можно представить себе Россию Азией, которая отграничила и тем самым сформировала окончательно Европу своим существованием, своим отграничивающим воздействием. Тогда мы — Азия, которая участвовала в оформлении, утверждении Европы. Но также можно сказать, что Россия — это та Европа, которая вошла, и окончательно, навсегда вошла, в самое тело Азии, оказывая воздействие на судьбу Азии не только за пределами России, как обычно это понимают и толкуют, но в пределах самой России. Эта внутренняя, внутри Российской Империи находящаяся Европа, навсегда утвердившись, оказывает определенное воздействие на протекание всех процессов здесь. Россия в ее собственных пределах и границах есть фрагмент мирового процесса.

Формирование российского полиса и его дальнейшее развитие вводит нас в это мировое движение к человечеству с трагедиями, нарушающими это движение и возобновляющими его. Если угодно, Россия — первый полигон Мира, первый опыт людей по этой части. И мне кажется, что эта уникальность наша, которая составляет сейчас скорее минусовую, затрудняющую и опасную сторону нашего существования, может стать огромным нашим вкладом в нахождение общей картины Мира, который будет состоять из миров. *Мира миров* — другого не вижу.

Согласно тому взгляду, который я разделяю, движение, вдохновляемое искомой идеей человечества, одновременно и по нарастающей идет к невозможности быть непосредственно человечеством. Мы достигли теперь критической точки, когда люди выяснили, что они могут стать человечеством *непосредственно* в одной только роли — роли взаимных уничтожителей.

Мы подошли к этой точке. И сейчас нужно с разных сторон искать выхода из нее. Вот это выяснение того, что прямо и всем непосредственно стать человечеством нельзя при том, что можно совместно уничтожить друг друга, ставит всю сумму проблем на другое основание и входит изнутри в каждого. И с этой точки зрения для меня, например, на первый план выступает та вещь, о которой я позволю себе сказать достаточно, может быть, резко, может быть, чересчур определенно.

Невозможно искать и строить это новое целое, исходя из предположения, что жизнь человеческая будет строиться совершенно одинаковым

образом везде и всюду. И если мы останемся жить, мы в России – СССР будем представлять из себя разные цивилизации, в сложных отношениях друг с другом.

Эта проблема нового целого выступает со всей своей остротой как невозможность свести ее к одному-единственному виду с маленькими вариантами. Тогда и проблема демократизации приобретает уже иной характер, конституционной реформы: приведения государственного строя в соответствие с выявившейся проблематикой.

Европеизация и рабство

– Признаюсь Вам: меня настораживает такой скачок от наших бед и нехваток прямо к Миру миров. От азиатчины – к мировому лидерству. От европейской Азии – к азиатской Европе! Разве сегодня на повестке дня, честно говоря, не европеизация страны?

– Надо понять, что мы называем “азиатчиной” и что – “европеизацией”. Отец последней в России – Петр, но так ли чужд “азиатчины”?

Реформы Петра и многие реформы, которые совершались после, – это сочетание такого глобального насилия, такого бесчеловечного распоряжения судьбами и жизнями, которое действительно возвращает к азиатским деспотиям, со способностью перенять, перевести и включить, втеснить, встроить в русский исторический процесс какие-то существенные моменты материального, европейского развития, иногда с опережением даже по отношению к этому самому европейскому развитию.

Когда Витте в конце XIX в. стал осуществлять политику восстановления и усиления мощи Российской Империи за счет мирового прогресса, то этот Витте превосходнейшим образом мог послать одного из своих сотрудников в Соединенные Штаты, где только возникали еще синдикаты и тресты, и начать организовывать эти самые капиталистические монополии внутри России. Он полагал, что централизация капиталов послужит делу форсированного развития, которое в свою очередь было бы базой, подстилкой, основанием для дальнейшего раздвижения, сохранения и усиления вот этого самого архаического здания Российской Империи.

Что это: Европа или Азия? Это проходящее сквозь века сочетание начал, эта тенденция, это влечение дойти до каждой человеческой жизни, чтобы ею распорядиться в сочетании со способностью, используя те же самые рычаги необъятной власти, ассимилировать продукты мирового развития...

Европеизация России уперлась в рабство. Проблема рабства для России – проблема ключевая. И я думаю, что – хотя об этом сказано много великих и верных слов – есть смысл к этой точке еще раз прикоснуться. К тому самому рабству, о котором Чернышевский припечатал: сверху донизу – все рабы! Слова для Ленина очень важные и в чем-то заветные.

Россия уперлась в рабство главным образом потому, что сам процесс европеизации при данных обстоятельствах, в этих пределах, при завещанных исторических условиях, при сложившихся отношениях власти и населения интенсифицировал рабство. Европеизируя это гигантское евразийское пространство, никакими другими средствами и

способами не сводимое к единству, власть выступает в России в той роли и функции, которой, в общем говоря, Европа не знала: распоряжения человеческими судьбами, властью над судьбами.

— *Отчего же не знала? В Европе это называлось "рабовладельчеством" и отчего — в европейских странах — за тысячу лет до нас.*

— Проблема рабства относится к фундаменту человеческого существования. Она не в прошлом — она возвращается, снова и снова пытается закрепиться в новых условиях и правах. В России проблема рабства — ключевая, проявляющаяся в необычных для Европы формах.

Российское рабство не есть, кстати, реликт средневековья. Как и рабство американское, это феномен Нового времени, перенесенный на простор абсолютистского, закрепощающего, принижающего и подавляющего личностного движения. Движения, которое нуждается в движущихся людях, одновременно ставя их в раз и навсегда обусловленные, жесткие неменяемые рамки, и в этих рамках владеет каждым шагом их существования, расширяя возможности беспредельной интенсификации власти. И отсюда идет вопрос о превозмогании, преодолении рабства. Минимальная точка преодоления рабства — там, где рабство не осознается как рабство, где не возникает поэтому проблема его преодоления.

Максимальная точка — провозглашение американской конституции или послевоенная Европа, обновленная через движение Сопротивления, через воздействие Октябрьской революции, ассимилированной Западом на языке их демократий.

— *А мы? Где Россия на этой шкале?*

— У России, я бы сказал, центральное положение: когда проблема остро сознается — но не может быть преодолена. Спазмы преодоления... Именно на этой сверхострой почве и русскоязычная культура *как антирабство*. Но способ преодоления ведет к тому, что проблема не решается. Ибо в качестве авангарда изыскания рабства культура начинает вовлекаться в отношения власти! И — воспроизводит себя. Она пытается освободить человека в пределах власти, сохраняя эти пределы и даже наращивая их.

В России было два основных вида рабства: крепостное и имперское. Крепостное отменяется, но имперское не уходит. Возникает антирабство, говорящее языком революции. Вообще этот пафос антирабства объясняет, почему, не имея элементарных европейских предпосылок, Россия уже при декабристах начинает переходить на язык социализма. А у Герцена?!

Из личного трагизма, из семейной драмы, безвыходности российского существования выпрыгивает русский социализм как антирабство. В то время как в Европе социализм означает более справедливое, чем при классической буржуазной демократии, устройство, для России в нем видится максимум антирабство! В Ленине эти два момента начинают как-то переплетаться: более высокого типа непосредственная демократия — и выход из порочного круга имперского прогресса через огромное поле всеобщего выравнивания, по земле и по душам.

— *Итогом чего оказалось рабство, прежде неслышанное...*

— В этом смысле неспекулятивно говорить о новом варианте рабства при Сталине, рабства в российском смысле, то есть рабства за пределами мировой эпохи рабства, — отсюда специфика и острота осознания этого как проблемы.

— У нас все рабство за пределами классического, другого не знали.

— Герцен называл крепостного "белый негр". Белый негр уходит с земли, но остается в качестве заложника абсурдной власти над судьбами. Ходжение в народ вызвало спазматическую волну правительственного насилия не почему-либо, а именно потому, что представляло собой заявку молодого поколения на суверенитет. Молодые люди попрали власть империи над их судьбой!

Власть над судьбами проникает во все клетки человеческой жизнедеятельности, становясь складом ума, — и она же рекрутируется за счет людей такого склада снизу.

Возьмите положение, при котором страна делится на две части — европейскую и зауральскую. Сибирская Россия оказывается местом, куда европейская Россия отправляет неугодных ей людей. При этом гигантская территория (большая часть всей России!) формируется как цивилизация благодаря присутствию на ней неугодных: декабристов, поляков, социалистов, потом кулаков...

Когда я был в Нижнем Тагиле, женщина, работающая в тамошнем музее, мне рассказывала: как ни идем поутру в школу, а уже по улице кого-нибудь гонят под охраной, с собаками. То кулаки, то "враги народа", то немцы, то собственные военнопленные-русаки... Я глядел на город примерно с той же точки, откуда его увидели впервые казаки при Иване Грозном, — подо мной лежала вся Россия, смакетированная в пространстве ее история — она же *история рабства в России*. Вверх остатки демидовских заводов, гигантский металлургический комбинат; город — внизу, в смоге; а в глубине — знаменитая "вагонка", давшая стране Победу: там делали танки Т-34. И все это рядом, в рамках современной цивилизации. Люди, которых гонят на работу под стражей, строят танки более мощные, чем немецкие инженеры — Гитлеру!

Мы и природу крепостного рабства понимаем чересчур узко. Я употребляю выражение "*социум власти*" для обозначения особого отношения, при котором человек в качестве полностью зависимого, потенциально в каждый данный момент готового быть распоряжаемым чувствует вместе с тем какую-то интимную прикосновенность к гигантскому механизму власти, в отношении которой он все-таки есть некоторая часть ее же. А иначе откуда появился тот самый суворовский солдат, крепостной, который мог действовать столь инициативно, который не был оловянным солдатиком, заводным механизмом?..

— Что же это такое: национальная любовь к рабству? Укоренившаяся безличность?

— А разве не личность — суворовский солдат? И так ли "страшно далеко" от него его офицер — его барин? Здесь — одно рядом с другим.

Вот, скажем, мальчик Герцен, который воспитывается с помощью разных воспитателей, читает все книги из библиотеки отца и дяди, приобщается к таким мыслям, к таким образам, к таким движениям мысли, к которым, в общем говоря, люди обычно приобщаются в гораздо более зрелом возрасте. А с другой стороны, мальчик непосредственно входит в те помещения, где живут дворовые отца: он знает все их козни, взаимоотношения, слушает их песни, приобщен ко всем будням этой их жизни... И эта непосредственность, где он может читать Вольтера, а через полчаса слушать какую-то историю крепостной любви, или слушать

эти песни, или участвовать в каких-то их посиделках... Это же совершенно особый уклад жизни, который, конечно же, и развращает, но в условиях приобщения к более высокой мысли создает какие-то особые, свободные, нестесненные движения ума и особые ассоциативные связи, не разгороженные по полочкам жизни, какие при других обстоятельствах, раннебуржуазных, возникают у европейского человека.

Теперь возьмите молодых людей старшего возраста: они победители. Над кем? Над Наполеоном! А с другой стороны, возникает особенная среда — бивуак, общая жизнь в походах с русским солдатом; непосредственное общение этого молодого дворянина-офицера с этой огромной крестьянской массой — при том, что существует еще и ополчение и в действительности вовлекаются целые слои этой дворянской молодежи, откуда выйдут все сливки общества в начале XIX в. Ведь, собственно говоря, все молодые генералы — люди какого возраста? 28 лет, 30 лет, 32 года. Мы видим по биографиям: какой-нибудь генерал Орлов, любимый флигель-адъютант Александра, который принял капитуляцию Парижа, в 30 лет командует дивизией и строит планы, что он, договорившись с Ипсиланти, подымающим восстание в Греции, по собственной воле переведет на подмогу двадцать тысяч солдат... Мужиков, одетых в солдатскую форму, переведет в Грецию — и этим заставит Александра объявить войну турецкой империи: это ведь тоже особый уклад!

Поэтому, кстати, когда говорят о декабристах, что "страшно далеки они были от народа", я в этом сомневаюсь. Думаю, что народ был далек от них, а они были не так далеки от народа, как это может показаться. Эта сложная структура рабства, его многослойность, многоликость, его глубокая включенность в человеческие отношения и чувства создавала барьер, пропасть и проблему для поколения новых людей, которые одно за другим встают в России с начала XIX в. Собственно говоря, Россия и в лице власти, и в лице новых поколений то и дело спотыкается о свой новый мировой статус, который она приобрела в результате борьбы с Наполеоном.

И тут два поражения к концу века: поражение в власти, хотя еще достаточно могущественной, и поражение русских умов, поражение русских радикалов и революционеров... Поражение того культурно-исторического типа, который связан с понятием различия.

— Вам не кажется, что среди наших сегодняшних табу, табу на разговоры "о русском" сходствует с табу на обсуждение темы революции — и оба взаимно связаны? Сюжеты слиплись, и как-то неприятно слиплись друг с другом. Русские после революции, как Вы заметили, утратили свой этноним. Отсюда и современный революции отказ как таковой в русском происхождении.

— Это связано с той же темой рабства и стремлением русской мысли поравняться — всей Россией! — и снять остроту проблемы.

Мы забываем, что все нынешнее уже было когда-то. В 1863 г. в битве за умы общества по поводу Польши (тогдашний Карабах) Катков взял верх над Герценом и над Щедриным... Русская культура потерпела жесточайшее поражение, столкнувшись с той частью русской культуры, которая отстаивала себя в качестве *державно-русской*. Катков стал властителем дум.

Потом произошло иное.

Вынырнула из ниоткуда, из-под земли, *русская мировая революция*,

внезапная и скоротечная, которую мужик принял потому, что она дала черный передел, а интеллигент — потому, что она делала его сильным. В революции соединились мысль и русский бунт, бессмысленный и беспощадный.

Вообще говорить о революции в одном лице бессмысленно. У революции — множество ликов. Земельное поравнение, поравнение душ с участием культуры и поравнение наций — все это вовлекалось в процесс.

Русский крестьянин возвращался к земле, которой не имел, и одновременно угнетенный инородец стремился приобщиться к власти, в чем до тех пор ему было отказано; а русская культура стремилась раствориться в этом процессе выравнивания, испытывая порывы неискупленного долга... Ей казалось: вот-вот удастся снять проблему рабства навсегда. Русская культура здесь поднимается до вселенских размеров, и тот, кто вчера голосовал за Каткова, сегодня мог бы голосовать за Ленина! Потому что революция для него была — Россия: Россия, раздвинутая до вселенских пределов.

Дальше мессия уходит, и с подачи Николая Ивановича Бухарина (который представлял собой, как сказали бы теперь, "молодежное течение" в Политбюро) объявляется социализм в одной стране — бухаринский подарок Сталину. С этой идеей Сталин возвращает русскую идею к тому, что она не переменна и обязательна для всех *через него*, а в нем она есть идея миродержавная, а не национальная.

Вообще культурную роль Сталина изображают так, будто в храм серебряного века ворвалась кавказская шпана. А ведь Сталин осуществил некое оборачивание той самой "вселенской отзывчивости". С одной стороны, ждите всякий год и всякий квартал иностранного вторжения, с другой — мы попечители всех борющихся с империализмом в мире. Обе стороны этой идеи прорабатывались еще русским XIX в.: и самоустрашение вторжением европейцев, и попечительство — вспомним Достоевского о Балканах...

Теперь это звучало, по знаменитой формуле Сталина, так: интернационалист тот, кто признает СССР отечеством всех трудящихся. И вот из всего этого вышел упырь. Унификаторский упырь. Внутри застрявшей экстремальной ситуации революционное выравнивание легко превращалось в унификацию. Одно вошло в другое так, что сегодня и пазов на сыскать.

Пока существовала сталинская система, его синтез, его жесткая двусмысленность *недонациональной недогосударственности с мировой революцией в одной стране*, каждый советский гражданин мог определять себя как попечителя о всех мировых страждущих, о всех льющих слезы где-то там, вдали от нашего восприятия, — и вот Конец, все в прошлом...

В итоге все остались при своем этническом, некоторые даже приобрели его, а для русского революция обернулась потерей имени! Слово "советский" значит либо социально значимый, либо — безликий. А так как социальная значимость делегировалась и узурпировалась властью, она таяла, а безликость нарастала, становясь национальной характеристикой!

Колесо экстремальности

— *Этим летом, путешествуя по Прибалтике и Закавказью, мне довелось слышать множество суждений о русских, которые можно обобщить так: русские — это люди, которые по привычке плохо живут, компенсируя неумение устроить собственную жизнь причастностью к власти. Суждение входит в комплекс современных конфликтов и является как бы парадигмой современного недоверия к русским и "антимосковских" настроений (последние, кстати, разделяются и русскими вне Москвы).*

— Что ж, если брать анкетные данные верхушки аппарата, все так. Но вопрос в следующем: действительно ли эти люди выступают в качестве русских, распоряжаясь людьми и обладая властью над судьбами людей, — той властью, которой, согласно духу русской культуры, вообще не должно быть! Которой и отличается социум власти от государства: государство распоряжается аспектами жизнедеятельности человека в меру отпущенных ему прав, но ему не предоставлена власть над судьбами.

Итак: является ли это специфически русской ситуацией? Я бы это подверг сомнению. Это российский механизм застревания экстремальных ситуаций.

— *Откуда берутся эти самые "застрявшие экстремальные ситуации"? Что это — демонический катаклизм, наступающий невзвест за что Россию?*

— Говоря языком историософии — и, прошу прощения, несколько велеречиво, — это заданный генезисом России конфликт пространства со временем.

В России были заведены европейские часы, но они не могут идти равномерно на таком пространстве — не просто в силу его величины, но и в силу его многоликости, конгломерата разных цивилизаций, несводимых к общему знаменателю. Россия — множественна, многоцивилизационна — но, вымеренная властью, одномасштабна. Это тот же, по сути, конфликт, что между европейской цивилизацией с ее масштабом — и Миром вообще.

Либо пространство подавляет время и образуется какая-то аритмия, подобно Смуте, либо время взрывает пространство, и тогда целые эпохи валяются в пропасть, бесследно, одна за одной...

Предшествующее создает предрасположенность, что следующее не может быть иным. От Грозного, через Бориса и Смуту, цикл тянется до Петра. От Петра до декабристов и Николая I... Да, точнее, ряд таков: Иван Грозный, Николай I, Сталин. Петра бы я не включил в этот ряд: он наследует экстремальную ситуацию, а не сам ее создает. При всех жестокостях и склонностях его к кнуту Петр все же не изобретал экстремальных ситуаций. Он был достаточно в себе уверен.

Но в трех других случаях мы имеем именно это: экстремальную ситуацию, которая навсегда застряла в правителе, заставляя его бесконечно раздвигать пределы своего могущества.

Самая систематизированная, изобретенная почти целиком ситуация — сталинская. Николаевская система создавалась в пределах данной монархической власти, располагая набором средств, которые могла использовать. А Сталин создавал все, в сущности, заново. (Разговоры

о “наследии старой России” вообще недооценивают гигантскую разрушительную силу происшедшей революции.)

Вопрос же я ставлю так: *русская ли это власть?*

— *Вопрос подразумевает Ваше сомнение. И обосновать это сомнение будет непросто!*

— Я думаю, что со стороны власти происходило “обкрадывание России русскостью”. Обкрадывают страну, вовлекая людей в сораспоряжение судьбами в застрявшей экстремальной ситуации. Существует повторяющийся российский феномен, когда распоряжение человеческими судьбами в чрезвычайных условиях задерживается на целую эпоху, утверждается и институционализируется — так что оно “легально” продлевает и продлевает застрявшую экстремальность. В такие эпохи происходит массовое вовлечение людей коренной национальности в распоряительство чужими судьбами.

Но эти эпохи как раз и являются низшими точками падения русскости — и власти, и народной жизни вообще в той мере, в какой она поглощается распорядительством.

Грозный первым вкусил этого яду: ему досталось чудовищное пространство цивилизаций Европы и Азии, и он, полный сил и власти, на этом пространстве потерял себя в качестве русского! Ему теперь надо было войти в какие-то особые отношения с Богом и как-то определить себя через уничтожаемое. Новгород-то был именно русским, славянским, не притязал ни на какие пространства — а Грозному стало постыло, хуже “немецкого” все это вольное славянское. И он начал резать именно коренников-ремесленников, а не местных бояр...

Новгород был Великий, но ему не нужен был Тихий океан. Он дальше Поморья и Ганзы не шел: зачем? Там другие, чужие, у них своя жизнь, а у нас, новгородцев, — своя. Он был в своих гигантских, но оптимальных — “оптимально-гигантских” пределах. Это была истинно русская цивилизация.

— *Региональная цивилизация?*

— Это на нашем языке “региональная”, а тогда она была русской страной. Нормальной страной. Последнее и не подходило Грозному — который в качестве русского великого князя первым перестал быть русским. Он стал великим государем — и перестал быть русским князем. Он определял себя через Бога, через резню, сватался в Англию, носил какую-то восточную тибетейку... Эта его страсть рядиться бог знает во что — лишь бы не в русское: Годунову, полутатарину, это бы и в голову не пришло! Отсюда и идея стать великим царем — недаром в народе упорно считали, что он стал им в момент взятия Казани, хотя это не соответствовало действительности. Но по сути это точно: на необъятном пространстве русская власть и свихнулась. Самодержавие — это и есть, собственно, обезумевшая власть над пространством!

— *Значит, быть хозяином России и быть русским одновременно — невозможно?*

— Конечно. Вообще национальность при этом исключается. Сталин время от времени обращался к Берии на заседаниях Политбюро или ГКО по-грузински. Берия, видно, решил, что такова практика, и сам обратился с Сталину на грузинском. Сталин холодно поглядел на него, отвернулся и сказал кому-то: он думает, что я говорю на этом языке!..

— *Но чем объяснить, что эти же минимальные точки убывания рус-*

скости совпадают с высшими взлетами русской культуры?

— Да, это действительно так. В чем тут дело?

Существуют люди, именующие себя русскими. На самом деле они русские разного происхождения, смешанного — то ли в результате этнического смешения типов, то ли — “русские татары”, “русские эстонцы”, “русские евреи”...

И существует некий культурный феномен, который зарождается и разворачивается с бешеной энергией и силой в жуткую мощь на коротком отрезке времени в XIX в. Образуется русскоязычная культура.

Она выступает в России не как культура русских — в отличие от культуры французов во Франции, культуры англичан в Англии, хотя она крайне европеизирована по своей проблематике. Доказывать, что она возникает из народной традиции, из фольклора, означает просто молотить чепуху. Ахматова была права, когда искала западные оригиналы для любого крупного стихотворения Пушкина — и находила.

Русская культура — эта культура, переводя на свой язык европейскую проблематику, создает внутри самой России совершенно уникальную проблематику. Вместе с этим русская культура принимает на себя поражение декабристов, раскол после крестьянской реформы на подполье и легальную деятельность... Она принимает форму систематического, напряженного диалога с властью. Где она настаивает на своем равноправном сотрудничестве: вам — тела, нам — души! Но власть в России такова, что тоже притязает на души. И, притязая на души, русская культура входит в проблематику власти — и влезает в нее со всеми потрохами!

— С какого рубежа можно говорить о такой механике: с Ивана Грозного? С Пушкина?

— Иван Грозный сам себе был культурой. Он сам был единственным собственным идеологом, сам творил идеологию. Петр выпадает из этого ряда... При Николае Павловиче все обстоит именно так: Царь и Пушкин. При Сталине все тоже именно так: Пастернак... Да кто угодно — вся верхушка литературы! Этот феномен не стоило бы разбирать, если бы он шел на уровне принудительного лизоблюдства графоманов. Его интересно разбирать, когда он на уровне самой культуры говорит языком культуры — русским языком.

У культуры в России и у власти появляется родственный, единый предмет! К сожалению ли, к счастью, но это периоды наибольших взлетов культуры — и наивысшего торжества античеловеческой власти. Зато и для культуры это преддверие тяжелейших расплат. Ни одна культура мира не имеет такого мартирога, как русская культура. Убийства, самоубийства, ранний творческий износ, старение, исковерканные жизни, гибели, гибели во всех смыслах...

— Но власть, Вы говорили, обращена не к русским. Она не русская власть. А культура?

— И культура, строго говоря, обращена здесь не к русским!

Она обращена, конечно, ко всем, кто считает или понимает русскую речь, но еще больше — через власть — обращена ко всем подданным этой власти.

И теперь речь должна идти о какой-то, не в европейском смысле, видимо, автономизации культуры.

На Западе культура вообще не играет такой роли, ибо политическая

жизнь поглощает большую часть внимания, отдаваемого в России литературе и Слову. Если иметь в виду фундаментальное свойство русской культуры, ее обращенность к власти, выход в том, чтобы отвратить ее от власти, отвлечь от диалога с властью как маниакальной проблемы и вернуть к нечуждой ей и прежде роли заступницы. Не только по отношению к тем униженным и оскорбленным, какие есть в любую эпоху, — но и по отношению к другим народам этой страны.

Власть, распоряжающаяся судьбами, культура, притягающая на души и освобождающая их средствами и в пределах власти (расходуя свой диалогический потенциал в основном для установления особых отношений с Хозяином), — все это завязалось на русскость, возвышая и отбирая ее, делая ее заложницей мучительного колеса повторений. Чем выше вовлеченность в экстремальные ситуации, в распоряжение человеческими судьбами, тем убывающе меньше “русскости” в государстве и в человеке. В то же время реально, по ту сторону власти, Россия атомизирована и фактически разделена на свои протоцивилизации, больше увязанные со своими межнациональными средами, чем с такими же русскими в других местах страны: где — вологодско-архангельско-мурманский Север, где — казачий Юг России...

— *Трудно сказать, что для них существенно: что они “вологодские” или что они “советские”? “Вологодский конвой шутить не любит” — эту поговорку довелось слышать интеллигентам разных национальностей.*

— Но как ни вытапывали Россию, сибиряки остались сибиряками, донцы остались донцами...

И русскость представлена, с другой стороны, русскоязычной культурой, которая хотя и говорит по-русски с властью, но в общем-то является космополитической культурой внутри России. Поле пересечения — поле власти. Здесь все это увязывается и завязывает насмерть.

Поэтому выход из круга состоит в том, чтобы вывести русскую культуру за пределы этого поля! Изменив при этом природу самого властвования в России. А изменение природы властвования означает исключение из него распорядительства человеческими судьбами. Значит, путь двояк: изменение природы властвования и возрождение собственной русской локализации, становящейся многоцивилизационной.

Вместо “местной специфики” и аппаратно-территориальных мафий — цивилизации и протоцивилизации России.

— *Но такова ли ситуация с точки зрения самой власти?*

— Тут есть категорические императивы: надо разоружиться, то есть ослабевают военная функция власти. Власть не справляется со своими хозяйственными функциями, ей самой надо разгрузиться... Какой смысл голого распорядительства судьбами, лишённого военной и хозяйственной функции?

— *Это слишком логическое рассуждение для логики властвования в России. Согласно Вашему же взгляду, власти и сформированному в ее среде сознанию легче предсказать происходящее как новую экстремальную ситуацию — и реагировать соответственно, как всегда...*

— Но вот этого-то нельзя допустить! Надо оборвать циклизм экстремальностей и втянутость культуры в этот циклизм. Сейчас у нас есть шанс выскочить из колеи. И конечно, сама исключительность шанса подстегивает, чтобы, уходя, создать новую, еще более страшную, небы-

валую экстремальную ситуацию! К этому непременно будут склоняться, уже склоняются иные умы... Этого никто не планирует — это прошлое приказывает, застрявшее в душах. В самом маленьком человечке — бездонное прошлое. С этим связана проблема насилия и потребность в насилии, которое тоже есть процесс верхушечно-низовой и идет в обе стороны, сверху вниз и снизу вверх, взаимно подпитывая друг друга. Преступная власть над судьбами сумела замешать в преступлениях всех. Нам достались в наследство не следы преступлений, ведущих к прошлому, — нам досталась агонизирующая многовековая преступная власть. Она пытается сохранить свои приемы и свою антропологию, помимо и поверх тех или иных наших сознательных, но частичных усилий. И она уже доказала, что, даже получая сильнейшее сопротивление оттуда, где некогда сидел источник преступлений, — “сверху”, — получая команду запрета на преступления, она тянет на “старый” путь — и “внизу” и “вверху”. Она замешивает нас всех в распорядительстве душами и побуждает снова искать преступников!..

Сейчас поставлен вопрос пересоздания социума власти в государство путем максимального использования диалогического потенциала русской культуры на взаимоотношениях с иными культурами, цивилизациями — в том числе и на то, что сама русскость, приобретая выраженные цивилизационно-региональные черты, становится человечески доступной.

— Не резко ли Вы берете? Не всякий поймет, чем отличается “социум власти” от тех реальных “властей”, с которыми он сталкивается изо дня в день. Не уверен и в том, что для всех очевидна разница между властью — и государством.

— Надо говорить в выражениях, достаточно резких и достаточно уважительных к предмету. Вот эта многоцивилизационная русскость, которая таким образом сможет вернуть роль и место европейского ядра, естественно, тяготеет к Европе уже потому, что та — явно цивилизационна...

А сейчас, поскольку русскость не многоцивилизационна, она — враждебна, даже страшна многим. Позиция отдельных русских интеллигентов в этом мало что меняет: зачем Литве слушать по-русски позволения на то, что они и без нас делаем, одобрение того, что они сами знают? Зато когда они от этого уходят в свое — “русские” звереют: нас бросили! нас покидают! — и от этого прямым ходом: нам грозят!

Это все те же игры, когда Грозный, выехав в слободу и сажая москвичей на кол, приговаривал: ах, сирота я, сирота; или Сталин, сетовавший, что “из меня хотят сделать факсимиле” (по воспоминаниям Симонова). Интеллигенция сталинская да и нынешняя — прежде по отношению к евреям, теперь к татарам, армянам — не сделала того, что, собственно, и было бы признаком суверенного, ощущающего себя россиянином интеллигента.

— Что же это?

— Стукнуть кулаком по столу власти и сказать: не позволим! И после Сумгаита она обязана была стукнуть кулаком на всю страну и сказать: не позволим! Вот это было бы по-русски.

Тогда бы мы не причитали, что нас, бедных, теснят — и ни у кого не повернулся бы язык называть русских “мигрантами”. Русские должны быть инициаторами — создавая государство, беря курс на демон-

таж социума власти.

Но решить эту проблему невозможно, если русские, внутри себя, русских, не станут республиками, не станут суверенными частями суверенного тела. В качестве мнимого тела они не суверенны. В качестве несuverенных они не могут строить государство. В качестве неспособных строить государство они неспособны трудиться, и они загоняют себя в угол тем, что на них начинают незримо наступать, надвигаться внутренние отделяющиеся народы.

Тогда что нас ждет? РСФСР на карте гражданской войны — в границах Московского княжества, да еще разоренного дотла самим же собой?

Жить по-прежнему, везде одинаково, мы не можем. Разбежаться на отдельные независимые части — не можем. Не можем! Мы живем в Мире на ракетах, и о прежней концепции суверенитета можно забыть. Нельзя нам разбежаться. Значит, надо перестать быть одинаковыми, размазанными по собственной территории равномерно-бесформенной массой. Вот центральная проблема, ее необходимо решить. В ней — ключ всему. Это проблема человека послеоктябрьской эпохи: как ему действительно, реально и постоянно быть хозяином основных условий человеческого существования?

В конце концов, можно привести два примера: Штаты до войны считали себя "плавильным котлом" наций... После войны, на опыте фашизма в том числе, американский взгляд на эти вещи таков: я — американец в меру того, что я такого-то национального происхождения, что я человек общинный, штатный, локальный суверен. Это разнообразие придает большой американизм. Так же и француз к 1992 г. собирает-ся быть "французом интегральной Европы". И русский должен стать *русским интегрального Союза!*

Да, следует воспитать сознание: я русский, потому что я сибиряк. Я русский кубанец. Русский еврей. Русский северянин. И тогда русская культура, естественно, приобретет особое место в этой стране стран и в мире благодаря использованию своего диалогического потенциала, своему вселенскому космополитизму, любви к различиям.

С русскими нужно говорить напрямую. Только такой язык еще нам понятен. Это — русский язык.

Русская гамма

— В одном из рассказов Кортасара хозяин дома обнаруживает, что в дальней комнате завелись чужие — дверь комнаты становится недоступной ему, за ней следующая — но дом велик, — и он отступает из комнаты в комнату, пока вся жизнь его не стесняется в последней оставшейся, — и вот он уже взаперти в собственном доме, внутри которого идет чуждая жизнь, в ожидании развязки...

Не то же ли происходит и с русскими? Одна за другой захлопываются двери в нашем доме — пока не окончательно, пока не плотно, но все более определенно...

Всплеск сегрегирующего сознания в Прибалтике задевает во мне русского. Я не могу считать демократическим движение, в рамках

которого возможно ставить вопрос о сортировке людей по национальному признаку. Тем более что речь идет о русских... Я сознаю, впрочем, все неприличие своих чувств.

— Но ведь мы для того и говорим. Мы выясняем, что нас нечто беспокоит. Говорить откровенно — значит говорить о том, кто мы и что мы. Русские демонстрируют целый спектр форм неоткровенных предвзвещаний — от того, что все вступили в заговор против них, до запрета произносить слово "великорусский" и обсуждать русский национальный вопрос. Даже друзья, русские и евреи, не могут, не в состоянии обсуждать национальные проблемы между собой, что делает все их общение неоткровенным. Тут с полуслова начинаются взаимные обиды. Хорошо сказала Маргарет Мид Болдуину: "У вас в книгах все правильно, кроме одного: всякий раз, как собираются люди потолковать о своих бедах, тут же в центр выходит некто и заявляет, что ему хуже всех. И это всегда негр!" У нас это занятие в равной мере евреев и русских. Я не уверен, что даже муж с женой решаются обсуждать свою национальность.

— *С этой точки зрения непонятно, кто главные евреи в России: евреи ли, собственно, или русские, обремененные комплексом, что им хуже всех, не имея права уехать в Израиль. В то время, когда республики осознают себя как нации, начинают говорить на языке независимости, даже национальной исключительности, чем заняты русские? Они пассивны, пугливы, они не сознают себя русскими. Аплодируя национальным движениям других народов, они боятся собственного, не ощущая себя народом вместе. С другой стороны — то, что я бы назвал русский сионизм "Памяти": сплотимся тесней, станем заодно, почувствуем себя русскими в кругу инородцев и поищем отличий. Глубочайшая идея "Памяти" — идея черты, границы, отдельной земли для "наших": некоей условной "России", сильно смахивающей на обетованную землю евреев. Это какая-то нерусская "Россия" — но где та? Ушла и невозстановима?*

— Да. И теперь можно прийти только к миру в Мире. Но это и будет новой Россией: тем, что искала русская культура в своей любви-ненависти к русской государственности. Россияне, под каким бы деспотическим правлением они ни находились и как бы они функционально ни срастались с этой властью, — россияне всегда были г а м м о й, а не монолитом: гаммой прото- и предцивилизаций. Всегда сибиряки были сибиряками, казаки — донскими либо астраханскими, а архангельский или вологодский север был Севером — все это различия цивилизационные, а общий для всех был русский писатель украинец Гоголь и русский поэт еврей Пастернак.

— *А вы сами?*

— Это, может быть, мое еврейское качество, мое еврейское свойство как русского. Потому что я русский еврейского происхождения.

Самому мне редко случалось оказываться объектом антисемитизма, но я, конечно, представляю: ожидание еврея, что с ним поступят если не грубо, то нетактично, нечестно, вызывает встречную отчужденность, срастающуюся с характером и начинающую казаться чуть ли не свойством нации. Интересно, нечто подобное бывает и у русских — именно с "всей Руси" русскими. Они тоже ожидают, что с ними поступят как-то не так, что в них оскорбят это суверенизирующее их свойство, — и осво-

бождаются через превентивный, недоверчивый антисемитизм, вытесняющий еврея в таком же качестве.

Вопрос надо ставить с детской прямоотой, в лоб: да что мы проигрываем оттого, что мы признаем, что нет их, особых и неделимых русских?! Мы только выигрываем.

Мы можем стать р у с с к и м и л ю д ь м и, гражданами, распорядителями земли, собственности, недр и плодов своего труда.

— *Я, честно говоря, не понимаю, зачем я должен перестать считать себя русским, чтобы "стать русским" же?*

— Вот недавно по телевизору рассказывали, как на Севере, прежде чем подоить корову, с ней принято поговорить — иначе будет не то молоко... Вот вам другая цивилизация: доение, этикет вхождения в дом, обращения, свадьбы... Считаюсь русским, вы берете на себя обязательство жить таким же образом?

Для того чтобы быть армянином, совсем необязательно повторять себе каждый день: я армянин. Армянин и относится к повседневности, как армянин. Нация складывается из повседневного. Как повседневный человек вы складываетесь из отношения к вашим учителям, из отношения к детям, женщинам, к коллегам... Ничего здесь нет специально русского! И на самом деле, у вас в этом нет нужды — но есть нужда в другом.

Нужда в том, чтобы вами не распоряжались.

Нужда в том, чтобы отношения с повседневностью строились изнутри, не навязываясь и не разрушая других отношений. Вы переведите все это на язык этноса, — но на язык этноса для русских это уже непереводимо. Если вы действительно русский не по решению паспортистики, а по культуре, то вы — р о с с и я н и н. Вы русский только в меру того, что вы россиянин, в этом все дело!

— *Не совсем так. Я желаю быть суверенным, но не могу чувствовать себя суверенным, оттесняемый в собственной стране, независимо от того, властью ли центра, национальными ли республиками: "белорусская Вандея" не милей мне "самохозяйственной Эстонии"...*

— Но вы сейчас переходите на другой язык. Итак, вы русский в меру того, что вас оттесняют? Переверните это — и вы получите сталинское определение русских: чтобы быть русским, надо неустанно оттеснять других, служа винтиком системы оттеснения.

Я же говорю о другом — о позиции человека русского языка, русскоязычной культуры. Русская культура находится в конфликтном отношении к русскому этносу. Культура, говорящая по-русски, сформировалась в пределах империи как союзник, оппонент и соревнователь прав на человеческие души — но не как выразитель отдельного этноса!

Там же, где она действительно выражала определенный этнос, — там она представлена фигурами иного калибра. Лесков — прекрасный русский писатель, но не Толстой, не Тургенев. Кольцову в роли русского поэта далеко до таких космополитических метисов, как Пушкин и Лермонтов. Или русский националист Тютчев, который жил вообще за границей, а патриотические статьи писал по-французски. Самым русским из них был Щедрин, всю жизнь провававший с "русским духом". Впрочем, это и есть русское: быть в споре с самим собой.

— *И я о том. Та русская культура, которая вечно в споре с собственным народом и властью, ненавидит собственную ограниченность*

с той же яростью, как антисемит еврея, — т а к а я русская культура не может быть загнана в нацию, заколочена в некую "свою" этническую государственность! Она не может стать нацией среди наций. А не этого ли ждут от русских новые, возникающие в стране национально-бюрократические суверены республиканского уровня? И это загоняет меня как русского в московский угол.

— Ситуация загоняет вас в угол, вами же построенный. Если вы, в роли русского, строите государство как систему национально-бюрократических резерваций, более или менее обширных, то вы являетесь функционером процесса — и сегодня он неизбежно повернет п р о т и в вас.

Первый глоток свободы для нас в том, чтобы п о - р у с с к и сказать: я — русский россиянин, в том самом многоцивилизационном смысле. И в этом качестве многоцивилизационного я берусь — действительно без помощи Минпроса и МВД — стать снова властителем дум всех, многоцивилизационных же, этносов и наций.

— *Если мы хотим сохранить за собой этот дом с открытыми дверями, то мы уже сейчас должны вернуть свою поликультурность, сделать русских наиболее многоязычным народом СССР. Культура может доминировать без государственных подпорок — если она интересна. А мы за двадцать лет стали серой культурой, неинтересной другим.*

— Русскоязычная культура, которая образовалась в XVIII в., а в XIX достигла величия и вершины, притягала на души в пространстве и во времени и, собственно говоря, была великорусской.

Будучи культурой гигантского пространства, она ищет субстрат, равнозначный ей. То она приобретает вселенский замах и притягивает на Мир, то начинает распадаться по землям, становиться культурой чернозема либо суглинки, культурой диалектов — чем народнее, тем локальней. Распутин отстаивает сибирскую цивилизацию, но не говорит об этом, а полагает, что спасает "русское дело", борется за "русский патриотизм". Белов — ходатай вологодской земли русского Севера, но при этом декларирует против рок-музыки и эмансипации в Москве.

Дать русскому стать русским — значит сделать его человеком региональной цивилизации, полным распорядителем собственной судьбы в оптимальных земельных пределах и — одновременно п о с р е д н и к о м между всеми на новом языке различий — через русскоязычную культуру, у которой есть исконный опыт взаимного диалога различий. Причем даже внутри самой себя русская культура говорит на разных языках. Уже в Пушкине она говорит всеми языками, не становясь на чью-либо сторону. А потом Достоевский, Платонов... Вообще все крупные представители русской культуры внутренне диалогизированы.

Это огромный потенциал, который русская культура употребляла в застрявших экстремальных ситуациях на безысходный и односторонний диалог с властью. Образный язык обладает гигантской емкостью. Он легче открывается проблемам (категориальность и систематичность тянут к окостенению). Но я говорю, конечно, не о языке "Краткого курса истории ВКП (б)" — оказанном месиве слов-обрубков, — языке, в разговоре на котором с властью культура потеряла значительную часть своего потенциала. Но не до конца же!

Для Гранта Матевосяна естественно говорить об армянских вещах, для русской культуры так же естественно говорить обо всем на свете.

Ей уже не стать другой. Говорить только "о русском" нас не заставишь.

— И тем не менее, я думаю, чтобы сцена ожила, на сцене должно появиться новое действующее лицо. Новый субъект, освободитель от безысходной холодной экстремальности...

— Да. Не только человеком, который понимает с пеленок русскую речь и поэтому ему доступна русскоязычная культура: он должен быть сувереном, субъектом для самого себя.

— Но это значит, что в СССР должны появиться русские!

— Они могут появиться в качестве людей региональной цивилизованности, с другой стороны — в качестве людей, рекрутированных русскоязычной культурой, обладающей способностью связывать, транслировать и открываться всему на свете. Но для этого культуре должна вернуться функция трансляции, субъекту должна вернуться вольная суверенность, а власть должна навсегда отказаться от распоряжения душами. Она должна наконец уйти в государство.

Я не вижу другого выхода, абсолютно не вижу другого выхода. Страна, состоящая из стран, была империей и может стать первой в Мире страной стран.

Была сталинская унификация. Доказано исследователями — сильнейшая унификация в этом веке. И опыт ее показывает, что самая сильная унификация может только сдавить магму, перевести ее в другое состояние — а потом магма рвется наружу.

Гитлер почти унифицировал Германию, сломав старые преграды, — послевоенная оккупация восстановила все прежние земельные различия, — и эти земельные различия сегодня одни из главных источников жизнеспособности маленькой, урезанной страны! Сибирь, например, — это не нация и не республика, но это *протоцивилизация*. Она отличается от Европейской России, уверяю вас, не меньше, чем Грузия от Московской области! Я это осознал, когда меня буран задержал на сутки в Омске, — и оказалось, что от Москвы до Омска столько же лету, как от Омска до Иркутска. Тут я впервые понял, что значит Сибирь. Я был ошарашен. Вдобавок, когда мы отправились во вторую часть маршрута и кто-то захотел есть, ему ответили: мы просто продолжаем рейс, на рейс положен один обед — вы его уже съели!

Дело не только в том, что земли отличаются. Мне в Сибири говорили: смотрите, у вас пройдет ваш великолепный трактор, ломающийся на каждом повороте (сибиряки говорят "пришельцы", это у них ругательное слово, как у прибалтов "мигранты"), — так вот, гусеничный трактор под Москвой помнет травку, а у нас следующая трава на этом месте вырастет через десять лет! И они рассматривают это как вторжение, а нас — как внутренних оккупантов.

Согласно русской традиции, внутренний оккупант отпускает человека лишь на виду у внешнего — но теперь так больше жить нельзя. Игры со смертью кончены. Надо начать играть в жизнь. У нас была теневая экономика — теперь она вышла наружу и в какой-то степени легализуется. У нас, конечно же, был и теневой плюрализм. Он был, но вышел наружу — и заговорил языком явностей. И теперь мы оказались вдруг на земле, которую бездумно считали своей, "мигрантами" или "пришельцами". Различия были и прежде, только когда тайное перестало быть тайным, различиям потребовались спецвойска. В чем состоит нынешняя трагедия русских, к которым в этом случае я себя открыто причисляю?

Русские — суперэтнос, который, сжимаемый со всех сторон, уже не может превратиться в этнос, в нацию в обычном смысле этого слова. В чем решение проблемы? В том, чтобы у русских не было бы проблем, которые не были бы проблемами других.

У них не должно быть проблем в узком, национальном смысле "своих". Они не могут уйти в себя в качестве национальной общины. Следовательно, они должны сделать проблемы союзных народов своими национальными проблемами. И тогда для тех, других, не будет отдельных от русских проблем, которые следовало бы решать, отделяясь и отдаляясь от русских!

Но если русские проблемы нас опять потянет решать через власть — тогда мы взорвем Мир.

Итак, русские должны определить себя через других, но свободных других, суверенных, нестесняемых других. Каким же образом они могут это сделать? Русские должны быть изобретательнее и деятельнее всех в превращении власти в государство. А насчет этого у нас есть неплохая традиция.

Страна стран

— Вам не кажется, что тяжба о национальных притязаниях — часто неразрешимых при любом политическом строе — отвлекает нас от насущных экономических реформ?

Не попрововать ли сперва накормить и приодеть людей в стране?

— Экономика у нас почти тождественна государству, и эта сторона дела доведена до такой степени, когда никакой политики, в сущности, уже нет. Даже нэп имел дело с миллионами независимых товаропроизводителей, и этот коренной факт лежал в основе всей политики; где у нас нечто аналогичное?

Ядром альтернативы — что превратить и во что? — является у меня принципиальный отказ от мысли о возможности какого-то одного решения, одного механизма для всех бывших и проточивилизаций, составляющих целое СССР. Здесь я решительно расхожусь с нынешним "прогрессивным хором". Для меня это коренной вопрос, на нем замыкается все: экономика, политика и культура.

В Мире есть США, возникшие в другую эпоху, стихийно, на основе сложного компромисса централизма и децентрализации, созданные европейскими эмигрантами, уничтожившими коренное население. Это надо иметь в виду: США возникли, в некотором смысле, на "пустом месте".

С другой стороны — Китай, где население сохраняет многие начала традиционной жизни. И есть наша страна, где основы традиционной жизни претерпели небывалую в истории ломку, такую унификацию, какой не знал и Китай, но которая тем не менее не уничтожила народов, входивших в состав прежней России, она и сегодня состоит из разных цивилизаций.

Огромное разнообразие отношений человека к природе, человека к человеку, к труду! Легко написать на листе бумаги: "Россия есть Евразия", — а каково человеку быть евразийцем, ощущать себя атомом кентавра? И если мы хотим вести отсчет от этого современного человека, если мы хотим вернуться к человеку как суверену собственной жизне-

деятельности, то этот человек не сможет быть сувереном ни в качестве единицы, ни в качестве трехсотмиллионного евразийского массива. И он, этот человек, еще должен сам найти оптимальные контуры своего суверенитета.

Мы должны осознать, что составляем не страну, а целый мир в Мире, и должны устроиться в качестве такового. А все наши теории и политическое самосознание основаны на унитарной модели. Особенно опасно, когда они накладываются на РСФСР — огромное, необозримое пространство, которое фактически н и к а к и м суверенитетом не пользуется, отличаясь в этом даже от Армении и Литвы... Все понимают, что “правительство РСФСР” — это полуфикция, потому что основные вопросы жизни всех этих бесчисленных областей и краев, от Белоруссии до Тихого океана, решаются центральным правительством и Госпланом, а на долю “Российской республики” остаются какие-то мелочи, сводящиеся к переписыванию всего на свои бланки.

И это не остается без последствий для всех в СССР! Наличие такого огромного и абсолютно несuverенного, водимого на помочах из центра колосса накладывает печать на отношение центра ко всем республикам! Это наша модель д е с у в е р е н и з а ц и и самих себя...

— *Но существует набор форм национальной суверенности, в том числе и в РСФСР, например автономии...*

— И ни один уровень автономии не делает людей хозяевами своих ресурсов и своего продукта. Необходим один уровень автономии: суверенитет любого народа СССР.

— *Но тогда речь пойдет о расширении числа участников Союзного договора.*

— И о некотором выравнивании их по крупности. Пока есть громада РСФСР, способ управления ею определяет способ отношения ко всем составным частям СССР. Это совершенно неизбежно.

Вспомним, что образование Российской Федерации — следствие территориального сжатия бывшей империи. В результате революции, а затем гражданской войны временно отпали либо добровольно отложились те или иные ее части, тогда как оставшиеся земли составили сплошную территорию, перенявшую все внешние права и долги России. Затем начался процесс возврата, соединения — и поиска иных начал, еще неизвестных Миру. Процедура приобрела поистине планетарное значение, даже в названии — отголосок схватки. Ленин предлагал “Союз Советских Республик Европы и Азии”. Думаю, что не разрастание состава он имел в виду, а новизну суверенитета — республик и континентов. Он искал Мир внутри России — эволюционное, “цивилизаторское” продолжение несбывшейся мировой революции.

Ленин — всем известный фанатичный сторонник права наций на самоопределение, о котором повторял, что это пустой звук, пока не включает права на отделение и выход. Здесь был для него почти пункт, мания...

Потом он уже близок к смерти, и есть письмо Сталина к нему, довольно наглое по тону. Сталин объясняет Ленину, что тот идеалист и ничего не понимает в национальном вопросе: у вас, говорит он, все время какие-то типы автономии — башкирского типа, украинского типа... Да ничего этого не надо! У нас будет одна автономия, скажем башкирского типа, — других не надо! Сталин тогда уже брался объяснять

все на пальцах... И Ленин перед самой смертью вдруг понял: какое там право наций на отделение! В русле мировой революции отделение было еще реальностью, но теперь, когда все замкнулось в пространстве России, а власть над пространством ушла из его рук?..

И у Ленина появилась идея, которая сегодня, на мой взгляд, имеет такую же живую силу, как общественный договор Руссо: все объединяются на равных началах, независимо от своей величины, на принципе *возобновляемого Союзного договора*. В с е!

Безмолвие и смерть оборвали поиски. Мы можем теперь гадать: нашел ли бы он политический эквивалент новому облику Мира, России, социализма. Кажется, даже настаивая на добровольном объединении, на полном и гарантированном равноправии сторон, вместо вхождения в "готовую РСФСР", он едва ли учитывал гигантскую несоразмерность частей, чреватую единодержавием "центра". Сталин и тут, быть может, раньше всего тут, из поражения Ленина сумел извлечь монополию власти — рычаг собственного возвышения и торжества.

— *Вы предлагаете, по-моему, нечто вроде возвращения к идее "автономизации": общая территория — повсеместная автономия земель...*

— Идея не такова.

Издавна, как современника и историка, меня не отпускает мысль: возможно ли мирно и прочно развязать узел наших межнациональных проблем, оставляя нетронутой несоразмерность составных частей и упуская из виду давно назревшее разукрупнение РСФСР? Национальное здесь (как и повсюду) переплетено с социальными нуждами, с потребностями экономического преобразования. Желая сохранить коллективную собственность, мы обязываемся "ввести" и учредить коллективного суверена — не теоретического, на бумаге, а ощущающего себя таковым на деле. Речь, следовательно, должна идти о грануляции как собственности, так и суверена. Нужны соразмерно крупные единицы, какими невозможно было бы манипулировать, которые способны были бы на основе прежде всего собственных ресурсов и саморазвития входить в естественные (договорные, "хозрасчетные") отношения с другими такими же суверенами. Размер их должен определяться именно возможностью осуществлять полнокровный суверенитет — обозримый для труженика результат его будничных деяний. Этим единицам, как бы их ни называть (республики, регионы, земли), подотчетный им центр должен устанавливать лишь общие пропорции, умеренные отчисления в союзный бюджет, в остальном предоставляя простор многообразию труда и обмена его плодами. Стоит ли вне этого всерьез говорить о действенном "рыночном механизме"?

Следствия этого были бы столь благотворны, что едва ли стоит заниматься их подсчетом. Конституционная регионализация РСФСР впервые реально разгрузила бы Москву от непосильных тягот управления всеми делами во всех уголках необъятной территории — от Хибин и Смоленска до Тихого океана. Старый демократический лозунг "дешевого правительствa" воплотился бы в жизнь. Но, разумеется, всего важнее приистекающее отсюда оздоровление национальных взаимоотношений. Преодоление территориальной несоразмерности освободит всех от разорительной опеки, от бюрократического обкрадывания свобод.

— *Но почему бы этот захватывающий план не мог стать следующим шагом в цепи реформ перестройки, подобно тому как земская и воен-*

ная реформа последовали за крестьянской при Александре? Психологически ведь куда труднее пойти на такое "государственное размежевание" РСФСР, чем даже на самые крайние варианты рыночной реформы!

— Необходима конституционная реформа, воссоздающая СССР. Вопрос о размере есть в данном случае центральный вопрос, потому что при коллективной собственности нужен и коллективный суверен. Не в теоретическом отношении, не на бумаге, а ощущающий себя таковым.

Я не предрешаю вопроса о контурах, размерах, названиях... Будут ли это Западно- и Восточносибирские республики либо Дальневосточный, Урало-Волжский регионы? Северороссийская, Центральнороссийская или Южнороссийская земли?

("Горизонтальную" суверенизацию можно дополнить и культурно-национальной "вертикалью": общинами, землячествами, объединениями ревнителй родной старины и т. п.) Я не предрешаю и более радикальных шагов "вертикальной" интеграции: например, преобразования нынешнего Совета Национальностей в Совет Республик и Земель (регионов) с расширением постоянных полномочий последнего — от согласования местных программ развития вплоть до права вето — на любые акты и действия союзных органов.

И еще одно, не последнее по важности: это вызовет сразу прилив чувств на местах. Огромный эмоциональный подъем! Конечно, это особенно важно объяснить русским, которые в нынешней централизованно-децентрализованной форме в наибольшей степени теряют распоряжение собой как нацией.

И тут, убежден, ключ к решению и "русского вопроса", который нельзя больше стыдливо игнорировать. Именно русские в роли функционеров сталинской нивелировки в наибольшей степени теряли распоряжение собой; это игнорирование подчеркнуто "поглощением" столицей Союза собственной столицы Великороссии... Русский национальный вопрос способен решаться именно тем, что районы с преобладанием русского населения становятся — как и другие — интегратами, странами, очагами распоряжения основными условиями человеческого существования. Тогда люди, здесь живущие, сибиряки ли, рязанцы или жители Урала, — уже не подданные, а хозяева своей земли, своих недр, потоки своих разноязычных, "смешанных" предков.

— *А что делать центру?*

— Происходит важнейшее: высвобождение центральной власти от присутствия в каждом шаге, в каждом проекте каждого отдельного человека. Власть освобождается! От нее сразу уходит девять десятых непотребного бюрократического груза, всех неправовых затей. Внутренняя жизнь становится богаче, разнообразней — цивилизации сами выстраивают себя. И вот что мне кажется: это — истинное окно в XXI век, где, может быть, люди вообще станут жить так. Кто знает? Давайте попробуем. Давайте пойдем наконец, что мы, СССР, — не страна.

Мы могли быть империей.

Мы могли быть центром мировой революции. Но мы не можем быть "просто" страной в национальных границах, и не такова альтернатива наблюдаемой картине беспомощности необозримого государства. Мы можем стать м и р о м в М и р е — либо, в очередной раз, жертвой. Жертвой Мира, жертвой самих себя.

Государства без суверенизации, без разукрупнения быть не может: это развращающая и непосильная затея. Оно недееспособно и способно лишь развращать: при Сталине эта система действовала, но как?!

Удивительная вещь: как Сталин создал систему, столь пригнанную к режиму экстремальных ситуаций?! Именно в них, в пике экстремальности она становится дееспособной. Обстановка нормализуется — и государства нет. Его, впрочем, и не было перед тем, но все двигались так, будто оно существует.

Сегодня становится уже привычным писать, как всем было плохо, но ведь это неправда. Да, нам было плохо, да еще как бывало плохо, но в качестве сомогущественников власти — нам было хорошо. “Братья и сестры” самого Сталина могли и победствовать, и помучиться за эту честь... Именно об этом я говорю: “цена приобрела ранг смысла” — не средство, а именно цена. Здесь инверсия: это был путь осмысливания жизни в те годы.

Это вывело особую породу людей, для которых сама жизнь — в этом. Вы не задумывались, почему отнюдь не кровожадный поэт так легко написал: “Мы за цену не постоим”? Это в ы п р ы г н у л о из него, как из Хрущева — “Мы вас закопаем!”. Конечно. Так и было, так и жили. Теперь молодец Астафьев сказал всеми словами, чего это стоило всем. Люди, дееспособные именно в крайних, бесчеловечных ситуациях, восприимчивые к экстремальным, даже бесчеловечным задачам, — сами не обязательно бесчеловечны. Мы не гестаповцы! Нам не надо было быть гестаповцами, чтобы платить живыми людьми за поставленные задачи. Такова порода...

— Может быть, не следует апокалиптически ужасаться умножению кризисов и самой возможности перерастания их в общенациональный кризис? Может быть, это и есть способ повернуть нас к реальности, напомнить о том, что с ней не играют в прятки и что место под солнцем требует усилий, чтобы на нем устоять?

— Я так не считаю. Я не думаю, что катастрофу можно рассматривать как вид педагогики. Выражение “суровая школа войны” — верх безвкусицы. Но если действительно этот опыт неизбежен, то н а д о г о в о р и т ь о том, что угроза растет бешеными темпами. И если мы опоздаем, не сорганизовавшись на принципиально новых началах, не заведя экономические отношения регионов...

Пускай будут издержки! Пусть будет драка из-за цен, ажиотаж на поставках! Пусть в союзном общем рынке будет неприглядная грызня интересов — будто сейчас она не идет под ковром!

Но центр, основываясь на отчислениях, разгруженный, приобретет новую роль обеспечения, станет центром жизнеобеспечения и на аварийные случаи... Иначе будет наступление экономической разрухи, с другой стороны — национальные движения, переходящие в русский бунт. И он будет страшным. Он прорывался уже при Хрущеве. Посмотрите, сколько раз Хрущев расстреливал на улицах, а почему?

Потому что перестали в него верить.

— Вы верите в повторение прошлого? Но ведь все стало другим — и люди тоже другие.

— Нарастающий процесс суверенизации совершенно не сопровождается поисками и развитием нового интегрирующего начала. И в этот зазор может ворваться насилие с той или с другой стороны.

Именно потому, что суверенизация сегодня практически не затрагивает русских, и в меру того, что она не затрагивает их, она принимает болезненно антирусский оттенок!

В качестве соучастников этого процесса русские не были бы объектом нынешней бессмысленной неприязни. Ибо человек у власти нуждается в национальности лишь до утверждения у власти, на самом же деле он — не русский. Он — не русский у власти, это даже по его обращению с русским языком довольно заметно.

Не случайно, между прочим, на досталинских витках социума власти, монархических, образовалась специальная остзейская прослойка. Эти "русские немцы" оказывались идеальными в роли носителей имперской государственности как распорядительства судьбами живых.

Агония сталинской системы ведет к тому, что агентами ее вырождения становятся настолько мелкие люди, что их претензия распоряжаться судьбами делает ситуацию особенно невыносимой: все эти гришины, романовы делают ситуацию безнадежно скучной, делают ее тоскливой. И попытка центра свести процесс к общему знаменателю может одним ударом все опрокинуть в прошлое.

Надо конституционно реорганизоваться. Надо ввести понятие мирового суверенитета внутри страны. Суверенитет в международном смысле без выхода за пределы. Решить эту задачу, не разрушая государственных границ, на основе нового Союзного договора. Я думаю, что это единственное п р а к т и ч е с к о е решение вопроса.

* * *

Если брать создание государства из нынешнего социума власти, то наиболее заинтересованным народом мне представляется именно русский. Именно в качестве строителя государства — теперь говорят "правового государства", а я бы сказал — первого нормального государства в нашей истории — русский народ может вернуть моральное лидерство, во всяком случае сделать больше любого отдельно взятого народа СССР.

И здесь надо ясно подчеркнуть разницу между децентрализацией и суверенизацией СССР. Децентрализация имеет в виду, что система, сохраненная в принципе, становится более гибкой, функционально локализованной, приспособляемой... Суверенизация не есть децентрализация, это множественная интеграция. Суверенизация предполагает выход из агонии в другое состояние. Болезненный выход, но полный.

Все это и другое — предмет дискуссии, как, разумеется, и общие принципы: на договорных началах вновь устанавливаемые основы жизни всего Союза ССР. Тут мы вплотную подходим к чему-то типа социалистического "общего рынка", как и социалистического межгосударственного содружества, — и самое слово "социализм" тогда помянем не всуе.

Ибо социализм естественно многоукладен, понимая под укладами образы жизни, а не только "способы производства". Нормальным для социализма является не то, что он вынужден терпеть что-то из старого, поскольку не может его сразу отсечь и заменить "чистым" собою. Нет, речь идет и о возрожденном разнообразии, и о возможности возникновения здесь, у нас, протоцивилизаций, еще не имеющих имени, еще

ищущих себя и свое место в Мире миров.

Я не вижу другого выхода, во всяком случае — другого выхода для русских: мы должны найти принципиально новый способ осуществления того, что было тайной пружиной нашего величия и нашей беды, точнее — беды в самом величии: неспособности русских реализоваться через самих себя, через отдельную русскую этничность. И сегодня мы должны реализоваться русскими, строя равноправное сообщество народов одной шестой части Мира. В этом смысле я бы сказал: пора стать русскими!

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: НЕОБЪЯВЛЕННЫЙ "КРУГЛЫЙ СТОЛ" 1987

За последние годы судьба многих обществоведческих категорий стремительно изменилась: из "черт", "сторон", "особенностей" они превратились в проблемы – сначала "большие и серьезные", потом "острые и мучительные". В этой череде категорий, движущихся от статуса благополучия к статусу мучительности, категории "национальные отношения" выпала роль замыкающего. Еще недавно специалисты по национальным отношениям объясняли, что термины "национальный вопрос", "национальная проблема" неприменимы к социалистическому обществу: у нас могут быть вопросы, проблемы, но сами по себе национальные отношения – не проблема и не вопрос. История сняла, история разрешила... Уместно здесь процитировать доклад Ю. Суровцева: "Насколько же часто и не по делу, в духе застойного "благополучизма" произносились в семидесятые, в начале восьмидесятых лозунги "тосты" вроде печально известных: "Казахстан – планета (или, по иной версии, лаборатория) дружбы ста народов и языков" или "широко шагает Азербайджан", и это как раз тогда произносилось, когда в Казахстане все чаще нарушалась социальная, социалистическая справедливость, без которой укрепление и развитие дружбы народов невозможно, когда в экономике и культуре Азербайджана "шагать" вперед многое мешало. Парадно-здравная уверенность, что уж где-где, а в области "дружбы народов – дружбы литератур" у нас все хорошо и "нет проблем", была сильно ощутима и в литературной жизни. Многое говорилось о единстве литератур народов СССР... в порядке своеобразной игры в бисер, как бы перекидывая с ладони на ладонь, из речи в речь, со страниц на страницу привычные словосочетания" (20, с. 3*).

Только не могут процветать национальные отношения на фоне предкризисного состояния экономики.

"Интернационально, по-советски, по-социалистически патриотично воспитывает все в жизни, все ее области. Но и "наоборот" воспитывать тоже может все: недостатки в организации труда, нехватка справедливости в распределении благ, бытовые неурядицы, предрассудки обыденного сознания, сокрытие неприятной информации" (20, с. 3) .

Разногласия между специалистами допускались в основном по теоретическим вопросам: что такое нация, какво соотношение этнического, социального и культурного в нации. Неясно было также, каким образом и когда именно расцвет наций приведет к их слиянию и может ли

* Цифра в скобках обозначает номер в списке литературы в конце данной статьи.

быть такое слияние полезным. Разноречивые высказывания классиков смущали тут не меньше, чем злоба дня, — например, признание положительной, прогрессивной роли национализма в развивающихся странах. Дискуссии на эту тему отражены в специальной литературе¹.

Был даже своеобразный “структурный” диспут. О его уровне говорит следующий пассаж из доклада Ю. Суровцева. “Структура патриотического сознания советского человека многогранна. В неразложимом единстве здесь и чувство любви к родным местам, где ты родился и вырос, и национальное чувство, гордость тем, что ты русский, или украинец, или грузин, или узбек, или латыш, или якут, или еврей... “или” отнюдь не в смысле противоствояния, противоствояния другим, но и как определенность твоя в семье единой, в человечестве; здесь и могучее чувство общесоветской принадлежности, “у советских собственная гордость”, как сказал Маяковский. Социологи, психологи, этнографы сейчас подходят... к анализу этого сложнейшего предмета — структуры патриотических чувств” (20, с. 3). Докладчик называет здесь работы Ю. Бромлея, А. Дашдамирова, Л. Дробижевой — действительно серьезных исследователей (правда, более конкретных и определенных предметов, чем “структура патриотических чувств”).

Но эти дискуссии шли в очень жестких рамках решенности на сегодня национальной проблемы. Социологические и этнографические исследования, подававшие негромкие и очень осторожные сигналы существования такой проблемы, санкционировались постольку, поскольку не претендовали на изменение статуса проблемы, на изменение тональности устных докладов и письменных трудов по национальному вопросу. Их материалы и даже выводы могли быть неожиданны, но это так же мало влияло на содержание докладов и трудов, как жанр заграничного детектива на характер лекций о моральном облике, которые только что прослушали ради этого детектива².

Из такого соотношения никакого сдвига произойти не могло ни при какой гласности. Сегодня о национальных отношениях можно сказать если не все, то многое — как это делается в сфере экономических и правовых отношений. Но эта возможность не реализуется: не потому, что специалисты боятся говорить — официально сказано: “Говори!”, — а потому, что сказать нечего.

Гласность науки — ее теория; факты — только материал гласности. Без теории они беззвучны, как движение губ без голоса. У экономистов, оказывается, были теории, модели, программы, у философов их не оказалось. Материал, накопленный этнографами, социологами, культурологами, еще не осмыслен ими, не стал информацией.

Не случайно и “Прожектор перестройки” обходит национальные отношения, и проблемных передач по экономике — десятки, по национальным отношениям — одна. А документальных фильмов, если не считать съемки событий в Нагорном Карабахе и вокруг него, ни одного.

¹ Гнатенко Л. Национальный характер: мифы и реальность. Киев, 1985; Харпакоев В. Диалектика национального и интернационального в советском образе жизни. Иркутск, 1985.

² Из этих материалов особо следует отметить: Арутюнян Ю. В. Развитие социально-культурной общности советских наций на современном этапе. — “История СССР”, 1986, № 4, с. 20—35; Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы в СССР. М., 1986.

Но это не значит, что в общественном сознании нет теоретического и идеологического потенциала для формирования философских и политологических позиций по национальному вопросу. Они есть, они отражены в направлении (и составе) литературно-художественных журналов, в выступлениях на творческих съездах и пленумах, в публицистике и публицистической переписке и, разумеется, в художественной литературе — в романах, стихах, пьесах, рассказах. В последних, правда, очень мало, значительно меньше, чем другие проблемы нашего общества — коррупция, алкоголизм, бюрократизм. Можно по пальцам пересчитать художественные тексты, вокруг которых завязалась дискуссия по национальному вопросу. Не следует ли считать это доказательством правоты наших философов: национальной проблемы у нас нет, людей с националистическими предрассудками так мало, что в фокус литературы — зеркала жизни — они просто объективно не попадают.

Но литература — зеркало не жизни, а общественного самосознания, частью которого бывает вынужденный или добровольный самообман.

Известно, что ни в одном эпическом произведении великой русской реалистической литературы первой половины XIX в. не отражено такое его центральное событие и явление, как декабризм.

Нам остались только стихи, мемуары и — с некоторой натяжкой — монологи Чацкого. Значит ли это, что декабризм не существовал, не был проблемой? Ответ, очевидно, в том, что декабризм был не просто запретной темой. Обличать крепостное право тоже не дозволялось, однако "Записки охотника" вышли в свет, а что не вышло — то было написано. Декабризм был темой, страшной для автора не только извне, но и изнутри. В отношении крепостного крестьянина позиция писателя-дворянина была определенной: он мог сострадать крепостному, но "по воле рока" он не мог им быть. Уважение к року не снимало чувства вины, но укрощало его до степени, позволяющей "мыслить и страдать" уравновешенно, творчески. Декабризм же и вообще революционность были для него делом свободного выбора, а не рока. Каждый просвещенный, творческий, т.е. взывающий справедливости и свободы человек был в какой-то мере декабристом, но и в той же мере — антидекабристом, поскольку они-то были в "каторжных норах" (если не в безымянных могилах), а он — на службе или под опекой тех, кто их казнил и судил.

Состояние, в котором Пушкин нарисовал на полях рукописи виселицу и написал рядом "И я бы мог, как шут", — это та степень душевной боли и тоски, которая не может перейти в эпическое спокойствие. И Тургенев не мог отнестись к революционеру-дворянину эпически, а к разночинцу-нигилисту, к чужому — уже мог. Даже Толстой, начав писать роман о декабризме, понял, что не может, и написал о том, что ему предшествовало, — "грозе двенадцатого года". Повести и романы о декабристах появились только в XX в., но, к сожалению, они воспринимаются как нечто вторичное.

Оказывается, есть явления, которые требуют синхронного отражения. Хотя бы публицистического.

Научный потенциал общественного сознания в области национальных отношений сосредоточен не в обществоведении, а в публицистике, в материалах нашей периодической печати. Это объективная основа библиографического выбора материалов для настоящего обзора. Книги и статьи

обществоведов проанализированы в других изданиях³. Здесь использована только периодика: статьи из журналов и газет, но не с той позиции, что "хоть здесь и не наука, но все же какая-то информация", а с противоположной: именно здесь выражены идеи и идеалы, формирующие теоретическое знание.

Национальный вопрос в призме статистики и истории

На телевидении (впервые в его отечественной истории!) шла передача о национальных отношениях (в программе "Позиция"). Сначала все было гладко, потом пошел довольно острый диалог. Договорились до горящих в огне и попавших под машину детей: имеет ли значение их национальность? И тут редактор журнала "Знамя", известный писатель Г. Бакланов, спокойно сказал, что без статистики говорить о национальных отношениях бессмысленно. Как и всякое знание, оно должно основываться на строго документальной, и в частности статистической, основе, без которой исторический подход к предмету немислим. Нужны цифровые данные о вкладе каждого народа в нашу жизнь (цитирую по памяти).

Конечно, книги и статьи о дружбе народов изобилуют цифрами. Но именно потому, что это книги только о дружбе, цифры в них неполноценны и никак не соотнесены с тем контекстом, в котором мы реально живем, — контекстом стереотипов и предрассудков. В таком контексте цифровые данные должны быть гуще и разнообразнее. Должен быть вскрыт их смысл. Так сделал Н. Назарбаев, когда сообщил, что один из лозунгов декабрьских событий в Алма-Ате был: "До каких пор мы будем кормить нашим хлебом и мясом всю Россию, Украину, несколько военных округов в ущерб себе?". "Что тут можно сказать? — отвечает Назарбаев. — В одиннадцатой пятилетке республика сдала государству 63,1 млн. т хлеба. К нам же в виде зернофуража вернулось 16,5 млн. т! (на с. 197 цитируемого источника автор поясняет, что 16,4 млн. т зерна — это 1 млрд. т хлеба!). Возникает вопрос: а откуда это пошло, что Казахстан всю страну кормит, кому выгоден этот лозунг?" (16, с. 208). Ответ автора четок: бывшему руководству области, которое таким образом снимало с себя вину за нехватку продовольствия в республике. Но это значит, что и разговоры типа: "Россия всех кормит, а сама голодная" тоже выгодны тем, кто долгое время разваливал хозяйство Нечерноземья. Им же выгодна "закрытая статистика".

Другой — трагический — пример. В каждой брошюре отмечается, что все народы нашей страны вышли на поля сражения с фашистами. Но процентное отношение числа данной национальности воинов к ее общей численности не указывается и не сопоставляется с другими. Если отмечается сотрудничество представителей какой-то нации, например народа крымских татар, с фашистами, оно также никогда не сопоставляется с количественным (в процентном отношении) сотрудничеством других наций. Конечно, статистика — область рационального, а национальные чувства — сфера эмоций, и психологически одно другому не указ. Это

³ См.: Цыркун А. Ф. Нация и личность при социализме. Обзор АН СССР. ИНИОН. М., 1986.

справедливо по отношению к отдельному охваченному агрессией человеку, который "набрасывается" на людей другой нации от неустroенности в своей жизни и в своей душе. Но общество — не сумма людей; это система, имеющая свои законы. Общество, принципиально подавляющее предрассудки статистикой, дисциплинирует не эмоции, но поведение. Эмоции и выплески этих эмоций в речах попадают в социальное пространство, обработанное рациональной, конкретной, умеющей считать общественной мыслью. Развивающиеся в этом пространстве новые поколения имеют шанс получить другую социальную наследственность. И это гуманное положение дел для носителей предрассудков: с одной стороны, они могут выговориться, с другой — в рациональной, гласной атмосфере они оказываются в режиме наименьшего благоприятствования для действий, которые сделали бы их уголовными преступниками. Пока в общественной науке дело не движется дальше рекомендации строить отношения народов по модели личной дружбы. Но как справедливо замечает М. Джунусов, "таблица внутринационального уважения — это нечто вроде арифметики, а таблица межнационального уважения — это уже алгебра" (9, с. 3).

Публицистическая мысль нащупывает и подходы к использованию исторического знания в будущей социологии национальных отношений, способной ориентировать нас в море стереотипов, предрассудков, с одной стороны, догм и пафоса — с другой. Понимание природы национального конфликта не продвинется ни на шаг, пока история народов будет состоять из обоймы категоричных и противоречащих друг другу формул, следующих друг за другом со скоростью барабанной дроби. "Царская Россия была тюрьмой народов... На заре советского государства (только что из царской России возникшего!) все народы добровольно соединились в одну семью".

"Что же вы, дорогой писатель, пишете, что казахи добровольно присоединились к России? Неужто сами добровольно полезли в эту тюрьму?" — резонно спросит у писателя Ануара Алимжанова начитавшийся таких историй-конструкций читатель.

Алимжанов пытается помочь ему. Он пишет: "...Как ни старались царские каратели и степные феодалы разжечь межнациональный антагонизм, пришельцы (русские переселенцы. — В. Ч.), испытавшие на себе самодурство русских помещиков, и степняки, исстрадавшиеся от нагаек баев и султанов, с сочувствием отнеслись друг к другу. Они братались, становились людьми одного корня — тамырами" (3, с. 3). Однако верная идея, что горе сближает, не может вытеснить очевидность другой идеи — что горе от сближения не исчезает.

Читатель устал от квазидиалектики, согласно которой черное в любую минуту может стать белым. Что внесла в становление реального интернационализма Октябрьская революция и чем обернулся для него сталинский курс на единоличное управление обществом: деспотически-бюрократическое — по содержанию, национальное — по форме?

Какой след оставила в памяти казахов коллективизация скота (земледелия у них тогда не было), которая вылилась в его массовый забой протестующими крестьянами и в последующую голодную смерть людей?

Как отзывались на самосознании украинского народа такие "оригинальные" методы борьбы с национализмом, как искусственный (на

фоне среднего урожая!) голод, опустошивший Украину, Дон, Кубань в 1932–1933 гг.?

Какая связь между довоенными репрессиями и вспышками национализма во второй мировой войне, вплоть до сотрудничества “с Гитлером против Сталина”?

На эти вопросы пока нет ответов в анализируемой периодике, как и в социологической и обществоведческой литературе. Нет даже их постановки. К ним только начинает подступаться художественная литература (“Знак беды” В. Быкова).

Без научного анализа смены фаз общественного сознания понять историю народа невозможно. Индивидуального обыденно-биографического мышления тут недостаточно, даже если это мышление выдающегося, одаренного человека — участника и жертвы истории. О сложности оценки сталинского периода в развитии родного народа откровенно говорит Расул Гамзатов: “Будто в груди у меня два сердца бьются: одно — “за”, другое — “против”. Будто надвое я разделен. ...За поэму, написанную о событиях тех лет: приезд вождя, получение автономии, рождение республики, день, который каждый считал днем своего рождения (я это искренне написал), я получил тогда Сталинскую премию. ... С другой стороны, я считаю, что у меня украдено время. Часть жизни украдена... Жизнь была огромным театром, и что происходило за его кулисами, я о том не ведал... Но что же стало с моим народом в те годы? Вся партийная организация республики разгромлена, вся интеллигенция, которая революцию делала. Сжигались книги, библиотеки, которые люди, ставшие по чьему-то произволу виноватыми, собирали долгие годы” (6, с. 4–5). Уничтожение исторической памяти, утверждает Гамзатов, продолжается и в наши дни. “В Махачкале... на университетской кафедре отменено изучение дагестанской истории. Как же так можно? Изучение истории своего народа не мешает изучению истории других народов” (6, с. 5). В том же духе высказываются армянский и украинский писатели.

В. Петросян: “Полистайте школьные и вузовские учебники — несколько скудных строк о каждом из народов, населяющих нашу многонациональную Родину. В результате юноша или девушка, заканчивая школу, во сто крат больше знает о королях английских, французских, о походах крестоносцев, чем хотя бы об основных вехах истории братских народов. А если нет знаний, нет и истинного уважения, истинной любви” (5, с. 2).

О. Гончар: “Десятками и сотнями закрывались национальные украинские школы, урезались программы по украинской истории и литературе, сокращались часы местных передач, горожане лишались выпуска вечерней газеты на родном языке” (5, с. 2).

Очень острый момент — реальное равенство прав всех народов на полноту своей исторической памяти и культурного статуса. В то время как некоторые общественные деятели из РСФСР протестуют против оценки значительных фигур русской истории как реакционных, представители других республик заявляют о своем праве любить и изучать героев своего прошлого — независимо от их мировоззрения, которое недопустимо объявлять реакционным задним числом. Справедливость требует признать, говорят они, что возвышение таких вождей народных мятежей, как Степан Разин и Емельян Пугачев, происходит независимо

от методов их борьбы, в то время как мятежные вожаки других народов подвергаются осуждению⁴.

Р. Гамзатов размышляет: “Очень больной для дагестанцев вопрос — судьба Шамиля, которого даже Маркс считал героем освободительного движения, национальным героем. В свое время Чернышевский, Добролюбов, многие русские люди высоко оценили его борьбу против колонизаторов. Он первым не нападал на Россию. Это царские генералы приказывали сжигать селения, аулы. И Шамиль возглавил борьбу за свободу. “У одного руководящего работника я спросил: “Почему вы так боитесь Шамиля?” — “Из-за того, что я Шамиля не упомяну, ничего не случится, а за то, что упомяну, меня снимут с работы”, — ответил он мне. И в самом деле это так. Чего мы боимся? Истории? Правды? Самих себя? Или снова и снова страшимся жупела национализма? Зачем же вырезать историю, ведь она не киноплёнка? Дагестан — республика, а не только заготовительный пункт...”

Мне дорога Россия. Я перевел много русских писателей. Но почему же иные русские писатели, ученые бесцеремонно вторгаются в нашу историю, искажая ее, уродуя... Каждый народ в свое время воссоединялся с Россией при разных исторических обстоятельствах. Если будем рассматривать их борьбу за независимость как борьбу против русского народа, это будет глубокой ошибкой” (6, с. 6). Нашлись люди, сообщает Гамзатов, которые запретили Г. Данелии снимать фильм о Шамиле на том основании, что он помешает дружбе народов.

Нетрудно увидеть, что в таких высказываниях ценность исторического опыта определяется его способностью воспитывать уверенность в национальных достоинствах, в положительном направлении развития.

Иную ипостась исторического патриотизма являет Дмитрий Сергеевич Лихачев, когда он так разъясняет читателям смысл покаяния князя Игоря в половецком плену: “Игорь вспоминает, сколько убийств совершил он в своих междоусобных войнах с другими русскими князьями, сколько пролили крови, когда взял приступом Переяславль у князя Глеба Святославича, сколько тогда горя приняли невинные люди, как дети были разлучены с отцами, брат с братом, друг с другом, дочери с матерями, подруги с подругами” (12, с. 5). Исследователь видит глубокий смысл и урок для национального сознания в том, что “величайшая из патриотических поэм Древней Руси посвящена не одной из побед, которых немало знало русское оружие, а страшному поражению, в котором впервые за всю русскую историю князь оказался плененным, а войско почти совсем уничтоженным!” (12, с. 6).

Без такого исторического подхода к национальному опыту далекой древности не мог быть определен и нравственный принцип отношения к недавнему прошлому страны, сформулированный Д. С. Лихачевым в его телеграмме последнему съезду писателей, — принцип покаяния как неременной составляющей критического патриотизма.

“Свое — чужое”

Заставкой к началу дискуссии о “критическом патриотизме” может послужить отрывок из воспоминаний Ю. Трифонова. Трифонов писал о

⁴ Ю. Суровцев сообщает об этом в докладе (20), что в Киргизии была попытка обвинить в национализме эпос “Манас”.

своем недоумении перед тем высокомерием, "с которым иные литераторы говорят о западной литературе, будто эта литература, какой бы высокой и значительной она ни была, все же чем-то ниже отечественной; мол, там чтиво, а здесь коряво, но правда. Все это ползет от непереваренной почвеннической фанатерии девятнадцатого века, не принесшей русскому народу особых достижений, зато обольстившей наших мыслителей великим множеством приятнейших душегрейных рассуждений"⁵.

Позиция русского писателя знаменательно совпадает с позицией дагестанского поэта:

"Откуда только пошла гулять пресловутая формула о преклонении перед Западом? Преклоняться перед Гете, перед Флобером, перед Гейне, преклоняться перед японской поэзией или перед китайской поэзией... — разве это плохо?" (6, с. 5).

Но Гамзатов не ставит на этом точку. Он размышляет: "С другой стороны, взаимовлияние Запада и Востока нивелирует национальные черты" (6, с. 5).

Так обнажается собственно проблема: практическое сосуществование культур — не аналогия теоретической формулы. Поиск контрапункта плодотворен только через предельное оглашение дисгармонических моментов. На сегодняшний день обнажилось несколько таких моментов. Одни из них выглядят второстепенными, другие — крайне острыми, однако в искомой идеальной модели национальных отношений между ними может обнаружиться закономерная связь.

Первый, казалось бы, спокойный момент — двуязычие как норма воспитания и образования. "Литературная общественность страны, — отмечалось в докладе Суровцева, — почти стопроцентно стоит за двуязычие... — Но тут же добавляется: — Необходимо выявить реальное на сегодняшний день бытование двуязычия. Реальное бытование, а значит, реальный "набор задач" в различных республиках различны... Надо поэтому незамедлительно выявить реальные потребности населения каждой республики в преподавателях языков" (русского и нерусских) (20, с. 3).

К этому вопросу естественным образом примыкает другой: о соотношении знаний по истории и культуре своего и других народов в учебных программах, массовой пропаганде.

Пришло время вводить в школах и вузах (в том числе и негуманитарных), как на том справедливо настаивает академик Лихачев, например, новый предмет — "культура народов нашей многонациональной социалистической страны" — и специально готовить по этому предмету преподавателей (20, с. 3).

Но здесь очень важно замечание о реальных потребностях в двуязычии. Застрельщиком образования на родном языке в республиках выступила интеллигенция. Но оказалось, что массовый представитель нации не всегда это поддерживает. Отчетливо обозначилась эта коллизия, например, в Белоруссии. Дело тут не в отсутствии у "массового человека" любви к своей земле, к языку, а в исторически сложившемся представлении о русской речи как признаке культурности ("она деревенская, она по-белорусски говорит"). Дело также в практических соображениях

⁵ Трифонов Ю. Воспоминания Твардовского. — "Огонек", 1986, № 44, с. 22.

родителей, которые понимают, что с русским образованием легче служить в армии, поступить в вуз или техникум в другой республике, устроиться на работу.

Некоторые представители национальной интеллигенции забывают, что нынешняя обостренная тяга к родной речи, к фольклору, к традиционному быту появилась у них после освоения интернациональной современной культуры и после глубокой натурализации в русской культуре. Увидеть социально-нравственный смысл народно-национального легче из высотного здания, чем из избы. В свое время, достигнув определенного уровня жизни, весь народ почувствует ту же потребность — пока же ее форсирование может встретить (и встречает) негативную реакцию. Но негативную реакцию может встретить и форсированное русское образование. Р. Гамзатов, например, пишет: “Да, я поддерживаю... билингвизм. Я согласен с Чингизом Айтматовым — это выход из положения... Но двуязычие нельзя насаждать... Я считаю, что чем больше языков знаешь, тем лучше. Для малочисленных народностей это особенно важно... Новое поколение, я думаю, будет образованнее нас, а значит “интернациональнее” (6, с. 6).

Но Гамзатов настаивает на том, что свобода выбора — один язык или двуязычие — должна предоставляться всем народам нашей страны. “Зачем, к примеру, человеку из республики писать сочинения на русском языке?.. Так вот, за сочинение с ошибками абитуриент из республики не попадает в институт. Считаю, что это несправедливо” (6, с. 6).

Тревожные факты сообщает М. Джунусов: “В средней школе, к примеру с русским языком обучения, 95% учебного времени отводится на изучение русской литературы... 4 — зарубежной и только 1% учебного времени — на изучение литературы всех народов нашей страны” (9, с. 3).

А в пользу билингвизма этот автор приводит такой аргумент: “За последние сто лет объем информации в мире возрос в 10 млн. раз, а скорость ее передачи — в 100 млн. раз. В этой ситуации неизбежно какие-то языки должны взять на себя основные информативные функции” (там же).

Сегодня Гамзатов тонко чувствует и другую “обидную разницу” — ту, о которой не подозревал в молодости, когда его баловало расчетливое сталинское покровительство. Отнимать у народа свободу и достоинство, унижать его можно и незаслуженными наградами, и цветистыми словами. Он решает сегодня пересмотреть смысл своего звания “народный поэт”... “Я не хочу, чтобы меня народным называли. Твардовского не называют... Блока не называют, Пушкина не называют. А почему в России нет звания народного поэта? Во Франции, в Италии? В нашей Грузии, наконец?!” (6, с. 7). О том же — с другого захода: “...Почему дело обстоит так, что дагестанского или якутского писателя сразу принимают в члены СП СССР?” (6, с. 7). Снова прямой выход на новейшую обществоведческую литературу. Она уже поставила вопрос о пределах возможностей для малых наций в творческой конкуренции, о качестве образования, полученного по квотам или массовым приемам в вуз на местах, без экзаменов.

И вот, наконец, острейший момент: национальный патриотизм и право человека на свободный выезд из своей страны, на жизнь и работу в другой культуре. Этой большой темы касается Гамзатов в ретроспек-

тивном плане судеб художников-эмигрантов. В Дагестане запрещено имя большого художника Х. Мусаева, уехавшего в 1921 г. в Италию и там оставшегося. "Судить человека, который не сделал ничего плохого своей Родине, своему народу?! Мы уголовников амнистируем, а вот талантливых людей, оставивших в истории свой след, амнистировать боимся" (6, с. 5).

Но подлинный "гвоздь программы" здесь — статья В. Ткаченко "Родина дана нам один раз и до самой смерти".

Статья начинается с суждений, спорность которых приглушается эмоциональным подъемом: "Родина у человека одна, другой никогда не будет". Родину не выбирают, "как не выбирают себе мать: уж какая ни есть, но она — твоя мать, одна-единственная". "Жил, может, ты и трудно, но достойно, как подобает человеку, и лег в землю у себя дома" (21, с. 3).

"Другой не будет"? Но наш красавец Ленинград застроен не только русскими, но и итальянскими архитекторами, которые не на гастроли приехали, а отдали России талант и сердце, "нашли в ней подлинную вторую Родину", как мы с уважением и нежностью пишем в путеводителях, которые читают десятки миллионов наших граждан. Или Растрелли, Бове, Фальконе — "беспаспортные бродяги в человечестве" (по словам Белинского, некстати здесь цитируемого)?

Или Италия не имеет права считаться Родиной? Как ни абсурдно это предположение, но оно основано на стереотипе сознания, который в такого рода статье отражается и такого рода статьями воспитывается.

"Мать — одна-единственная"? Но "вторая мать", "другая мать" — реальность несчетных судеб.

"Лег в землю у себя дома"? Но не у себя дома похоронены многие и славные граждане разных отечеств.

Затем идет две полные газетные полосы "родных лужаек и ручейков" (а также штыков и ракет) — красивых, как школьное сочинение. Только в конце третьей полосы выясняется, к чему было все это, вернее, против чего. Во-первых, против того, чтобы "выискивать, коллекционировать, а порой откровенно смаковать заблуждения прошлого" (там же). (Цитат, имен при этом — ни одной, хотя вообще цитаты и имена в статье есть — из писем тех, кто согласен с автором.) Во-вторых, против того, чтобы реэмигрантов показывали по телевидению. "У советских людей к этим "патриотам", кроме неприязни, никаких чувств умиления и симпатии нет и быть не может", — цитирует Ткаченко письмо читателя. Почему же?

В ответе читателей ясно обнаруживаются природа и смысл пропагандируемого порой массовыми коммуникациями патриотизма. Читатели точно засекли: вернувшиеся обязательно должны признать, что "там" оказалось жить материально хуже — вот они и вернулись. "И получается, где лучше, удобнее, там и Родина" (там же). Конечно, это не формула патриота. Но это формула обыкновенного человека, в народной мудрости есть ей эквивалент: "Рыба ищет где глубже, человек — где лучше".

Но "лучше" — не только хлеб насущный. Есть тоска и по иному. Есть ностальгия, шутки с ней плохи. Автор это понимает и касается в конце статьи одной "из не разгаданных до конца тайн человеческой души: почему тяжело не столько жить, сколько умирать на чужбине?" (21, с. 3). Но ведь тут и начинается тема. Почему люди сознательно

идут на муку разлуки с родным и привычным? Кто идет? Во имя чего? Каковы плоды этих мук, этой тоски? И нет ли, наконец, в негативной реакции на выезд протеста против ограничения права на выезд рамками двух-трех национальностей?

Для автора нет этих вопросов. Но оказалось, они есть для читателей. Через две недели газета опубликовала подборку писем-откликов: "Раздумья, точки зрения, полемика"⁶.

Большинство авторов опубликованных писем, безусловно, принимают статью. Принимают ее логику: Родина — одна в том смысле, что она может быть только у советских людей. И только в одной стране должны жить достойные люди. Об эмигрантах в одном письме сказано: "...стране они не нужны, пусть этих людей без корней несет за рубеж — туда им и дорога" (21, с. 3). Мысли о том, что в современной экологической, ядерной, ситуации смертельно опасно делить рубеж и зарубежье по принципу "добро — зло", "белое — черное", "люди — подонки", — такой мысли нет.

Принимают установку на восприятие разоблачений как очернительства, диктуемого шкурным интересом; сама мысль, что интерес может быть общественный, т.е. что любовь к Родине — не лозунг, а невыносимая боль, рвущаяся на свет, на бумагу, кажется, видимо, авторам этих писем невероятной. То, что патриотизм — это чувство, как-то забылось. Речь идет не о чувствах, а об "оргвыводах". "Хотелось бы надеяться, что поставленные в статье вопросы будут предметом партийного разговора в союзах писателей СССР и РСФСР" (21, с. 3).

Так и произошло — на Всесоюзной теоретической конференции в Ленинграде "Великий Октябрь: социалистический интернационализм, советский патриотизм и современная литература". Приводим отрывки.

А. Иванов: Есть ли еще страна, "где бы так очерняли, так односторонне трактовали, если хотите, втоптывали в грязь свою историю?" (5, с. 2).

В. Баранов: "Под предлогом интернационализма и приоритета общечеловеческого содержания литературы идет подмена русской советской классики сочинениями Ходасевича и Набокова" (5, с. 2).

С. Воронин: "Долгое время утаивали от нас историю России, а если и доходили отдельные факты, то в большинстве своем в искаженном, а то и в унижающем для выдающихся деятелей России виде. И поэтому мы должны с благодарностью, а не в высокомерно-критическом тоне говорить о работе В. Пикуля, в своих многочисленных романах восполняющего этот нравственный пробел в деле патриотического воспитания русского народа" (5, с. 2).

Но есть и другие письма. По форме они корректны, сдержанны, но по существу оценка статьи дается беспощадная: "Мне кажется, что любовь к Родине не в том, чтобы ронять тихие слезы умиления по поводу грибного духа и примет земли. И не в том, чтобы, забыв о здании, лихорадочно подкрашивать фасад. ...А то перестройка как дело превратится в китайскую церемонию. Да, свежий ветер, да, гласность, но все равно мы самые хорошие, самые способные, самые-самые". Категорически отвергается автором этого письма обвинение "некоторых органов печати" в очернительстве, потому что для него патриотизм — не готовая

⁶ "Правда", 7 сентября 1987.

данность, а нечто искомое, приходящее только со зрелостью. "Пусть же истинный, негромкий патриотизм найдет свою дорогу в огне общественной критики".

Человек, воевавший за Родину и много ей служивший, призывает В. Ткаченко повернуть свой гнев с эмигрантов на тех, кто принес нашей стране чудовищные бедствия. Этим преступникам в огромной статье о патриотизме уделены несколько строчек, да и то затуманенных рассуждениями о "чрезвычайно сложной, запутанной обстановке". Мысль, что у нас "слишком много критики", кажется ему абсурдной — наоборот, "пока недостает материала для лечения Родины... научными исследованиями, достоверными, точными фактами". В подрубрике "Строки из писем" обнаруживается, что статья прочитана и как протест против перестройки и восстановления исторической правды. "Ничего у вас уже не выйдет, правду все равно не скроешь!" "Родина, как и мать, нуждается в сострадании". Кто же спорит? Но прежде всего, по-моему, Родина нуждается в перестройке. Чувствуя, что за В. Ткаченко стоит не мнение, а традиционная крепкая позиция, авторы ищут другую патриотическую традицию, которая укрепила бы их в протесте против статьи как "крайне демагогичной". Как и следовало ожидать, этот путь приводит их к Чаадаеву. "Прочитал в "Правде"... заметки публициста. Извините, но все же прав не он, а Чаадаев" — и дальше идет знаменитая цитата: "Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек полезен своей стране только в том случае, если он ясно видит ее"⁷.

Статья В. Ткаченко и большинство откликов на нее могут создать впечатление, что критический патриотизм — это уровень сознания, неадекватный нашей жизни, неприменимый к ней, что это — предмет философских спекуляций одиночек-идеалистов.

Но это не так. Направление критического патриотизма реализуется и на государственном уровне. Вот Борис Панкин, посол СССР в Швеции, рассказывает на страницах "Московских новостей": "Высокопоставленный шведский собеседник спросил, успешна ли борьба с алкоголизмом? "В прошлом году потребление снизилось больше чем на треть", — с готовностью ответил советский дипломат. А я добавил: "К сожалению, за тот же период почти в такой же степени выросло потребление самогона". Я прочитал недоумение во взгляде советского коллеги... Невысказанный вопрос: "Зачем?" — еще долго как бы висел между нами в воздухе" (18, с. 3).

Научная публицистика мобилизует в борьбе с антигуманизмом не догму, а историческую память. Тут три имени на переднем крае — Ленин, Герцен, Чаадаев.

"13 апреля 1863 г. А. И. Герцен получил письмо из Кракова с сообщением о гибели своего друга, молодого русского революционера Андрея Афанасьевича Потемби, павшего в рядах польских повстанцев...

Это имя будет появляться на страницах "Былого и дум", в его лирической публицистике ("Первое мая", "Пир в Стокгольме", "Письма к противнику", "К польскому вопросу" и других статьях) как поэтический символ истинной любви к родине, к своему народу, решимости собственной кровью смыть с него позор рабской покорности, а значит,

⁷ Там же.

и невольного соучастия в усмирении “вешателями Александра II” восставшей Польши” (8, с. 236) — так начинается статья в “Новом мире”, чисто академическая по форме и поразительно злободневная. Злободневна мысль Герцена — “ввести в сознание русской и европейской передовой общественности высокий патриотический, интернационалистический смысл подвига”, объяснить сущность личности Андрея Потебни как одного из “тех воплощений вековой боли целого народа, которыми он изредка отбывает страдания, скорбь и угрызения совести” (8, с. 237).

“Угрызения совести” — одна из категорий развиваемой Герценом всю жизнь идеи подлинного патриотизма. Великий его всплеск в статьях “польского” периода (“Плач” и “Бедное русское имя”).

“Братья, братья, что же с нами делают эти люди? Что же они делают из наших солдат, что они делают из нашего отечества?.. Только падение этой династии... может смыть с нас коготь пожаров, невинную кровь и виновное повиновение... Протестуйте, господа, говорите громко Парижу, Европе, Америке, что не всю-де Россию выражает Зимний дворец и его политика” (8, с. 237).

Автор статьи перевернул толщи старых газет и нашел текст, доказывающий, что Герцен не замедлил сам исполнить то, к чему призывал соотечественников, — он написал статью в “Дейли телеграф” сразу после известия о гибели Потебни (т.е. 15—16 апреля 1863 г.).

“...Андрей Потебня, один из главных основателей Союза русских офицеров в Польше, один из тех, кому принадлежала мысль об адресе русских офицеров⁸ великому князю Константину, убит в числе повстанцев в сражении у Песковой скалы. Россия не могла принести на праведный алтарь польской независимости жертвы чище, бескорыстнее, самоотверженнее, чтобы искупить вину покорности и пассивного соучастия в злодеяниях ее германо-татарского правительства” (8, с. 238).

Автор статьи в “Новом мире” прямо отвечает на вопрос, зачем он представляет читателям эту “опоздавшую находку”: чтобы обратить их к той высокой духовной традиции, внутри которой В. И. Ленин через полвека нашел истинную “национальную гордость великороссов” (8, с. 238).

Осознание патриотизма как боления за “честь имени русского” по-своему преломляется в публицистике Владимира Личутина, особенно на страницах, посвященных Федору Абрамову. Голос Абрамова — тот же гневный могучий колокол, хотя несколько иных истоков его звоны. “...Из мужицкого философа исподволь прорастал пророк и радетьель, он горел нетерпением переменить бытие, до отвращения наскучившее своей неправильностью” (14, с. 159). “...Он устал от той “неспустихи и неткеихи”, что воцарилась по всей земле русской, а потому возбужденно требовал “глубокой вспашки” от всех и разом” (14, с. 160). Но непривычно, а вернее, отвычно этот суровый голос звучит для современного уха — не только резко, но и обидно. Личутин откровенно рассказывает о своем конфликте с Абрамовым после публикации его знаменитого “Письма к землякам”: “...я прочитал, помнится, с глубокой горечью и обидой... Я и ныне полагаю, что в том письме к землякам был некото-

⁸ Речь идет о составленном Комитетом русских офицеров заявлении наместнику об отказе поднимать оружие против борющегося за свою независимость польского народа. Адрес был опубликован в “Колоколе” 22 октября 1882 г.

рый неверный тон, который невольно настораживает всякого мыслящего человека. Если народ так дурен, откуда взялся сам Абрамов... все те идеи, мысли и замыслы, коими кормится нация, то, о чем радеет и беспокоится?" (14, с. 160–161).

Национальное и народное

Спор Личутина с Абрамовым — отголосок его обиды на совсем другую позицию, которую, как ему показалось, невольно поддержал Абрамов своим укором землякам. Не национальная это позиция — скорее сословная, но воспринимается в национальном контексте настолько повсеместно, что в нем и приходится ее рассматривать.

Это позиция презрения к некоторым качествам вовсе не нации, а лишь наименее ее благополучной и цивилизованной части, живущей тяжелым трудом и скудным бытом, презрения к так называемому простонародью, к какой бы нации оно ни принадлежало.

Это презрение так же "интернационально", как ненависть общества "Память" к интеллигенции: оно в равной мере обращено и к "деревне", и к "местечку" — момент, еще не понятый теми публицистами, которые, отвергая методы "Памяти", хотят найти реальную основу ее агрессии — высокомерие "инородных интеллектуалов". Но такой интеллектуал — не антипод Д. Васильева, предлагающего разрывать врагов народа на куски и швырять в форточки. Напротив, как можно убедиться из обзора писем в "Литературную газету", сделанного А. Ваксбергом, он готов приложить свой интеллект к эмоциям Васильева и предлагает проект компактной виселицы для массового уничтожения врагов.

Антипод черносотенца — не "культурный" каратель, а гуманист. А гуманист — и в этом Личутин прав — терпим, великодушен и воздерживается от осуждения людей по любому формальному признаку, будь то расовый, национальный или сословный. Прав он и в том, что "высокомерный интеллектуал", как и "простой человек" из "Памяти", — скрытый сталинист. В публикациях о "Памяти" упоминалось о "здоровом ядре" этого общества, которое занимается реставрацией памятников национальной культуры. Однако ядро это оказалось мифическим, реставраторы из ВООПИК и других организаций печатно заявили, что никакого отношения не имеют к васильевской "Памяти".

Скрытая подмена народного национальным присутствует и в антигородском, антизападном пафосе почвенно-националистических выступлений. Тут есть четкий тест: если человек народен — национализм для него исключен. Этот тест прошел, например, автор предисловия к армянскому переводу повести В. Белова "Привычное дело". Она, пишет Г. Матевосян, "останется непревзойденной в творчестве (Белова. — В. Ч.), ибо автор ее больше не сможет сохранить позу бесстрастного летописца, а ведь большая литература доверяет именно бесстрастным летописцам. Ни разу уже не удастся ему эта роль "холодного повествователя", равнодушного владыки всего сегодняшнего добра и зла, ибо никогда не смирится он... с гибелью древнего тысячелетнего села, этой колыбели человечества и "школы совести", не сможет покинуть отломленный от материка жизни, источенный, тающий, исчезающий островок крестьянско-патриархальной культуры и с бетонированного берега цивилизации

наблюдать за смертью того, что вчера еще казалось вечной родиной души и тела" (15, с. 78).

Обратите внимание на кавычки. В них взяты только два оборота, которые Матевосян, очевидно, считает условными, те, которые отражают возможность перехода летописи в проповедь. Что наше предположение верно, подтверждает завершение статьи, в котором автор решительно снимает соблазн отождествления националистического и народного:

"Может показаться, что Василий Иванович Белов, выросший в своем времени и на своей родной земле, оплакивает лишь судьбы чисто российского или своего вологодского Нечерноземья, но это ведь и наши армянские судьбы! Это ведь и наша армянская жизнь с такой осведомленностью показана в его "северных" повестях. Он стремился выразить уникальность своего места и времени и все-таки выразил именно всеобщее, общечеловеческое. Это — те семена любви, верности и сочувствия, которые прорастают сквозь все семь слоев разницы меж нами, делая нас людьми и именно в человечности своей очень похожими" (15, с. 79).

Матевосяну ясно, что предмет повести Белова — "патриархальность" — сам по себе этически нейтрален, его ценность только в самом факте принадлежности к прошлому, а не в безусловном превосходстве над другими системами существования. Объективность к предмету творчества естественно сочетается с более чем объективностью в его оценке: писатель с мировым именем — признанный мастер, армянский прозаик — склоняется перед талантом северного собрата: "Я гордился тем, что мог для отступающей человеческой памяти... восстановить для человечества великую древнюю культуру земледелия и скотоводства — но вот кому подлинно можно доверить это!" (15, с. 77).

Семя такой доброжелательности, действительно, может прорасти и сквозь семь, и сквозь семьсот слоев разницы в образе жизни, но, к сожалению, для семени вражды достаточно одного тончайшего слоя — другого цвета волос, другой формы носа, другой манеры здороваться и прощаться, — и оно тоже прорастет!

Для оценки реальных возможностей взаимодействия культур — единственной подлинной основы интернационализма — существенно обратить внимание на то, что "семя доброжелательности", стойкое к непогоде, прорастает только на просвещенной почве. Простое сосуществование людей разных наций, о котором писал Алимжанов, — пусть и доброе — это нечто другое. Оно может быть теплым, близким, но иммунитета в нем нет, и националистические эксцессы всегда возможны. Ведь не случайно они проявились в многоязычном Казахстане, обрусевшем больше других республик (кроме, разумеется, славяноязычных).

"Быстрые побегі дает лишь национализм, — мудро замечает Р. Гамзатов, — ...интернационализм труднее воспитать. Вот примеры. Дагестанец женится на русской. Это преподносится как факт интернационализма. А дело-то все в самом элементарном: полюбили друг друга молодые. Или в колхозе люди пяти различных национальностей, и живут они мирно, дружно. Плоды интернационализма! — кричат твердолобые догматики. Значит, если колхозники намылят друг другу шею, не поделив, допустим, очередь за импортной косметикой, — это национализм?" (6, с. 6).

А ведь это беспощадный реферат нашей обществоведческой литературы по национальному вопросу, в которой у понятия "интернациона-

лизм” всегда две аранжировки: “многонациональные коллективы” и “смешанные браки”. Конечно, количество всегда переходит в качество. Но в какое качество – вот вопрос. Впрочем, в лучших работах последнего времени этот вопрос поставлен.

Последовательно и откровенно отстаивает свою идею опасности погружения в однородно-национальное и однородно-социальное в своей публицистике Чингиз Айтматов. На вопрос о своей “малой родине” – аиле Шекер – он отвечает: “С ходом лет мои взаимоотношения с ним... менялись. Сначала это просто место рождения, детство, дом... Потом – что-то большее. Корень, кровь давали о себе знать... Из-под слоя лет всплывают родные картины и лики... и все это складывается в память о жизни со всем ее добром, да и с темными полосами тоже. Взгляд с годами становится жестче, судишь прошлое и себя в нем суровее; и в то же время жаль, что ушло, уходит то... от чего наша торопливая цивилизация иногда склонна бездумно отказываться. Короче, не будь Шекера, вряд ли бы мне удалось сказать в литературе что-либо внятное и отличное от других писателей... И все же, все же... Останься я в Шекере навсегда, из-под пера продолжали бы выходить новые версии “Джамили” и “Прошай, Гульсары!” (1, с. 234).

Двойственность и плодотворную противоречивость творческой ситуации Айтматов дальше переносит на ситуацию социальную. Но точка отсчета в его статье – не столько судьба нации, сколько судьба человечества, которое уже по причинам военно-стратегического порядка не может позволить себе роскошь абсолютной разделенности. “Дело в том, что судьбы людей, да и вообще жизни, разворачиваются в наше время так, что все важнее и крепче становятся линии взаимосвязи... К тому же над всеми нами висит сейчас одна общая угроза... Вот страшный парадокс современности – людей объединяет страх общей беды. Поэтому и в сознании художника все ослабляется чувство разделенности мира и, наоборот, усиливается порыв к изображению всеобщности” (1, с. 234).

Порыв к всеобщности может, однако, оказаться критическим для наиболее тонких и условных связей в системе мировоззрения, утверждающего онтологическую безусловность национальной дифференциации человечества. К числу таких гипотетических связей принадлежит понятие “национальный характер” – предмет многих полемических реплик, диалогов, монологов и целых исследований.

Наиболее интересное, яркое – книга В. Личутина о русском характере, отрывки из которой опубликовал журнал “Октябрь”.

Национальный характер: социальное, культурное, этническое

Понятие “национальный характер” у Личутина – смесь интуиции и идеологии, метафоры и концепции. Переходы самим автором отчетливо схвачены – это делает за него читатель, дивящийся смене точных наблюдений неаргументированными утверждениями. С одной стороны, “он всяк, народ-то наш: и молодец-песельник, но он и в рубище блаженный; он и шиш подорожный, оторви да брось, коему чужая головушка дешевле репки, но и заступник, что за честь ближнего друга своего готов выю склонить на плаху под секиру; он, сердешный, и чертоломит на

пашне за пятерых... но он же и поленится при готовых дровах посреди лесу избенку протопить..." (14, с. 144).

С другой стороны, автор утверждает, что "...рыцарство не смогло бы окопаться на Руси, явить свое знамя, ибо не красования ради, удальства и бахвальства шел на вражью пику" русский человек (14, с. 144). Но мы знаем из летописей и преданий, что удальство, честолюбие, да и бахвальство толкали наших предков (так же как и их современников в любой стране) на безумные и порой дорого стоившие Родине предприятия. Не наши ли предки говорили:

Помужествуем сами:
прошлую славу себе похитим,
а будущую сами поделим!⁹

И зовут на Западе Игоря и его соратников-князей "русскими рыцарями" не случайно. Не было рыцарства как института социального и культурного, но как же не быть рыцарскому духу в народе, живущем на земле меж других народов, если он, как выше автором замечено, — "всяк"?

Но есть неодолимое желание найти в родном характере черты уникальные, нигде больше не возможные. Две из них ярко, выпукло выступили под пером публициста, и черты эти реальные, но опять же не специфически национальные. Они либо сословные, либо исторические и в обоих случаях — человечески универсальные.

Первая черта — "ватажность, компанейство" и родившаяся из них "русская общинность", на размышлении о которой "сломала копья за минувшее столетие вся общественная русская мысль. Но она так и не пришла к единому выводу о значимости "мира" как глубинных корней всего национального древа" (14, с. 145). Да и как ей было прийти к этому выводу, если любой народ в ретроспективе глядится "миром" — наследием мифологического Космоса?

Но Личутин этот вопрос решил. Он выдвигает радикальную историческую гипотезу: был бы "мир", да сословный, классовый раскол возник из раскола религиозного. "Лишь в Поморье сохранились дальние отголоски прежнего старорусского согласия и добросердия, когда мужик называл свою хозяйку "боярыня", "княгиня" без тени малейшей ухмылки" (14, с. 145).

Но этот классовый мир или, вернее, этот миф о единой культуре, о "золотом веке" присущ истории всех наций.

Другая, по Личутину, исконно русская черта — духовность, небрежение плотью во имя души, преодоление страха смерти страхом греха и отсюда — простое, естественное, легкое отношение к смерти, аскетизм, отсюда и убогость, и запущенность кладбищ, и суровость, безмишурность погребального обряда. "Не случайно же о плоти утверждалось, что она "вран и нечистая свинья". Простой народ стыдился угождать утробе, всячески притеснял ее, и даже сугубый, такой твердый, почти монастырский... порядок крестьянской жизни — это раннее вставание со вторыми петухами, это страдательный труд (страдание—старание) — все пригнетало утробу, ее обольстительность и леность" (14, с. 146).

Но как знакомы нам эти черты! Это же — по гипотезе Макса Вебе-

⁹ Слово о полку Игореве. М., 1987, с. 68.

ра — историческая основа всего современного западного экономического строя, та самая протестантская этика. И это же — материальное целомудрие, стыдливость плоти, сознательная скромность быта — привлекает исследователя тоталитаризма Дж. Оруэлла в простых людях как единственный залог спасения мира от тоталитаризма властолюбивой, чувственно и духовно изощренной элиты.

Статья Личутина содержит полемику с наиболее популярной версией современного национального характера, представленной в абрамовском "Письме к землякам", астафьевском "Печальном детективе" и распутинском "Пожаре". Личутин не опровергает наблюдений знаменитых своих коллег, но пытается дать им свое толкование. Проклятая В. Астафьевым склонность русского народа прощать-жалеть непутевых, блатных, его безграничная терпимость к преступлению толкуется Личутиным как проявление высшей мудрости и человечности. Он берет коллизию, казалось бы, до конца исследованную В. Распутиным в его "Живи и помни", — отношения дезертира с народом. Наблюдая, как уважительны плотники к советам старого большого мужика, который в войну дезертирил, а потом отбывал срок, автор размышляет: "Вообще у мира свое отношение к герою и трусу, мертвому и пленному, вольному и тюремному... Вот и оставивший поле брани был на Руси страдальцем; не странно ли это чувство — оно так противоречит всему общественному укладу... Но крестьянином понималась внутренне и бессловесно та тончайшая грань, что проходит между героем и трусом: сегодня ты трус, а завтра пересилишься, взыграешь душою, пересилишь себя — и ты уже совершаешь поступок, невозможный и неподвластный своему разумению" (14, с. 169).

Эти слова звучат как краткий пересказ фильма А. Германа "Проверки на дорогах" (не содержащего, разумеется, в себе никаких националистических идей). В этой фазе своих рассуждений Личутин видит войну так же, как Герман, — в ее реальной конкретной жестокости и глухоте к душевным мукам отдельного человека, внезапно сменявшейся жалостью к упавшему, проигравшему. И, безусловно, прав Личутин в оценке отношения народа к пленным наполеоновским воинам после победы: "Было какое-то всепрощение победителя, снисхождение к павшему ниц, и снова владело народом то вековечное чувство милости и жалости. Это был нравственный отзвук того закатившегося времени, когда осажденным, выкинувшем белый флаг, дозволялось уйти со своими знаменами и при оружии. Сколько же с той поры протекло воды и сколько случилось нравственных превращений, пока создались немецкие, четко спланированные лагеря уничтожений" (14, с. 171).

Но почему же только немецкие? В сегодняшнем журнале уже можно бы написать и о других лагерях. Зовут их гуманные люди на всей Земле не нарицательно-национальными, а либо индивидуально-собственными именами, либо идеологическими терминами.

Так вновь, незаметно для себя, возвращается писатель от нации к народу, более того, ко всякому народу, снова пытаясь убедить читателя, что терпение его не от слабости, а от силы, не от рабства, а от достоинства. "Жалость народа, сострадание к самой малой твари, к падшему и заблудшему идет от уверенности в себе, от внутренней силы... Тело любой нации растет, взрослеет, перебаливает — и от этих перенесенных мук просыпается понимание чужих страданий, без которых не вы-

строится совершенная душа народа" (14, с. 174–175).

Распутинскому символическому пожару Личутин противопоставляет реальные пожары родной своей деревни Часлова, которая занялась полыхнет за сутки до войны. Сгорела вся деревня, а отстраиваться пришлось почти без мужиков. Соседка его, вдова с тремя детьми, работая с четырех утра до сумерек, за четыре десятилетия ввела семью в благополучие — и вот, в наши уж дни, новый пожар, новое горе, а за ним — новый бодрый труд — на восьмом десятке! Должен был сгореть и дом автора, тем более что в грозную минуту вдруг оказывается, "что и воды-то нет, и пожарная кишка-то дырявая, и машина в починке столь давно, что там свили гнездо воробьи" (14, с. 177). Но рассказывать эту "старую историю" подробно и складно можно только с сатирически-обличительных позиций, которые для автора неприемлемы. Поэтому он и вталкивает ее в одну фразу, а в образ и в сказ вкладывает другое — то, "что смог сделать с огнем редкий, преклонный возрастом народ: встали в живую цепочку, черпали ведрами из обледенелого колодезя... кто-то рыл лопатами снег, кто-то пытался спасти горящее подворье, орудия топором и пилою, иные поливали крыши и стены" (14, с. 177–178). Соседний дом был автора, и за него бился народ "среди звенящего огня и кипящей смолы на стенах", в снегу по пояс. "Соседка Зина обошла с иконою мою усадьбу... а где и ползла, сердешная, на животе... с непреклонной верою на сердце, что бог пособит" (14, с. 178). Статья сама озарена непреклонной народнической верой в свет, таящийся за "манящей мглой национального характера".

Традиция заставляет автора вдруг метить свет и тьму географической маркировкой: Восток — Запад. Но сметается маркировка им же привлеченным новым потоком текста — переписка "олонецкого красноповца" Николая Клюева с великим петербургским поэтом. Нет в этой переписке ни Востока, ни Запада, но есть духовная открытость художников друг другу, их братство даже в споре и гнев, их согражданство во едином Отечестве — поэзии, искусстве, духовной культуре. Гневно-пристрастно пишет молодой Клюев Блоку о его книге "Земля в снегу": "Многие стихи из Вашей книги... похабны по существу, хотя наружно и прекрасны — сладкий яд в золотой, тонкой чеканки чаше, но кто вкусит от нее? Литье усохнет, золотой порфир треснет, выветрится и станет прахом. Смело кричу Вам: не наполняйте чашу Духа своего трупным ядом самоуслаждения собственным я-я!"

...Вот впечатление искреннего Блока от этого письма: "...и я поверил Клюеву в том, что даже я, ненавистник порнографии, попал под ее влияние, будучи интеллигентом. Может быть, это и хорошо даже, что указывает мне на это именно Клюев. Другому бы я не поверил так, как ему" (14, с. 165).

Еще одна статья о "национальном характере". На вопрос, есть ли такой феномен, ее автор, К. Палджян, отвечает, безусловно, положительно. Он обсуждает другой вопрос: "В чем его исторический смысл и определенное этим смыслом судьбоносное проявление?" Национальный характер — это "унаследованные от племени духовные элементы", которые "составляют органичную часть неосознанной памяти, таящейся в темных недоступных пластах души" (17, с. 229). Пробуждение этого пласта происходит внезапно и бурно, обычно в пограничной, экстремальной ситуации, глубина и сила пробуждения обратно пропорциональны

мере и степени национального в повседневном опыте человека. “Сила взрыва бывает тем сильнее, чем глубже скрыта она в тебе. Она тем более стихийна и бурна, чем более усилий ты прилагаешь, чтобы бежать от нее” (17).

Поэтому автор видит глубокую закономерность в том, что в годы геноцида героическую оборону горы Муса-даг от турок-погромщиков возглавил случайно приехавший туда Габриэль Багратян, армянин из Парижа, женатый на француженке, совершенный, казалось бы, космополит. Вместе с глубоко патриархальным священником Тер-Айказуном он собирает в горах пятитысячный армянский гарнизон, который в легендарной 40-дневной борьбе отстаивает жизнь и свободу соотечественников.

Но каков же он, этот “национальный характер”, в повседневных проявлениях? По понятиям автора, это смесь добра и зла, добродетели и порока, в которой одно переливается в другое. Рассказывая, как травили герои Муса-дага за легкомыслие “чужую” — жену своего вожака, К. Палджян пишет: “И когда, читая роман (“Сорок дней Муса-дага”. — В. Ч.), узнаешь армянский народ с этой стороны, не знаешь, сожалеть ли о провинциальной ограниченности и фанатичности этого несчастного народа или, напротив, восхищаться его твердыми, как гранит, представлениями о нравственности?” (17, с. 231).

Но в отличие от Личутина этот сторонник национального характера высоко ценит стремление художественного летописца армянской трагедии — австрийского писателя — сказать не только о высоких, но и о низких его сторонах. “Утаиваемые, скрытые недостатки никогда не исчезнут. Так что и с нравственной точки зрения их разоблачение перед всем миром имеет большое воспитательное значение и легче поможет нам избавиться от них” (17, с. 231). Но далее следует существенная оговорка: “... или, чтобы быть правдивее и искреннее, скажем, что, хорошо узнав наши недостатки, мы можем дать им положительное применение, ибо едва ли возможно избавиться от укоренившегося недостатка, но можно изменить его направление и дать ему соответственное применение” (17). Однако предел развития национального характера — идеальный характер, как оказывается дальше, — вырабатывается только прививкой другого национального, точнее, регионального, точнее, социокультурного характера — западного, европейского. Ведь стихийный порыв национального чувства в Габриэле Багратяне привел к такому великолепному результату только потому, что он “обладал и рядом качеств, которых сравнительно лишен армянский крестьянин, качеств, которые Габриэль приобрел в Европе”. Это “более деловой и активный дух, реализм мышления, вера в собственные силы... презрение к восточному суевию, наконец, организующий и дисциплинирующий дух. ...Вооруженный научным методом и знанием европейской техники, он смог... в наилучшей форме осуществить устремления и волю как бы пробудившихся в нем предков” (17, с. 232 и сл.).

Итак, под пером европейски образованного (тогда зарубежного) армянина свершается та же метаморфоза, что под пером советского писателя-северянина, — проблема национальная переходит в народную, социальная в культурную.

“...Среди нас, армян, — пишет К. Палджян, — есть две крайности. Одни полностью отвергают все, что является плодом европейской цивили-

лизации и культуры... Другие же, напротив, резко отворачиваются от всего армянского и начинают жить поверхностной, легкой жизнью, образцом для которой служат подонки европейской цивилизации" (17, с. 233).

Выбора между крайностями автор не ищет. "Полное обособление от среды, добровольный отказ от внешних источников жизни с неизбежностью ведут к вырождению. Следовательно, здравый смысл диктует не обособление, а, напротив, сопричастность культуре – истинной культуре Европы" (17). В современном мире – это условие выживания нации (о чем писал Айтматов). Но если выживания мало, если ставка выше – на духовное развитие, – тогда нужно второе условие, которое формулируется религиозным гуманистом с предельной четкостью: "Наша молодежь, в особенности интеллигенция, должна понять... что культурная личность, нравственный человек необходимо должны оставаться в органичном целом и что вне этого естественного и близкого окружения начнется разложение не только с национальной, но и с человеческой точки зрения, ибо, если ты удалишься от своего народа, ты никогда фактически не сможешь слиться с другим народом" (17).

Такая сложная "почвенность", предполагающая постоянную миграцию знаний и навыков при сохранении родовых ценностей, – существенный элемент идеальной модели межнациональных отношений, развиваемой на самых разных уровнях и языках отечественной культуры.

Она предполагает установку на принципиальную прозрачность разных культур друг для друга – идея далеко не бесспорная и именно потому активно отстаиваемая и пропагандируемая "перестроечной" публицистикой. Эта идея раскрывается в утверждении возможности тройной совместимости: национального с инациональным, элитарного с народным, традиционного с авангардным.

Наиболее яркий и авторитетный представитель этой идеи – Д. С. Лихачев, выступающий с ней на страницах такого массового издания, как журнал "Огонек". "Одна культура может понимать и глубоко проникать в другую. Это очень важное явление, необходимое для движения вперед. Не только целые народы и эпохи, но и отдельный человек может до конца понять другого человека, не переставая быть самим собой, а лишь обогащаясь познавательно" (13, с. 10). Культуре национального страшно только прямое отнятие – разрушение, – поэтому бесспорно, что "разрушение памятников культуры подрывает основы патриотического воспитания молодежи, разрушает любовь к прошлому и в конечном счете учит не любить родную землю" (13, с. 11). Прибавление же к культуре подлинных ценностей всегда благотно. "...У Набокова есть любовь к России, есть пронзительное чувство ностальгии по России: это чувство человека, оказавшегося вне родной земли, никак не может разучить нас любить Россию, любить Родину" (13, с. 11). Патриотизм не связан однозначно с традиционализмом, ибо это понятие само условно. "Я бы даже сказал, что Марк Шагал, которого считают обычно авангардистом, – наиболее яркий представитель традиционализма. Он традиционалист не только в том, что исходил из витебского народного еврейского искусства, из белорусского народного искусства и из русского лубка, но он и сам по себе был представителем своей собственной традиции и не изменял ей до конца жизни. Он всегда ощущал себя жителем Витебска и представителем в Европе этой провинциальной и очень интересной

культуры" (13, с. 11), — пишет Лихачев, давая непривычную для читателя оценку авангардизма и заостряя ее.

"Если бы мне нужно было назвать самого крупного представителя авангардизма в древнерусской литературе, я бы назвал протопопа Аввакума, писателя XVII в." (13).

Той же диалектике подчинены и отношения массовой и серьезной культур. Ни одна из них не имеет патента на патриотизм. "Выступления против массовой культуры как таковой, я думаю, не следует приветствовать. Мы идем к массовой культуре. Мы не можем выступать против телевидения, против радио, потому что это новые формы культуры.

Массовая культура, точно так же, как и авангард, существовала в искусстве всегда. Народное искусство, искусство карнавала, искусство ярмарки, искусство балагана, — это массовая культура, продолжающая оплодотворять высокую культуру современности" (13).

Идея национального как формы духовного, культурного страстно проповедуется в публицистике Дм. Балашова, исторического романиста, в прошлом исследователя фольклора. Но его посылки иные.

Понятие "общечеловеческие ценности", с его точки зрения, — абстракция, поскольку не имеет исторического прецедента. Нельзя указать на исторически значимое сообщество, исповедующее такие ценности. А вот древнерусская нация — историческая реальность, действительно существовавшее духовное целое, в котором всех "князей, иноков, смердов роднит... между собой высшая степень способности к соборному деянию, к сверхусилию мучительно вызревавшего веками национального самосознания" (4, с. 5).

"Соборное деяние" — категория вненравственная (и в этом коренное отличие общечеловеческих ценностей от национальных); в ней уравниваются вероломство и унижение Ивана Калиты и подвижническая жизнь Сергия Радонежского. "Без его (Калиты) деяния не утвердилась бы Московская Русь — оправдание страшной жизни его — и не явился бы миру годы спустя Сергей Радонежский..." (4, с. 5). Отсюда у Балашова и приглушение нравственных тонов в спектре национального характера. Национальный характер — понятие скорее географическое, этнографическое, чем этическое. Континентальность климата, краткие и резко кончающиеся сроки полевых работ, неравномерное распределение труда в течение года определили "в первую очередь способность к концентрации духовных и физических сил, умение "собираться в кулак"... На самых крутых поворотах истории проявлялась эта живущая в нас привычка к сверхусилию и не давала погибнуть нации. (Ну и распускаемся-то мы тоже с размахом, что и говорить — под статью.)" (4, с. 5).

Однако, признает автор (как и те его коллеги, с которыми полемику ведет Личутин), в последние десятилетия ритм фаз национального характера явно нарушен, "заклинен" на фазе распушенности. Такие публицисты, как Ю. Черниченко и А. Стреляный, объясняют это превышением меры напряжения, меры давления на наших соотечественников, невыносимой длительностью сверхусилия. У Балашова — другой ответ. Он основан на теории этносов, разработанной Л. Гумилевым: "...развитие народов (этносов) происходит строго закономеренно. Всплеск энергии этноса и ее постепенная растрата с рядом падений и взлетов повторяется приблизительно одинаково в истории каждого народа...

Все этносы связаны со своей географической средой, своим спо-

собом ведения хозяйства и со своим поведенческим стереотипом... в их мозаичности и своеобразии – залог существования человечества в целом. Народы не бывают хорошими или плохими, но имеют историю, на протяжении которой их национальный характер изменяется в строгой последовательности... И не только историку, философу, писателю, но и государственному деятелю не худо знать, на какой стадии развития находится данный этнос” (4).

Нам представляется, что нет более остро в злободневном смысле вопроса. Если застой – не плод террора и бюрократизма, а закономерная фаза в развитии этноса, не в пустоту ли социальная активность и государственного деятеля, и деятеля культуры? Но такого вопроса автор не задает. Более того, его творческая и гражданская позиция снимает такой вопрос.

“Не устану повторять: настало время не разговаривать попусту – действовать.

Пока мы живы, действует категория свободы, нашего соборного деяния, а вот когда умрем – историки будут искать закономерности в том, что произошло с нами, с народом, страной, миром” (там же). Теория этносов, правильно понятая, несомнима с шовинизмом и национализмом. Она отрицает единство крови и заменяет его единством образа жизни, географической культурой, пересекающей не только такие поздние и в значительной мере условные образования, как нация, но и такие исконные различия, как расовые. Лесостепной этнос, внутри которого выросла Россия как нация и государство, – это сплав двух этносов и сплав, по мнению Балашова (Гумилева), плодотворный. Здесь они смело спорят с антитюрокскими настроениями, проявляющимися иногда в нашей литературе.

“История Орды нам, к сожалению, не только не известна, но с ней связаны и крайние искажения. Мы забываем о том, что степные культуры – это культуры, принесшие оседлому миру целый ряд открытий (например, колесо) ... С тюрками мы и соседнили, и воевали, и дружили, в конце концов создав нашу великую державу” (там же). Но, отрицая единство по крови и следующую отсюда агрессию, теория этносов крайне чувствительна, пристрастна к единству культуры. Здесь идея враждебности, разрушительности чужого имеет благодатную почву, а если к тому же это чужое – не лесостепные, а заморские страны, то и ощутим социальный акцент, созвучный известной песне о “глетворном влиянии Запада”, хотя и совсем другой по тональности и высоте звучания.

Да, народы все равноценны и равно необходимы для человечества, говорит Гумилев и Балашов, но: “Соотношение культур разных этносов чрезвычайно сложно, и заимствование чужой, даже великой культуры иногда может быть смертельным для данного этноса, ибо создаются химерные, губительные консорции и этнокультурные образования” (там же). Последний тезис теории этносов парадоксально совпадает с центральным положением теории модернизации, которую мы обычно характеризуем как чисто западническую, космополитическую, либеральную. А ведь она тоже говорит о губительности прививки технологии к патриархальности, Запада к Востоку, Демократии к общинности, урбанизма к фольклорности, о возможности образования на этой основе химер – индустриальных по форме, тоталитарных по содержанию. (Такую химеру – фашизм – советский исследователь Л. Б. Волков на-

зывает квазимодернизацией. Принятые на Западе термины — “модернизация вдогонку”, “опоздавшая модернизация”.) Разница только в критерии подлинности: для теории этногенеза — это пространство, для теории модернизации — время: индустриальная революция “правильно” свершается не позже XVII в. Но и в последней теории критерий пространства присутствует, только в предельно обобщенном виде, поскольку “правильное Время” — это время Запада.

Таковы наиболее значимые конструктивные позиции “по национальному вопросу”. Осталось сказать о позициях разрушительных.

Квазинациональная агрессия

Нам представляется сомнительным утверждение, что созидющий патриотизм и разрушительный шовинизм (национализм) — две диалектически связанные стороны единого явления — гражданской активности, вызванной установкой общества на перестройку и атмосферой гласности. Нельзя всякому отклонению и болезни придавать статус диалектики. Впрочем, стремление отнестись конструктивно к любому проявлению активности понятно.

Сознание опасности раскола в такой критической для развития нашего общества момент побуждает публицистов искать в любом проявлении социальной активности положительные моменты, рациональные зерна. Они прежде всего хотят убедить своих оппонентов в возможности объединения на почве критического патриотизма как единственно плодотворной позиции. Отсюда — либеральная тональность в большинстве статей об экстремистских движениях. Так, авторы публикации в “Огоньке” прежде всего перечисляют “добрые дела” участников общества “Память” (хотя из статьи неясно — дела ли это или призывы). “Эти люди становятся на пути механизмов, направляемых бездушными приказами на разрушение памятников нашей культуры. Они способствуют возврату старых имен улицам и площадям, народных традиций, фольклора” (10, с. 4). Ни один из участников “Памяти”, занятых этими патриотическими делами, авторам статьи, однако, неизвестен, во всяком случае не назван. Люди, известные им по именам или “званиям” (всегда помпезным: “бесстрашный народный трибун”, “великий борец за трезвость”), занимаются совсем другим делом — они выявляют “международный заговор сионизма и масонства” против нашей страны. Враги, по словам лидера “Памяти” Д. Васильева, “проникли во все поры нашего общественного организма” (цит. по: 10, с. 5). Обнаружить это можно с помощью особого рода анализа печатной и изопродукции. Например, если провести на афише русского ТЮЗа мысленную линию из одного угла в другой, “мы увидим такой символ: меч упирается в русского мужика”. “Это до какой наглости дойти надо! Мечом — в русского человека?” (цит. по: 10, с. 4).

Главный способ борьбы масонов с Россией — террор. Линии метрополитена в столице, оказывается, прокладываются так, “чтобы можно было без труда взорвать важнейшие госучреждения” (10, с. 4). Другое мощное “средство разложения нации” — спаивание народа, в частности через детские молочные кухни. “Ученые установили, что в кефире содержится полтора процента алкоголя. Значит, кому-то выгодно спаивать

наших детей" (цит. по: 10, с. 5).

Программа действий общества, таким образом, никакого отношения к восстановлению старины и вообще к созиданию не имеет. Напротив, она однозначно устремлена к разрушению, пронизана прямыми призывами к гражданской войне. "Смелее находите и называйте вражеские конспиративные квартиры... Установите контроль над средствами массовой информации, выявляйте продажных журналистов и расправляйтесь с ними!" (цит. по: 10, с. 5).

И тут обнаруживается любопытная вещь: враги, как можно судить по их именам, названным в этой и других публикациях, выявляются не только, а может быть, и не столько по национальному признаку. Общество устроило обструкцию руководителю Новгородской экспедиции, подлинному спасителю нашей старины члену-корреспонденту АН СССР В. Л. Янину; Д. Васильев охарактеризовал как "работающую на сионизм" деятельность крупнейшего исследователя отечественной культуры академика Д. С. Лихачева (10, с. 5). Аналогичные по идеологии белорусские деятели обвиняют в отсутствии патриотизма людей, составляющих гордость современной белорусской культуры, — писателей Алеся Адамовича и Василя Быкова. Масонам они пособничают, оказываясь, своей пацифистской деятельностью, сионизму — пропагандой искусства своего великого земляка художника Марка Шагала. "В "черных списках" "Памяти" — редакторы газет и журналов, активно пропагандирующих перестройку, авторы книг о терроре в годы сталинизма — независимо от их национальности. Поэтому нам представляется поверхностным понимание эксцессов "Памяти" как издержек патриотизма" (10), усиленных атмосферой гласности.

Итак, гласность только выявила крайние формы умонастроений в нашем обществе, направленные против гуманизма, иногда закамуфлированные под "национальное", иногда искренне "спутанные". Черносотенные организации прошлого века справедливо поминаются в исторических публикациях о "Памяти", но просто назвать их и на этом остановиться — значит утратить ощущение преемственности этих тенденций. О ней — преемственности — пишут авторы статьи в "Огоньке": "...чего же следовало ожидать? Легкой капитуляции тех, кто годами и десятилетиями уже противостоял процессам, объединенным сегодня в деле и понятии перестройки? Они ведь и генетику в свое время искореняли, и кибернетику запрещали как вредные явления, чуждые, опасные и непатриотичные" (10, с. 5). Не случайно эти тенденции все сильнее проявляются в отношении широкого мирного сосуществования. Предупреждение писателя А. Адамовича о возможности тотального уничтожения человечества в ядерной войне авторы упомянутой статьи в "Политическом собеседнике" В. Бегун и В. Бовш (статья называется "С позиций абстрактного гуманизма") толкуют в таком духе: "Вот начинается эта война, приходит агрессор, и он, как некогда фашистские палачи, пытается и ставит к стенке ваших родителей... понятно поведение каждого в этом случае — нужно защищать отца и мать... Оказывается, есть писатель, который убеждает нас, что теперь так нельзя. Необходимо, говорит он, пощадить палача, ибо возмездие чревато страшными последствиями" (2, с. 6).

А в статье "Украденный фонарь гласности", опубликованной в том же минском журнале, В. Бегун обвиняет в сионизме художника Шагала

на том основании, что он наряду с другими храмами расписывал и синагогу. "Думается, — пишут авторы письма в "Литературную газету", — что подобного рода понятия и служат "теоретической" основой для экстремистов пресловутой "Памяти" (2). Определение "теоретической" разумно взято в кавычки. Очевидно, что у истерик и угроз никакой теории нет, а есть некоторое психическое состояние, только отчасти обусловленное социально. Но вопреки этой очевидности большинство публицистов связывают деятельность "Памяти" и — шире — такие явления, как шовинизм и агрессивный национализм, с явлением чисто духовного, философского порядка и даже с религией. Слова "церковь", "святыня", "православие", употребляемые ораторами "Памяти", воспринимаются как маркеры их религиозности. То же делается в отношении других религий. Бурный протест общественности восточных республик вызвала статья И. Беляева в "Литературной газете" от 20 сентября, акцентирующая реакционно-националистическую роль ислама.

"...Я читал в одной статье, — говорит, например, Р. Гамзатов, — что надо, дескать, переименовать те или иные здания и имена, связанные с религией. Я не за ислам, но от того, что я буду Василий Гамзатов, а не Расул Гамзатов, ему что, автору той статьи, полегчает?

Даже название ансамбля "Ялла" похоже, по его мнению, по звучанию на слово "аллах". Народ сам себя создает, сам выбирает имена. Насилие здесь бесплодно. Когда в свое время уничтожали мечети, уничтожали и историю, и архитектуру, и культуру народа" (6, с. 6).

Особенно топорно предпринята попытка связать шовинизм и религию в статье Е. Лосото, опубликованной в "Комсомольской правде" (11). Беда "Памяти", по ее мнению, в том, что на ее знамени "не социализм как отечество, а своя усадьба с угодьями как отечество, православие как отечество" (11, с. 2). Совершенно фантастически определяется в статье теоретический багаж "Памяти" — "бессовестная смесь клерикализма и мистицизма с "ленинизмом" (11).

Если бы Е. Лосото обратилась к текстам идеологов "Памяти", она увидела бы, что сила их ненависти к христианству не уступает силе ненависти к евреям, иностранцам, демократам, либералам, современным по облику и профессии женщинам, эсперантистам и многим другим "врагам рода человеческого". Род же человеческий, по их понятиям, — это некогда поработанный "внуком раввина" Владимиром Святым (Красное Солнышко) языческий арийско-славянский род, владевший во время оно полумиром, в том числе и горой Сион (Сиян), и рекой Дон (Иордан). Пиратски изданные тексты эти нет возможности полноценно библиографически цитировать, но они широко привлекаются и ораторами "Памяти", и пишущими о ней. В ненависти к христианству они вполне логичны: религия всечеловеческого братства, для которой нет "ни злина, ни иудей", религия, написавшая на своем знамени "Не меч, но мир", несовместима с идеологией террора и гражданской войны. Но с ними несовместима любая религия, поскольку любая религия — это система незрелости на мир, предлагающая человеку способ духовного приобщения к безусловно существующей (хотя и не на конкретной земле) гармонии, дающая возможность осмыслить свое существование и примириться с ним, с его тяготами во имя высших ценностей. В этом последнем религия альтернативна научному атеизму, но при том совме-

стима с ним в практической деятельности¹⁰.

Убедительный исторический довод в пользу нерелигиозной природы террора под националистическими лозунгами дает история геноцида армян в Османской империи. Уже упомянутую рецензию на книгу об этой трагедии австрийского писателя Франца Верфеля "Сорок дней Муса-дага" много лет назад написал Карапет Палджян — румынский армянин, ныне Католикос всех армян Вазген I. И вот сегодня журнал "Дружба народов" печатает эту рецензию вместе со специально написанной для журнала статьей Католикоса.

В рецензии дана совершенно объективная интерпретация знаменитого романа. Положив в основу романа строго документальную основу, Верфель, годами работавший в архивах, опросивший тысячи армян и турок, показал, что "организатор погромов — не турецкий народ, а иттихат, т.е. "европеизированный" (как теперь говорят, "квазимодернизированный". — В. Ч.) турок, который превращается в западного человека, корыстолюбивого и расчетливого обывателя, но, безусловно, без осознания вековой культуры европейца.

В сознание такого турка проникает именно европейский мещанский национальный идеал, разрушив все, что определяло у прежнего турка веру и совесть, и ничего нового не поставив на их месте.

Турок-иттихат отныне имеет вместо совести политическую пантюристскую программу" (17, с. 228—229.).

Лидер и вдохновитель геноцида, ни во что, кроме власти, не верующий циник говорит посланцу гуманистической Европы — немецкому пастору: "Вы сегодня считаете нас восточными дикарями, темными мусульманами, но завтра вы — цивилизованные люди — повторите наш эксперимент". А в это время группа мусульманских богословов и противников иттихата тайно собирается для обсуждения возможностей сопротивления геноциду, выходит на связь с гуманитарными кругами Европы, организует спасение отдельных жертв геноцида. Это исторический факт. И таким же историческим фактом становится на наших глазах травля русских ученых и писателей обществом "Память"; расправы над казахами, азербайджанцами, узбеками, сопротивлявшимся произволу и коррупции, — у них, на "малой Родине". Осмысление таких фактов должно способствовать совершенствованию национальных отношений и повышению аналитического уровня злободневной публицистики.

Пока он невысок. Статья А. Черкизова "О подлинных ценностях и мнимых врагах" (22) несколько шире других, даже "географически". Она затрагивает не только историко-патриотическое объединение "Память" в Москве, но и "Отечество" в Свердловске, "Спасение" в Ленинграде. В статье дана наиболее точная и объективная оценка, сформулированная в первом ее абзаце.

¹⁰ Об этом своевременно напомнил автор интересной статьи о становлении советского многонационального государства Г. Меликянц. К началу 1919 г., сообщает он, в рядах Красной Армии сражалось более 50 тыс. мусульман. Всей работой по организации воинских национальных частей руководила Центральная мусульманская военная коллегия. В Туркестане в начале 20-х гг. было 40 тыс. мусульман-большевиков. Жены их носили паранджу, это приводило к конфликтам и даже к разводам. Столкнувшийся с этой ситуацией С. М. Киров решительно встал на сторону женщин. — М е л и к я н ц Г. На языке равноправия. — "Известия", 3 октября 1987, (3).

“Неформальный, самостоятельный характер этих обществ привлек к ним многих честных людей, глубоко заинтересованных судьбами отечественной культуры... но все чаще стало обнаруживаться, что в составе этих обществ возникли группы крикливых “лидеров”, которые назойливо и упорно пытаются увести свою аудиторию от конкретных дел в область пустопорожних дискуссий и вредных противопоставлений” (22, с. 3).

Последнее делается по разным параметрам. Например, по революционным заслугам. Цитируемый Черкизовым оратор “Памяти” из Новосибирска считает, что самое главное — выяснить, “какие нации, народности и этнические группы... создавали предпосылки для революции” (22, с. 3). В данном случае, чтобы отметить: не азербайджанские и грузинские, во главе с еврейской интеллигенцией, а русские. (Но может выясняться это и с другим знаком!) Отвечая, Черкизов напоминает, что в статьях Ленина всегда говорится не о “русском”, а о “российском” пролетариате; подчеркивается, что интернациональный капитал может одолеть только интернациональный труд.

Однако главные свои аргументы против шовинизма автор ищет в деятельности указанных обществ. Для нее характерны доносы в виде “открытых писем”, порочащих честь ученых бездоказательными обвинениями; публичные лекции с обвинениями ряда видных ученых в пособничестве сионизму и масонству. О нравственном уровне прокуроров из “Памяти” дает представление биография В. Емельянова, зарубившего топором свою жену. Его труд “Десионизация” автор статьи называет “образчиком невежества и мракобесия” (22).

К сожалению, статья избобилует стереотипными приемами словесной диффамации (не “поездка”, а “вояж”), содержит сомнительные аргументы типа “общество “Память” дурно потому, что его хвалят радиоголоса”. Все это должно быть за бортом серьезной информации. Важно другое: в статье названы наряду с “неформалами” легальные, чиновные, остепененные авторы трудов, пропагандирующих концепцию заговора сионистов и масонов, — Е. Евсеев, В. Бегун, А. Романенко¹¹.

Автор убежден: масонство и сионизм — просто кодовые сигналы для возбуждения всеобщей подозрительности и вражды, “спекуляция, направленная на торможение перестройки” (22).

Таким образом, все публикации о “Памяти” сосредоточены на идеологической основе движения, на его несовместимости с научным марксистским подходом к проблеме национального, с принципами интернационализма. Очень бегло указывается на психологическую природу склонности к такой идеологии — подозрительность, мнительность, комплекс “врагов”. Атавистически присущий человеческому сознанию вообще, в нашем обществе он исторически искусственно и искусно возбужден политикой и пропагандой сталинизма, с ее присущим всякой деспотии принципом “разделяй и властвуй”, усиленным установкой на “рост классовой борьбы по мере укрепления социализма”. Этот нарыв сейчас активно вскрывается передовой публицистикой в материалах на

¹¹ Критику работ А. Романенко см.: Дадиани Л., Мокшин С., Тадевосян Э. О некоторых вопросах историографии пролетарского интернационализма. — “Вопросы истории КПСС”, 1987, № 1, с. 69—77.

правовые и этические темы, только отдельными отголосками проникая в область национальных отношений.

Таков, например, самокритический порыв В. Астафьева в статью об Отечественной войне: "Ну, врагами, изменниками, шпионами, христопродавцами и прочей нечистой силой меня не удивишь, сам есмь Отечества моего сын и, чуть что, как и все россияне, горазд бочку на них катануть"¹².

Без глубокой научной основы борьба с национализмом вырождается в бессмысленный, бесплодный нигилизм по отношению к национальным культурам.

"На волне роста национального самосознания всплывают псевдопатриотические преувеличения osobости и особых достоинств своей национальной культуры, своей национальной психики и нравственности. Мы сегодня сталкиваемся с вспышками националистических настроений и экстремистских спекуляций. Для многих писателей, и не только писателей, есть элемент неожиданности и в экстремизме лидеров "Памяти", и в дурной активности просионистской, так называемой "инициативной группы" псевдоборцов против антисемитизма, признаем, неожиданны были для многих из нас эксцессы в Алма-Ате и среди крымских татар, и в столицах прибалтийских республик", — говорится в докладе Ю. Суворцева.

Но не на "волне роста национального самосознания" появилась трагедия Алма-Аты. Нурсултан Абшиевич Назарбаев (новый председатель Совета Министров Казахской ССР, член ЦК КПСС) всем своим драматическим — чудом не трагическим — опытом познал истинные ее причины. Многолетний борец с кликой Кунаева, он знает цену и "интернационализму" и "патриотизму" — официальным вывескам "республики всех языков". В его статье-интервью "Исцеление" приведен поистине потрясающий пример абсурдности бюрократического интернационализма. Уборку целинного хлеба в Северном Казахстане вполне можно было бы проводить собственными силами. Но "по велению интернационального долга" принято приглашать механизаторов "братских республик", "бросать" на уборку воинские части. А между тем "каждый механизатор, "завезенный" с Украины, из РСФСР, из Прибалтики, обходится хозяйству 400 — 500 руб. за сезон... 500 — 600 руб. обходится переброска одной машины... На людей со стороны в прошлом году хозяйства затратили 11,3 млрд. руб. Еще деньги ушли на передислокацию воинских батальонов, на переброску автотранспорта из южных областей — 4,5 млн.; да в 10,1 млн. руб. обошлось государству сохранение 75% зарплаты занятых на уборке шоферов-варягов..." (16, с. 197).

Таков был "интернационализм". Еще менее можно говорить о "национализме" в смысле особой любви и уважения к людям своей национальности или хотя бы солидарности с ними. Да, в тот трагический декабрьский день казах поднял руку на русского. Но все предшествующие годы не казах с русским — казах с казахом сходились в смертной борьбе. Скупое и все-таки выразительно рассказывает Назарбаев, чего ему стоило выступление против приписок: "Травля мафии с угрозами жизни семье, с провокациями и подлогами". После выступления Назар-

¹² Астафьев В. Да пребудет вечно... — "Литературная газета", 7 октября 1987, с. 12.

баева на XXVII съезде его подчиненных под угрозой увольнения с работы и исключения из партии заставляли писать на него доносы: казахи — казахов — на казаха. А рядом активно плели паутину махинаций и интриг “дети всех языков”: бывший управляющий делами ЦК Статенин, крупные начальники (ныне уголовные преступники) Лысый, Каспаков (16, с. 201—202).

Иллюзорность национального характера конфликта проявилась в одной существенной детали. В те декабрьские дни бунтовавшая молодежь “высказывалась в том смысле, что мы, дескать, не против русского в руководстве, но пусть этот русский будет выходцем из Казахстана, а не со стороны” (16, с. 208). Требование само по себе резонное, но сообщаящий этот факт Назарбаев, человек, варившийся в том котле и понимавший, что к чему, продолжает свою мысль: “И даже называли фамилии вероятных кандидатов. Откуда была такая информированность? Ясное дело, таким образом бывшее руководство пыталось сохранить влияние. Если уж выдвигать — неважно, кто он по национальности, но пусть будет зависим от прежних руководителей...” (16, с. 208—209).

То же говорил Назарбаев иностранным журналистам (на пресс-конференции в казахском Совмине в феврале 1987 г.): “Это была отчаянная попытка врагов перестройки удержаться “на плаву”. Для достижения этой цели, по их мнению, все средства были хороши.

Для Назарбаева реальна не национальная, а скорее “сословная” специфика: он убежден, что декабрьские события — “разгул групп студенческой и учащейся молодежи, не знающей жизни... Рабочих среди них были “единицы”, а в целом дружины трудовых коллективов дали отпор националистам”, — утверждает он¹³.

Несколько иначе подходит к анализу декабрьских событий его земляк писатель Ануар Алимжанов. Относительно мотивов ущемленных перестройкой идеологов движения он полностью согласился бы с позицией Назарбаева, но в осмыслении поведения молодежи он переносит акцент на объективные причины протеста — с вины на беду. В середине 60-х годов, пишет он, в республике произошел демографический взрыв. За ним должен был последовать строительно-культурный бум. Но строителям монументальных бань и помпезных особняков было не до школ. “Чьей-то умелой рукой на площадь были выведены в основном те, кто родился в середине 60-х. На их глазах закрывались сотни начальных школ, и они вынуждены были уходить в интернаты, жить обособленно, а потом нередко за взятки или по покровительству “своих” поступать в техникумы и вузы” (3, с. 3).

Естественно, что с такой позиции автору представляется неадекватным масштаб применения наказаний к молодежи: “...число наказанных (исключенных из вузов и техникумов, из комсомола, получивших взыскания) перевалило уже далеко за две тысячи” (там же). Распростране-

¹³ Это суждение звучит несколько архаично-классово, но мысль об ограниченной социальной базе сознательного национализма подтверждается исследованиями, показывающими, что в любой этнической среде доля лиц, неблагоприятно относящихся к межнациональным контактам и в деловой, и в семейной обстановке, не превышает 10%, колеблясь от 2 до 10% в различных социально-профессиональных, возрастных и этнических группах. Эти данные устойчивы по результатам опросов как 1971—1976 гг., так и 1978—1981 гг. — А р у т ю н я н Ю., Д р о б и ж е в а Л. Указ. соч., с. 226.

ние принципов милосердия на сферу национальных конфликтов — злободневная задача. Об этом говорят и письма к автору, и анонимные звонки. “Вы защищаете своих. Тех, кто вышел на площадь, надо бы расстрелять на месте и вас вместе с ними” (3). Опять же не следует думать, что национальность ограждает автора от угрозы расстрела хотя бы со “своей” стороны. “Вы предали интересы казахов, и вы должны в течение 24 часов вместе с семьей убраться из Алма-Аты в Россию, иначе вы приговорены”, — был и такой звонок (там же).

Надо сказать, что призывы “наказывать за шовинистическое слово”, прозвучавшие в письмах читателей по поводу общества “Память”, не нашли поддержки у научной и литературной общественности. Закон демократии: на слово отвечают словом. А что до формулы “слово тоже дело” — она справедлива и для ответного слова. Оно и должно стать делом борьбы с шовинизмом и национализмом. Менее всего повинна в этих эксцессах демократизация.

Эта проблема обсуждается эстонским социологом Э. Сависааром (19).

Национальное и культурное: проблема исследования

“Уход от действительности проявляется и в изучении национальных отношений. Именно в этой сфере, как ни в какой другой, накопилось много устаревших догматических оценок, неадекватных практике”, — цитирует эстонский социолог Э. Сависаар члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева¹⁴.

Оригинальность его позиции в том, что он отвергает традиционный путь анализа острых социальных проблем: сначала решение вышестоящего органа, затем его изучение в массах. Не резонно ли сделать наоборот: выслушать соображения по национальному вопросу каждого жителя республики, потом провести дискуссии среди коммунистов и общественности. Позиции, сформированные в ходе свободного обмена мнениями, послужили бы основой для выработки установок партийного пленума.

Догматическое толкование национального вопроса — это, по мнению автора, “составная часть выдвинутой в начале 60-х гг. концепции ускоренного строительства коммунизма” (19, с. 33). Сквозь призму этой теории сегодняшний день виделся неким симбиозом “ростков коммунизма”, “элементов незрелого коммунизма” и “пережитков капитализма”. Национальные различия были отнесены к числу пережитков.

Между тем, по мнению автора, национальные отношения следует рассматривать “на фоне происходящих в обществе демографических, экономических и социальных процессов” (19, с. 41). Для Эстонии он считает особо значительными в этом отношении следующие процессы.

1. Низкая рождаемость, не обеспечивающая даже простого воспроизводства населения (в 1978, 1979, 1980 и 1985 гг. — даже со знаком минус).

2. Большая, растущая миграция в республику (в 1984 г. миграцион-

¹⁴ Яковлев А. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки. — “Коммунист”, 1987, № 8, с. 20.

ное сальдо — 6 тыс., в 1985—1986 гг. — 8 тыс. человек).

3. Уменьшение приверженности родному языку.

4. Уменьшение доли эстонцев в населении республики (от 75% в 1959 г. до 61% в 1986 г.; а в северо-восточной части эстонцы стали меньшинством).

Все это, по мнению автора, "не может не оказывать влияния на международные отношения и представления о будущем эстонской нации" (19, с. 48).

Падение национального самосознания, считает Сависаар, в какой-то мере результат порочной экономической политики, ложно понятого интернационалистского воспитания. Бессмысленный с точки зрения стратегических задач производства ввоз рабочей силы размыл ее "национальное качество". Само это понятие пресса третировала как "националистическое". Для автора бесспорно: "Производительность труда и его качество зависят не только от пола, возраста, свидетельства об образовании, но и от того, какие трудовые и культурные традиции были преобладающими там, где человек вырос..."

Но в общем уравнительном ажиотаже все народы выдвигались на одно лицо. Упущены и возможности наших национальных трудовых традиций" (19, с. 48). А между тем "этнокультурное влияние на производство признается и используется во всем мире" (18).

Автор сообщает, что ученые Института истории партии ЦК КПЭ провели основательное исследование отношения к труду работников разных национальностей и надеются на полезность полученных данных для производства.

Высокий, на наш взгляд, уровень анализа той же проблемы демонстрирует литературовед и публицист Г. Гачев.

"Особенно остро задача национального понимания встала в XX в. Тут парадокс: с одной стороны, народы мира максимально сближаются по образу жизни, быту, производству, культуре, а с другой — обостряется национальная чувствительность" (7, с. 157). Причина — в частоте контактов: чем больше люди общаются, тем яснее они видят свои различия.

Развитие национальных чувств, если оно не искажено, — процесс вовсе не центробежный по отношению к идее всечеловечности. Тут методологически важно понимать, что народ, нация — не механическая часть целого.

"И человечество — целостность, и народ — целостность, каждый видит всю Вселенную... но в особом аспекте, повороте. Возникает спектр национальных пониманий мира". В качестве гипотезы возникло у автора представление, что "у каждого народа есть свой склад мышления", который предопределяет его картину мира, а через нее и деятельность. Но на рационально-логическом уровне эта гипотеза недоказуема: "Кант, Платон, Юм, Вундт, Джеймс — все вроде однотипной формальной логикой работают" (7, с. 165).

Другое дело, сравнивать народы по климату, языку, пейзажу, пище. "Они непрерывно питают и воспроизводят национальные складывания бытия и мышления", порождают национальные образы мира — эти "сны народов о Едином". Изучение их — не проявление национализма, а, напротив — единственный способ убедиться "в ограниченности и локальности наших даже самых общих представлений" (7, с. 167).

Автор отстаивает диалектический взгляд на категорию "национальная особенность". В познании и освоении мира "это и подмога, и помеха, плодородящая почва... и сбивающий "шум" (7, с. 167).

Предлагая — с этой оговоркой — читателю свои описания национальных культурных целостностей (итальянский образ мира, английский, американский), Гачев с готовностью встречает его возможный вопрос: "А не подкармливает ли такое исследование национализм?"

"Именно когда не погружаются в глубокое изучение национальной специфики, а толчутся в преддверии, бесконечно повторяя-заклиная про "единство национального и интернационального", ребячество национализма может втемляться от малого узниания некоей лестной про себя особенности. Но глубоко спокойное исследование только раскрывает каждому народу глаза на бездну красоты, силы и незаменимую ценность культуры другого народа, пестует трепетное уважение к ее уникальности" (7, с. 191).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айтматов Ч. Как слово наше отзовется... — "Дружба народов", 1987, № 2, с. 234—246.
2. Алексиевич С., Быков В. Кто украл фонарь гласности. — "Советская культура", 3 октября 1987, с. 6.
3. Алимжанов А. Искусство взаимопонимания. — "Литературная газета", 1987, 14 октября, с. 3.
4. Балашов Д. Всегда в окружении фактов. — Там же, 7 октября, с. 5.
5. Великий Октябрь и литература. — Там же, с. 2.
6. Гамзатов Р. Над и под крылом орла. — "Огонек", 1987, № 41, с. 4—7.
7. Гачев Г. Национальные образы мира. — "Вопросы литературы", 1987, № 10, с. 156—191.
8. Гурвич-Лищинер С. Честь имени русского. — "Новый мир", 1987, № 5, с. 236—238.
9. Джунусов М. Таблица уважения. — "Советская культура", 28 мая 1987, с. 3.
10. Головкин А., Павлов А. О чем шумите вы? — "Огонек", 1987, № 21, с. 4—5.
11. Лосото Е. В беспамьятстве. — "Комсомольская правда", 22 мая 1987, с. 2.
12. Лихачев Д. Золотое слово русской литературы. — Слово о полку Игореве. М., 1987, с. 3—20.
13. Лихачев Д. Достоинство культуры. — "Огонек", 1986, № 48, с. 9—14.
14. Лихачев В. О горе-злосчастии. — "Октябрь", 1987, № 10, с. 144—178.
15. Матевосян Г. Несколько слов о Василии Белове. — "Литературная Армения", 1986, № 10, с. 77—79.
16. Назарбаев Н. Исцеление. — "Дружба народов", 1987, № 9, с. 195—209.
17. Палджян К. Армяне Муса-дага в романе Франца Верфеля. — Там же, № 8, с. 227—234.
18. Панкин Б. Время и бремя посягать. — "Московские новости", 1987, № 41, с. 3.
19. Сависаар Э. О национальных отношениях в Эстонии. Ч. 1 : 1970—1980 гг. — "Радуга", Таллин, 1987, № 10, с. 32—48.
20. Суrowцев Ю. Великий Октябрь и современная литература. — "Литературная газета", 14 октября 1987, с. 1—3.
21. Каченко В. Родина дана нам один раз и до самой смерти. — "Правда", 21 августа 1987.
22. Черкизов А. О подлинных ценностях и мнимых врагах. — "Советская культура", 18 июня 1987, с. 3.

РАССТАВАНИЕ С ПРИВЫЧНОЙ МЕТАФОРой

И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте, помяните...

Т. Шевченко

Очевидно, Павло Тычина, который в 1938 г. писал о "чувстве семьи единой", считал, что мечта Тараса Григорьевича Шевченко исполнилась. Тем не менее можно полагать, что романтическая устремленность поэта XIX в. и реальность этнофедеративного устройства, закреплённого в сталинской Конституции, суть вещи принципиально разные. Именно это различие делает крайне рискованным употребление "семейных" метафор применительно к ситуации, сложившейся в СССР.

Уподобление государства семье лежит на поверхности, но корни его принадлежат глубочайшей архаике, прорастая из организации первобытного стада и патерналистской (в переносном и в прямом смысле) роли вожака. В более сложной организованных социальных структурах недифференцированный патернализм вождя (властолюбие в сочетании с повышенной репродуктивной активностью — Цезарь, Нерон, Иван IV, Генрих VIII) вызывал общественное осуждение, но вместе с тем фиксировал патерналистские установки низов. С другой точки зрения (А. Карднер) ценность "царя-батюшки" в тех или иных политических ипостасях будет существовать ровно столько, сколько просуществует современная патрилинейная семья.

Итак, попытаемся содержательно интерпретировать метафору "семьи единой". Надо признаться, что такая интерпретация довольно трудна, потому что внешне привлекательная идеологема в результате принимает несколько диковатый вид. Судите сами: в этой семье странным образом сосуществуют республики-сестры и народы-братья. Но где семья, там и родители. Родительница — это, разумеется, Родина-мать. А отец? Если вспомнить, что П. Тычина написал свои строки в 1938 г., то вопрос с отцом решается просто — разумеется, это он, Отец Народов. Поневоле вспоминается легенда об incestуозном сне Цезаря (П л у т а р х. Цезарь, 32).

Но очевидно, что избежать подобных толкований, в разговорах о семье народов СССР про родителей вообще не упоминают. Зато появилась "единая семья народов-братьев" — нечто вообще малопонятное, похожее на семерых богатырей или, скорее, на тридцать витязей прекрасных во главе с дядькой Черномором из сказок Пушкина.

Кроме того, семья — реальная, а не метафорическая — динамична. Братья подрастают, кто-то отделяется, кто-то замещает отца, который из грозного батьки превращается в деда на печи. Сестры выходят замуж, в доме появляются снохи и примаки...

Трудно предположить, что приверженцы "семейной" метафоры жаждут именно такого развития событий. Скорее всего, им по духу иерархичность семьи, жесткое разделение на старших и младших, а также спасительная оговорка "в семье не без урода".

Есть еще одна рискованная метафора — “дружба народов”. Если понимать эти слова как мозаичное панно на станции метро “Киевская”, где веселые парни и девушки в национальных костюмах гуляют в обнимку, тогда и понимать ничего не надо, потому что слова и картина взаимно бессодержательно соответствуют друг другу. Дружить, а также общаться, спорить, обсуждать общие проблемы могут люди, конкретные личности. А взаимоотношения между народами — или между государствами — это уже другой, внеличностный уровень, и поэтому на таком “международно-правовом” уровне человек превращается в представителя: контакт становится имперсональным.

В начале событий вокруг Нагорного Карабаха корреспондент беседовал с людьми на московской улице. Люди по-всякому выражали свою озабоченность происходящим, а один из них добавил: “Разве это порядок в доме, когда ссорятся дети?” Хотелось спросить, кем он себя в таком случае считает, этот обыкновенный москвич в плаще и шляпе?! Вот до каких пределов наивной великодержавности может довести такая простая и такая милая метафора — “мы все одна семья”. Нет, мы не семья. Мы — уникальное многонациональное государство, находящееся в сложной стадии становления межэтнических взаимоотношений. Какими конкретно станут эти взаимоотношения, в какую новую правовую форму отольются — покажет будущее. Нам бы хотелось, чтобы это была федерация народов. Но в любом случае у нас не должно быть ни старших братьев, ни тем более детишек-несмышленишей.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов Ф. 296, 297
Абуладзе Т. 260
Абу-ль-Гази Б. 113
Аввакум, протопоп 305
Авиценна 113
Агриппа М. 186
Адамович А. 308
Айни С. 113, 114
Айтматов Ч. 292, 299, 304
Александр I 189, 222, 229, 260, 265, 280
Александр II 200, 296
Алимжанов А. 288, 298, 313
Аллахшукюр Паша-Заде 56, 59
Андерсон В. 244
Андреев К. 155
Андреева Н. 132
Арафат Я. 145
Аристотель 41
Арсеньев К. 182
Астафьев В. 11, 281, 301, 312
Атлас 116
Ахматова А. 269
- Бабур З. 112
Багир Р. 228, 238
Багратян Г. 303
Бажанов П. 58
Байрон Дж. 185
Бакланов Г. 287
Бакунин М. 220
Балашов Д. 305, 306
Бальзак О. де 228
Баранов В. 294
Батый, хан 184
Батюшков П. 101, 102
- Бегун В. 308, 311
Белинский В. 293
Белов В. 149, 275, 297, 298
Белозерский К., св. 196, 197
Беляев И. 309
Бердяев Н. 6, 255
Бергсон А. 61, 214, 228
Берия Л. 268
Беркли Дж. 185
Блок А. 292, 302
Блуа Л. 209
Блюм Л. 209
Бове О. 293
Бовш В. 308
Болдуин С. 273
Бохеньский И. 61
Брежнев Л. 21
Бромлей Ю. 285
Бронзов 255
Бронштейн М. 134
Бубер М. 218
Бухарин Н. 166, 231, 232, 240, 266
Быков В. 289, 308
- Вагнер Р. 300
Вазген I (Палджян К.) 56, 295, 296, 302, 303, 310
Ваксберг А. 297
Валери П. 43
Василий, князь 199
Васильев Д. 155, 297, 307, 308
Вебер М. 300
Верфель Ф. 310
Вильсон В. 46, 224
Витте С. 262
Владимир, князь св. 199

- Владимир (Красное Солнышко) 309
- Волков Л. 306
- Вольтер 264
- Воннегут К. 43
- Воронин С. 294
- Врангель П. 230, 239
- Вундт В. 315
- Ганди М. 145
- Галилей Г. 248
- Гамсахурдиа К. 227, 229, 230, 233, 234, 237, 238
- Гамзатов Р. 289–292, 298, 309
- Ганди И. 226
- Гаспринский И. 117
- Гастингс У. 185
- Гачев Г. 315, 316
- Гегель Г. 221
- Гейне Г. 158, 291
- Генрих VIII 317
- Герман А. 301
- Герцен А. 232, 252, 263–265, 295, 296
- Гессен Ю. 206, 207
- Гете И. 185, 291
- Гефтер М. 20
- Гиммлер Г. 245
- Гитлер А. 142, 244, 248, 264, 267, 276, 289
- Глубоковский 255
- Гоголь Н. 199, 273
- Годунов Б. 268
- Голубинский Е. 196
- Гобино Ж. 212
- Гончар О. 289
- Гончаров И. 153
- Горький И. 227
- Грозный И. 68, 197, 199, 267–269, 271
- Гроссман В. 148
- Грек Ф. 57
- Гумилев Л. 68, 264, 305, 306
- Даль В. 195
- Данелия Г. 290
- Даниэль Ю. 250
- Данте А. 42
- Дарвин Ч. 248
- Дашдамиров А. 285
- Де Кальер 46
- Джами А. 116
- Джеймс Г. 315
- Джемс Р. 53
- Джордж Л. 224, 238
- Джунусов М. 288, 292
- Дзержинский Ф. 255
- Добролюбов Н. 290
- Достоевский Ф. 220, 266, 275
- Дробижева Л. 285
- Дьяконов И. 115
- Евсеев Е. 311
- Емельянов В. 311
- Енукидзе А. 239
- Жордания Н. 222, 223, 230, 238–240
- Жураковская Н. 131, 136
- Заратуштра 109
- Зиновьев Г. 227
- Знаменский А. 196
- Зомбарт В. 214
- Иванов А. 294
- Иванов В. 59
- Иннокентий, отец 61
- Иракий II 222, 230
- Иоанн Павел II 63
- Ипсиланти А. 265
- Каганович Л. 255
- Калита И. 305
- Каллагэн Дж. 259
- Каллас А. 131, 137, 138
- Каменев Л. 239
- Кант И. 185, 315
- Кардинер А. 317
- Карский Е. 92
- Каспаков 313
- Катков М. 202, 265, 266

- Керенский А. 229
 Кинг М. 63
 Кирилл, св. 111
 Киров С. 310
 Клемансо Ж. 224
 Ключев Н. 302
 Ключников В. 240
 Клямкин И. 251
 Кольцов М. 198, 274
 Кони А. 182
 Короленко В. 182
 Кордонский С. 9
 Кортасар Х. 272
 Коялович М. 101, 102
 Красин Л. 238
 Крестинский Н. 239
 Кромвель О. 228
 Крупник И. 22
 Кузанский Н. 111
 Кунаев Д. 21, 312
 Куприн И. 53
 Кутейба 110
 Кэзмент Р. 225
- Лебедкин М. 101
 Ленин В. 212, 214, 220, 224, 226,
 228—235, 238—240, 258, 260,
 262, 263, 266, 278, 279, 295, 296,
 311
 Лермонтов М. 196, 274
 Леонтьев К. 218, 240
 Лесков А. 206
 Лесков Н. 6, 207, 208, 274
 Лессинг Г. 185
 Лихачев Д. 111, 256, 290, 291, 304,
 305, 308
 Личутин В. 296, 297, 299, 301—303,
 305
 Лордкипанидзе Г. 239
 Лосото Е. 309
 Лотман М. 131, 136, 144
 Лотман Ю. 109
 Лютер М. 212
 Людовик XVI 48
- Макарий, митрополит 196
- Мамай 147
 Мамардашвили М. 61
 Мани 110
 Манн Т. 228
 Маритен Ж. 217
 Маркс К. 212, 214, 221, 226, 236,
 290
 Матевосян Г. 275, 297, 298
 Махарадзе Ф. 234, 240
 Машраб Б. 118
 Маяковский В. 285
 Меликянц Г. 310
 Мефодий, св. 111
 Мехлис Л. 58
 Мид М. 273
 Мирабо В. 48
 Михалков С. 153
 Михозлс С. 159
 Молотов В. 47
 Монтескье Ш. 42
 Морозов П. 9
 Мусаев Х. 293
 Мясникян А. 240
- Наан Г. 134
 Набоков В. 294, 304
 Навои А. 117, 118
 Назарбаев Н. 287, 312
 Наполеон Б. 224, 225, 238—230,
 265
 Нерон 317
 Никитин Н. 198
 Николай I 252, 267
 Никольсон Г. 41, 45, 46
 Ницше Ф. 228
- Овечкины, братья 43
 Орахелашвили М. 239
 Орджоникидзе Г. 234, 238
 Орлов, граф 265
 Ортега-и-Гассет Х. 43
 Островский А. 195, 199
- Павел, ап. 218, 254
 Пален К. 206, 207
 Панкин Б. 295

- Пастернак Б. 269, 273
 Петр Великий 190, 191, 224, 260, 269
 Петровых М. 241
 Петросян В. 289
 Пий XII 63
 Пикуль В. 294
 Платон 40, 315
 Платонов А. 77, 275
 Плутарх 317
 Полонский Л. 202
 Потебня А. 295, 296
 Прудон П. 221
 Прыжов И. 196
 Пугачев Е. 289
 Пуришкевич В. 229
 Пушкин А. 198, 269, 274, 275, 286, 292, 317

 Радек К. 231
 Радонежский Сергей 305
 Разин С. 289
 Рамбам 158
 Распутин В. 275, 301
 Растрелли Б. 293
 Рашид ад Дина 113
 Репин А. 137
 Риббентроп И. 47
 Риттих А. 102
 Робеспьер М. 228
 Розанов В. 61, 62
 Розенберг П. 207
 Розенцвейг 217, 218
 Романенко А. 311
 Ротшильд 214
 Рублев А. 57
 Рудаки А. 111, 113
 Руми Д. 116
 Руссо Ж. 279

 Сабанин А. 240
 Савич Ф. 108
 Сависаар Э. 314, 315
 Садри Зие Ш.-М. 113
 Салтыков-Щедрин М. 26, 181
 Сальвадор 217

 Самарин Ю. 180, 205
 Санаи 116
 Сапего Д. 108
 Сахаров А. 62
 Сванидзе А. 239
 Свиной, Мак 224, 225
 Сеймур, лорд 185
 Селигмен М. 10
 Селин 209
 Сервантес С. 21
 Сиенская Е., св. 60
 Сильвестр 202
 Симонов К. 75, 271
 Сингер Д. 140, 141
 Синявский А. 250
 Скуениекс К. 120
 Снегирев 195
 Сократ 26
 Солженицын А. 62, 250
 Соловьев Вл. 6, 57, 181, 182, 207, 209, 255
 Соссюр Ф. де 110
 Сталин И. 58, 75, 77, 150, 157, 166, 231, 238, 239, 251–254, 258, 259, 263, 266, 267, 269, 271, 278, 279, 281, 289
 Стасюлевич М. 202
 Статенин 313
 Стреляный А. 305
 Суворцев Ю. 285, 291, 312
 Сухарева О. 113

 Тамерлан (Тимур) 112, 184
 Тарас В. 157
 Тер-Айказун, священник 303
 Твардовский А. 292
 Ткаченко В. 293, 295
 Толстой А. 198
 Толстой Дм. 200, 207
 Толстой Л. 118, 182, 228, 274, 286
 Тоотс А. 137
 Трифонов Ю. 290
 Троцкий Л. 220, 231, 239, 240
 Тургенев И. 274, 286
 Туровский К., св. 196
 Тычина П. 317

Тютчев Ф. 274

Уэллс Г. 227, 234

Фальконе Э. 293

Филофей 253

Фирдоуси А. 111, 116

Фихте И. 212

Флобер Г. 291

Фрейд З. 213

Френкель А. 255

Фридберг М. 208

Хармандарян С. 240

Хафиз 114

Ходасевич 294

Ходоровский И. 231

Хомейни Р. 252

Хомяков А. 180

Хрущев Н. 260, 281

Цезарь Ю. 317

Ципко А. 251

Чаадаев П. 295

Черкизов А. 310, 311

Черниченко Ю. 306

Чернышевский Н. 262, 290

Честертон Г. 28

Чехов А. 120, 182

Чичерин Г. 239

Шагал М. 304, 308

Шамиль 290

Шевченко Т. 317

Шекспир У. 185

Шеллинг Ф. 185

Шептицкий А. 63, 64

Шмелев Н. 10

Шопенгауэр А. 228

Щедрин Н. 265, 274

Эйнштейн А. 213

Эмери А. 228, 238

Энгельс Ф. 226, 242

Эренбург И. 159

Ювеналий, митрополит 250

Юм Д. 315

Яковлев А. 314

Янин В. 308

Янчук М. 108

ОГЛАВЛЕНИЕ

От Издательства	5
Г. Гусейнов,	
Д. Драгунский	Новый взгляд на старые истины 7

Новый взгляд на старые истины

И. И. Крупник	Национальное насилие 31
В. М. Сергеев	Переговоры по национальным проблемам: 40
	эмоции против будущего 40
В. Н. Топоров	Выдержка и дальновидность 49
Ю. Шрейдер	Религия в межнациональных конфликтах 56

Свое и чужое

М. Жеребятьев	По ту сторону империи 67
Дм. Шушарин	Заметки русского националиста 73
А. Н. Илларионов	Национальный плюрализм и экономика 81
Ф. Д. Климчук	Этнос и перепись: парадоксы статистики 92
М. Шелягович	Полешуки — новый славянский этнос 107
Ш. Шукуров	Язык и письменность: разрыв традиций 109
Г. Г., Д. Д.	Новый термин 120
В. Н. Топоров	Еще раз о литовском языке 121
В. Л. Цымбурский	Эстонские заметки 126
Г. Г., Д. Д.	Этнопопреки и этноответы 146
Е. Б. Рашковский	Существует ли иммунитет против правого экстремизма? . . 148
Г. Г., Д. Д.	Расизм 153
Н. В. Юхнёва	Поразмыслим серьезно... (не о "Памяти", но в связи с ней) 155
И. И. Крупник	Как это начиналось. Закавказская хроника 1988 года 160
Г. Г., Д. Д.	Национальность и государственность: новые модели 166

Собеседник

Вл. Соловьев	Задачи христианского государства (комментарий священника Марка Смирнова) 177
Вл. Соловьев	Нравственность и политика. Исторические обязанности России. 1883 182
Н. Лесков	Еврей в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу (комментарий Л. Аннинского) 193

Н. Бердяев	Христианство и антисемитизм (религиозная судьба еврейства)	209
К. Гамсахурдиа	Открытое письмо Ульянову-Ленину	221
М. Гефтер	Несостоявшийся диалог (по поводу письма К. Гамсахурдиа В. И. Ленину)	226
Нужен народоведческий ликбез. Интервью с народоведом Исидором Левиным		241
Церковь в национальном и плюралистическом обществе. Историк Николай Шабуров беседует со священником Марком Смирновым		250
Русские дома. Беседа Михаила Гефтера и Глеба Павловского		258
В. Чаликова	Национальные отношения: необъявленный "круглый стол" 1987	284
Г. Г., Д. Д.	Расставание с привычной метафорой	317
Именной указатель		319

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОГРЕСС"

Выходит в свет

Ефремов Г. Мы люди друг другу.

Книга "Мы люди друг другу" уникальна с точки зрения источников и подбора фактического материала: ее автор — поэт, переводчик и публицист принимал активное участие в создании и становлении "Саюдиса", был делегатом его Учредительного съезда, членом совета Сейма и издателем газеты "Согласие". В этой книге читатель найдет биографии и политические характеристики В. Ландсбергиса, А. Бразаускаса, К. Прунскене и других деятелей литовской "поющей революции". Автор использует множество разнообразных свидетельств. Эта книга — краткая и объемная история событий в Литве, составленная их очевидцем и участником.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОГРЕСС"

**Готовится к выходу
в свет**

Погружение в трясину (анатомия "застоя"): Сборник.

В книге ведущие советские исследователи и публицисты анализируют различные аспекты возникновения и развития кризисных явлений в советском обществе периода застоя. Это и возникновение организованной преступности, истоки афганской авантюры, причины упадка культуры, последовательное ухудшение экономического положения. Среди авторов А. И. Гуров, В. А. Тихонов, Н. П. Шмелев, С. С. Аверинцев, М. Я. Гефтер, Л. А. Аннинский, Н. И. Ильина и многие другие. Представлены и авторы русского зарубежья — В. Ф. Турчин, А. А. Амальрик, Г. Н. Владимов, Н. М. Коржавин.

Художественная публицистика

ОЖОГ РОДНОГО ОЧАГА

Редакторы Х. К о б о, Д. М. Ш а н г а й т

Художник Ю. Н. Е г о р о в

Технический редактор Л. Е. Ш е м я к и н а

ИБ № 18019

Сдано в набор 10.07.90. Подписано в печать с РОМ 23.10.90. Формат 60x90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Универс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 20,5.

Усл. кр.-отт. 20,74. Уч.-изд. л. 25,69. Тираж 13500 экз. Заказ № 634

Цена 3 р. 10 к. Изд. № 46559.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Прогресс" Государственного комитета СССР по печати. 119847, Москва, Зубовский бульвар, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 7
"Искра революции" В/О "Совэкспорткнига" Государственного
комитета СССР по печати. 121019, Москва, Аксаков пер., 13.

ОЖОГ РОДНОГО ОЧАГА